ЭР1/1747

ГЕНЕРАЛЪ
Н. Н. ГОЛОВИНЪ

ИЗЪ ИСТОРІИ КАМПАНІИ 1914 ГОДА

ДНИ ПЕРЕЛОМА ГАЛИЦІЙСКОЙ БИТВЫ

(1-3 сентября новаго стиля)

Посвящается памяти Верховнаго Главнокомандующаго

Великаго Князя Николая Николаевича

ИЗДАНІЕ ГЛАВНАГО ПРАВЛЕНІЯ ЗАРУБЕЖНАГО
СОЮЗА РУССКИХЪ ВОЕННЫХЪ ИНВАЛИДОВЪ.

1940.

ГЕН. Н. Н. ГОЛОВИНЪ ДНИ ПЕРЕЛОМА ГАЛИЦІЙСКОЙ БИТВЫ

ЭР1—1747
№ 77/2

ГЕНЕРАЛЪ
Н. Н. ГОЛОВИНЪ

ИЗЪ ИСТОРІИ КАМПАНІИ 1914 ГОДА

ДНИ ПЕРЕЛОМА ГАЛИЦІЙСКОЙ БИТВЫ

(1-3 сентября новаго стиля)

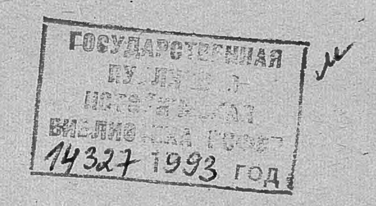
1914 года

Посвящается памяти Верховнаго Главнокомандующаго

Великаго Князя Николая Николаевича

ИЗДАНІЕ ГЛАВНАГО ПРАВЛЕНІЯ ЗАРУБЕЖНАГО
СОЮЗА РУССКИХЪ ВОЕННЫХЪ ИНВАЛИДОВЪ.

1940.

Copyright by the auther
Tous droits réservés
Paris — 1940

Всѣ права сохранены.

Складъ изданія: Fédération des Invalides Russes.
3-bis, rue Adolphe-Cherioux. Issy-les-Moulineaux (Seine).

ОГЛАВЛЕНІЕ

Предисловіе

Предлагаемая вниманію читателя книга «ДНИ ПЕРЕЛОМА ГАЛИЦІЙСКОЙ БИТВЫ (1—3 сентября нов. ст.)», хотя и представляетъ собою обособленное изслѣдованіе, является также продолженіемъ предыдущей моей книги: «Галиційская Битва (первый періодъ — до 1 сентября нов. ст.)».

Выдѣленіе въ отдѣльную книгу изученія трехъ первыхъ дней сентября внушено было мнѣ не только желаніемъ уменьшить объемъ каждаго изъ томовъ, посвященныхъ описанію Галиційской Битвы 1914 г. Я предполагалъ сначала возможнымъ изложить таковое въ двухъ томахъ. Но углубившись въ изслѣдованіе, я увидѣлъ, что 1, 2 и 3 сентября образуютъ во внутреннемъ развитіи этой Битвы своего рода грань, которая не можетъ быть отнесена ни къ предыдущему, ни къ послѣдующему періодамъ. Происходившій въ эти дни переломъ являлся тѣмъ болѣе отчетливо выраженнымъ, что кризисъ въ Высшемъ командованіи на обѣихъ сторонахъ переживался одновременно. Рѣзкая очерченность этого перелома позволяетъ изслѣдователю съ достаточной отчетливостью прослѣдить психологическій процессъ кристаллизаціи идей высшаго командованія въ трудномъ дѣлѣ руководства современными сраженіями. Такая возможность соблазнила меня дать стратегическую монографію процесса созиданія плана сраженія. Подобная монографія явится дополненіемъ къ ранѣе напечатанному моему труду, посвященномъ изученію созиданія плана войны и первыхъ ея операцій.

Только что сказанное не мѣшаетъ тому, что «Дни перелома» составляютъ непосредственную часть моего обширнаго труда по исторіи кампаніи 1914 года на Русскомъ фронтѣ.

Первымъ томомъ этого труда является книга, изданная въ 1936 году Союзомъ Русскихъ Инвалидовъ, подъ заглавіемъ: «Нашъ планъ войны».

Вторымъ томомъ служитъ книга, напечатанная въ 1923 году въ Прагѣ, издательствомъ «Пламя», подъ заглавіемъ: «Начало войны и первыя операціи въ Восточной Пруссіи».

Третьимъ томомъ является книга, упомянутая уже въ этомъ предисловіи и напечатанная въ 1930 г. въ Парижѣ издательствомъ «Родникъ», подъ заглавіемъ: «Галиційская Битва (первый періодъ — до 1 сентября нов. ст.)».

Наконецъ, четвертымъ томомъ, служитъ лежащая передъ читателемъ книга: «Дни перелома Галиційской Битвы (1—3 сентября нов. ст.)».

Упоминаю объ этомъ, для тѣхъ читателей, которые заинтересовались бы изученіемъ всей кампаніи 1914 года на Русскомъ фронтѣ. Для насъ, Русскихъ, она является несравненно болѣе поучительной, нежели кампанія того же года на французскомъ фронтѣ. Для этой категоріи читателей я рекомендую достать карты болѣе мелкаго масштаба, на которыхъ хорошо выраженъ

рельефъ. Такими картами могутъ быть австрійская карта масштаба 1:200000 или польская карта мсаштаба 1:300000.

Первыя пять главъ этой книги печатались въ теченіи 1936—1940 г.г. въ «Русскомъ Инвалидѣ» въ видѣ фельетоновъ. При изданіи книги, эти главы были мною исправлены и дополнены, согласно полученныхъ новыхъ документовъ. Шестая глава нигдѣ еще напечатана не была.

Придавъ этому труду характеръ стратегической монографіи, я тѣмъ не менѣе, приложилъ всѣ усилія, чтобы сохранить за нимъ характеръ исторической работы. Не скрою отъ читателя, что это оказалось труднымъ. Въ основѣ каждаго историческаго труда должна лежать формула: Исторія никого не осуждаетъ — она лишь устанавливаетъ факты. Стратегическое же изслѣдованіе требуетъ сужденія и критики. Я пытался примирить эти два противорѣчащія другъ другу требованія тѣмъ, чтобы по возможности сами факты говорили за себя и читатель дѣлалъ на основаніи ихъ свои собственные выводы.

Но и само строго объективное изложеніе фактовъ вскрываетъ несостоятельность работы штабовъ нашихъ 3-й и 4-й армій. Это выступаетъ столь ярко, что придаетъ моему труду критическій характеръ.

Полезны ли подобныя работы въ настоящее время, когда старая Русская Армія такъ незаслуженно и такъ неосновательно многими критикуется?

Я считаю, что наша старая Русская Армія имѣла столь большія достоинства, что въ глазахъ серьезныхъ людей, она можетъ только выиграть отъ правды. Въ отношеніи воинской доблести и дѣйствій войсковыхъ частей вплоть до дивизій, Русская Армія 1914 года можетъ быть поставлена выше всѣхъ воевавшихъ тогда Армій. Тутъ сказалась та, оплаченная кровью, школа, которую прошла значительная часть нашего средняго команднаго состава въ войну съ Японіей въ 1904—5 г.г. Мы хромали въ 1914 году въ области высшаго командованія и въ техникѣ Службы Генеральнаго Штаба. Правда, въ этой сложнѣйшей области человѣческой дѣятельности достигнуть совершенства чрезвычайно трудно. Всегда возможны ошибки. На страницахъ этой книги читатель легко обнаружитъ ошибки и на сторонѣ нашихъ враговъ. Однако, это не должно служить причиною скрыванія такихъ ошибокъ у насъ. Исправленіе этихъ ошибокъ покупается на войнѣ цѣною крови. Въ такой Арміи, какъ старая Русская Армія, командный составъ былъ избалованъ доблестью войскъ. Очень часто ошибки его могли оставаться незамѣтными подъ покровомъ излишне пролитой крови. Эта доблесть войскъ располагала къ умственной лѣни. Подобно очень богатому человѣку, нашъ командный составъ привыкъ слишкомъ нерасчетливо лить офицерскую и солдатскую кровь. А между тѣмъ, чѣмъ доблестнѣе Армія, тѣмъ болѣе имѣетъ она моральнаго права требовать отъ своего команднаго состава высшаго умѣнія. Исходя изъ этого права будущей Русской національной Арміи на умѣлое командованіе, я не побоялся при составленіи этой книги, писать въ ней **только правду и всю правду.**

Въ заключеніе, считаю нужнымъ съ чувствомъ глубокаго почитанія, вспомнить имя Верховнаго Главнокомандующаго Великаго Князя Николая Николаевича. Покойный Великій Князь упорно настаивалъ на необходимости для будушей Россійской Арміи имѣть подробный научный анализъ кампаніи 1914 года на Русскомъ фронтѣ. Чтобы помочь мнѣ въ такой работѣ, онъ передалъ мнѣ всѣ, присланныя ему участниками войны записи, а также въ многочисленныхъ бесѣдахъ сообщилъ мнѣ и свои личныя воспоминанія.

Его памяти и посвящается настоящая книга.

Н. ГОЛОВИНЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПЕРЕЛОМЪ ВЪ РУКОВОДСТВѢ БИТВОЙ

ВЪ СТАВКѢ.

Варіантъ «А» нашего плана войны, приводившійся въ исполненіе осенью 1914 года, разбрасывалъ наши силы по двумъ расходящимся оперативнымъ линіямъ. Въ Восточную Пруссію, съ рѣшительной цѣлью разгрома собранныхъ тамъ Германскихъ силъ, должны были вторгнуться двѣ арміи Сѣверо-Западнаго Фронта (арміи № 1 и № 2). Въ Галицію же, тоже съ рѣшительной цѣлью разгрома собранныхъ тамъ австро-венгерскихъ силъ, должны были вторгнуться четыре арміи Юго-Западнаго фронта (арміи № 4, № 5, № 3 и № 8).

Въ моемъ трудѣ, посвященномъ изученію нашего Плана Войны[1]), подробно разсмотрѣнъ вопросъ, какъ создалась эта стратегическая разброска.

Главными ея причинами являлись, съ одной стороны, настойчивое желаніе Французскаго Генеральнаго Штаба принудить Россію возможно скорѣе атаковать Германію, а, съ другой — неумѣніе нашихъ начальниковъ Генеральнаго Штаба отстоять интересы Россіи, пояснивъ французамъ всю опасность для нашей Арміи просимой разброски. Страхъ французовъ остаться одинъ на одинъ съ Германской Арміей, пока Русская Армія производитъ свое сосредоточеніе, былъ столь великъ, что въ первый же день нашей мобилизаціи, 18/31 іюля, нами была получена телеграмма слѣдующаго содержанія отъ полковника графа Игнатьева, нашего военнаго агента въ Парижѣ:

«Военный министръ въ очень дружественномъ тонѣ заявилъ мнѣ, что Правительство твердо рѣшило итти на войну. Онъ меня просилъ подтвердить надежды Французскаго генеральнаго штаба на то, что всѣ наши усилія будутъ направлены противъ Германіи и что Австрія будетъ разсматриваться какъ ничего не стоющая величина»[2]).

На слѣдующій день, 19-го іюля (1 августа), то есть въ день объявленія

---

1) «Изъ исторіи Кампаніи 1914 года на русскомъ фронтѣ. — Планъ Войны». Изд. Главн. Правленія Заруб. Союза Русск. Воен. Инвалидовъ. — Парижъ, 1936 г.

2) Для точности привожу французскій текстъ этой телеграммы, такимъ, какъ онъ напечатанъ въ книгѣ: Les Alliés contre la Russie. — Ed. André Depuench. Paris. — P. 54: « Le Ministre de la Guerre m'a déclaré sur un ton très cordial que le Gouvernement est tout à fait réselu à la geurre; il m'a demandé de lui confifmer les espérances de l'Etat-Major Français qui compte que tous nos efforts seront dirigés contre l'Allemagne et que l'Autriche sera considérée comme une quantité négligeable ».

намъ войны Германіей, пришла вторая телеграмма нашего военнаго агента въ Парижѣ.

«Общая мобилизація» телеграфируетъ гр. Игнатьевъ, «объявлена въ 3 ч. 40 м. Военный Министръ выразилъ пожеланія:

СХЕМА № 1.
ИЗМѢНЕНІЕ ВЪ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ГРУППИРОВКѢ, НАМѢЧЕННОЕ ВЕЛИКИМЪ КНЯЗЕМЪ 16 (29) АВГУСТА 1914 Г.

1) использовать все наше вліяніе на Сербію, дабы понудить ее перейти въ кратчайшій срокъ въ наступленіе;

2) быть освѣдомленнымъ о днѣ, въ который мы предполагаемъ перейти въ наступленіе противъ Германіи. Французы продолжаютъ считать операціонную линію Варшава - Познань за наиболѣе выгодное направленіе нашего наступленія»[3]).

---

[3]) Вотъ французскій текстъ этой телеграммы, напечатанный въ вышеупомянутой книгѣ: Les Alliés contre la Russie: « L'Attaché Militaire à Paris, le 1 août

Эти заявленія французскаго правительства, сдѣланныя какъ разъ въ минуту выступленія Франціи на нашей сторонѣ, не могли не оказать сильнаго вліянія на стратегическую работу нашей Ставки. Таковое и нашло свое отраженіе въ рѣшеніи послѣдней приступить къ немедленной же подготовкѣ наступательной операціи на Познань, сформировавъ для этого на лѣвомъ берегу Вислы двѣ новыя арміи (№№ 9 и 10).

Въ составъ первой изъ нихъ съ 26-го іюля (8-го августа), направляются на Варшаву Гвардейскій и 1-й Армейскій корпуса[4]), предназначенные планомъ войны въ 1-ю армію генерала Ренненкампфа, взамѣнъ которыхъ въ послѣднюю включается XX арм. корпусъ, по плану войны предполагавшійся къ развертыванію у Ивангорода, на правомъ флангѣ 4-й арміи. 30-го іюля (12 августа) было отдано распоряженіе о направленіи на Варшаву, въ составъ 9-й арміи, XVIII и XXII арм. корпусовъ.

Французскій военный историкъ и бывшій Начальникъ Парижской Высшей Военной Школы — генералъ Дюфуръ, такъ характеризуетъ создавшееся стратегическое положеніе:

«Русское Верховное Командованіе, уже вынужденное планомъ войны разбросать свои силы по двумъ расходящимся операціоннымъ линіямъ, теперь, для того, чтобы удовлетворить мало-продуманныя пожеланія своего французскаго партнера, прибавляетъ къ этимъ двумъ операціоннымъ линіямъ еще третью...»[5]).

Оцѣнивая создаваемую Ставкой новую группировку по тремъ расходящимся операціоннымъ направленіямъ, русскій военный историкъ А. Бѣлой приходитъ къ выводу, что «пораженіе австро-венгерскихъ армій въ Галиціи какъ бы пріобрѣтаетъ второстепенное значеніе, тѣмъ болѣе, что исключеніе XX-го корпуса изъ состава 4-й арміи ослабляло ее и уменьшало вѣроятность выполненія задачи Юго-Западнаго фронта по воспрепятствованію отхода австро-венгровъ въ Галиціи на западъ къ Кракову»[6]).

Хотя ни въ одномъ документѣ Ставки и не говорится о томъ, что Галиційскому операціонному направленію, послѣ рѣшенія Ставки формировать новыя арміи для наступленія по кратчайшему направленію на Берлинъ, придается второстепенное значеніе, тѣмъ не менѣе предположеніе Бѣлаго вполнѣ подтверждается самими фактами. Однимъ изъ такихъ фактовъ являются слова Государя Императора, переданныя французскому послу Г. Палеологу нашимъ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ С. Д. Сазоновымъ 14/27 августа: «Я приказалъ Великому Князю Николаю Николаевичу возможно скорѣе и

1914 — № 221. — La mobilisation générale est proclamée à 3 h. 40 m. Le Ministre de la Guerre a exprimé le désir : 1) d'user de toute notre influence sur la Serbie pour la décider à prendre l'offensive le plus rapidement possible' 2) d'être avisé de la date à laquelle nous pensons commencer notre offensive contre l'Allemagne. Les Français continuent à considérér la ligne Varsovie-Posen comme la direction la plus avantageuse pour notre offensive.

[4]) 1-й арм. корпусъ былъ вскорѣ затѣмъ включенъ въ составъ 2-й арміи генерала Самсонова.

[5]) Le Commendement Russe déja engagé du fait de son plan d'opération, dans deux directions divergeantes, en adopte une troisième pour satisfaire aux suggestions peu muries de son partenaire français ». — La Guerre de 1914-1918 », page 202:

[6]) А. Бѣлой, «Галиційская Битва». — Москва, 1929 годъ, — стр. 64.

во что бы то ни стало, открыть путь на Берлинъ. Я придаю нашимъ операціямъ въ Австріи лишь второстепенное значеніе»[7]).

Другимъ фактомъ, подтверждающимъ предположеніе Бѣлаго, является приказъ о переходѣ въ общее наступленіе Юго-Западнаго фронта съ цѣлью воспрепятствовать противнику «развить наступательныя дѣйствія по лѣвому берегу Вислы» до окончанія сосредоточенія. То, что Ставка рѣшилась на такое преждевременное наступленіе на Юго-Западномъ фронтѣ, можетъ быть объяснено лишь тѣмъ, что она придавала этому фронту вспомогательное, а не главное значеніе.

Наконецъ, третьимъ фактомъ, подтверждающимъ предположеніе Бѣлого, несомнѣнно является изъятіе изъ 4-й арміи XX корпуса. Въ самомъ дѣлѣ, самымъ слабымъ стратегическимъ мѣстомъ Австро-Венгерскихъ вооруженныхъ силъ, сосредоточенныхъ въ Галиціи, былъ ихъ лѣвый флангъ. Карпаты, отрѣзывающіе Галицію отъ прочей территоріи Двуединой Монархіи, дѣлали неизбѣжнымъ то, что главныя коммуникаціонныя пути Австро-Венгерскихъ армій, развернутыхъ въ Галиціи, шли на Краковъ. Ослабленіе праваго фланга нашей 4-й арміи по существу дѣла выражало фактическій отказъ Ставки отъ выполненія Юго-Западнымъ фронтомъ наиболѣе рѣшительной по своимъ стратегическимъ результатамъ операціи.

Въ первомъ и второмъ томахъ моего труда «Изъ Исторіи Кампаніи 1914 года на Русскомъ фронтѣ»[8]), я обратилъ вниманіе читателя на то ненормальное положеніе, въ которомъ оказался въ первыя недѣли войны нашъ Верховный Главнокомандующій Великій Князь Николай Николаевичъ. Устраненный въ мирное время отъ участія въ составленіи плана войны и предназначенный къ занятію при мобилизаціи должности второстепеннаго стратегическаго значенія (командующаго 6-й арміей, оставляемой въ качествѣ обсерваціонной арміи на побережьѣ Балтійскаго моря), Великій Князь былъ назначенъ Верховнымъ Главнокомандующимъ лишь на третій день общей мобилизаціи и на второй день послѣ объявленія намъ войны Германіей. Ставка (штабъ Верховнаго Главнокомандующаго) была уже сформирована и, по настоянію Государя Императора, дабы не вносить нарушенія въ ея работу, Великій Князь не долженъ былъ производить измѣненій въ ея составѣ.

Подобное желаніе Государя Императора въ нормальныхъ условіяхъ было вполнѣ естественнымъ, ибо Ставка была составлена изъ высшихъ чиновъ Г. У. Г. Ш., что обезпечивало преемственность между Верховнымъ оперативнымъ руководствомъ и подготовительной стратегической работой мирнаго времени. Къ несчастью Россіи, положеніе дѣлъ, создавшееся въ предвоенные годы на верхахъ нашего Военнаго Министерства, было далеко не нормальнымъ.

Генералъ Сухомлиновъ и его ближайшіе помощники легкомысленно разрушали тѣ мудрыя начала, на которыхъ долгіе годы зиждилась подготовка Россіи къ войнѣ. Эти начала мы назвали въ нашемъ первомъ томѣ[9]) «Милютинской стратегіей», которая въ общихъ чертахъ можетъ быть выражена въ двухъ положеніяхъ: 1) Выдвинутое положеніе Польши должно быть использовано какъ выгодный передовой плацдармъ для нашего стратегическаго развертыванія, сосредотачивая главныя силы возможно ближе къ Ви-

---

7) Мемуары Палеолога, стр. 81.

8) «Планъ Войны», стр. 230-233, и «Начало войны и первыя операціи въ Восточной Пруссіи», стр. 81-83.

9) «Планъ Войны».

слѣ; 2) Используя занятое нами, благодаря этому, центральное положеніе, наносить первый ударъ **или** по Австро-Венгріи, **или** по Германіи, направляя его по обоимъ берегамъ Вислы.

Съ точки зрѣнія ген. Сухомлинова и его сотрудниковъ, Польша представляла для насъ опасный «польскій мѣшокъ», вслѣдствіи чего наше стратегическое развертываніе должно было быть отнесено на линію Ковно-Брестъ Литовскъ-Ровно (Сухомлиновскій планъ 1910 года). При переходѣ же нашихъ армій въ наступленіе, таковое должно было рѣшительно вестись **сразу** на Германскомъ и Австро-венгерскомъ фронтахъ.

«Сухомлиновская стратегія» встрѣтила противодѣйствіе со стороны нашего высшаго командного состава въ лицѣ командующихъ войсками въ Округахъ и ихъ начальниковъ Штабовъ. Сухомлинову пришлось отказаться отъ своего плана 1910 года и принять планъ 1912 года, представлявшій собою испорченный проектъ, разработанный начальниками штабовъ округовъ. Этотъ проектъ являлся возвращеніемъ къ началамъ Милютинской стратегіи.

Въ дальнѣйшихъ работахъ оперативнаго отдѣла Г. У. Г. Ш. надъ планомъ войны, нарушеніе началъ «Милютинской стратегіи» упорно продолжалось, но приняло характеръ «тихой сапы».

Въ разсмотрѣнномъ нами случаѣ это выразилось въ томъ, что Г. У. Г. Ш. упорно калѣчило стратегическое развертываніе Юго-Западнаго фронта, ослабляя подъ различными предлогами правый его флангъ и усиливая лѣвый.

Трудно было ожидать, что назначеніе Верховнымъ Главнокомандующимъ Великаго Князя Николая Николаевича, сторонника идей «Милютинской стратегіи», само по себѣ заставило бы составителей плана войны, перемѣстившихся съ высшихъ должностей Г. У. Г. Ш. на высшія должности Ставки, сразу радикально перемѣнить свои взгляды. Слѣдовательно Ставка не могла стать послушнымъ орудіемъ управленія въ рукахъ Великаго Князя въ дѣлѣ исправленія ошибокъ плана войны. Послѣдній уподоблялся музыканту, играющему на разстроенномъ инструментѣ. Затрудненія для Великаго Князя увеличивались еще тѣмъ обстоятельствомъ, что «Положеніе о Полевомъ Управленіи войскъ», спѣшно представленное ген. Сухомлиновымъ на утвержденіе Государя лишь 16/29 іюля 1914 года, было составлено при исключительномъ предположеніи, что Верховнымъ Главнокомандующимъ будетъ самъ Государь Императоръ. Отсылая интересующихся болѣе подробнымъ разсмотрѣніемъ этого вопроса къ первому тому моей работы[10]), повторю здѣсь только мое заключеніе, что въ создаваемыхъ этимъ «Положеніемъ о Полевомъ Управленіи войскъ» условіяхъ, власть Верховнаго Главнокомандующаго — не Монарха была стѣснена. Верховный Главнокомандующій ставился, въ существенныхъ вопросахъ, въ нѣкоторую зависимость отъ Военнаго Министра и Главнокомандующихъ фронтами. Такимъ образомъ, генералъ Сухомлиновъ со своими бывшими ближайшими сотрудниками — ген. Янушкевичемъ, ставшимъ Начальникомъ Штаба Великаго Князя Николая Николаевича, и ген. Жилинскимъ, ставшимъ Главнокомандующимъ арміями Сѣверо-Западнаго фронта — получали возможность тормозить всякую попытку Великаго Князя къ измѣненію плана войны въ нежелательномъ для нихъ направленіи. Къ этому нужно добавить еще тормозъ въ лицѣ генералъ-квартирмейстера Ставки — ген. Ю. Данилова, бывшаго главнымъ авторомъ плана войны и отнюдь не склоннаго признать какіе либо дефекты своего творенія.

---

[10]) «Планъ войны», глава VII-я.

Трагическое положеніе Великаго Князя значительно усиливалось еще тѣмъ, что, какъ просвѣщенный военный, онъ прекрасно сознавалъ, что такое сложное дѣло, какъ планъ войны, нельзя измѣнять наспѣхъ, по мелочамъ, и какъ разъ въ періодъ работы сложнѣйшаго механизма перевозокъ по сосредоточенію, только что пущеннаго въ ходъ.

Отсюда мы видимъ, что создавались такія условія, при которыхъ потребовался значительный промежутокъ времени прежде, чѣмъ воля Великаго Князя смогла пробиться черезъ наложенные на нее путы. Этотъ срокъ какъ разъ совпалъ съ продолжительностью главнѣйшаго періода стратегическихъ перевозокъ, а именно — съ перевозкою на театръ военный дѣйствій перваго эшелона нашего сосредоточенія (полевыя войска, расквартированныя въ Европейской Россіи).

17/30 августа изъ Ставки, за подписью генерала Янушкевича, была отправлена Главкоюзу телеграмма № 3466, въ которой говорилось, что:

«Великій Князь своимъ вчерашнимъ распоряженіемъ о переброскѣ Гвардіи и XXII корпуса[11]) не остановился передъ необходимостью принести въ жертву для обезпеченія успѣха надъ австрійцами всѣ свои первоначальныя предположенія».

Послѣднія слова только что цитированной телеграммы обозначали ликвидацію проекта формированія группы армій для наступленія черезъ Познань на Берлинъ.

Десять лѣтъ тому назадъ я показалъ текстъ этой телеграммы Великому Князю Николаю Николаевичу. Этотъ текстъ до того его возмутилъ, что съ нимъ сдѣлался нервный припадокъ. Прійдя въ себя, Великій Князь объяснилъ мнѣ, что идея наступленія на Познань никогда не являлась его предположеніемъ. Напротивъ того, Ставка тщательно маскировала ее отъ него подъ видомъ сбора 9-й арміи у Варшавы въ качествѣ стратегическаго резерва Верховнаго Командованія. Дѣйствительно, изучая документы, я не могъ не обратить вниманія, что всѣ указанія, которыя давались Ставкой о предназначеніи 9-й арміи, исходили исключительно или отъ ген. Янушкевича или отъ генерала Ю. Данилова.

17/30 августа, въ развитіе вышеуказаннаго рѣшенія Великаго Князя, Ставкой былъ данъ приказъ генералу Лечицкому командовать Гвардіей и XVIII арм. корпусами (со штабомъ 9-й арміи), собираемыми на правомъ берегу Вислы, а также лѣвобережными войсками, выдвинутыми отъ Ивангорода, и состоять въ подчиненіи Юго-Западнаго фронта.

«Итакъ», пишетъ военный историкъ и ближайшій очевидецъ работы Штаюза — ген. Борисовъ[12]), «Ставка отбросила идею сосредоточенія армій впереди Варшавы для эфемерной цѣли «вторженія вглубь Германіи» и поставила болѣе правильную задачу — разгрома армій наиболѣе сильнаго врага...». Это рѣшеніе ген. Борисовъ считаетъ столь важнымъ стратегическимъ фактомъ, что, по его мнѣнію, оно предопредѣляетъ новый періодъ Галиційской Битвы, ибо «съ этого дня Ставка сосредотачиваетъ всѣ свои силы на Юго-Западномъ фронтѣ для достиженія побѣды, при чемъ **этотъ сборъ силъ**

---

11) На Юго-Западный фронтъ. — Примѣчаніе Н. Н Г.

12) Ген. Борисовъ состоялъ въ непосредственномъ распоряженіи нач. штаба Юго-Зап. фронта ген. М. В. Алексѣева; онъ принималъ ближайшее участіе въ оперативной работѣ послѣдняго.

въ одну массу дѣлается по иниціативѣ Верховнаго Главнокомандующаго[13]). Въ ниже-приводимой таблицѣ произведено сравненіе между той силой, съ которой Юго-Западный фронтъ началъ свое общее наступленіе 10/23 августа, и той силой, которая собралась на этомъ фронтѣ послѣ только что указаннаго рѣшенія Великаго Князя Николая Николаевича.

ТАБЛИЦА № 1.

Сила Ю.-З. фронта 10/28 авг. и послѣ рѣшенія Главковерха 16/29 авг.

Армій	10/23 августа		согласно рѣшенія Главковерха 16/29 августа	
	№№ корпусовъ	число пѣх. д.	№№ корпусовъ	число пѣх. д.
Армія № 9	0	0	Гвардія, XVIII, XX III кавказскій	8 1/2
Армія № 4	XIV, XVI, Гренд.	6 1/2	XIV, XVI,Гренад.	9 1/2
Армія № 5	XXV, XIX, V, XVII	10	XXV, XIX, V, XVII	10 —
Армія № 3	XXI, XI, IX, X	12	XXI, XI, IX, X	12 —
Армія № 8	XII, VIII, VII, XXIV[1]	10[14])	XII, VIII, VII, XXIV.	10 —
	15 корпусовъ[14])	38 1/2[14])	19 корпусовъ	50 —

Даже учитывая, что прибытіе въ 4-ю армію трехъ пѣх. дивизій (второочередныхъ) происходило по плану войны, усиленіе Юго-Западнаго фронта, произведенное Великимъ Княземъ, все таки достигало 25%, причемъ оно производилось за счетъ перволинейныхъ войскъ.

Не лишено интереса отмѣтить здѣсь, что общая сила въ 19-ть корпусовъ, которую пріобрѣталъ Юго-Западный фронтъ согласно рѣшенію Великаго Князя, какъ разъ отвѣчала той силѣ, которую требовалъ генералъ М. В. Алексѣевъ въ своей запискѣ отъ 17-го февраля 1912 года[15]). Это была записка, которая нанесла окончательный ударъ Сухомлиновскому плану войны 1910 года и послѣ которой было созвано въ Москвѣ Совѣщаніе начальниковъ штабовъ военныхъ округовъ и ихъ генералъ-квартирмейстеровъ, выработавшихъ новый проектъ стратегическаго развертыванія, являвшійся, какъ я уже говорилъ выше, возвращеніемъ въ лоно идей Милютинской стратегіи.

---

13) «Краткій страт. очеркъ войны 1914-18 г. г.; рус. фронтъ». Вып. I, стр. 171 и 172. Изд. Ред. «Военное Дѣло», Москва, 1918.

14) XXIV корп. прибылъ только черезъ нѣсколько дней, поэтому фактически силы 8-й арміи 10/23 авг. были въ 8 пѣх. див. и общія силы Ю.-З. фронта — 14 корп. при 36 1/2 див.

15) «Планъ Войны», глава II-я.

Если мы продолжимъ изученіе цифръ только что приведенной таблицы, то мы увидимъ, что все усиленіе направлено на правый флангъ Юго-Западнаго фронта. Если же мы вспомнимъ, что вся дѣятельность оперативныхъ сотрудниковъ Великаго Князя была направлена какъ разъ къ обратному, то читатель согласится съ тѣмъ, что рѣшеніе Великаго Князя 16/29 августа, являвшееся возвращеніемъ къ идеямъ «Милютинской стратегіи», представляло собою рѣзкій переломъ въ Верховномъ руководствѣ Галиційской Битвой.

Однако разнобой въ стратегическомъ мышленіи самого Верховнаго Главнокомандующаго и его органа оперативнаго управленія не смогъ не отразиться на отчетливости перемѣны курса.

17/30 августа въ 11 час. 30 мин. вечера въ Ставкѣ былъ полученъ докладъ пробившагося черезъ нѣмецкое окруженіе полк. Новицкаго (командиръ 21-го пѣх. Муромскаго полка), изъ котораго Ставка впервые получила опредѣленныя данныя о постигшей Самсоновскую армію катастрофѣ. Утромъ же 18-го (31) августа пришло въ Ставку донесеніе объ этой катастрофѣ Штаба С.-З. фронта. Подъ впечатлѣніемъ этого извѣстія въ Ставкѣ возникли колебанія, которыя нашли свое отраженіе въ директивѣ отъ 18/31 августа за № 313. Согласно этой директивѣ, XXII корпусъ не направлялся болѣе на Юго-Западный фронтъ, а передавался на Сѣверо-Западный.

То, что источникъ этихъ колебаній нужно искать не въ настроеніи самого Верховнаго Главнокомандующаго, а въ настроеніяхъ старшихъ чиновъ Ставки, свидѣтельствуетъ слѣдующимъ, сохранившимся въ Архивахъ, документомъ, являющимся поясненіемъ директивы № 313. Этотъ документъ представляетъ собою «Стратегическія соображенія, предложенныя на обсужденіе штабу Сѣверо-Западнаго фронта на основаніи положенія дѣлъ на этомъ фронтѣ къ 19-му августа (1-го сентября)». Записка эта подписана полк. Щолоковымъ, являющимся, въ качествѣ начальника оперативнаго отдѣленія Ставки, ближайшимъ помощникомъ генералъ-квартирмейстера ген. Ю. Н. Данилова. Обсужденіе этой записки происходило въ Бѣлостокѣ 20-го августа (2-го сентября[16]).

Изъ этого документа явствуетъ, что Ставка, находясь подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ отъ Самсоновской катастрофы и опасаясь начавшейся переброски двухъ германскихъ корпусовъ изъ Франціи, излишне тревожно оцѣнивала обстановку. Возвращаясь къ унаслѣдованной изъ работы мирнаго времени Сухомлиновской идеѣ необходимости возможно скорѣе уйти изъ «Польскаго мѣшка», Ставка и калѣчитъ здравую мысль Великаго Князя о сборѣ возможно большихъ силъ на правомъ флангѣ Юго-Западнаго фронта, перенаправляя XXII корпусъ вмѣсто Ивангорода на Гродно. Мало того — Ставка калѣчитъ мысль Великаго Князя еще тѣмъ, что указываетъ Юго-Западному фронту срокъ, въ теченіи котораго австро-венграмъ долженъ быть нанесенъ «сильный ударъ въ раіонѣ Люблина». Этотъ срокъ ограничивается 23-мъ августа (5-го сентября). Въ случаѣ, если это не удалось бы, предсидѣлся отходъ правофланговыхъ армій Юго-Западнаго фронта на линію Брестъ Литовскъ-Кобринъ (т. е. на линію Сухомлиновскаго стратегическаго развертыванія).

Подобныя указанія значительно уменьшали стратегическія возможности, открывавшіяся передъ Ю.-Западнымъ фронтомъ, послѣ рѣшенія Великаго

---

16) Подробную оцѣнку директивы № 313 и вышеназванныхъ «стратегическихъ соображеній» ст. II-й тома («Начало войны и первыя операціи въ Восточной Пруссіи») гл. 10-я.

Князя отъ 16/29 августа. Въ самомъ дѣлѣ, выиграть сраженіе на правомъ флангѣ этого фронта въ теченіи трехъ-четырехъ дней возможно было только сузивъ его рамки. А это неизбѣжно приводило къ отказу отъ операцій къ западу отъ р. Вислы. При создавшейся же группировкѣ силъ нашего врага отрѣзать его пути отступленія на Краковъ возможно было лишь путемъ распространенія нашихъ дѣйствій на западный берегъ р. Вислы. Ограниченіе, указанное Ставкой, предопредѣляло уменьшеніе стратегическихъ результатовъ Галиційской Битвы въ томъ случаѣ, если побѣда увѣнчаетъ доблесть и пролитую кровь дерущихся въ Галиціи Русскихъ войскъ.

ВЪ ШТАБѢ ЮГО-ЗАПАДНАГО ФРОНТА.

«Все на войнѣ очень просто, но эта простота представляетъ трудности. Послѣднія, накопляясь, вызываютъ такое треніе, о которомъ человѣкъ, не видавшій войны ,не можетъ имѣть правильнаго понятія... Подъ вліяніемъ безчисленныхъ мелкихъ обстоятельствъ... на войнѣ все снижается, и человѣкъ далеко отстаетъ отъ намѣченной цѣли».

Такъ училъ сто лѣтъ тому назадъ Клаузевицъ[17]).

«Треніе», продолжаетъ онъ, «это единственное понятіе, которое въ общемъ отличаетъ дѣйствительную войну отъ бумажной. Военная машина — армія и все, что къ ней относится — въ основѣ своей чрезвычайно проста, и потому кажется, что ею легко управлять, но вспомнимъ, что ни одна изъ ея частей не сдѣлана изъ цѣлаго куска; все рѣшительно составлено изъ отдѣльныхъ индивидовъ, изъ которыхъ каждый испытываетъ треніе по всѣмъ направленіямъ. Теоретически получается превосходно: командиръ батальона отвѣчаетъ за выполненіе даннаго приказа; такъ какъ батальонъ спаянъ дисциплиной воедино, а командиръ — человѣкъ испытаннаго рвенія, то валъ долженъ вращаться на желѣзной оси съ ничтожнымъ треніемъ. Въ дѣйствительности это не такъ, и во время войны вскрывается все ложное и преувеличенное, содержащееся въ этомъ представленіи. Батальонъ не перестаетъ состоять изъ людей; при случаѣ, каждый изъ нихъ, даже самый ничтожный, можетъ вызвать задержку или иное нарушеніе порядка...».

Я привелъ эту тяжеловѣсную, но глубокую по мысли выдержку изъ Клаузевица, дабы обратить вниманіе читателя на ошибочность весьма распространеннаго представленія о томъ, какъ протекаетъ на войнѣ оперативное творчество. Болѣе чѣмъ часто, это творчество рисуется, какъ отчетливое рѣшеніе, принятое сразу Главнокомандующимъ и затѣмъ, безъ всякой заминки, точно проводящееся въ жизнь исполнителями на всѣхъ ступеняхъ іерархической лѣстницы.

Подробный анализъ творчества даже великихъ полководцевъ показываетъ, насколько это невѣрно.

Основная мысль операціи рождается у полководца путемъ длительнаго, иногда мучительнаго, процесса. Воплощеніе же этой мысли въ жизнь неизмѣнно встрѣчаетъ «тренія» въ видѣ не полнаго пониманія или несочувствія, а иногда даже скрытаго противодѣйствія ближайшихъ и болѣе отдаленныхъ исполнителей.

17) «О Войнѣ», русскій переводъ Гос. воен. изд. — Москва, 1932 годъ. — Т. I, стр. 57, 58.

Хотя эти «внутреннія тренія» представляютъ собою явленія вполнѣ естественныя, обнаруженіе ихъ историкомъ дѣло трудное и требуетъ отъ него объективнаго психологическаго анализа. Однако, историкъ не имѣетъ права уклониться отъ такой отвѣтственной работы, такъ какъ безъ выясненія существенныхъ «внутреннихъ треній» не можетъ быть возстановлена истинная картина оперативнаго управленія.

На предшествующихъ страницахъ мы видѣли, какъ много времени потребовалось, чтобы воля Верховнаго Главнокомандующаго Великаго Князя Николая Николаевича пробилась бы въ жизнь черезъ стѣну инако-мыслящей Ставки и какъ, наконецъ, пробившись, эта мысль все таки была затѣмъ искалѣчена.

На нижележащихъ страницахъ мы постараемся возстановить истинную обстановку, въ которой протекала работа слѣдующей командной инстанціи, а именно Главнаго Командованія Юго-Западнымъ фронтомъ, — той инстанціи, рѣшенія которой непосредственно предопредѣляли внутреннее строеніе Галиційской Битвы и происходившія въ этомъ строеніи измѣненія.

Въ предшествовавшихъ моихъ трудахъ по Исторіи Кампаніи 1914 года на русскомъ фронтѣ, я подробно проанализировалъ тѣ внутреннія противорѣчія, которыя существовали въ оперативномъ замыслѣ нашего вторженія въ Галицію[18]). Въ самомъ дѣлѣ, стратегическое заданіе Юго-Западному фронту было формулировано такъ: «пораженіе Австро-Венгерскихъ армій, имѣя въ виду воспрепятствовать отходу значительныхъ силъ противника на югъ за Днѣстръ и на западъ къ Кракову»; однимъ словомъ — задумывались «Канны».

На поверхностный взглядъ можетъ показаться, что наше стратегическое развертываніе отвѣчало такой мысли: четыре Русскихъ арміи составляли попарно два крыла, которые, сходясь внутренними флангами къ Львову, должны были, какъ клещи, сжать Австро-Венгерскія арміи, предполагавшіяся сосредотачивающимися къ востоку отъ р. Сана.

Однако, если мы внимательно разсмотримъ ту стратегическую группировку Юго-Западнаго фронта, въ которой послѣдній перешелъ въ общее наступленіе, то мы сразу же обнаружимъ въ ней полное противорѣчіе съ заданіемъ.

Изъ прилагаемой схемы № 2 ясно видно, что стратегическая группировка Юго-Западнаго фронта отвѣчала производству нами прорыва Австро-Венгерскаго развертыванія въ центрѣ, а не охвату его нашими флангами.

Задумывая веденіе сраженія въ Галиціи въ формѣ «Каннъ», составители нащего плана войны исходили изъ правильной предпосылки: рѣшеніе Россіи наносить главный ударъ въ первую операцію не на Сѣверо-Западномъ фронтѣ, а на Юго-Западномъ, соотвѣтствовало заключенному нами военному Союзу съ Франціей лишь въ томъ случаѣ, если русская армія могла придать своему наступленію въ Галиціи стратегически сокрушающій характеръ. Несомнѣнно, что веденіе сраженія въ формѣ «Каннъ» сулило наиболѣе рѣшительный результатъ въ случаѣ побѣды. Однако, не обладая для этого должнымъ количественнымъ превосходствомъ, намъ нужно было удовольствоваться нанесеніемъ рѣшительнаго удара лишь нашимъ правымъ флангомъ, вдоль Вислы.

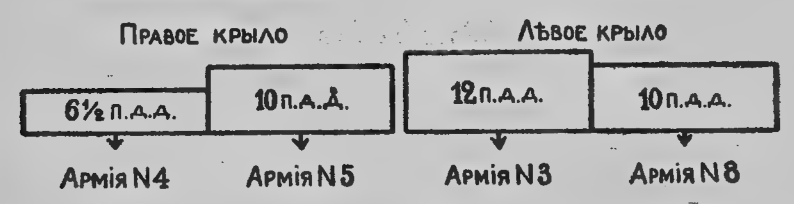
---

18) См. тома I и III моего труда «Изъ Исторіи Кампаній 1914 года на Русскомъ фронтѣ» («Планъ войны» и «Галиційская Битва — первый періодъ».

Это тоже приводило къ сокрушающимъ стратегическимъ результатамъ, такъ какъ прерывало главные коммуникаціонные пути собравшейся въ Галиціи Австро-Венгерской Арміи и прижимало ее къ Карпатамъ.

СХЕМА № 2.

ЧИСЛО ПѢХОТНЫХЪ ДИВИЗІЙ ВЪ АРМІЯХЪ Ю.-З. ФРОНТА КО ВРЕМЕНИ ПЕРЕХОДА ЕГО ВЪ ОБЩЕЕ НАСТУПЛЕНІЕ.

Взглянемъ вновь съ этой точки зрѣнія на приведенную выше схему № 2. Мы увидимъ, что лѣвое крыло Ю.-З. фронта было сильнѣе праваго на 5 1/2 пѣх. дивизій и что самой слабой изъ всѣхъ армій являлась какъ разъ правофланговая армія (№ 4), то есть та, которая имѣла наиглавнѣйшее активное стратегическое значеніе.

Такимъ образомъ, исходная стратегическая группировка Юго-Западнаго фронта противорѣчила заданію не только въ отношеніи формы, но и по самому существу.

Дабы парировать дефекты нашего стратегическаго развертыванія, главное командованіе Юго-Западнаго фронта уже въ первый день начала общаго наступленія уклонило оперативныя оси наступленія армій лѣваго крыла нѣсколько на сѣверъ; правый флангъ 3-й арміи нацѣливался не на Куликовъ, а на Каминку Струмилову. Это подтягиваніе лѣваго крыла къ правому крылу подготовляло возможность привлеченія возможно большихъ силъ для участія въ сраженіи къ сѣверу отъ полосы Таневскихъ лѣсовъ[3]).

Когда же наша 4-ая армія, наступавшая отъ Люблина, оказалась атакованной болѣе многочисленной I-й А.-В. арміей, дебушировавшей изъ сѣверныхъ опушекъ Таневскихъ лѣсовъ, главное командованіе еще болѣе рѣшительно измѣнило нашъ первоначальный планъ операцій.

Теперь Главное командованіе Ю.-З. фронтомъ уже совершенно отчетливо проводитъ мысль о сдвиженіи лѣваго крыла къ правому, ставя своей основной стратегической задачей выигрышъ сраженія, завязавшагося на подступахъ къ Люблину. 12(25) августа оно приказало нашей 5-й арміи генерала Плеве, наступавшей въ общемъ направленіи на Раву-Русскую, повернуть круто на западъ, съ цѣлью атаковать въ правый флангъ австро-венгерскія силы, дебушировавшія изъ полосы Таневскихъ лѣсовъ и тѣснящія нашу 4-ю армію. Командующему же 3-й арміей генералу Рузскому указывалось двигать свои главныя силы къ сѣверу отъ Львова, на фронтъ Мосты Вельке-Куровице. Соотвѣтственно уклонялась къ сѣверу, еще больше, чѣмъ раньше, оперативная ось наступленія 8-й арміи. Притягиваніе праваго фланга 3-й арміи къ Мосты-

---

19) Подъ общимъ наименованіемъ «Таневскихъ лѣсовъ» мы понимаемъ всю полосу лѣсовъ, протягивающихся сѣвернѣе р. Танева, отъ устья р. Сана, черезъ Бѣлгорай къ Равѣ Русской.

Велькe подготовляло дѣйствія 3-й арміи въ тылъ австро-венгерскихъ силъ, дѣйствовавшихъ къ сѣверу отъ вышепоименованной полосы лѣсовъ. 13 (26) августа эта мысль была ясно формулирована въ телеграммѣ наштаюза ген. М. В. Алексѣева, адресованной наштарму 3 ген. В. М. Драгомирову. «Перемѣщеніе 3-й арміи на фронтъ Мосты Велькe-Куровице имѣетъ цѣлью поставить ее въ общій фронтъ съ 4-й и 5-й арміями для послѣдующихъ дѣйствій къ р. Сану».

Но командованіе 3-й арміи, загипнотизированное идеей захвата столицы Восточной Галиціи — Львова, не подчинилось этимъ указаніямъ Главнаго Командованія Юго-Западнаго фронта. Оно разыгрываетъ на путяхъ къ Львову сраженія, сначала у Золочова, а затѣмъ на Гнилой Липѣ. Въ этихъ сраженіяхъ оно наноситъ Австро-Венгерской 3-й арміи рѣшительныя пораженія, но, въ виду того, что оно совершенно не пріяло новой оперативной идеи Главнаго Командованія, эти сраженія не сопровождаются перемѣщеніемъ главныхъ силъ 3-й арміи къ сѣверу отъ Львова. Наоборотъ даже, правый ея флангъ прижимается ко Львову.

Въ результатѣ, несмотря на пораженія, которыя терпятъ Австро-Венгры на путяхъ, ведущихъ къ Львову съ востока, имъ удается двинуть на сѣверъ группу Эрцгерцога Іосифа-Фердинанда, силой въ 3 пѣх. дивизіи (XIV А.-В. корпусъ), которая и наноситъ ударъ въ лѣвый флангъ 5-й русской арміи генерала Плеве, совершавшей въ это время указанный ей маневръ въ западномъ направленіи.

Этотъ маневръ, выведшій нашу 5-ю армію во флангъ Австро-Венгерской 4-й (ген. Ауффенберга) арміи, наступавшей въ сѣверномъ направленіи на уступѣ за правымъ флангомъ 1-й Австро-Венгерской арміи, получалъ уже блестящее осуществленіе: правый флангъ ген. Ауффенберга былъ разбитъ нашимъ V-мъ корпусомъ, причемъ одна изъ дивизій (15-я А.-В. пѣх.) была почти уничтожена[20]). Но, какъ разъ въ этотъ же день (15/28 августа) нашъ XVII корпусъ, наступавшій южнѣе нашего V-го корпуса и шедшій на крайнемъ лѣвомъ флангѣ арміи ген. Плеве, былъ неожиданно атакованъ группой Эрцгерцога Іосифа-Фердинанда, пропущенной правымъ флангомъ арміи ген. Рузскаго. Вмѣсто того, чтобы завершить побѣду надъ правымъ флангомъ арміи ген. Ауффенберга движеніемъ на Томашевъ, что привело бы къ стратегическому окруженію этого фланга, нашъ XVII корпусъ, потерпѣвъ пораженіе, осадилъ назадъ.

Въ итогѣ, вся, такъ красиво задуманная Главнокомандующимъ Юго-Западнаго фронта **операція 5-й арміи, была сорвана.** Армія ген. Плеве оказалась скованной на Томашевскомъ полѣ сраженія, имѣя оба свои фланга глубоко загнутыми назадъ и охваченными болѣе многочисленнымъ противникомъ.

Истекая кровью, войска нашей 5-й арміи ген. Плеве отбиваютъ попытки ген. Ауффенберга, замкнуть вокругъ нихъ клещи. 18/31 августа имъ удается даже нанести частичное пораженіе группѣ Эрцгерцога Петра-Фердинанда, обходившей правый флангъ (нашъ XIX корпусъ) русскихъ войскъ, дравшихся на Томашевскомъ полѣ сраженія. Доблестныя части XIX корпуса, при содѣйствіи 1-й и 5-й Донскихъ каз. дивизій, оттѣсняютъ войска эрцгерцога Петра-Фердинанда далеко назадъ и этимъ разжимаютъ лѣвую клешню врага, протянувшуюся было въ нашъ тылъ.

---

20) Ея потери убитыми и ранеными достигли нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, кромѣ того, 100 офицеровъ и 4000 солдатъ попало въ плѣнъ.

Но 18(31) августа главныя силы 5-й арміи, дравшіяся на Томашевскомъ полѣ сраженія, получили приказъ прервать сраженіе и въ ночь на 19-ое августа (1-ое сентября) начать отходъ на три перехода къ сѣверу. Правда, оттяжка эта назадъ арміи ген. Плеве не являлась отступленіемъ разбитыхъ войскъ. Это былъ, въ полномъ смыслѣ слова, выводъ войскъ изъ скованнаго «позиціоннаго состоянія» для обрѣтенія вновь возможности употребленія ихъ для маневра.

Такой маневръ былъ наштаюзомъ, генераломъ М. В. Алексѣевымъ, уже задуманъ. Армія ген. Плеве должна была произвести маневръ, аналогичный тому, который она уже пыталась произвести раньше и который былъ сорванъ непослушаніемъ ген. Рузскаго. Оторвавшись отъ врага, армія ген. Плеве должна была ударить въ правый флангъ и тылъ I-й Австро-Венгерской арміи, охватившей лѣвый флангъ нашей 4-й арміи.

Но эта оттяжка 5-й арміи представляла собою радикальное измѣненіе въ общей концепціи Битвы.

Отводъ къ сѣверу 5-й арміи представляетъ собою, хотя бы и временный, отказъ главнаго командованія Юго-Западнаго фронта отъ розыгрыша единой Галиційской Битвы и примиреніе съ розыгрышемъ Галиційской операціи въ видѣ двухъ одновременныхъ раздѣльныхъ сраженій: Люблинскомъ и Львовскомъ.

Поясню эту мысль болѣе конкретно.

Допустимъ, что армія ген. Плеве, ликвидировавшая 18/31 августа трудное для нея стратегическое положеніе на Томашевскомъ полѣ сраженія, не была бы оттянута. Въ этомъ случаѣ она могла бы послужить осью маневра обоихъ крыльевъ Юго-Западнаго фронта. Изъ раіона Люблина и Ивангорода могли наступать наши 4-я и 9-я арміи, выполняя поставленную планомъ войны задачу «воспрепятствовать отходу значительныхъ силъ противника на западъ къ Кракову». Съ рѣки же Гнилой Липы, арміи лѣваго крыла, наступая — 3-я на Раву Русскую, а 8-я — уступомъ отъ нея слѣва, могли бы отрѣзать Австро-Венгерскія силы, дравшіяся сѣвернѣе Таневскихъ лѣсовъ, отъ р. Сана. Мы видимъ, что судьба представляла намъ случай осуществить, хотя и въ другомъ мѣстѣ, задуманныя планомъ войны «Канны».

При этомъ, чѣмъ болѣе углублялись бы Австро-Венгерскія силы въ разрѣзъ между 4-й и 5-й арміями, тѣмъ болѣе облегчалось для Юго-Западнаго фронта выполненіе этихъ «Каннъ».

Такое проникновеніе вглубь Австро-Венгерскихъ силъ было «страшнымъ» только съ виду, а не въ дѣйствительности. Хотя оно и приводило къ перерыву прямого желѣзнодорожнаго сообщенія между Люблинымъ и Холмомъ (на участкѣ ст. ст. Травники и Реіовецъ), это не являлось угрозой тыламъ армій праваго крыла Юго-Западнаго фронта. Въ самомъ дѣлѣ, базированіе — 9-й арміи на желѣзнодорожную линію Ивангородъ-Н. Минскъ, 4-й арміи — на ж. д. линію Люблинъ-Луковъ, а 5-й арміи — на ж. д. линію Владимиръ Волынскъ-Ковель оставалось внѣ угрозы противника. Подобное же базированіе чрезвычайно облегчало зажиманіе въ стратегическіе клещи австро-венгерскихъ армій, очутившихся между нашими 9-й и 4-й арміями съ одной стороны, и 5-й у Томашева и подошедшей къ Равѣ Русской 3-й арміями — съ другой.

Однако, для розыгрыша подобнаго маневра требовалось наличіе двухъ условій:

1) достаточность времени;

2) увѣренность въ томъ, что ген. Рузскій будетъ подчиняться оперативнымъ указаніямъ Штаюза.

Изъ изложеннаго выше мы знаемъ, что Ставка подъ тягостнымъ впечатлѣніемъ Самсоновской катастрофы, предупредила въ своей директивѣ № 313, что «въ случаѣ безусловной невозможности въ теченіе ближайшихъ дней достигнуть рѣшительныхъ надъ австрійцами успѣховъ, будетъ указано арміямъ Ю.-З. фронта отходить на р. Западный Бугъ съ общимъ направленіемъ Дрогичинъ-Брестъ-Литовскъ-Кобринъ»[21]). Это стѣсненіе во времени сопровождалось также уменьшеніемъ силъ, предназначенныхъ Великимъ Княземъ на Юго-Западный фронтъ. Какъ мы знаемъ XXII арм. корпусъ, намѣченный къ перевозкѣ на Ивангородъ въ составъ 9-ой арміи, направлялся теперь на Гродно, въ составъ Сѣверо-Западнаго фронта.

Въ столь ограниченныхъ рамкахъ времени, конечно, было невозможно разыграть очерченный мною выше маневръ. Окончательный результатъ этого маневра могъ обозначиться лишь недѣли черезъ двѣ, причемъ неприбытіе въ Ивангородъ XXII арм. корпуса значительно уменьшало эффективность дѣйствій 9-й арміи, а, слѣдовательно, и быстроту ея воздѣйствія на лѣвый флангъ и тылъ 1-й Австро-Венгерской арміи.

Вторымъ условіемъ успѣшности осуществленія «Каннъ» къ сѣверу отъ р. Сана являлось выполненіе 3-й арміей директивъ Штаюза. Могъ ли вдохновитель идей операціи на Ю.-Западномъ фронтѣ ген. М. В. Алексѣевъ разсчитывать на это? Здѣсь мы входимъ въ туманную область психологіи. Но безъ попытки посильно понять психическую обстановку, въ которой приходилось дѣйствовать, военачальникамъ, нельзя уяснить себѣ мотивы ихъ оперативныхъ рѣшеній.

Зная теперь взаимоотношенія, которыя установились на верхахъ Русской Арміи въ августѣ 1914 года, можно съ увѣренностью сказать: на подчиненіе командованія 3-й арміи оперативному руководству Штаюза, ген. М. В. Алексѣевъ разсчитывать не могъ.

Ген. Н. Н. Рузскій былъ persona grata у ген. Сухомлинова; наштаверхъ же, ген. Янушкевичъ, обязанный головокружительной карьерой мирнаго времени послѣднему, принималъ всѣ зависящія отъ него мѣры, чтобы охранить передъ Великимъ Княземъ личные интересы генерала Рузскаго.

Положеніе осложнялось тѣмъ, что самымъ довѣреннымъ совѣтникомъ генерала Рузскаго былъ, вызванный имъ на должность генералъ-квартирмейстера полковникъ Бончъ-Бруевичъ; бездарный, но чрезвычайно упрямый, Бончъ-Бруевичъ представлялъ собою типъ раскольничьяго начетчика. Случайно приближенный къ себѣ постарѣвшимъ М. И. Драгомировымъ, онъ сталъ любимцемъ ген. Сухомлинова, который почиталъ его за крупный военный талантъ. А между тѣмъ, тотъ же полковникъ Бончъ-Бруевичъ, назначенный, по волѣ военнаго министра, лекторомъ по Тактикѣ въ Императорскую Николаевскую Военную Академію, и трижды представлявшій въ конференцію этой Академіи разныя диссертаціи, трижды же былъ единогласно забаллотированъ.

Моральный обликъ Бончъ-Бруевича тоже былъ невысокъ. Разыгрывая изъ себя до революціи человѣка крайне-правыхъ убѣжденій, онъ первый изъ

---

21) А. Бѣлой, стр. 286.

русскихъ генераловъ сдѣлался большевикомъ. Онъ же несетъ на себѣ косвенную отвѣтственность за убійство генерала Духонина.

Въ бытность свою въ Академіи Бончъ-Бруевичъ занимался доносами генералу Сухомлинову на профессоровъ Академіи, особенно неугодныхъ ему. Несомнѣнно, что присутствіе въ Штармѣ 3 Бончъ-Бруевича, поддерживавшаго непосредственныя сношенія и съ ген. Сухомлиновымъ, и съ ген. Янушкевичемъ, осложняло положеніе ген. Алексѣева.

Въ Ставкѣ хорошо было извѣстно, что иниціаторомъ всѣхъ оперативныхъ распоряженій Главнаго Командованія Ю.-З. фронтомъ являлся не столько самъ Главкоюз ген. Н. І. Ивановъ, сколько его начальникъ Штаба — ген. М. В. Алексѣевъ. Согласно утвержденію ген. Борисова, ближайшаго сотрудника ген. М. В. Алексѣева, отношеніе къ нему военнаго министра ген. Сухомлинова еще до войны было «крайне враждебнымъ»[22]).

«Случайный эпизодъ на Бородинскомъ юбилей 1812-1912 г. г. — выходъ изъ строя солдата для подачи Императору Николаю II прошенія», вспоминаетъ ген. В. Борисовъ, «и это какъ разъ въ XIII корпусѣ[23]), имѣлъ для Алексѣева въ теченіе 1912-1914 г. г. очень большія послѣдствія, особенно при враждебности Сухомлинова». Этотъ фактъ былъ преподнесенъ Государю Императору, «какъ признакъ упадка дисциплины въ корпусѣ», причемъ не было упомянуто, что ген. М. В. Алексѣевъ принялъ корпусъ всего за 10 дней до этого эпизода. Враги Алексѣева указывали на происшедшее, какъ на послѣдствіе того, что Алексѣевъ не прошелъ практики командира полка и начальника дивизіи, а ротою командовалъ лишь годъ. Все это вліяло на душевное состояніе Алексѣева и отразилось въ его распоряженіяхъ въ дни 4/17-8/21 августа 1914 года, когда Австро-Венгры начали свой рѣшающій ударъ. На мое предложеніе потребовать категорически отъ Ставки прекращенія наступленія въ Восточную Пруссію и сосредоточенія всѣхъ усилій противъ Австро-Венгерской Арміи, Алексѣевъ мнѣ отвѣтилъ: Вы забываете Бородинскій эпизодъ. И, дѣйствительно, даже въ сентябрѣ 1914 года, уже послѣ Галиційской побѣды Алексѣева, интриги въ Ставкѣ направлялись на пониженіе его роли въ военныхъ дѣйствіяхъ[24]).

Ген. М. В. Алексѣевъ не могъ также разсчитывать на энергичную поддержку своего Главнокомандующаго. Ген. Н. І. Ивановъ, бывшій до объявленія войны Командующимъ войсками Кіевскаго военнаго округа, имѣлъ своимъ начальникомъ штаба ген. В. М. Драгомирова. Съ объявленіемъ войны, послѣдній сталъ наштармомъ 3, т. е. начальникомъ штаба ген. Рузскаго. Генералъ Н. І. Ивановъ очень цѣнилъ ген. В. М. Драгомирова и у него не было готовности поддержать ген. М. В. Алексѣева въ предъявляемыхъ послѣднимъ требованіяхъ къ Штарму 3. Какъ можно убѣдиться изъ статьи, опубликованной ген. В. М. Драгомировымъ послѣ войны[25]), онъ держался со-

---

22) Изъ воспоминаній генерала В. Борисова о генералѣ М. В. Алексѣевѣ. «Военный Сборникъ», книга II, стр. 7. — Изд. Русскаго о-ва Ревнителей военныхъ знаній въ Бѣлградѣ.

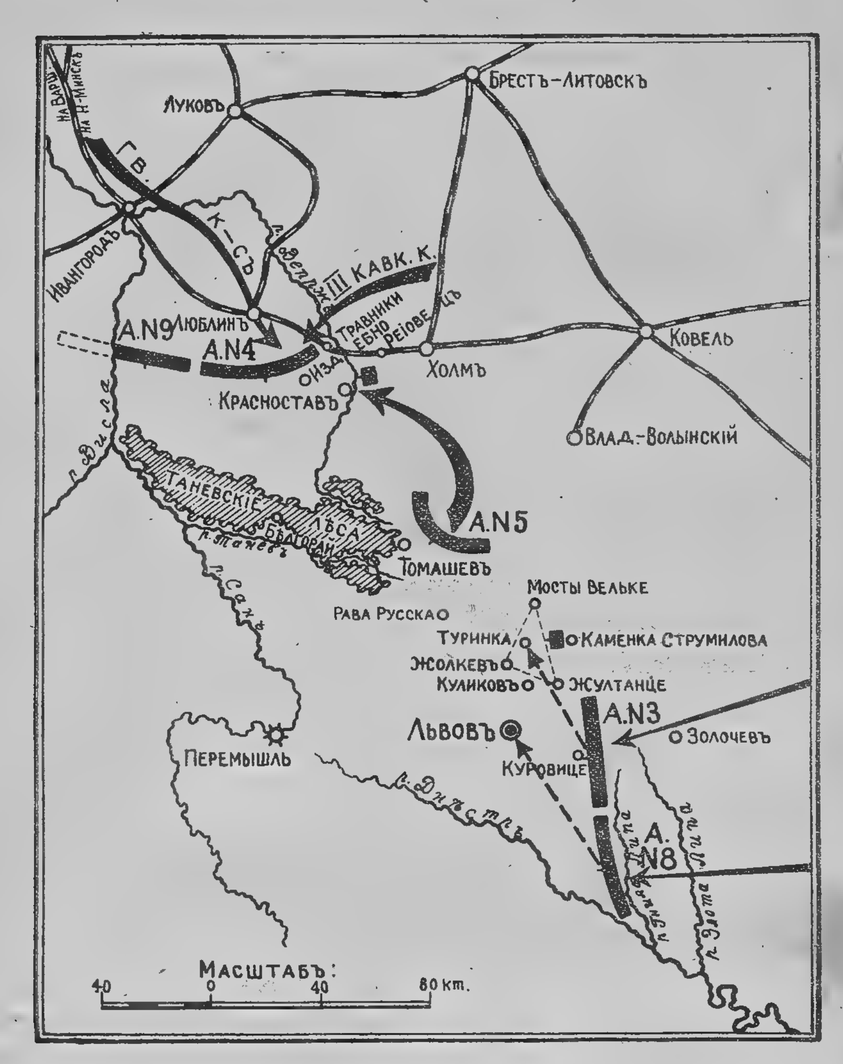
23) Ген. М. В Алексѣевъ за нѣсколько дней до этого происшествія вступилъ въ въ командованіе XIII-мъ арм. корпусомъ.

24) Тамъ же.

25) Ген. В. Драгомировъ, статья «Краткій обзоръ военныхъ дѣйствій русскихъ армій въ Привислинскомъ краѣ въ августѣ 1914 г.» — «Военный Сборникъ», книга II, стр. 135-183. — Изд. Русскаго о-ва Ревнителей Военныхъ Знаній въ Бѣлградѣ.

СХЕМА № 3.

ПОЛОЖЕНІЕ АРМІЙ Ю.-З. ФРОНТА ВЪ НОЧЬ СЪ 18(31) АВГУСТА НА 19 АВГУСТА (1 СЕНТЯБРЯ).

верішенно иныхъ стратегическихъ взглядовъ на операціи въ Галиціи, нежели ген. М. В. Алексѣевъ. Ген. В. М. Драгомировъ считалъ, что главная роль въ этой операціи принадлежитъ не правому крылу Юго-Западнаго фронта, а лѣвому, и что главной цѣлью послѣдняго является захватъ столицы Во-

сточной Галиціи — Львова. На протяженіи многихъ страницъ моего III-го тома[26]), я подробно указывалъ на ошибочность этихъ взглядовъ. Здѣсь же вопросъ заключается не въ этомъ, а въ томъ, что при такихъ условіяхъ, ген. Алексѣевъ не могъ разсчитывать на то, что командованіе 3-й арміи будетъ, по-настоящему, выполнять поставленныя ему задачи.

17/30 августа командующій 5-й арміей, ген. Плеве, прислалъ въ Штаюзъ телеграмму, въ которой просилъ, на тотъ случай, если лѣвый флангъ ген. Рузскаго не окажетъ немедленно ему содѣйствія, разрѣшенія отступить. Въ этотъ день, какъ мы уже знаемъ, главныя силы его арміи, дравшіяся на Томашевскомъ полѣ сраженія, были полу-окружены; кровавыя потери ихъ «достигали 30 тысячъ, т. е. 25% боего состава»[27]). Генералъ Плеве съ первыхъ же дней войны зарекомендовалъ себя, какъ чрезвычайно волевой, упорный и, въ тоже время дисциплинированный военачальникъ. Поэтому, его просьба объ отступленіи не могла не оказать воздѣйствія на рѣшеніе главнокомандованія Юго-Западнаго фронта.

Оцѣнивая теперь всю совокупность данныхъ психической атмосферы, окружавшей ген. М. В. Алексѣева въ интересующіе насъ дни, мы можемъ заключить, что въ создавшихся условіяхъ естественно было ожидать, что операція широкаго стратегическаго размаха, о которой мы говорили выше, требовала для своего осуществленія гораздо большаго времени, чѣмъ въ томъ случаѣ, если бы вышеизложенныхъ внутреннихъ треній не существовало.

При ограниченіи во времени (срокъ до 23 августа/5 сентября), выполненіе этой операціи, обѣщавшей сокрушающій стратегическій результатъ, являлось невозможнымъ.

Для того, чтобы одержать болѣе скорый успѣхъ, оставался лишь одинъ способъ — ограничить рамки ставившейся Юго-Западному фронту стратегической цѣли. Рѣшеніе этого вопроса уже было предрѣшено Ставкой, ожидавшей въ разсматриваемые нами дни, отъ Юго-Западнаго фронта лишь «нанесенія сильнаго удара въ раіонѣ Люблина».

Такимъ образомъ, теперь уже шелъ вопросъ не о выигрышѣ Галиційской Битвы въ ея цѣломъ, съ вытекающимъ изъ нея разгромомъ всей Австро-Венгерской Арміи, а только объ успѣшной ликвидаціи Люблинскаго сраженія. Не подлежитъ оспариванію, что на поляхъ Люблинскаго сраженія лежалъ ключъ къ общей побѣдѣ въ Галиційской битвѣ, но для того, чтобы въ полномъ объемѣ использовать нашу побѣду въ Люблинскомъ сраженіи, требовалось заблаговременно создать нужную для сего группировку; таковой же могла быть только выше нами разсмотрѣнная, такъ какъ растворъ въ ней стратегическихъ клещей былъ настолько великъ, что могъ дотянуться на обоихъ флангахъ до р. Сана раньше, чѣмъ главныя силы Австро-Венгерскихъ армій, дравшихся къ сѣверу отъ Таневскихъ лѣсовъ, могло бы его достичь. Съ другой стороны, и силы, собранныя для подобнаго маневра, оказались бы достаточными. Считая XXII арм. корпусъ, силы 9-й и 4-й армій достигали 18 пѣх. дивизій, а силы 5-й и 3-й армій — 22 пѣх. дивизій, всего 40 пѣх. дивизій. Противъ нихъ дѣйствовали бы 28 1/2 пѣх. дивизій.

Для скорѣйшей же успѣшной ликвидаціи (до 23 августа/5 сентября) Люблинскаго сраженія Штаюзъ могъ разсчитывать лишь на 9-ю (безъ XXII

[26]) «Галиційская Битва (первый періодъ)».
[27]) Бѣлой, 141.

арм. кор.), 4-ю и 5-ю арміи, что составляло силы въ 28 пѣх. дивизій, т. е. равныя силамъ Австро-Венгровъ.

При такихъ условіяхъ нельзя было произвести маневръ съ вышеуказаннымъ широкимъ охватомъ. Оставалось только задаться очень ограниченной цѣлью: немедленно же ликвидировать прорывъ Австро-Венгровъ между нашими 4-й и 5-й арміями. Для этого требовалось усилить для контръ-атаки лѣвый флангъ 4-й арміи и оттянуть 5-ю армію съ Томашевскаго поля сраженія къ сѣверу, съ цѣлью перейти ею затѣмъ въ наступленіе черезъ Красноставъ.

Такое рѣшеніе и было принято Главнокомандованіемъ Ю.-З. фронтомъ.

Изъ этого рѣшенія вытекали слѣдующія неизбѣжныя послѣдствія:

1) Отказъ отъ дѣйствій по западному (лѣвому) берегу Вислы.

2) Направленіе Гвардейскаго и III Кавказскаго корпусовъ на лѣвый флангъ 4-й арміи.

3) Увеличеніе разрыва между правымъ и лѣвымъ крыльями Юго-Западнаго фронта.

Ген. М. В. Алексѣевъ былъ слишкомъ мудрымъ стратегомъ, чтобы, подчиняясь указаніямъ Ставки, все таки, не готовиться и къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ, послѣ ликвидаціи австро-венгерскаго прорыва между 4-й и 5-й русскими арміями. Телеграмма отъ 19-го августа (1-го сентября), посланная 3-й арміи и приказывающая ей имѣть къ вечеру 21-го августа (3-го сентября) три корпуса въ раіонѣ Жултанецъ-Жолкѣевъ-Мосты Вельке, является прямымъ доказательствомъ этого[28]). Отсюда мы видимъ, что ген. М. В. Алексѣевъ дѣлалъ отъ себя все зависящее, дабы стратегическій разрывъ между правымъ и лѣвымъ крыльями Ю.-З. фронта явился бы лишь временнымъ фактомъ.

Но пока, на ближайшіе дни, такой разрывъ былъ санкціонированъ: рѣшающая операція на рѣшающемъ крылѣ разыгрывалась лишь при условномъ участіи 3-й и 8-й армій.

Въ этомъ можно убѣдиться прочтя директиву Главкоюза отъ 17(30) августа согласно которой 3-я и 8-я арміи объединялись въ рукахъ ген. Рузскаго, причемъ этимъ арміямъ ставились слѣдующія задачи: «развить энергичное наступленіе и нанести ударъ войскамъ противника, дѣйствующимъ въ раіонѣ Львовъ-Миколаевъ-Городокская позиція, сковавъ ихъ свободу дѣйствія, и исключить всякую возможность выдѣленія изъ нихъ подкрѣпленій на Сѣверный фронтъ»[29]).

Проводившіеся до сей минуты планы операціи были основаны на другомъ: согласно имъ, рѣшительный актъ Галиційской Битвы долженъ былъ разыграться къ сѣверу отъ р. Сана при совмѣстномъ участіи 4-й (и 9-й), 5-й и 3-й армій.

Теперь же, торопясь закончить начавшуюся Галиційскую Битву хотя бы маленькимъ успѣхомъ у Люблина, Штаюзъ какъ бы рвалъ свой фронтъ на два самостоятельныхъ фронта.

---

28) Въ телеграммѣ, посланной ей 19 авг. (1 сент.), указывалось на то, чтобы къ вечеру 21-го авг. (3 сентября) 3-я армія собрала бы въ раіонѣ Жултанецъ-Туринка (или Жолкѣевъ)-Мосты Вельке не менѣе трехъ корпусовъ (изъ четырехъ, входившихъ въ составъ этой арміи).

29) Дѣло в.-учен. архива № 9549, стр. 267, директива Главкоюза № 638

Поэтому, мы съ полнымъ правомъ можемъ считать, что разрѣшеніе, данное Главнымъ Командованіемъ генералу Плеве отвести его главныя силы, дравшіяся на Томашевскомъ полѣ сраженія, на три перехода назадъ, создавали своего рода переломъ во внутреннемъ строеніи Галиційской Битвы.

Правда, какъ мы увидимъ далѣе, доблесть русскихъ войскъ быстро излѣчитъ пессимизмъ Ставки, и Галиційская Битва будетъ продолжать разыгрываться и послѣ 23-го августа (5-го сентября). Но торопливость въ ликвидаціи прорыва между нашими 4-й и 5-й арміями, обусловившая осаживаніе 5-й арміи и отказъ отъ дѣйствій на западномъ берегу Вислы, окажетъ большое вліяніе на общій стратегическій результатъ Битвы.

3. ВЪ АВСТРО-ВЕНГЕРСКОМЪ ГЛАВНОМЪ КОМАНДОВАНІИ.

Галиційская Битва началась совершенно неожиданнымъ ударомъ Австро-Венгровъ въ правый флангъ, только что начавшей свое наступленіе Русской 4-й арміи; неожиданность этого удара явилась результатомъ нашей увѣренности въ незыблемость свѣдѣній добытыхъ тайной развѣдкой. Согласно этимъ, вѣрнымъ до лѣта 1914 года, даннымъ, сосредоточеніе А.-В. армій должно было производиться въ Вост. Галиціи (къ востоку отъ р. Сана), имѣя своимъ географическимъ центромъ Львовъ. Но начальникъ австро-венгерскаго ген. штаба, генералъ Конрадъ фонъ Гетцендорфъ, зная, что эти данныя извѣстны русскому ген. штабу, въ послѣднюю минуту передѣлалъ весь планъ перевозокъ, съ такимъ расчетомъ, чтобы главныя А.-В. силы развертывались въ зап. Галиціи, на р. Санъ, между р. Вислой и крѣпостью Перемышлемъ.

Задачей первой операціи ген. Конрадъ поставилъ разбить русскія арміи, собиравшіяся въ раіонѣ Люблина и Холма, направивъ для выполненія этой задачи 1-ю А.-В. армію ген. Данкля и 4-ю армію ген. Ауффенберга. Армія ген. Данкля, шедшая уступомъ впереди, и нанесла пораженіе правому флангу Русской 4-й арміи въ районѣ Красника, распространивъ затѣмъ свою атаку и на весь фронтъ почти въ два раза болѣе слабой нашей 4-й арміи; 4-я же А.-В. армія ген. Ауффенберга, разбивъ у Замостья правофланговый корпусъ нашей 5-й арміи, наступавшей вдоль р. Вепржа, главными силами сковала на Томашевскомъ полѣ сраженія главныя силы нашей 5-й арміи.

Превосходство силъ, находившихся на сторонѣ Австро-Венгровъ (общая сила 1-й и 4-й А.-В. армій достигала 19 1/2 пѣх. дивизій противъ 16 1/2 пѣх. дивизій въ нашихъ 4-й и 5-й арміяхъ), увеличивалось находящимися на уступахъ: **слѣва** — армейской группой ген. Куммера (2 1/2 пѣх. дивизіи) и подходившихъ изъ Познани герм. ландвернымъ корпусомъ ген. Войрша (2 пѣх. дивизіи), **справа** — XIV корпусомъ эрцгерцога Іосифа-Фердинанда (3 пѣх. дивизіи). Это позволяло ген. Конраду[30]) сосрдеоточить для задуманнаго имъ удара между р. Вислой и р. Бугомъ 27 пѣх. дивизій. Съ такимъ полуторнымъ превосходствомъ въ силахъ, ген. Конрадъ имѣлъ полную возможность превратить пораженіе, понесенное у Красника, подставившей свой правый флангъ русской 4-й арміи въ общее пораженіе этой арміи.

Однако, это не произошло и русская 4-ая армія, осадивъ и сжавшись къ

30) Съ объявленіемъ войны, генералъ Конрадъ сталъ нач. штаба Главнокомандующаго Эрцгерцога Фридриха; фактическое управленіе сосредотачивалось всецѣло въ рукахъ ген. Конрада.

Люблину не только смогла продолжать оказывать сопротивленіе, но даже послѣ нѣкоторой передышки, перешла въ успѣшныя контръ-атаки на своемъ важнѣйшемъ, въ стратегическомъ отношеніи, правомъ флангѣ. Эту передышку далъ ген. Конрадъ, ошибочно оцѣнившій первоначальную побѣду А.-В. войскъ у Красника, какъ окончательное пораженіе 4-й русской арміи.

Въ своихъ воспоминаніяхъ ген Конрадъ продолжаетъ именовать бой у Красника «Красникскимъ сраженіемъ». Онъ продолжаетъ не замѣчать, что, благодаря сохранившейся боеспособности русской 4-й арміи, бои у Красника вмѣсто того, чтобы представить собою законченное сраженіе, превратились фактически лишь въ прелюдію болѣе грандіознаго сраженія — сраженія Люблинскаго. Можетъ быть, если бы ген. Конрадъ, не переоцѣнилъ значенія и размѣровъ первой побѣды и, не давъ передышки русскимъ войскамъ, продолжалъ бы энергично наступать на Ивангородъ и Люблинъ, бои у Красника дѣйствительно вошли бы въ Исторію, какъ отдѣльное, завершенное окончательной побѣдой А.-В. войскъ, сраженіе.

Не случилось же это по многимъ причинамъ, одной изъ которыхъ явилось то, что ген. Конрадъ недооцѣнивалъ боевыя качества Русской Арміи.

Наша неудачная война съ Японіей въ 1904-05 г. г., могла, конечно, создать въ А.-В. ген. штабѣ предрасположеніе къ такой недооцѣнкѣ. Но для того, чтобы этого не случилось, А.-В. ген. штабъ долженъ былъ болѣе внимательно слѣдить за той громадной работой по исправленію недочетовъ, вскрывшихся на маньджурскихъ поляхъ сраженія, которая кипѣла въ толщѣ Русской Арміи послѣдніе годы передъ Міровой войной.

Недооцѣнка своего противника доходила въ А.-В. арміи до крайнихъ предѣловъ. Для иллюстраціи, напомню случай, уже приведенный мною въ предыдущемъ томѣ[31]), а именно — телефонный разговоръ начальника Штаба 3-й А.-В. арміи, полк. Пфеффера, съ ген. Конрадомъ, во время котораго первый старался вырвать у второго разрѣшеніе для 3-й арміи перейти въ рѣшительное наступленіе противъ Русскихъ 3-й и 8-й армій, приближавшихся съ востока къ р. Золотой Липѣ. Напомнимъ, что на эту А.-В. армію выпадала стратегическая оборонительная задача прикрывать отъ вышеуказанныхъ русскихъ армій правый флангъ развивавшейся въ сѣверномъ направленіи, между р. р. Вислой и Бугомъ главной А. В. наступательной операціи.

«Пфефферъ», вспоминаетъ объ этомъ телефонномъ разговорѣ ген. Конрадъ[32]), «продолжалъ отстаивать свою точку зрѣнія о наступленіи съ далеко поставленными цѣлями, ссылаясь на то, что на этомъ очень настаиваетъ командующій арміей ген. отъ кав. Брудерманъ. На мое замѣчаніе, что при такомъ наступленіи съ широко поставленными задачами, требуется осторожность, полк. Пфефферъ презрительно отозвался о противникѣ, сказавъ: — Эта сволочь уже бѣжитъ. — Я предостерегъ его отъ недооцѣнки Русскихъ войскъ, но въ заключеніе сказалъ: — Если Вы увѣрены въ успѣхѣ наступленія, то 3-я армія получаетъ свободу дѣйствій».

Прошелъ только день, и на Золотой Липѣ 3-я А.-В. армія была жестоко разбита во встрѣчномъ сраженіи (Золочевское сраженіе) тѣми самыми русскими войсками, которыя, въ представленіи полк. Пфеффера, уже бѣжали.

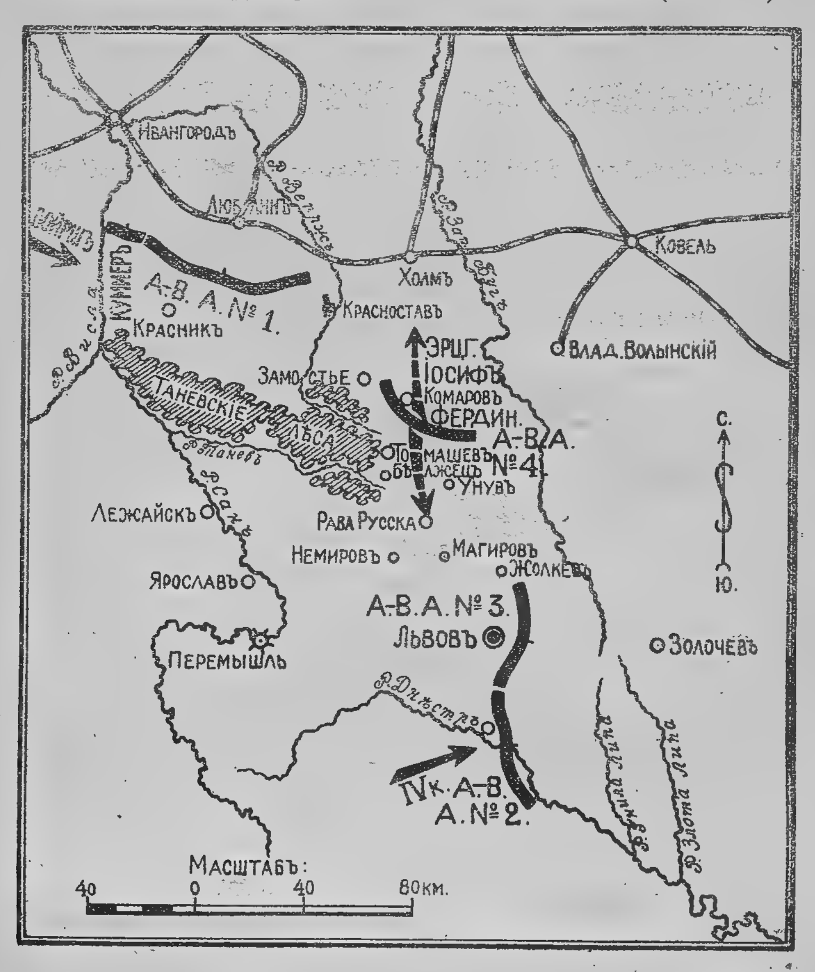
Изъ приведенной выше выдержки воспоминаній ген. Конрада можетъ показаться, что онъ, предостерегая своего подчиненнаго отъ недооцѣнки противника, самъ этимъ не грѣшилъ. Но нужно обратить вниманіе, что это воспомина-

31) Галиційская Битва (первый періодъ), стр. 226.

32) Ген. Конрадъ, т. IV, стр. 516-517.

нія были написаны послѣ войны, когда карты были уже раскрыты. Не сомнѣваясь въ точности передачи разговора ген. Конрадомъ, я позволю себѣ все-таки утверждать, что ген. Конрадъ тоже недооцѣнивалъ своего противника. Вѣдь только этой недооцѣнкой можно объяснить то, что въ концѣ концовъ

Схема № 4.
Стратегическая группировка А.-В. въ ночь на 19. VIII (1-е сент.).

далъ разрѣшеніе 3-й А.-В. арміи перейти въ рѣшительное наступленіе, которое по существу нарушало цѣльность проводимой имъ въ то время операціи.

То, что мое утвержденіе вѣрно, подтверждается и тѣмъ, что вышеприведенный телефонный разговоръ съ полк. Пфефферомъ, имѣлъ мѣсто 12(25) августа. Въ этотъ день ген. Конрадомъ уже была сдѣлана стратегическая

ошибка, о которой я говорилъ въ началѣ этого очерка. Считая, что въ бояхъ 10/23 и 11/24 августа въ раіонѣ Красника армія ген. Данкля окончательно разгромила 4-ю русскую армію, ген. Конрадъ не потребовалъ отъ арміи ген. Данкля безостановочнаго энергичнаго продолженія движенія впередъ, а санкціонировалъ перегруппировку, которая и дала столь нужную для Русскихъ передышку въ операціи. Ген. Конрадъ совершенно не отдавалъ себѣ отчета въ высокихъ боевыхъ качествахъ Русскихъ войскъ. Для этихъ послѣднихъ Красникское сраженіе являлось лишь неудачной завязкой Люблинскаго сраженія, выиграть которое въ конечномъ результатѣ еще не отказались ни рядовые бойцы, ни ихъ командный составъ.

Правильно оцѣнивать качественно армію врага составляетъ, по выраженію Наполеона, «la partie divine de l'art»: переоцѣнка врага, ведущая къ излишней осторожности, столь же вредна, какъ и недооцѣнка его, ведущая часто къ жестоко наказуемому безразсудству. Вотъ почему оперативное творчество, хотя и не могущее въ современную эпоху существовать безъ прочной и обширной научной базы, въ конечномъ итогѣ всегда останется искусствомъ. Въ лицѣ ген. Конрада мы видимъ въ этомъ отношеніи интересный примѣръ. Являясь генераломъ высокой научной квалификаціи, онъ былъ лишенъ въ тоже время дара интуиціи. Онъ былъ ученымъ, но не былъ художникомъ. Полководцы же во всѣ времена должны быть одновременно и тѣмъ, и другимъ. Несмотря на то, что будущая война становится все болѣе и болѣе научной, только что высказанное требованіе все таки остается въ силѣ. Различіе съ прежними эпохами будетъ заключаться лишь въ томъ, что ранѣе полководецъ могъ быть только художникомъ, будучи лишь самоучкой въ области военной науки. Теперь же, оставаясь по-прежнему художникомъ, онъ долженъ быть одновременно и военнымъ ученымъ.

Только отсутствіемъ «художественнаго чутья», можетъ быть объяснено поведеніе всесильнаго Нач. Штаба А.-В. Главнаго Командованія въ разсматриваемые нами дни.

Введенный въ заблужденіе хвастливыми донесеніями и докладами ген. Ауффенберга и чиновъ его Штаба, ген. Конрадъ предполагалъ Русскую 5-ю армію ген. Плеве настолько разбитой, что считалъ возможнымъ оттянуть съ Томашевскаго поля сраженія большую часть силъ Ауффенберга съ тѣмъ, дабы ударить ими въ правый флангъ наступающей на Львовъ русской 3-й арміи.

Подобный маневръ 4-й А.-В. арміи предусматривался планомъ войны. Но для его совершенія непремѣнно требовалось нанесеніе русскимъ 4-й и 5-й арміямъ рѣшительнаго пораженія, лишившаго бы ихъ маневренной способности на все время новой операціи 4-й А.-В. арміи противъ лѣваго крыла рус. Ю.-З. фронта. Ген. Конрадъ, повидимому, считалъ, что побѣды надъ рус. 4-й арміей въ «Сраженіи у Красника» и надъ русской 5-й арміей въ «Сраженіи у Комарова»[33]), выполнили эту задачу. Насколько переоцѣнивалась А.-В. Главнокомандованіемъ «побѣда у Комарова», свидѣтельствуетъ слѣдующій фактъ. Генералу Ауффенбергу было пожаловано Императоромъ Францъ Іосифомъ наименоваться впредь Ауффенбергъ фонъ Комаровъ. Правда, весьма скоро, ген. Ауффенбергъ-Комаровъ былъ обвиненъ въ тенденціозномъ преувеличеніи въ донесеніяхъ и отрѣшенъ отъ командованія, но въ разсматриваемые дни А.-В. Главнокомандованіе вѣрило въ полной мѣрѣ его сообщеніямъ.

---

33) Такое офиціальное наименованіе получило у Австро-Венгровъ Томашевское сраженіе.

Здѣсь мы касаемся одного общаго психологическаго вопроса. Уклоненіе отъ истины въ боевыхъ донесеніяхъ распространено во всѣхъ арміяхъ. Даже въ случаяхъ, когда мы не имѣемъ дѣло съ сознательнымъ искаженіемъ истины, таковое, все таки, имѣетъ мѣсто; доносящій всегда имѣетъ тенденцію уменьшать неудачу своихъ войскъ и въ то же время преувеличивать ихъ успѣхъ. Поэтому, старшій начальникъ долженъ всегда имѣть это въ виду и принимать всѣ доступныя ему мѣры для постоянной личной или черезъ офицеровъ своего штаба провѣрки происходящаго на фронтѣ. Но и этого мало, и мы возвращаемся здѣсь опять къ необходимости того, чтобы военачальникъ обладалъ даромъ интуиціи. Несомнѣнно, что боевой опытъ и глубокое знаніе ввѣренныхъ ему войскъ и въ особенности ихъ начальниковъ облегчаютъ проявленіе этого своего рода психологическаго чутья. Возможно частое личное общеніе съ подчиненными начальниками является также необходимымъ условіемъ для этого. Между тѣмъ, одно изъ примѣчаній въ воспоминаніяхъ ген. Конрада показываетъ, что послѣдній не любилъ непосредственнаго общенія и предпочиталъ руководить операціями, если можно такъ выразиться,, чисто «бюрократически». Это примѣчаніе сопровождаетъ изложеніе вышеупомянутаго телефоннаго разговора ген. Конрада съ начальникомъ штаба 3-й А.-В. арміи полк. Пфефферомъ, въ которомъ послѣдній вырвалъ у перваго разрѣшеніе перехода этой арміи въ рѣшительное наступленіе. «Впослѣдствіи я», пишетъ въ этомъ примѣчаніи ген. Конрадъ[34]), «по возможности избѣгалъ подобныхъ непосредственныхъ переговоровъ и строго придерживался установленнаго пути сношеній черезъ начальника оперативнаго отдѣленія или одного изъ чиновъ этого отдѣленія».

Чисто «канцелярскій» методъ оперативнаго управленія, котораго придерживался ген. Конрадъ, отрывалъ его отъ ощущенія реальной обстановки; въ такихъ условіяхъ онъ легко могъ подпасть подъ вліяніе тенденціозныхъ донесеній, отвѣчающихъ его собственнымъ пожеланіямъ. Общеизвѣстное свойство — видѣть то, что хочешь, а не то, что происходитъ въ дѣйствительности — имѣло здѣсь всѣ данныя проявиться во всей силѣ.

Такъ и случилось. Въ 2 часа дня 18 (31) августа, вслѣдъ за донесеніемъ штаба арміи ген. Ауффенберга о продвиженіи впередъ наступавшаго въ центрѣ на г. Комаровъ, УІ-го А.-В. корпуса, послѣдовалъ телефонный докладъ начальника оперативнаго отдѣленія этого штаба полк. Зоосъ[35]).

«По моему мнѣнію», формулировалъ полк. Зоосъ свое заключеніе о состояніи русской 5-й арміи, «нужно ожидать полнаго развала находящихся противъ насъ русскихъ силъ»...

А между тѣмъ, въ то время, когда происходилъ этотъ телефонный разговоръ, XIX русскій корпусъ совмѣстно съ 4-й и 5-й Донской каз. дивизіями разбиваетъ группу Эрцгерцога Петра (двѣ пѣх. и одна кав. дивизіи) , пытавшуюся закончить глубокій охватъ праваго фланга главныхъ силъ ген. Плеве, дравшихся на Томашевскомъ полѣ сраженія. Эта побѣда ген. Горбатовскаго (командира XIX арм. корпуса), совершенно ликвидировавшая глубокій охватъ праваго фланга главныхъ силъ арміи ген. Плеве, являлась результатомъ искуснаго маневра, состоявшаго именно въ томъ, что ген. Горбатовскій, снявъ свои войска съ позицій передъ г. Комаровымъ, собралъ сильный кулакъ на своемъ правомъ флангѣ, которымъ жестоко ударилъ по А.-Венграмъ.

34) Ген. Конрадъ, т. IV, стр. 516, первое подстрочное примѣчаніе.

35) Полный текстъ этого доклада приведенъ въ моемъ III-емъ томѣ (Галиційская Битва — 1-й періодъ), на стр. 502-503.

Передъ г. Комаровымъ и въ самомъ Комаровѣ оставались лишь аріергарды и часть санитарныхъ учрежденій, которыя не могли быть эвакуированы вслѣдствіи того, что глубокій вражескій охватъ праваго фланга XIX корпуса заставилъ этотъ корпусъ откинуть свой коммуникаціонный путь въ тыловой раіонъ сосѣдняго V-го корпуса. Аріергарды XIX а. корпуса, задерживая насколько возможно, наступавшій на г. Комаровъ VI А.-В. корпусъ, осаживали на новую позицію, избранную къ востоку за г. Комаровымъ. Это продвиженіе впередъ VI-го А.-В. корпуса, захватившаго г. Комаровъ и внушило ген. Ауффенбергу и его Штабу мысль о полной побѣдѣ надъ русской 5-й арміей. Докладъ полковника Зооса заканчивался предложеніемъ, которое жаждалъ услышать ген. Конрадъ. Нач. опер. отд. штаба 4-й арміи докладывалъ о возможности съ завтрашняго же дня оставить для преслѣдованія «разбитой» русской арміи четыре пѣх. дивизіи, всѣ же остальные повернуть на югъ и двинуть въ раіонъ Жолкева.

Въ ночь на 19-ое августа (1-ое сент.) армія генерала Плеве дѣйствительно начала свой общій отходъ на сѣверъ. Какъ мы знаемъ, это было совсѣмъ не отступленіе разбитой арміи, а выходъ побѣдоносной арміи изъ сковывающаго ее боя для производства новаго стратегическаго маневра. Но въ предвзятомъ мышленіи Штаба 4-й А.-В. арміи, полученныя отъ своихъ войсковыхъ начальниковъ донесенія объ этомъ отходѣ русскихъ преломилось въ «бѣгство Плеве». Австрійская оффиціальная исторія и до сей поры остается въ этомъ увѣренной, въ чемъ можно убѣдиться, прочтя эти слова (die Flucht Plehwes) на стр. 256 ея I-го тома... Если пораженіе, которое нанесли черезъ нѣсколько дней частямъ той же А.-В. Арміи «убѣжавшія» съ поля сраженія войска ген. Плеве, до сихъ поръ не внушило австрійскимъ историкамъ сомнѣнія въ дѣйствительности такъ ими называемой «Комаровской побѣды», то тѣмъ менѣе этого можно было ожидать отъ непосредственныхъ участниковъ самаго сраженія. Они хотѣли вѣрить въ свою полную побѣду и создали себѣ «картины», противъ чего предостерегалъ полководцевъ Наполеонъ.

Такимъ недостаткомъ грѣшилъ и ген. Конрадъ; его склонность къ чисто «канцелярскому» способу управленія, отрывая его отъ ощущенія реальностей обстановки, могла только усилить этотъ недостатокъ. Поэтому, является совершенно естественнымъ, что, когда въ 9 час. 30 мин. вечера 19 августа (1 сент.) онъ получилъ донесеніе Штаба 4-й арміи, что непріятель находится въ полномъ отступленіи[36]), ген. Конрадъ рѣшилъ, что моментъ для задуманнаго еще его планомъ войны маневра наконецъ наступилъ. Онъ сейчасъ же посылаетъ ген. Ауффенбергу телеграмму, приказывающую, оставивъ для преслѣдованія ген. Плеве лишь строго нужныя для сего силы[37]), со всей остальною арміей повернулъ на югъ съ тѣмъ, чтобы головы колоннъ были бы къ 21-му августа (3 сент). на линіи Унувъ-Белжецъ. Направленіе дальнѣйшаго наступленія должно было оріентироваться на фронтъ Немировъ-Магировъ, эшелонируя обозы и тыловыя учрежденія на западъ, къ линіи Ярославль-Лежайскъ[38]).

Австрійская оффиціальная военная исторія очень высоко квалифицируетъ

36). Австрійская офиц. Исторія Войны, т. I, стр. 252.

37). Были оставлены: 4 и 13 п. п. д. II а. к, 3 и 8 п. п. д. д. XIV а. к. и 2 и 9 к. к. д. д. подъ общимъ командованіемъ Эрцгерцога Іосифа-Фердинанда.

Оффиціальная А.-В. исторія войны, т. I, стр. 262.

38) Ген. Конрадъ, т. IV, стр. 609-610.

предпринятый ген. Конрадомъ маневръ[39]). Если оцѣнивать только съ точки зрѣнія «механики силъ», онъ дѣйствительно можетъ показаться поучительнымъ. Но теперь, когда всѣ карты обѣихъ сторонъ вскрыты, нельзя не увидѣть, что онъ былъ **порочень** въ самомъ основанiи — «психологически».

Предпринимаемый ген. Конрадомъ маневръ 4-й армiи представлялъ собою

Таблица № 2.

СООТНОШЕНIЕ СИЛЪ СТОРОНЪ ПРИ ЗАВЯЗКѢ ГАЛИЦIЙСКОЙ БИТВЫ.

	Русскiе				Австро-Венгрiя			
	армiи	корпуса	число дивизiй: пѣх	число дивизiй: кав.	армiи	корпуса	число дивизiй: пѣх	число дивизiй: кав.
Сѣверный «фасъ»	4-я — ген. барона Зальца	Грен., XIV, XVI	6 1/2	3 1/2	1-я — генер. Данкля	I, V, X	10 1/2	2
	5-я — генерала Плеве	V, XVII, XIX, XXV	10	3	4-я — ген. Ауффенберга	II, VI, IX, XVII	9	2
					Арм. группа ген. Куммера		3	1
					Герм. ландв. корп. генер. Войрша		2 1/2	
					Группа эрцгерцога Iосифа Фердинанда	XIV	3	1
			16 1/2	6 1/2			28	6
Восточный «фасъ»	3-я — ген. Рузскаго	IX, X, XI XXI	12	4	3-я — ген. Брудерманна	III, XI	7 1/2	2
	8-я — ген. Брусилова	VII, VIII, VII, XXIV	10	3	Арм. группа ген. Кевеса	XII	6	3
			22	7			13 1/2	5
	Всего		38 1/2	13 1/2			41 1/2	11

типичный случай дѣйствiя по внутреннимъ операцiоннымъ линiямъ. Успѣшность же подобнаго дѣйствiя требуетъ, чтобы ударъ, нанесенный врагу на первоизбранномъ направленiи, имѣлъ бы настолько эффективное дѣйствiе, что бы онъ могъ освободить руки для дѣйствiй противъ врага на новоизбранномъ направленiи. Безъ подобной предпосылки «центральный» маневръ въ случаѣ

39) Т. I, стр. 253.

недостатка «внутренняго пространства, грозитъ превратиться въ окуженіе на полѣ сраженія.

Одновременная оттяжка съ Томашевскаго поля сраженія арміи Плеве и арміи Ауффенберга, въ связи съ отказомъ Русскаго Верховнаго Главнаго Командованія отъ операціи на Познань, радикально измѣняютъ стратегическую группировку на театрѣ Галиційской Битвы. Это лучше всего видно изъ сопоставленія таблицъ № 2 и № 3.

Таблица № 3.

СООТНОШЕНІЕ СИЛЪ СТОРОНЪ, КОТОРОЕ ДОЛЖНО БЫЛО ОБРАЗОВАТЬСЯ ПОСЛѢ РАЗСМОТРѢННЫХЪ ВЪ ЭТОЙ ГЛАВѢ РАСПОРЯЖЕНІЙ ГЛАВНЫХЪ КОМАНДОВАНІЙ СТОРОНЪ.

	Русскіе				Австро-Венгры			
	арміи	корпуса	число дивизій: пѣх.	число дивизій: кав.	арміи	корпуса	число дивизій: пѣх.	число дивизій: кав.
Сѣверный «фасъ».	9-я — ген. Лечицкаго	XIV, XVIII	6	3	1-я — ген. Данкля	I, V, X Куммеръ Войршъ	15	2
	4-я — ген. Эверта	Гвард., Гренад., XVI III Кавказс	12	2 1/2				
	5-я — генерала Плеве	V, XVII, XIX, XXV	10	5	Арм. группа эрцгерцога Іосифа Фердинанда	II, XIV	4	2
			28	10 1/2			19	4
Восточный «фасъ».	3-я — ген. Рузскаго	IX, X, XI XXI	12	4	4-я — ген. Ауффенберга	VI, IX, XVII,	9	3
					3-я — ген. Боревича	III, XI, XII,	13 1/2	1
	8-я — ген. Брусилова	VII, VIII, XII, XXIV	10	5	2-я — генер. Бемъ-Ермоли	IV, VII,	6 1/2	3
			22	9			30	7
	Всего		50	19 1/2			49	11

Сравнительное изученіе этихъ таблицъ показываетъ, что Галиційская битва началась при большомъ превосходствѣ силъ Австро-Венгровъ къ сѣверу отъ полосы Таневскихъ лѣсовъ. Направленныя сюда 26 А.-В. и 2 герм. пѣх.

дивизiи могли быть встрѣчены всего 16 1/2 рус. пѣх. дивизiями. Зато къ востоку отъ Львова, наступавшiя русскiя 22 пѣх. дивизiи могли быть встрѣчены всего 13 1/2 дивизiями.

Послѣ отданныхъ съ 16(29) августа по 19(1 сентября) распоряженiй главными командованiями сторонъ, стратегическая группировка создавалась радикально противоположная.

Къ сѣверу отъ полосы Таневскихъ лѣсовъ, благодаря мудрому рѣшенiю Великаго Князя Николая Николаевича, сила Русскихъ доводилась до 28 пѣх. дивизiй, въ то время, какъ сила А.-В. понизилась до 19 пѣх. дивизiй. Зато на Львовскомъ «фасѣ» австро-венгры собирали 30 пѣх. дивизiй противъ 22 пѣх. дивизiй русскихъ.

Такимъ образомъ, на верхахъ руководства обѣихъ сторонъ, дравшихся въ Галицiйской Битвѣ, по той или иной причинѣ, произошла перемѣна въ оцѣнкѣ стратегическаго значенiя сраженiя, разыгравшагося къ сѣверу отъ полосы Таневскихъ лѣсовъ. Русское Верховное Главнокомандованiе, какъ мы знаемъ, переноситъ сюда свою главную ставку. Австро-Венгерское же Главное Командованiе снимаетъ отсюда свою главную ставку и переноситъ ее на Львовскiй «фасъ».

Кто окажется правымъ — Великiй Князь Николай Николаевичъ или генералъ Конрадъ фонъ Гетцендорфъ? Исходъ Галицiйской Битвы совершенно опредѣленно отвѣтилъ на этотъ вопросъ. Сейчасъ же мы имѣемъ право сдѣлать одинъ несомнѣнный выводъ: разсмотрѣнный нами переломъ въ руководствѣ Битвою на обѣихъ сторонахъ не могъ не вызвать перелома въ самомъ ходѣ Битвы.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ВКЛИНЕНІЕ X-го АВСТРО-ВЕНГЕРСКАГО КОРПУСА МЕЖДУ 4-й И 5-й РУССКИМИ АРМІЯМИ

ОБЩЕЕ ПОЛОЖЕНІЕ НА ФРОНТѢ 4-й АРМІИ И БОИ НА Р. ХОДЕЛѢ.

Переломъ въ замыслѣ битвы, происходившей въ послѣдніе дни августа (по новому стилю) на верхахъ главнаго командованія обѣихъ сторонъ, окончательно оформился на самомъ боевомъ фронтѣ въ первые дни сентября. Потребовалось время, чтобы всѣ командныя инстанціи освоились съ произведенными сверху перемѣнами. Войска же нуждались въ соотвѣтствующемъ срокѣ, для того, чтобы выполнить то, что отъ нихъ требовалось. Вотъ почему, первые дни сентября (по новому стилю), мы и называемъ днями перелома, такъ какъ въ теченіе этихъ дней и совершилась та перегруппировка, которая придала Галиційской битвѣ новую структуру. Къ вечеру 21-го авг. (3 сент.), фронтъ Галиційской Битвы разорвался, образовавъ по серединѣ свободное для маневра пространство. Въ этомъ пространствѣ арміи Плеве и Ауффенберга, расцѣпившись, обрѣли свободу дѣйствій по внутреннимъ операціоннымъ линіямъ.

Къ этому же времени окончательно оформливаются маневры, задуманные высшими командованіями: Русскимъ — на сѣверномъ фасѣ, Австро-Венгерскимъ — на восточномъ фасѣ.

20-го авг. (2 сент.), согласно приказу Ставки, въ Луковъ переѣхалъ изъ Ровно Штабъ Ю.-З. фронта. Это распоряженіе не только подчеркивало главенствующее значеніе, которое придавалъ Вел. Князь Николай Николаевичъ побѣдѣ въ Люблинскомъ сраженіи; оно также обезпечивало болѣе непосредственное и близкое руководство Главкоюза на получившемъ рѣшающее стратегическое значеніе сѣверномъ фасѣ Битвы. Не лишено интереса отмѣтить, что приказаніе Ставки Штаюзу переѣхать въ Луковъ, сейчасъ же отразилось и на размѣщеніи армейскихъ штабовъ. Штабъ 5-ой арміи, получивъ извѣстіе о взятіи Австро-Венграми Красностава, переѣхалъ 19-го авг. (1 сент.) въ Дорогускъ. Узнавъ объ этомъ, Главкосоюзъ приказалъ ген. Плеве вернуться со своимъ штабомъ въ Холмъ[1]), подчеркнувъ этимъ, что отходъ

[1]) Циховичъ, стр. 159.

5-ой арміи не является отступленіемъ, а лишь началомъ новаго маневра. Вмѣстѣ съ этимъ, понуждая Штарм 5 вернуться въ Холмъ, Штаюз обезпечивалъ болѣе близкое управленіе генераломъ Плеве корпусами, столь необходимое въ трудные дни предстоящаго новаго перехода въ наступленіе.

Штабъ 4-ой арміи продолжалъ оставаться въ Люблинѣ, куда 18-го (31) августа переѣхалъ изъ Варшавы также и штабъ 9-ой арміи. Однако, командующій этой арміей ген. Лечицкій вступилъ въ командованіе передаваемыми въ составъ 9-ой арміи правофланговыми корпусами 4-ой арміи (XVIII и XIV) лишь въ ночь съ 21-го августа (3 сент.) на 22-ое авг. (4 сент.). До этого времени ген. Лечицкому подчинялись лишь крѣпость Ивангородъ и войска, дѣйствовавшія на зап. берегу рѣки Вислы (72-ой Тульскій п. полкъ съ двумя батареями 18-ой арт. бригады, 75-ая пѣх. дивизія, 8-ая и 14-ая кавалерійскія дивизіи, сведенныя въ конный корпусъ ген. Новикова[2]).

Такимъ образомъ, въ разсматриваемые нами въ этой главѣ дни перелома, единоличнымъ распорядителемъ на полѣ Люблинскаго сраженія являлся командующій 4-ой арміей, ген. Эвертъ.

Какъ мы знаемъ изъ предыдущаго тома труда «Галиційская Битва; первый періодъ до 1 сентября новаго стиля», эта армія ввязалась въ Люблинское сраженіе 10-го (23) августа, имѣя въ своемъ составѣ: на правомъ флангѣ XIV а. к. — 41 и 47 п. дивизіи и 2-ая стр. бригада[3]) въ центрѣ XVI а. к. — 41 и 47 п. дивизіи; на лѣвомъ флангѣ Гренадерскій корпусъ — 1-я и 2-ая гренад. дивизіи, 17-го (30) августа, изъ предназначенныхъ планомъ войны въ составъ 4-ой арміи, трехъ второочередныхъ дивизій, прибыло: три полка 80-ой пѣх. дивизіи, два полка 83-й пѣх. дивизіи и два полка 82-й пѣх. дивизіи. Остальныя части этихъ дивизій заканчивали свое прибытіе 21-го августа (3-го сентября).

Направленный Ставкой, на усиленіе праваго фланга 4-ой арміи XVIII а. к. (23 и 37 пѣх. дивизіи), выгружаясь на станціяхъ Новая Александрія и Вонвольница, заканчивалъ свою высадку 19 августа (1-го сент.).

Къ 18(31) августа въ Люблинъ прибыли два полка и три батареи 1-ой Гвардейской пѣх. дивизіи и головные два полка III-го Кавказскаго корпуса. Эти корпуса заканчивали свое прибытіе 1-ая и 2-ая гв. пѣх. дивизіи въ Люблинъ, а гв. стрѣлковая бригада въ Новую Александрію — 24-го августа (6 сент.). Дивизіи же третьяго Кавказскаго корпуса (21-ая и 52-ая пѣх.) — 27-го августа (9 сент.).

XXII арм. корпусъ, перевозившійся изъ Петрограда въ Варшаву, былъ, какъ мы знаемъ, повернутъ Ставкой на Люблинъ, куда долженъ былъ прибыть между 18(31) августа и 23 авг. (5 сент.). Однако, мы также знаемъ, что подъ впечатлѣніемъ катастрофы въ арміи ген. Самсонова, въ Восточной Пруссіи, Ставка отмѣнила эту перевозку и XXII а. корпусъ изъ раіона Бѣлостока былъ повернутъ на Осовецъ, въ составъ новой формирующейся на С.-З. фронтѣ 10-ой арміи.

Исходя изъ этихъ данныхъ прибытія войскъ, первоначальныя предположенія главнаго командованія Ю.-З. фронта и намѣчали переходъ въ наступленіе 4-ой и формирующейся на ея правомъ флангѣ — 9-ой арміи на 24

---

[2]) Циховичъ, стр. 129.

[3]) Безъ 72 п. Тульскаго полка, который съ двумя батареями 18-й арт. бригады былъ оставленъ въ Ивангородѣ въ видѣ временнаго гарнизона въ ожиданіи прибытія туда 75-ой п. (второочередной) дивизіи.

[4]) Бѣлой, стр. 284.

августа (6 сент.[4]). Но, добиваясь скорѣйшаго завершенія Люблинскаго сраженія, оно рѣшило ускорить начало этого наступленія. Это ускореніе отвѣчало и нервному настроенію, съ которымъ штарм. 4 относился къ развивающемуся непріятельскому охвату лѣваго фланга 4-ой арміи. Станція Травники, на желѣзно-дорожной линіи Люблинъ-Холмъ, была подъ непосредственной угрозой; на этой станціи находились тыловыя армейскія учрежденія, на которыя базировался гренадерскій корпусъ.

Желая сковать свободу дѣйствій арміи ген. Данкля и не позволить ему усилить его обходящій (правый) флангъ, ген. Эвертъ рѣшилъ перейти въ наступленіе своимъ правымъ флангомъ. Съ этой цѣлью, онъ приказалъ XVIII корпусу и правому флангу XIV корпуса, и 13-ой кав. дивизіи, атаковать врага въ направленіяхъ на Ополе-Юзефовъ и на м. Ходель. Остальнымъ корпу-

СХЕМА № 5.

Положеніе на фронтѣ 4-й русской арміи 20 авг. (2 сент.) 1914 г.

самъ было приказано «поддерживать это наступленіе артиллерійскимъ огнемъ на своихъ участкахъ, открывъ его на одинъ часъ позже начала наступленія и вести рѣдкій огонь, беречь снаряды. Кромѣ того, вызвавъ охотниковъ съ цѣлью тревожить врага въ ночь съ 19-го августа (1 сент.) на 20 августа (2-ое сент.)»[5].

Воздушной развѣдкой было выяснено, что части армейской группы генерала Куммера сильно укрѣпили высоты отъ Вислы у м. Камень до Скокува. Далѣе непріятельская позиція переходила на сѣверный берегъ р. Ходеля по линіи деревень Сивалька-Вроновъ-Ксіонжъ-Боровъ. Особенно сильно были развиты укрѣпленія на высотѣ 218[6]) между Ксіонжемъ и Боровымъ, гдѣ былъ построенъ редутъ. Вторая линія обороны была обнаружена въ 4-5 километрахъ южнѣе первой и по южному берегу р. Ходель. Всѣ развѣдыватель-

[5]) Циховичъ, стр. 172.

[6]) На русской картѣ эта высота обозначена цифрой 107,8 (высота въ саженяхъ).

СХЕМА № 6.

Положеніе на правомъ флангѣ 4-й русской арміи 20 авг. (2 сент.) 1914 г.

ныя данныя указывали на сильное занятіе австрійцами предмостной позиціи сѣвернѣе м. Ходель. Группировка ихъ оставалась прежняя: 95-ая ландштурменная дивизія — южнѣе Ополе, 106-я ландштурм. бригада въ раіонѣ Скокува, 100-я и 101 ландш. бригады сѣвернѣе и восточнѣе м. Ходель.

Наступленіе нашей 23-й пѣх. дивизіи, владѣвшей на южномъ берегу р. Ходеля къ сѣверу отъ Ополе плацдармомъ глубиною въ 2-3 километра, представляло собою большія трудности: дивизіи предстояло послѣ захвата Ополе вести атаку по гласису позиціи 95-й ландш. дивизіи безъ надлежащей поддержки своихъ батарей за неимѣніемъ хорошихъ наблюдательныхъ пунктовъ. Австрійская позиція на сѣверномъ берегу р. Ходель, хотя и сильно укрѣпленная, представляла для нашей атаки гораздо большія удобства; она образовывала исходящій уголъ, охватываемый расположеніемъ нашихъ войскъ; холмистая мѣстность давала рядъ хорошихъ точекъ обзора. Эта позиція и была избрана командиромъ XVIII корпуса первымъ объектомъ атаки. Выбивъ противника изъ занимаемаго имъ плацдарма на сѣв. берегу р. Ходель, XVIII корпусъ получалъ возможность, наступая далѣе 37-й дивизіей въ направленіи на д. Пушно, облегчить продвиженіе впередъ 23-й пѣх. дивизаи.

Съ 6 час. утра 20-го авг. (2 сент) 37-я пѣх. дивизія[7]), развернутая на фронтѣ Лѣсничувка-Щучки, перешла въ наступленіе въ общемъ направленіи на м. Ходель. Эту атаку долженъ былъ поддержать съ востока своимъ правымъ флангомъ XIV а. к., наступая 1-ой бригадой 46-й пѣх. дивизіи[8]) и бригадой 18-й пѣх. дивизіи отъ Окронтле также на м. Ходель. 23-я пѣх. дивизія должна была перейти въ наступленіе въ раіонѣ Ополе, какъ только части 37-й п. д. продвинутся на линію Дембина-Сивалька. 13-я кав. дивизія, находившаяся у д. Зміевиска, должна была содѣйствовать наступленію 23-й дивизіи, обезпечивая правый флангъ XVIII а. к.[9]).

Наступленіе полковъ 37 п. д. велось такъ: 146 Царицынскій — атаковалъ возвышенность у д. Сивальки, 145 Новочеркасскій — гребень передъ д. Ксіонжъ, 148-й же Каспійскій наступалъ уступомъ правѣе Царицынскаго и охватывалъ лѣвый флангъ врага. Имѣя хорошо устроенные окопы, противникъ встрѣчалъ наше наступленіе сильнымъ огнемъ. Къ вечеру, поддерживаемые огнемъ 37-й арт. бригады и 18-го мортирнаго дивизіона, полки 37-й п. д. выполнили поставленныя имъ задачи. 23-я п. д. вела усиленную развѣдку впереди своего фронта и частично продвинулась на южную окраину Ополе. На правомъ флангѣ XIV а. к. продвиженіе частей шло также удачно; въ раіонѣ д. Ксіонжъ, противникъ, въ составѣ 2-хъ батальоновъ 101-й ландштурмной бригады сдался въ плѣнъ 1-й бригадѣ 46-й п. д. Въ общемъ, къ вечеру раіонъ высоты 218 былъ охваченъ; съ сѣверо-запада 37-й п. д., а съ востока — 1-й бригадой 46-й пѣхотной дивизіи.

---

7) Въ моемъ предыдущмъ томѣ, посвященномъ изложенію перваго періода Галиційской Битвы (стр. 388) описываемыя далѣе дѣйствія 37 п. д. ошибочно отнесены къ 18(31) августу. Я былъ введенъ въ заблужденіе одной изъ присланныхъ мнѣ рукописей. Собранные же нынѣ документы позволяютъ возстановить истинную хронологію событій.

8) 1-я бригада 46-й пѣх. дивизіи была прислана командующимъ 5-й арміи ген. Плеве на помощь 4-й арміи 12(25) августа. Вопреки просьбы ген. Плеве вернуть въ свою дивизію эту бригаду, какъ только катастрофическое положеніе въ 4-й арміи пройдетъ, Штармъ 4 продолжалъ удерживать ее у себя.

9) Дѣло в.-учен. архива, стр. 84-115, ном. 102463, стр. 89-109 и ном. 139780, стр. 277-289, цитировано у Бѣлого, стр. 289.

21-го авг. (3 сент.) совмѣстныя дѣйствія этихъ частей противъ высоты 218 начались съ утра. Послѣ интенсивной артиллерійской подготовки 4-мя гаубичными и 8-ю легкими батареями, пять полковъ 37-й и 46-й пѣх. дивизій перешли въ наступленіе и къ 3 часамъ дня высота 218 была взята атакой 146-го пѣх. Царицынскаго полка, причемъ, около 500 человѣкъ 13-го и 15-го полковъ 100-й ландштурмной бригады были захвачены въ плѣнъ, а вышепоименнованные австрійскіе полки густыми массами, неся большія потери, стали отходить за Ходель. Около 5 час. дня, послѣдовавшая контръ-атака австрійцевъ, видимо, съ цѣлью вернуть высоту 218, была отражена артиллерійскимъ огнемъ. Въ общемъ, доблестныя дѣйствія русскихъ полковъ заставили австрійцевъ въ теченіи ночи очистить укрѣпленія сѣвернѣе р. Ходеля и отойти на вторую линію обороны по южному берегу этой рѣки, поджигая по пути отхода деревни. Горѣло и м. Ходель, освѣщая заревомъ поспѣшное отступленіе полковъ 100 и 101 ландштурмныхъ бригадъ.

Вышеизложенныя блестящія дѣйствія XVIII и XIV а. к. имѣли большое стратегическое послѣдствіе. Успѣхъ русскихъ на рѣкѣ Ходелѣ понудилъ А.-В. командованіе отказаться отъ отправленія 12-й австрійской пѣх. дивизіи, снятой съ лѣваго фланга I А.-В. корпуса, на поддержку X А.-В. корпуса. Послѣдній въ это время производилъ охватъ лѣваго фланга 4-ой русской арміи — операцію, которую ген. Данкль считалъ въ то время главной. 12-я австр. пѣх. дивизія должна была теперь смѣнить въ раіонѣ Ходеля разбитыя 100 и 101 ланштурменныя бригады. Командованіе 1-й А.-В. арміи опасалось дальнѣйшаго развитія наступленія русскихъ въ раіонѣ Ходеля и склонялось даже къ предположенію сосредоточить въ тылу 12-й пѣх. дивизіи еще германскій корпусъ ген. Войрша.

На западномъ берегу р. Вислы у Зволеня 19 августа (1-го сентября) былъ сбитъ самолетъ противника, на которомъ было захвачено сообщеніе изъ штаба 1-й А.-В. арміи (находящагося въ Красникѣ), посланное генералу Войршу, командующему герм. ландвернаго корпуса, шедшаго изъ Познани къ Вислѣ. Въ этомъ документѣ сообщалось, что армейская группа ген. Куммера переведена на восточный берегъ р. Вислы и что главныя силы этой группы ведутъ бой у Ополя; въ заключеніе высказывалось пожеланіе, чтобы корпусъ ген. Войрша направился бы на Солецъ и Юзефовъ для переправы черезъ р. Вислу на ея восточный берегъ[10]). Послѣ неудачныхъ боевъ 20 авг. (2 сент.) и 21 авг. (3 сент.) 100 и 101 ландштурмныхъ бригадъ къ сѣверу отъ Ходеля, ген. Войршъ былъ увѣдомленъ, что переправу на восточный берегъ р. Вислы нужно производить у Юзефова[11]).

НЕУДАЧА «КОЛОННЫ» ГЕНЕРАЛА ВОЛОШИНОВА У СУХОДОЛОВЪ.

18(31) августа, получивъ донесеніе 5-й арміи объ отходѣ XXV а. к. отъ Красностава и просьбу генерала Плеве оказать помощь лѣвымъ флангомъ 4-й арміи для обратнаго овладѣнія этимъ узломъ путей, Главкоюзъ приказалъ ген. Эверту оказать это содѣйствіе.

Мнѣ неизвѣстенъ текстъ этого распоряженія. Весьма вѣроятно, что оно

---

10) «Краткій стратегическій очеркъ войны 1914-1918 г. г.; Русскій Фронтъ». Изданіе «Военное Дѣло»; выпускъ I, стр. 190. Въ дальнѣйшихъ ссылкахъ на этотъ трудъ мы будемъ его обозначать только по фамиліи его составителя ген. Борисова.

11) А.-В. офиц. исторія войны, т I, стр. 261.

требовало отъ 4-й арміи произвести наступленіе на Красноставъ немедленно. Если это такъ, то приходится констатировать, что въ Штаюзѣ окончательное «созрѣваніе» идеи новаго совмѣстнаго маневра 4-й и 5-й армій еще не произошло; въ самомъ дѣлѣ, на полный успѣхъ этого армейскаго маневра можно было расчитывать лишь въ томъ случаѣ, если обѣ эти арміи будутъ введены въ дѣйствіе безъ всегда вредной въ армейскихъ операціяхъ суетливости. Обстановка же въ 4-й арміи была въ этомъ отношеніи неблагопріятной. Поэшелонное прибытіе подвозимыхъ на подкрѣпленіе дивизій создавало соблазнъ бросать ихъ по частямъ до того, какъ войсковые начальники будутъ имѣть въ своемъ распоряженіи всѣ положенныя при существующей организаціи боевыя средства. Какъ я имѣлъ случай говорить въ предыдущемъ томѣ, генералъ Эвертъ, смѣнившій ген. Барона Зальца сумѣлъ избѣжать въ первые дни своего командованія столь вреднаго «раздергиванія» войскъ для затыканія дыръ при оборонѣ на подступахъ къ Люблину. Онъ далъ возможность XVIII а. к. собраться за правымъ флангомъ 4-й арміи и только тогда приказалъ ему перейти въ наступленіе. Какъ мы видѣли на предыдущихъ страницахъ, это упорядоченное оперативное руководство было награждено сразу же тактическими успѣхами. Къ сожалѣнію, подобнаго руководства для начала наступленія на лѣвомъ флангѣ 4-й арміи не было и первой пострадала отъ этого 82-я пѣх. дивизія. Эта дивизія, сформированная въ Казанскомъ воен. округѣ изъ кадровъ 47-й пѣхотной дивизіи, какъ и всѣ наши второочередныя дивизіи, не могла почитаться сейчасъ же по прибытіи на театръ военныхъ дѣйствій боевой единицей, способной для самостоятельнаго наступательнаго маневра. Требовалось «выдержать» эти дивизіи въ теченіи нѣкотораго срока въ резервѣ и на болѣе легкихъ участкахъ обороны, раньше, чѣмъ примѣнять ихъ какъ «полевыя» войска[12]).

При дальнѣйшемъ изложеніи боевыхъ дѣйствій частей 82-й пѣх. дивизіи 19 августа (1 сентября) я широко использую показанія старшаго адъютанта штаба этой дивизіи[13]).

«Въ штабѣ 4-й арміи было предположено», пишетъ А. Шмидтъ, «дождаться сосредоточенія всей дивизіи и лишь затѣмъ ввести ее въ боевую линію, о чемъ и былъ поставленъ въ извѣстность командующій 82 пѣх. дивизіею ген. Волошиновъ, при представленіи его въ 8 ч. утра (18(31) августа) командующему арміей. Это распоряженіе давало возможность использовать потребное для сосредоточенія время на ликвидацію недочетовъ мобилизаціоннаго характера, какъ то: полное отсутствіе въ полкахъ пулеметовъ, походныхъ кухонь, недостаточность средствъ связи и т. д.».

«Поступившія утромъ 18(31) августа свѣдѣнія... о занятіи противникомъ Красностава измѣнили первоначальное рѣшеніе штаба 4-й арміи относительно 82-й п. д-зіи. Послѣ полудня ген. Волошиновъ былъ вызванъ командующимъ арміей и получилъ боевую задачу: имѣющимися на лицо силами 82-й п. див. и 3-ей Донской каз. див., «колоннѣ (избѣгали слова отрядъ) ген. Волошинова[14])», перейти 19 августа (1 сент.) въ наступленіе на Красноставъ и овладѣть послѣднимъ».

---

[12]) О недочетахъ въ организаціи нашихъ второочередныхъ дивизій см. мой второй томъ: «Начало войны и операціи въ Восточной Пруссіи», стр. 30-31.

[13])) А. Шмидтъ: «82-я пѣх. див. въ Люблинскую операцію — бои подъ Суходолами 19-21 авг. (1-3 сент.) 1914 г.», напечатано въ «Русскомъ Инвалидѣ» ном. 89, 90, 92-93, 94, 96.

[14]) Кавычки самого автора воспоминаній А. Шмидта.

«Обстановка была обрисована крайне неопредѣленно: указано, что Красноставъ занятъ передовымъ отрядомъ австрійцевъ, силою около полка пѣхоты съ артиллеріей; что правѣе «колонны» верстахъ въ 10-12 — части Гренадерскаго корпуса, который окажетъ ей содѣйствіе; что слѣва непосредственно никого нѣтъ, но уступомъ впереди долженъ быть правый флангъ 5-й арміи — XXV корпусъ, мѣстонахожденіе котораго, однако, неизвѣстно...».

Въ распоряженіи штаба 82-й пѣх. див., прибывшаго поздно вечеромъ 18/31 августа къ мѣсту сбора колонны, не было ни средствъ, ни времени для установленія связи со штабомъ арміи и сосѣднимъ корпусомъ; изъ всего аппарата штаба на лицо были лишь начальникъ штаба и старшій адъютантъ, остальные чины и все имущество штаба 82-й пѣх. див. были направлены на ст. Травники, куда прибыли утромъ 19 августа (1 сентября), когда разыгравшійся въ этотъ день бой «колонны» уже закончился.

Мѣстомъ сбора частей колонны была избрана д. Суходолы съ непосредственно къ ней прилегающими д. Сѣдлиска Вельке, съ юга, и д. Іздиковская Воля съ сѣвера. Въ д. Суходолы уже находились: весь 325 пѣх. Царевскій полкъ и 2 1/2 бтл. 326 пѣх. Бѣлгорайскаго полка. Эти части 82-й п. див. высадились въ Люблинѣ 17(30) и въ ночь на 18(31) августа, откуда были спѣшно направлены непосредственнымъ распоряженіемъ штаба арміи въ д. Суходолы. Ни одной батареи 82-й арт. бригады при нихъ не имѣлось. Такимъ образомъ, «колонна ген. Волошинова» представляла собою типичный продуктъ канцелярскаго творчества штаба арміи, симпровизировавшаго отрядъ и не побезпокоившагося о томъ, чтобы пріѣзжающему начальнику, по крайней мѣрѣ, не приходилось бы самому разыскивать назначенныя къ нему въ отрядъ части. Сила «колонны ген. Волошинова», которая рисовалась въ воображеніи штаба 4-й арміи въ двѣ дивизіи — одну пѣхотную и одну кавалерійскую, на самомъ дѣлѣ не достигала даже одной пѣх. бригады, ибо, какъ правильно замѣчаетъ цитируемый мною участникъ боя, «при пѣхотѣ не было артиллеріи, т. к. имѣвшіяся при 3-й Донской каз. дивизіи двѣ конныя батареи, изъ 10 орудій, были органически связаны съ конными частями».

Здѣсь я считаю себя вынужденнымъ прервать разсказъ о событіяхъ и коснуться разъясненія словъ, взятыхъ въ вышеприведенной выдержкѣ самимъ авторомъ воспоминаній въ кавычки. А. Шмидтъ указываетъ, что, поручая командованіе наскоро симпровизированнымъ войсковымъ соединеніемъ генералу Волошинову, штабъ арміи назвалъ это соединеніе «колонной», избѣгая слова «отрядъ». Это замѣчаніе чрезвычайно характерно. Дѣло въ томъ, что разбирая причины нашихъ постоянныхъ тактическихъ неудачъ въ войну 1904-5 г. г., Императорская Николаевская военная академія обратила особое вниманіе на постоянное нарушеніе со стороны высшаго командного состава существующей войсковой организаціи. Привычка одерживать побѣду надъ Турками и другими отсталыми въ культурномъ отношеніи народами, посредствомъ наскоро импровизированныхъ отрядовъ, имѣла своимъ послѣдствіемъ перенесеніе методовъ «отрядной войны» въ «большую», каковой и была, несмотря на свой колоніальный характеръ, война съ Японіей. Начальникъ штаба 4-й арміи ген. Гуторъ, отличный строевой начальникъ не свыше дивизіи, являлся на такой высшей должности Генеральнаго Штаба, какъ наштарм, человѣкомъ научно совершенно отставшимъ. Эта неподготовленность и нашла свое отраженіе въ той нервности и суетливости, которыя проявилъ штарм 4 въ первые дни Люблинскаго сраженія (10/23-12/25 августа), за которыя былъ отрѣшенъ отъ командованія 4-й арміей достойнѣйшій генералъ баронъ Зальца.

Замѣнившій генерала Зальца генералъ Эвертъ остался съ прежнимъ штабомъ. Чувствуя дефекты своего начальника штаба и тожественнаго съ нимъ по военно-научной неподготовленности генералъ-квартирмейстера, генералъ Эвертъ взялъ непосредственно въ свои руки и ту часть оперативной работы, которую должны были бы выполнять его ближайшіе сотрудники. Но такая работа въ условіяхъ современной войны не по силамъ одному человѣку, даже выдающемуся. «Прорывы» въ подобной работѣ являются неминуемыми, въ особенности въ дни особаго боевого напряженія. Примѣромъ такого «прорыва» и является разсказанный выше случай созданія «колонны ген. Волошинова».

Генералу Гутору и его генералу-квартирмейстеру приходилось въ нѣдрахъ своего же штаба выслушивать со стороны молодыхъ офицеровъ Генеральнаго Штаба, незадолго до войны окончившихъ Академію, доклады о новыхъ болѣе соотвѣтствующихъ веденію современной большой войны методахъ. Какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, они не воспріявъ этихъ идей по существу, пытались ограничиться измѣненіями чисто формальнаго характера. Въ данномъ случаѣ это и проявилось замѣной слова «отрядъ» словомъ «колонна». Существо же дѣла осталось тоже: суетливое бросаніе въ бой войскъ въ наскоро импровизированныхъ объединеніяхъ и безъ нужныхъ имъ для поставленной задачи средствъ.

Мнѣ пришлось остановиться на этомъ вопросѣ, т. к. лишь, уяснивъ его, станетъ понятнымъ, какимъ образомъ два неполныхъ пѣхотныхъ полка могли быть брошены въ наступленіе, безъ артиллеріи, безъ пулеметовъ и даже безъ положенныхъ по штату средствъ связи; при этомъ, еще разъ напомню, это были полки пѣхоты еще не сколоченные и потому не готовые къ той наступательной операціи, которую они должны были произвести въ сообществѣ такой же, какъ и они второочередной кавалеріей.

«По имѣвшимся у казачьей дивизіи свѣдѣніямъ», пишетъ А. Шмидтъ, «у ф. Карчевъ (въ 7 километрахъ къ Ю. З. отъ д. Сѣдлиска Вельке) обнаружено около бригады пѣхоты противника. Въ виду указаннаго, наступленіе на Красноставъ являлось фланговымъ по отношенію къ этой бригадѣ. Полагая, что эти части противника окажутся 19 авг. (1 сент.) связаны боемъ съ лѣвофланговыми частями Гренад. корпуса (содѣйствіе котораго наступленію на Красноставъ было обѣщано въ штабѣ арміи), было рѣшено прикрыть наступленіе «колонны» боковымъ авангардомъ...».

Въ дѣйствительности, группировка А.-В. войскъ, къ ночи съ 18(31) августа на 19 августа (1 сент.) была такова: 2-я австр. пѣх. дивизія заняла Издебно, а 24-я австр. п. див. въ сопровожденіи 10-й маршевой бригады, подошла къ д. Лопенникъ. Всѣ эти части входили въ составъ X-го А. В. корпуса, направленнаго ген. Данкль для атаки лѣваго фланга 4-й русской арміи.

Такимъ образомъ, въ ночь съ 18-го (31) августа на 19 августа (1 сент.) путь, еще формирующейся колонны ген. Волошинова, на Красноставъ былъ прегражденъ одной усиленной пѣх. дивизіей противника[15]). И эти непріятельскія силы ночевали всего въ восьми километрахъ къ востоку отъ мѣста сбора «колонны». Въ шести же километрахъ къ югу отъ этого мѣста ночевала (у Издебно) другая непріятельская пѣхотная дивизія.

«... Ближней развѣдки направленій предстоящаго движенія въ достаточной мѣрѣ произведено не было», констатируетъ въ своихъ воспоминаніяхъ

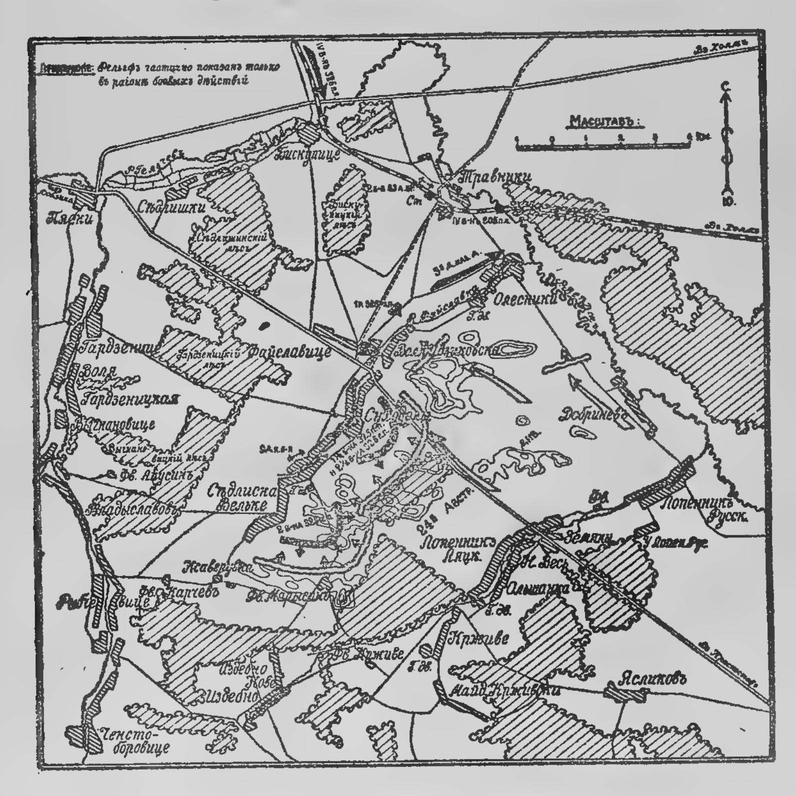
[15]) Составъ 24-й А.-В. п. д.: 13 бтл., 2 1/2 эск., 7 бтр. Составъ 10-й маршевой бригады: 8 1/4 бтл. и 1 эск.

А. Шмидтъ. «Въ Гренад. корпусъ, еще изъ Люблина былъ высланъ для связи офицеръ 82-й п. д. съ просьбой оріентировать «колонну» въ расположеніи лѣваго фланга корпуса, въ предполагаемыхъ его дѣйствіяхъ на 19 августа (1 сент.) и въ общихъ данныхъ обстановки. Никакихъ, однако, свѣдѣній изъ Гренад. корпуса не поступило и «колонна провела ночь въ невѣдѣніи о своихъ сосѣдяхъ и противникѣ».

СХЕМА № 7.

Бой подъ Суходолами:

Положеніе сторонъ въ 7 1/2 час. 19 авг. (1 сент.) 1914 г.

Вотъ первый результатъ импровизаціоннаго творчества штарма 4. Отсутствіе надлежащей ближней развѣдки происходило, конечно, не изъ непониманія необходимости таковой, со стороны начальника колонны и его начальника штаба, но изъ того состоянія полной немощи, въ которое они были поставлены штармом 4. Въ самомъ дѣлѣ, разсказывая о прибытіи ген. Волошинова и его начальника штаба въ раіонъ д. Суходолы, А. Шмидтъ пишетъ: «къ мѣсту сбора частей штабъ 82-й п. д. прибылъ поздно вечеромъ и п о с л ѣ д о л г и х ъ п о и с к о в ъ, н а ш е л ъ штабы 3-й Донской каз. див. и

325 п. п. въ г. дв. Сѣдлиска-Велька...». Не естественно ли ожидать, что начальникъ, вынужденный самолично разыскивать подчиненныя ему части, не въ состояніи наладить въ короткіе часы ночи передъ наступленіемъ правильное функціонированіе всѣхъ видовъ оперативной службы. Самое большое, что онъ могъ успѣть сдѣлать — это отдать распоряженіе о выполненіи приказаннаго ему наступленія рано утромъ на слѣдующій день, полагаясь на то, что все остальное уже сдѣлано его новымъ подчиненнымъ въ лицѣ начальника 3-й Донской каз. дивизіи. По этой же причинѣ, онъ поручилъ командованіе на слѣдующій день, главными силами «колонны» этому же нач-ку дивизіи, правильно думая, что это тѣснѣе свяжетъ дѣйствія конной артиллеріи съ пѣхотными частями 82-й п. д., не имѣющей ни одной пушки и даже ни одного пулемета.

Посмотримъ теперь, что происходило къ этому времени въ 3-ей Донской дивизіи. Приводимыя ниже данныя почерпнуты мною изъ рукописи, любезно присланной мнѣ ген. И. Акулининымъ[16]). Послѣдній, состоялъ въ эти дни старшимъ адъютантомъ генеральнаго штаба этой казачьей дивизіи и потому является непосредственнымъ свидѣтелемъ всего происходившаго.

3-я Донская казачья дивизія, въ составѣ 18-го, 30-го и 32-го Донскихъ казачьихъ полковъ и 13-го Оренбургскаго, съ 8-й и 9-й казачьими батареями (24 сотни, 12 конныхъ орудій[17]), имѣла задачей прикрывать лѣвый флангъ Гренадерскаго корпуса и поддерживать связь съ XXV-мъ арм. корпусомъ (5-й арміи), противодѣйствуя наступленію Австро-Венгровъ въ разрѣзѣ между нашими — 4-й и 5-й арміями.

3-я Донская кав. дивизія была второочередной. Полки и сотни еще не успѣли втянуться въ боевую работу; офицеры прибыли — частью со льготы, частью изъ первоочередныхъ полковъ; среди казаковъ было много, такъ называемыхъ «кормяковъ» (отъ слова кормить), т. е. не служившихъ въ первоочередныхъ полкахъ. Техническія и огневыя средства дивизіи были весьма ограничены: пулеметовъ и телефоновъ совсѣмъ не было.

Въ періодъ предшествовавшій разбираемому здѣсь бою у Суходоловъ, части 3-й Донской каз. дивизіи были сильно разбросаны. Отдѣльныя сотни приходилось съ трудомъ собирать и присоединять къ своимъ полкамъ. Большой нарядъ казаковъ уходилъ на обслуживаніе пѣхоты, на поддержаніе связи и командировки въ тылъ для розыска штабовъ и обозовъ. Въ послѣдніе дни августа полки не имѣли отдыха, лошади не разсѣдлывались, люди не получали въ должномъ количествѣ горячей пищи. Сотни были измотаны, не столько боями, сколько безпрерывными передвиженіями и днемъ и ночью изъ одного раіона въ другой.

Утромъ, 18-го (31 августа) 3-я Донская каз. дивизія собралась у фольварка Марысина (въ 5-ти километрахъ къ югу отъ д. Суходолы) «... у командующаго 3-й Донской каз. дивизіей, свиты Его Величества ген.-маіора Евреинова», вспоминаетъ И. Акулининъ, « не было яснаго представленія — ни о задачахъ дивизіи, ни объ окружающей обстановкѣ. Высланные разъѣзды и развѣдывательныя сотни обнаружили присутствіе противника въ раіонѣ д. Издебно и юго-восточнѣе д. Лопенники. Но, въ общемъ, развѣдывательныя части дѣйствовали вяло и нерѣшительно и опредѣлить силы противника, хотя бы приблизительно, не могли. Продвинуться съ главными силами въ

16) Эта рукопись хранится у ген. Н. Н. Головина.

17) 20-й Донской казачій полкъ былъ прикомандированъ въ качествѣ войсковой конницы къ XV-му арм. корпусу.

сторону Издебно или къ Лопенникамъ попытокъ не дѣлалось... Вотъ почему, главныя силы 2-й и 24-й дивизій (Х-й А.-В. корпусъ), въ раіонѣ Издебно и у Лопенниковъ обнаружены не были».

На ночь съ 18-го (31) на 19 августа (1 сентября), 3-я Донская каз. дивизія перешла въ раіонъ д. Сѣдлиска-Вельке. Въ господскомъ Дворѣ, у этой деревни, и нашелъ ген. Волошиновъ штабъ этой дивизіи.

Включеніе 3-й Донской каз. дивизіи въ составъ «колонны ген. Волошинова», съ задачей немедленно начать наступленіе на Красноставъ, явилось для ген. Евреинова полной неожиданностью. Никакого увѣдомленія объ этомъ отъ штарма 4 онъ не получилъ. Штабъ дивизіи долженъ былъ, въ самомъ спѣшномъ порядкѣ, разработать и разослать нужныя для предстоящаго наступленія приказанія. До разсвѣта оставалось всего нѣсколько часовъ.

Въ 6 час. утра, 19-го августа (1 сент.), боковой авангардъ «колонны ген. Волошинова», въ составѣ 325-го пѣх. Царевскаго полка, съ 4-мя сотнями и 9-й Донской каз. батареей (4 орудія), сталъ вытягиваться по дорогѣ изъ Сѣдлиска-Вельке на фольваркъ Марысинъ. Не успѣли головные дозоры дойти до этого фольварка, какъ по колоннѣ былъ открытъ сильный ружейный и пулеметный огонь[18]). Головной отрядъ бокового авангарда разсыпался въ цѣпь, остальныя роты Царевцевъ бѣгомъ удлиннили въ обѣ стороны цѣпь и повели наступленіе. Поражаемыя огнемъ противника съ фронта и фланговъ, густыя цѣпи Царевцевъ сразу стали нести большія потери. Въ числѣ первыхъ былъ смертельно раненъ доблестный командиръ полка, полковникъ Кирилловъ. Второочередной 325-й пѣх. Царевскій полкъ вступилъ въ свой первый бой при самой неблагопріятной обстановкѣ.

9-я Донская каз. батарея, наскоро занявъ позицію у д. Сѣдлиска Вельке, открыла частый огонь по австро-венграмъ атаковавшимъ фольв. Марысина. Приданныя Царевскому полку сотни спѣшились и завязали перестрѣлку съ пѣхотой противника, наступавшей отъ фольв. Карчева.

Главныя силы «колонны ген. Волошинова» (2 1/2 батальона 326-го пѣх. Бѣлгорайскаго полка и остальныя части 3-й Донск. каз. дивизіи) въ это время вытягивались въ походную колонну по дорогѣ отъ южной окраины д. Суходолы къ шоссе Люблинъ-Красноставъ. Впередъ, въ видѣ головного отряда, были высланы двѣ сотни, которыя съ выступленіемъ запоздали и двинулись на рысяхъ. На возвышенности, что къ востоку отъ д. Суходолы, сотни были обстрѣляны со стороны д. Лопенникъ Ляцкій. Казаки быстро спѣшились и открыли огонь. На поддержку прискакало еще нѣсколько сотенъ. 8-я Дон. каз. батарея снялась съ передковъ и начала обстрѣливать д. Лопенники-Ляцкій. 326-й пѣх. Бѣлгорайскій полкъ развернулся въ боевой порядокъ юго-восточнѣе д. Суходолы.

«Въ виду неожиданнаго появленія противника, разсыпаніе въ цѣпь и открытіе огня (какъ пѣхотой, такъ и казаками) происходило въ суетливой, нервной обстановкѣ. На винокуренномъ заводѣ, въ Господскомъ Дворѣ Сѣдлиска-Вельке, произошелъ взрывъ, послѣ чего начался пожаръ. Среди штабныхъ повозокъ и находившихся вблизи обозовъ 1-го разряда, началась паника, которая передалась и въ войска.

Столбы густого дыма, горящія постройки, крики обозныхъ, скачущія повозки — все это производило на солдатъ и казаковъ деморализирующее впечатлѣніе».

---

18) И. Акулининъ былъ свидѣтелемъ этого неожиданнаго огневого нападенія со стороны фол. Марысина. Изъ его рукописи и заимствовано описаніе боя.

Встрѣчный бой въ раіонѣ д. Суходолы, сразу сталъ складываться не въ пользу отряда ген. Волошинова. При первомъ соприкосновеніи обнаружилось полное превосходство силъ и огневыхъ средствъ противника. Густыя цѣпи австрійской пѣхоты повели рѣшительное наступленіе со стороны фольв. Марысина, такъ и отъ д. д. Лопенники (Ляцкій и Русскій), охватывая наши пѣхотныя и казачьи цѣпи съ обоихъ фланговъ. Съ цѣлью прикрытія желѣзной дороги, въ раіонѣ станціи Травники, спѣшенныя казачьи сотни стали постепенно принимать влѣво, т. е. къ сѣверо-востоку отъ шоссе Люблинъ-Красноставъ, распространяясь по возвышенностямъ юго-восточнѣе д. д. Воля-Издиковская и Олесники[19]).

Въ свою очередь, Бѣлгорайцы попытались перейти въ наступленіе. Но такое первое боевое испытаніе оказалось для незакончившей еще свою подготовку второочередной пѣхоты, слишкомъ труднымъ.

«Поражаемая съ фронта и съ фланговъ, пулеметнымъ и артиллерійскимъ огнемъ, она не выдержала натиска противника[20]). Началось поспѣшное отступленіе, которое за д. Суходолы приняло безпорядочный характеръ, не смотря на отчаянныя усилія штаба отряда и офицеровъ полковъ. Отдѣльныя роты и взводы проявили большое мужество и стойкость, но главная масса солдатъ покатилась неудержимымъ потокомъ въ сторону д. д. Пяски и Бискупице. 4 сотни, бывшія съ Царевскимъ полкомъ, въ свою очередь отскочили назадъ и ушли въ сѣверо-западномъ направленіи.

«8-я и 9-я Донск. каз. батареи отошли къ ст. Травники, откуда 9-я Донс. каз. батарея, какъ приданная пѣхотѣ, къ вечеру перешла въ раіонъ д. Пяски (4 орудія).

«Прочія части 3-й Донск. каз. дивизіи, сохранившія относительный порядокъ, сгруппировались у д. Олесники.

«Къ 10 часамъ утра д. д. Сѣдлиска-Велька, Суходолы и Воля Издиковска, были заняты австрійской пѣхотой».

Въ воспоминаніяхъ старшаго адъютанта штаба 82-й пѣх. дивизіи А. Шмидта[21]), конецъ встрѣчнаго боя 325-го пѣх. Царевскаго и 326-го пѣх. Бѣлгорайскаго полковъ, описывается такъ: «Около 10 час. утра рубежъ д. д. Сѣдлиска Вельке-Суходолы-Воля Издиковская, былъ уже занятъ противникомъ. Наши полки, потерявъ около 60% своего состава, были въ полномъ отступленіи. Вся мѣстность къ сѣверу отъ указаннаго рубежа и въ особенности дороги на д. д. Пяски и Бискупице, были полны безостановочно отходившими остатками нашихъ полковъ...».

Несмотря на это отступленіе пѣхоты, главныя силы 3-й Донск. каз. дивизіи пытались задержаться на возвышенностяхъ восточнѣе Красноставскаго шоссе. Но, тѣснимыя съ фронта и съ лѣваго фланга А.-В. пѣхотой, спѣшенныя казачьи сотни, стали постепенно отходить къ д. Олесники, сохраняя относительный боевой порядокъ. Однако тяжелая обстановка, въ которой разыгрался встрѣчный бой, оказала свое психическое воздѣйствіе и на казаковъ. «Нѣкоторыя сотни», пишетъ И. Акулининъ, «не выдержавъ огня про-

---

19) Пишущій эти строки, И. Акулининъ, лично отдалъ приказанія командирамъ сотенъ (отъ имени начальника 3-й Дон. каз. дивизіи) занимать участокъ впереди д. д. Воля Издиковская и Олесники, указывая на важность прикрытія желѣзной дороги.

20) Рукопись И. Акулинина, стр. 8-9.

21) Статьи: 82-ая пѣх дивизія въ Люблинской операціи», напечатаны въ «Русскомъ Инвалидѣ», 1937 года, ном. 89, 90, 92, 93, 94 и 96

тивника, ушли за жел. дорогу или въ сѣверо-западномъ направленіи. Ядро 3-й Донск. каз. дивизіи пыталось удержать въ своихъ рукахъ д. Олесники. Однако, это не удалось. Эта деревня и вся мѣстность вокругъ насквозь простреливалась ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ. Надо было выбирать другой рубежъ. Такимъ рубежомъ оставалась жел. дорога»[22]).

...«Штабъ 3-й Донск каз. дивизіи», продолжаетъ далѣе И. Акулининъ[23]), «считалъ, что главный ударъ противника будетъ направленъ въ сторону жел. дороги, по которой двигались эшелоны съ подкрѣпленіями. (О размѣрахъ этихъ подкрѣпленій въ то время штабу дивизіи не было извѣстно). Въ штабѣ 3-й Донск. каз. дивизіи придавали особенно важное значеніе удержанію въ нашихъ рукахъ жел. дор. моста черезъ р. Вепржъ, разрушеніе котораго грозило пріостановкой жел. дорожнаго сообщенія между Люблинымъ и Холмомъ. Къ этому времени штабъ дивизіи былъ освѣдомленъ, что на ст. Травники съ минуты на минуту ожидаются свѣжія части 82-й пѣх. дивизіи и передовые эшелоны III-го Кавказскаго корпуса; при этомъ, у чиновъ штаба 3-й Донск. каз. дивизіи, почему то составилось въ то время представленіе, что III-й Кавказскій к-съ двигается съ востока, т. е. со стороны Холма, а не изъ Люблина. При такомъ положеніи, жел. дорожный мостъ черезъ р. Вепржъ — находящійся восточнѣе ст. Травники — пріобрѣталъ еще большее значеніе.

«Для непосредственной обороны жел. дор. моста, ген. Евреиновъ направилъ — отъ д. Олесники — командира бригады ген. Кунакова съ 32-мъ Донск. каз. полкомъ (3-4 сотни) и взводомъ 9-й дон. каз. батареи (2 орудія). 13-й Оренбургскій каз. полкъ былъ отправленъ къ ст. Травники. Послѣ отдачи послѣднихъ приказаній въ непосредственномъ распоряженіи командующаго 3-й Донск. каз. див. не осталось ни одной сотни»[24]).

Относительно обороны 32-мъ Дон. казачьимъ полкомъ желѣзнодорожнаго моста черезъ р. Вепржъ, И. Акулининъ[25]) разсказываетъ слѣдующее:

«Для непосредственнаго прикрытія мостовыхъ сооруженій, на опушку лѣса къ югу отъ желѣзной дороги, было выдвинуто двѣ сотни. Впередъ, по долинѣ р. Вепржа, были высланы разъѣзды. Артиллерійскій взводъ (2 орудія 9-й донск. каз. батареи), подъ прикрытіемъ оставшейся сотни, занялъ позицію на возвышенной полянѣ въ лѣсу, сѣвернѣе жел. дороги, откуда очень удачно обстрѣливалъ подступы къ желѣзнодорожному мосту. Попытки А.В. пѣхоты вести здѣсь наступленіе со стороны Олесники были остановлены артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ казаковъ.

«Въ теченіи дня непріятельская артиллерія неоднократно обстрѣливала раіонъ желѣзной дороги и ст. Травники и жел. дорожный мостъ; но огонь А.-В. батарей сосредоточивался, главнымъ образомъ, по мѣстности сѣвернѣе жел. дороги и особенно по станціи и дер. Травники, и по шоссейному мосту черезъ Вепржъ, гдѣ происходило большое скопленіе обозовъ и транспортовъ, уходившихъ на сѣверъ. Поздно вечеромъ, когда совершенно стемнѣло,

---

22) Рукопись ген. Акулинина, стр. 11.

23) Его рукопись, стр. 11-12.

24) Пишущій эти строки (И. Акулининъ) затрудняется указать дальнѣйшее мѣстонахожденіе ген. Евреинова съ его штабомъ (во второй половинѣ дня), т. к. былъ посланъ для розысковъ ген. Волошинова и для установленія связи со штабомъ Гренадерскаго корпуса.

25) Его рукопись, стр. 12-14.

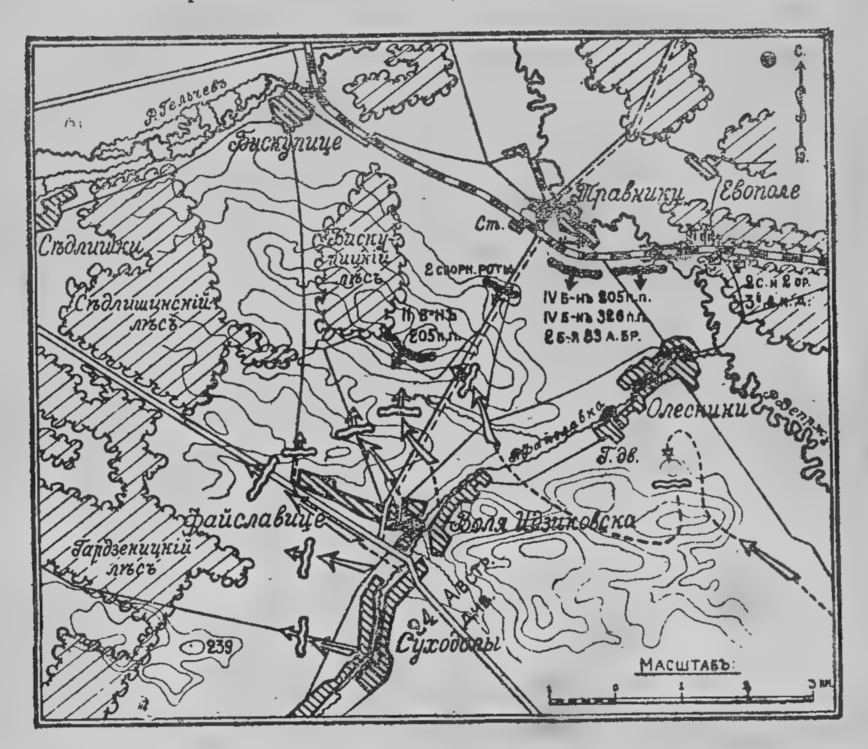
ген. Кунаковъ получилъ отъ ген. Евреинова приказанiе идти на присоединенiе къ дивизiи въ дер. Дорогуча».

По настоянiю подъесаула Быкадорова, уходящiй 32-й Дон. каз. полкъ оставилъ для охраны моста одну сотню. Съ остальными сотнями и артиллерiйскимъ взводомъ ген. Кунаковъ двинулся на д. Дорогуча, куда прибылъ около 2-хъ часовъ ночи. Сюда же былъ отозванъ и 13-й Оренбургскiй каз. полкъ до самаго вечера находившiйся у станцiи Травники.

«Въ теченiи ночи — съ 19 — на 20 августа (съ 1 на 2 сентября) не-

СХЕМА № 8.

Бой подъ Суходолами:
положенiе сторонъ въ 1 час. 19 авг. (1 сент.) 1914 г. подъ Травниками.

большiя партiи непрiятельской пѣхоты и конницы дѣлали неоднократныя попытки приблизиться къ жел. дорожному мосту, но, всякiй разъ уходили назадъ, какъ только казаки открывали ружейный огонь. Такимъ образомъ, сотня 32-го Дон. каз. полка, оставленная на ночь для обороны моста свою задачу выполнила».

Посмотримъ теперь, что происходило въ теченiи дня 19 августа (1 сентября) у станцiи Травники, куда прибывали въ поѣздахъ штабъ 82-ой п. дивизiи, 1½ батал. 326-го пѣх. полка и части головного (205-го полка III-го

Кавказскаго корпуса. Въ д. Травники, лежащей къ сѣверу отъ желѣзно-дорожнаго полотна, были расположены тыловыя учрежденія, обслуживающія Гренадерскій корпусъ: расходный интендантскій магазинъ, мѣстный госпиталь, военно-санитарный транспортъ и резервный гуртъ скота. Здѣсь же былъ расквартированъ этапный батальонъ Гренадерскаго корпуса.

Къ восьми часамъ утра на станцію Травники уже прибыли: 2-я батарея 82-й арт. бригады, IV-й бтл. 205 пѣх. Шемахинскаго полка 52-й пѣх. дивизіи III кавказскаго корпуса, а вскорѣ прибылъ и IV бтл. 326 Бѣлгорайскаго полка 82-й пѣх. дивизіи.

Начальникъ штаба 82-й пѣх. дивизіи, пріѣхавшій на ст. Травники для того, чтобы распоряжаться прибывающими частями этой дивизіи, именемъ «начальника колонны» подчинилъ себѣ батальонъ Шемахинцевъ и приказалъ имѣвшимся на лицо войскамъ оборонять станцію и деревню Травники. Съ этой цѣлью была занята позиція непосредственно къ югу отъ желѣзно-дорожнаго полотна, примкнувъ къ правому флангу спѣшенныхъ частей 3-й Донской казачьей дивизіи.

«За это время головныя части противника продвинулись до д. Олесники, а на высотахъ, южнѣе деревни, появились густыя цѣпи противника. Наша артиллерія открыла огонь, принудившій противника отойти на обратные скаты высотъ и ихъ наступленіе въ этомъ направленіи не возобновлялось».

Около 1 часу дня на станцію прибылъ II-й батальонъ пѣх. Шемахинскаго полка... Къ этому времени выяснилось, что значительныя силы непріятеля наступаютъ отъ д. Воля-Идзиковская на д. Бискупице. Съ цѣлью задержать это наступленіе, только что прибывшій II-й батальонъ Шемахинцевъ былъ направленъ для занятія высотъ, что, примѣрно, въ двухъ километрахъ къ юго-западу отъ станціи Травники, такъ какъ занятіе ихъ противникомъ вело бы къ потерѣ нами станціи. II-й батальонъ 205-го пѣх. полка, оставивъ все снаряженіе въ вагонахъ, высадился лишь съ оружіемъ и огнестрѣльными припасами, развернулся въ боевой порядокъ и двинулся впередъ. «Около 3-хъ часовъ дня, II-й батальонъ 205 пѣх. полка занялъ указанный ему рубежъ и открылъ самый дѣйствительный огонь во флангъ наступавшему за высотами противнику. Неожиданное появленіе Шемахинцевъ внесло большой переполохъ въ рядахъ австрійцевъ, которые, будучи вынуждены подъ нашимъ огнемъ разворачивать свой боевой порядокъ, съ перемѣной фронта пріостановили свое наступленіе. Въ свою очередь Шемахинцы попали подъ сильнѣйшій фланговый огонь австрійцевъ, сбитыхъ нашимъ артиллерійскимъ огнемъ съ высотъ южнѣе д. Олесники и скрыто наступавшихъ по лощинѣ сѣвернѣе д. Воля-Идзиковская. Завязался интенсивный огневой бой...».

«... Въ тыловыхъ частяхъ Гренадерскаго корпуса, расположенныхъ въ д. Травники, поднялась паника; обозы, хлѣбопекарни и т. п. въ полномъ безпорядкѣ бросились изъ деревни по дорогѣ на сѣверо-западъ. Завѣдующій интендантскими складами, ссылаясь на имѣвшіяся у него инструкціи, поджогъ склады, что внесло настроеніе паники и въ строевыя части, раположенныя между д. Травники и р. Вепжъ. 2-я батарея 82-й арт. бригады снялась съ позиціи и направилась къ станціи.

«Оправившійся противникъ въ подавляющемъ численномъ превосходствѣ обрушился съ фронта и фланга на II-й батальонъ 205-го пѣх. полка.

«Шемахинцы были вынуждены начать отходъ съ высотъ, которыя покрылись густыми цѣпями противника. Какъ разъ въ это время, мимо станціи проходила 2-я батарея. Будучи остановлена требованіемъ старшаго адъютанта

штаба дивизіи для немедленной поддержки Шемахинцевъ, она заняла открытую позицію у станціи и открыла бѣглый огонь по противнику, начавшему переваливать черезъ оставленныя Шемахинцами высоты. Противникъ былъ сметенъ съ высотъ, и батарея перенесла свой огонь за высоту. Огонь батареи значительно облегчилъ положеніе II-го батальона 205-го пѣх. полка, отступавшаго къ сѣверу, подъ прикрытіемъ лѣсныхъ зарослей».

«Отходъ II-го батальона 205-го пѣх. полка, обстрѣлъ противникомъ станціи, зарево горящихъ въ тылу интендантскихъ складовъ, опасеніе за пути отхода, повліяли на психику чиновъ IV-хъ баталіоновъ 205-го и 326-го пѣх. полковъ, составлявшихъ боевой участокъ къ югу отъ станціи. Они безъ всякаго давленія на нихъ противника оставили свои позиціи и отошли на сѣверо-востокъ»[26]).

«Общими усиліями чиновъ штаба на станціи былъ наведенъ порядокъ... Противникъ обстрѣливалъ станцію рѣдкимъ огнемъ... Наступали сумерки. Ожидавшіеся въ поддержку III-й и I-й батальоны 205-го пѣх. полка не подошли... средствъ связи не было, желѣзнодорожный телеграфъ и телефонъ не работали; въ д. Травники зловѣщая тишина и зарево пылающихъ складовъ и строеній. Ближайшая обстановка сложилась крайне угнетающая. Станція была беззащитна, такъ какъ 300 деморализованныхъ, съ утра голодныхъ стрѣлковъ, нельзя было считать защитою станціи; къ тому же число стрѣлковъ постепенно таяло, такъ какъ, пользуясь наступившей полутьмою, одиночные люди покидали цѣпь и скрывались. Было рѣшено собрать людей и направиться въ д. Бискупице. Въ полномъ порядкѣ, съ мѣрами охраненія, жалкіе остатки защитниковъ станціи, сформированныхъ изъ чиновъ трехъ различныхъ полковъ, перешли въ д. Бискупице, гдѣ встрѣтились съ отошедшими туда отъ д. Суходолы частями 325-го и 326-го пѣх. полковъ... и съ казачьей сотней. За д. Бискупице оказался высадившійся съ пути III-й батальонъ 205-го пѣх. полка съ двумя ротами II-го батальона того же полка, отступившими туда изъ боя; другія двѣ роты II-го батальона 205-го пѣх. полка прошли въ д. Пяски, куда отступили отъ д. Суходолы остальныя части 82-й пѣх. дивизіи».

Австрійская официальная Исторія Войны такъ описываетъ боевыя дѣйствія X-го корпуса въ этотъ день[27]).

«Генералъ отъ инфантеріи Гуго Мейкснеръ[28]) продолжалъ свое наступленіе на Люблинъ. Его войска отбросили послѣ полудня части 80-й русской дивизіи (не 80-й, а 82-й. — Прим. Н. Н. Г.) и другія русскія войска, захвативъ 1400 плѣнныхъ. Послѣ чего части X-го А.-В. корпуса вышли на линію Файславице-Ченстоборовице. 37-я гонведная пѣх. дивизія, составлявшая правый флангъ V-го корпуса, распространившись на востокъ, измѣнила направленіе своего наступленія съ сѣверо-восточнаго на сѣверное. Послѣ горячаго боя, ей удалось продвинуться до глубокой низины, пролегающей южнѣе д. Хмѣль. Совершенно неожиданно появились на правомъ флангѣ X-го корпуса непріятельскія силы, только что высадившіяся на станціи Травники. Противъ нихъ была спѣшно направлена одна бригада 24-й пѣх. дивизіи, которая отбросила ихъ за желѣзную дорогу».

Изъ этого описанія мы можемъ заключить, что дезорганизованно ведшійся «колонной» ген. Волошинова бой у Суходоловъ произвелъ на австро-

[26]) По направленію къ Влодавѣ.

[27]) Т I, стр. 233.

[28]) Командиръ X-го А.-В. корпуса. — Примѣчаніе Н. Н. Г.

венгерское командованіе меньшее впечатлѣніе, нежели боевыя дѣйствія наскоро объединенныхъ начальникомъ штаба 82-й пѣх. дивизіи эшелоновъ, высадившихся на ст. Травники. Это можетъ быть объяснено двумя причинами: 1) большей боеспособностью частей первоочередной пѣхоты (дѣйствія II-го батальона Шемахинскаго полка) по сравненію съ еще не сплоченными второочередными полками 82-й пѣх. дивизіи; 2) наскоро сформированный начальникомъ штаба 82-й пѣх. дивизіи «отрядъ» имѣлъ чисто оборонительную задачу; подобная задача болѣе посильна импровизированнымъ войсковымъ соединеніямъ (отрядамъ), нежели самостоятельныя операціи, подобныя той, которая была возложена на «колонну» ген. Волошинова.

Обѣщанное штабомъ 4-й арміи содѣйствіе наступленію колонны ген. Волошинова со стороны Гренадерскаго корпуса, не могло состояться изъ за неправильнаго расчета времени. Предназначенная для этой задачи 2-я Гренадерская пѣх. дивизія (безъ 5-го Гренадерскаго Кіевскаго полка и одной батареи Гренадерской артиллерійской бригады) собралась у д. Гардзенице, послѣ ночного марша, только около полудня 19-го августа (1-го сентября). Тамъ уже былъ 331-й пѣх. Златоустовскій полкъ и туда же вскорѣ пріѣхалъ генералъ Мрозовскій. «Боя слышно не было», пишетъ начальникъ 2-й Гренадерской дивизіи генералъ Ставровичъ[29]), «несмотря на то, что станція Травники находилась верстахъ въ 10-12 и что авангардъ дивизіи (7-й гренад Самогитскій полкъ съ двумя батареями и полуротой саперъ), перешелъ р. Гелчевъ и вышелъ на восточную опушку лѣса. Пѣшая развѣдка дивизіи выяснила, что австрійцы занимаютъ возвышенности, лежащія непосредственно къ западу отъ д. Суходолы».

Бой колонны ген. Волошинова у Суходоловъ, какъ мы знаемъ, уже окончился около 10 час. утра. Ко времени выхода авангарда 2-й гренадерской дивизіи на восточную опушку Гардзеницкаго лѣса колонны ген. Волошинова уже отошли къ д. Пяски и къ д. Бискупице.

Такимъ образомъ, части 2-й гренадерской дивизіи никакой прямой помощи бою колонны ген. Волошинова у Суходоловъ не могли оказать. Но появленіе Самогитцевъ на восточной опушкѣ Гардзеницкаго лѣса, въ двухъ километрахъ отъ д. Суходоловъ, не могло не повліять на уменьшеніе размѣровъ катастрофы «колонны ген. Волошинова». Это отвлекло силы 24-й А.-В. пѣх. дивизіи изъ раіона Воли-Идзиковской и Файславице и притянуло ихъ къ югу — въ раіонъ д. Суходоловъ. Появленіе Самогитцевъ на восточной опушкѣ Гардзеницкаго лѣса объясняетъ также и то, что на ночлегъ 24-я А.-В. пѣх. дивизія стала въ Суходолахъ, а приданная ей 10-я маршевая бригада — въ д. Сѣдлиска-Вельке; повидимому, Австро-Венгерское командованіе, считавшее, что русскія войска, дравшіеся въ раіонѣ Воли-Идзиковской, Файславице и Травники, окончательно разгромлены, сосредотачивало свои силы для удара по русскимъ войскамъ, собиравшимся защищаться на восточной опушкѣ Гардзеницкаго лѣса.

Сама станція Травники непріятелемъ занята не была. Въ ночь съ 19 на 20 августа (1 на 2 сентября) черезъ нее прошелъ поѣздъ, въ которомъ изъ Ровно проѣхалъ въ Люблинъ наштаюзъ ген. М. В. Алексѣевъ. Такимъ образомъ, прорыва у станціи Травниковъ фактически не было.

29) Письмо ген. Ставровича отъ 27-го мая 1926 г. генералу Головину; хранится

ШТАБЪ 4-ой АРМІИ ПОДЪ ВПЕЧАТЛѢНІЕМЪ НЕУДАЧИ «КОЛОННЫ» ГЕН. ВОЛОШИНОВА.

Тыловыя учрежденія всегда болѣзненнѣе реагируютъ на боевую неудачу, чѣмъ сами дерущіеся войска. Интендантскій чиновникъ, поджегшій свои склады на станціи Травники, дѣйствовалъ болѣе подъ вліяніемъ паники, нежели изъ намѣренія не отдать припасы непріятелю. Параграфъ имѣвшейся у него инструкціи являлся скорѣе формальнымъ претекстомъ, нежели дѣйствительнымъ основаніемъ его поведенія. Поджигая склады въ непосредственномъ тылу дерущихся войскъ, онъ сѣялъ панику среди нихъ. Какъ мы теперь знаемъ, станція Травники была очищена нами и склады сожжены напрасно.

«Потеря вѣры въ побѣду», вспоминаетъ о Міровой войнѣ на французскомъ фронтѣ генералъ Сериньи[30]), «начинается среди тѣхъ, кто не дерется. Маршалъ Мармонъ въ своемъ трудѣ «Духъ военной организаціи» разсказываетъ, что въ древнихъ фалангахъ всегда люди заднихъ рядовъ начинали бѣгство. Въ бояхъ минувшей войны это явленіе повторялось и теперь: обыкновенно писаря и личный составъ различныхъ тыловыхъ учрежденій были первыми сѣятелями паники. Противоположное было бы удивительно: менѣе привыкшіе къ боевымъ впечатлѣніямъ, влитые при мобилизаціи въ ничтожные «кадры», въ особенности же потому, что ихъ вниманіе не можетъ быть приковано дѣйственнымъ участіемъ въ бою, эти люди естественно должны являться морально менѣе устойчивыми. Утеря вѣры въ побѣду поразительно растетъ, по мѣрѣ удаленія отъ поля сраженія. Подъ вліяніемъ какъ бы оптическаго обмана, все преувеличивается — и успѣхъ, и неудача. Вмѣсто того, чтобы видѣть реальное положеніе вещей, тылъ живетъ впечатлѣніями разсказовъ раненыхъ и уклонившихся, которые излагаютъ событія въ зависимости отъ состоянія своего духа. Преувеличеніе становится, такимъ образомъ, правиломъ. Можно утверждать, что происходящія въ дѣйствительности событія никогда не бываютъ столь хороши или плохи, какъ это кажется по первому впечатлѣнію тѣмъ, кто находится въ тылу».

Для того, чтобы составить себѣ истинное представленіе о томъ, какъ воздѣйствовала неудача колонны генерала Волошинова на органы управленія 4-й арміи, нужно понять ту психическую обстановку, которая создалась на лѣвомъ флангѣ этой арміи къ вечеру 19-го августа (1 сентября).

Вотъ два свидѣтельства, исходящія отъ младшаго строевого офицерства частей войскъ, спѣшно направленныхъ Штармомъ изъ Люблина на востокъ для противодѣйствія охвату врагомъ лѣваго фланга 4-ой арміи.

Эти свидѣтельства интересны именно тѣмъ, что принадлежатъ представителямъ только что прибывшихъ «свѣжихъ» войсковыхъ частей, вслѣдствіе чего они могли болѣе объективно судить о «мѣстной психикѣ». Послѣдняя, конечно, создалась не только неудачей 19-го августа (1-го сентября) у Суходоловъ. Неудачное начало Люблинскаго сраженія, послѣ котораго Гренадерскій корпусъ, понесшій большія потери, долженъ былъ отступить къ Люблину, а затѣмъ только обороняться, вызвало пониженіе духа войскъ этого корпуса. Тутъ сказывалось и большое утомленіе десяти-дневнымъ боевымъ напряженіемъ. При такомъ психическомъ предрасположеніи, неудача «колонны Волошинова» должна была быть воспринята особенно болѣзненно.

Первое изъ приводимыхъ мною свидѣтельствъ принадлежитъ командиру

---

30) Général Serigny. Reflexions sur l'art de la Guerre.

пулеметной команды лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка — поручику барону С. А. Торнау[31]).

«Раннимъ утромъ эшелонъ», пишетъ бар. С. Н. Торнау, «подошелъ къ Люблину. Вокзалъ былъ переполненъ ранеными, шедшими съ позицій, которыя находились неподалеку. На полѣ, вблизи отъ вокзала, команда встала бивуакомъ, ожидая подхода остальныхъ частей полка. Когда весь полкъ былъ въ сборѣ, пришло распоряженіе немедленно двигаться дальше въ южномъ направленіи. По пути слѣдованія встрѣчались намъ, шедшіе одиночнымъ порядкомъ, легко раненые солдаты, преимущественно въ руку или ногу. Солдаты эти принадлежали къ частямъ гренадерскаго корпуса, и на жадные разспросы нашихъ солдатъ о положеніи на фронтѣ, отвѣчали очень пессимистически. Часто приходилось слышать отъ нихъ фразы: «что его валитъ видимо-невидимо и что они уже много дней отступаютъ, такъ какъ нѣтъ возможности держаться». Впослѣдствіи, на опытѣ, мы убѣдились, что къ показаніямъ раненыхъ нужно относиться критически, такъ какъ они отличаются большей частью пессимизмомъ».

Второе изъ приводимыхъ мною свидѣтельствъ принадлежитъ капитану В. Иванову, командиру 2-й роты 81-го пѣх. Апшеронскаго полка (III Кавказскаго корпуса). Первая его запись относится къ вечеру 19-го августа (1-го сентября), вторая же — къ раннему утру 20-го августа (2-го сентября).

«Всѣ мы оставались въ вагонахъ впредь до распоряженій. Отлучаться отъ эшелоновъ — запрещено. Часовъ около 15 сигналъ «сборъ», и мы тронулись первымъ же эшелономъ въ направленіи на Холмъ».

«Кто то изъ офицеровъ сказалъ, что за нами очень близко слѣдуетъ нашъ 2-й эшелонъ, и, дѣйствительно, въ верстахъ двухъ за нами виднѣлся слѣдующій за нами поѣздъ. Очевидно, обстановка складывалась такъ, что было допущено рѣдкое изъятіе изъ обычнаго слѣдованія поѣздовъ. Изъ окна вагона было видно, что на юго-востокѣ что то горѣло, горизонтъ былъ застланъ какою то мглою и дымомъ. Горѣли, очевидно, деревни и села».

«Чѣмъ дальше мы продвигались къ востоку, тѣмъ картина становилась все мрачнѣе и мрачнѣе... Правѣе полотна желѣзной дороги виднѣлись спѣшно отходившіе безъ дорогъ, полемъ обозы въ направленіи на Люблинъ. Впереди, на юго-востокѣ ясно стало видно пламя и густой дымъ, и стали говорить, что это горитъ желѣзнодорожная станція Травники...».

«И безъ поясненій было видно, что у насъ назрѣваетъ катастрофа, во всякомъ случаѣ, обстановка сложилась для насъ очень неблагопріятно...».

Полкъ вытянулся въ походную колонну около 4 1/2 час. утра (20-го августа-2-го сентября) по Красноставскому шоссе. Прошли мостъ черезъ р. Гелчевъ и увидѣли у шоссе кучку солдатъ, варящихъ въ котелкахъ картошку, то были Бѣлгорайцы и Царевцы, которые на вопросы, почему они здѣсь, отвѣчали:

«— Усѣхъ до чиста нѣмецъ побилъ...» — А вы что тутъ дѣлаете? спрашивали наши солдаты. — «Картошку варимъ...» — Значитъ, нѣмецъ не всѣхъ побилъ... — смѣялись наши солдаты. На нѣкоторое время сконфуженное молчаніе, а потомъ — «что же мы подѣлаемъ безъ ахфицеровъ, ахфицеровъ нѣмецъ усѣхъ побилъ...».

«За мостомъ влѣво по буграмъ видны окопы, неважные, для стрѣльбы съ колѣна. Окопы на взводъ, отдѣленіе. Въ окопахъ солдаты, которые спрашиваютъ (Царев

31) Баронъ С. А. Торнау: «Съ роднымъ полкомъ (1914-1917 г. г.)», изд. въ Берлинѣ, 1923 г. — Стр. 18-19.

цы) — «куда, братцы, идете?» — Бить нѣмца» — отвѣчали наши. «Нѣмца сила, такъ и претъ... Иди, иди, онъ те покажетъ», говорили Царевцы. Наши смѣялись и быстро проходили дальше»[32]).

То что происходило въ самомъ Штабѣ 4-й арміи, я могъ воочію видѣть, такъ какъ мой полкъ (Лейбъ-гвардіи Гродненскій гусарскій) 19-го августа (1-го сентября) былъ на дневкѣ въ Люблинѣ[33]). Во второй половинѣ дня я зашелъ въ отдѣленіе генкварма и былъ пораженъ той суетливой примитивностью, съ которой происходила оперативная работа. Примѣняемые методы могли быть допустимы въ штабѣ полка, самое большое въ штабѣ дивизіи, но не въ штабѣ арміи. Все что происходило, наглядно показывало, что наштармъ ген. Гуторъ плохо представлялъ себѣ, какъ должно происходить оперативное управленіе Арміи. Появившись въ средѣ младшихъ офицеровъ оперативнаго и развѣдывательнаго отдѣленій Штарма 4, многіе изъ которыхъ слушали мои лекціи въ Академіи по Службѣ Генеральнаго Штаба, я оказался въ щекотливомъ положеніи. Мои ученики, удивленные полнымъ несоотвѣтствіемъ того, что имъ преподавалось съ кафедры, съ тѣмъ, какъ протекала работа въ Штабѣ арміи въ дѣйствительности, засыпали меня недоумѣнными вопросами, отвѣчать на которые мнѣ было трудно, такъ какъ приходилось въ корнѣ подрывать авторитетъ ихъ начальника. Я поторопился вернуться въ свой полкъ съ тяжелымъ сознаніемъ, что мрачныя предположенія, которыя мучили меня въ первый періодъ Галиційской Битвы, къ несчастью подтверждались. Какъ правило безъ исключенія, приказанія изъ Штаба арміи получались съ такимъ запозданіемъ, что выполнять ихъ было нельзя; какъ правило, насъ безъ толку «дергали», заставляя производить ненужные марши; въ критическія минуты мы оставались не только безъ указаній, но даже безъ оріентировки; это не мѣшало Штабу арміи вмѣшиваться въ подробности выполненія, которыя всецѣло входили въ кругъ обязанностей нашего начальника дивизіи генерала кн. Туманова. Все это происходило потому, что руководители Штарма 4 не имѣли никакого представленія о началахъ «научной организаціи», безъ которой работа органовъ высшаго оперативнаго управленія не можетъ протекать съ должнымъ спокойствіемъ и производительностью.

Дезорганизованностью управленія и объясняется та излишняя нервность, съ которой отнеслись верхи 4-й арміи сначала къ отходу отъ Красностава (XXV корпусъ арміи генерала Плеве), а 19-го августа (1-го сентября), къ неудачѣ генерала Волошинова. Въ одномъ изъ послѣдующихъ очерковъ мы болѣе подробно разсмотримъ, имѣлъ ли Штарм 4 основанія для того, чтобы такъ опасаться того, что его испуганное воображеніе окрестило словами: «Прорывъ у Травниковъ». Если переоцѣнка опасности естественна со стороны интендантскаго чиновника, поджигавшаго тамъ склады, то со стороны Штаба Арміи требовались прежде всего трезвый стратегическій учетъ обстановки и спокойствіе. Этого не было наканунѣ, когда колонна Волошинова, составленная изъ наскоро собранныхъ батальо-

32) Рукопись ген.-маіора В. Иванова «Бой 81-го пѣх. Апшеронскаго Императрицы Екатерины Великой и Его Имп. Высочества Великаго Князя Георгія Михайловича полка 20 августа 1914 г., у сел. Файславице и Суходолы». — Хранится въ архивѣ проф. ген. Н. Н. Головина.

33) Отдѣльная кавалерійская бригада, приданная временно къ 13-й кав. дивизіи, была 18-го (31) августа отозвана на присоединеніе къ Гвардейскому корпусу.

новъ второочередной пѣхоты безъ артиллеріи, была брошена въ авантюру. Еще меньше проявилъ Штарм 4 стратегическаго расчета и спокойствия 19-го августа (1-го сентября), когда начали поступать тревожныя донесенія о колоннѣ ген. Волошинова и со станции Травники.

Для того, чтобы показать, какъ нервность распоряженій Штарма 4 отражалась на войскахъ, я опять приведу выдержки изъ воспоминаній очевидцевъ.

Первая изъ этихъ выдержекъ взята изъ воспоминаній офицера л.-гв. Егерскаго полка Скорино, бывшаго въ изучаемые нами дни въ штабѣ 1-ой гв. пѣх. дивизіи въ качествѣ ординарца начальника дивизіи[34]).

Вотъ какъ въ этихъ воспоминаніяхъ разсказывается со словъ начальника штаба 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи полковника Рыльскаго о первомъ свиданіи начальника дивизіи ген. Олохова съ командующимъ 4-й арміей, имѣвшемъ мѣсто въ Штармѣ 4 утромъ 19-го августа (1-го сентября).

«...Ген. Эвертъ и его начальникъ штаба ген. Гуторъ ознакомили съ положеніемъ на фронтѣ, указавъ на безостановочное продвиженіе Австрійцевъ, угрожающее уже перерывомъ желѣзно-дорожной линіи Ивангородъ-Холмъ, на тяжелыя потери арміи, особенно Гренадерскаго корпуса. Генералъ Эвертъ предложилъ начальнику дивизіи утромъ, 20-го числа (2-го сентября) атаковать и разбить противника, тѣснившаго наши войска въ раіонѣ д. д. Суходолы-Сѣдлиска Вельке. Генералъ Олоховъ доложилъ, что къ этому времени дивизія не успѣетъ сосредоточиться и что въ его распоряженіи будетъ только три полка — Преображенскій, Семеновскій, Егерскій — и три батареи л. гв. 1-й арт. бригады, которыхъ, по его мнѣнію, недостаточно для успѣшнаго выполненія поставленной ему задачи. Командующій арміей возразилъ, что создавшаяся на фронтѣ обстановка не позволяетъ ему медлить, требуетъ отъ него быстрыхъ и рѣшительныхъ дѣйствій и категорическимъ тономъ подтвердилъ свое приказаніе: на слѣдующее же утро атаковать противника. Тутъ же онъ отдалъ распоряженіе о подчиненіи 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи генералу Мрозовскому (командиръ Гренадерскаго корпуса) и о включеніи въ его группу впредь до сосредоточенія Гвардіи и прибытія генерала Безобразова (командиръ Гвардейскаго корпуса)».

«Выйдя отъ командующаго арміей», пишетъ далѣе полк. Скорино, «начальникъ дивизіи приказалъ мнѣ отправиться въ Штабъ дивизіи, гдѣ принимать донесенія отъ частей и распоряженія Арміи и вечеромъ быть готовымъ къ выступленію, а самъ онъ отправился съ начальникомъ Штаба и ген. барономъ Бринкеномъ (командиромъ 1-й бриг. Л. Гв. 1-й пѣх. дивизіи) къ командиру Гренадерскаго корпуса для представленія и полученія дальнѣйшихъ указаній».

«Около пяти час. дня въ Штабъ дивизіи[35]) прибылъ офицеръ изъ Штаба Арміи и передалъ мнѣ кусокъ бумаги, на которомъ было написано всего нѣсколько строкъ. Взявъ въ руки бумагу, я прочелъ съ удивленіемъ подписанное ген. Эвертомъ приказаніе: дивизіи немедленно выступить на фронтъ и утромъ 20-го атаковать и разбить противника. Меня очень удивило, что такой важный документъ былъ присланъ въ видѣ простой записки и при этомъ даже не въ конвертѣ».

Это приказаніе было передано старшему изъ наличныхъ командировъ полковъ — ген. Буковскому. Послѣдній, подтверждая фактъ полученія «при-

[34]) Рукопись любезно прислана мнѣ бывшимъ командиромъ л. гв. Егерскаго полка генераломъ А. Буковскимъ; хранится въ моемъ архивѣ.

[35]) 1-ая гвард. пѣх. дивизія собиралась по мѣрѣ прибытія эшелоновъ въ раіонѣ Глуска, въ 5-8 километрахъ къ югу отъ г. Люблина. — Примѣчаніе Н. Н. Г.

каза въ видѣ записки на клочкѣ бумаги», цитируетъ его содержаніе въ нѣсколько иной редакціи: «Противникъ въ превосходныхъ силахъ прорывается къ станціи Травники. Гренадерскій корпусъ, изнемогая въ борьбѣ, понесъ большія потери; предписываю дивизіи немедленно выступить въ направленіи на...... и разбить противника»[36]). Въ 7 час. вечера части двинулись на Майданъ Козице, куда прибыли около 11 часовъ вечера; выступленіе было назначено на слѣдующій день на разсвѣтѣ.

Теперь приведу вторую выдержку изъ воспоминаній очевидцевъ, свидѣтельствующихъ о томъ, какъ «нервность» управленія Штарма 4 приводила къ излишнимъ усиліямъ войскъ и вызывала «нервничаніе» даже въ лучшихъ частяхъ.

«У полустанка Минковице», записываетъ свои впечатлѣнія о вечерѣ 19-го августа (1-го сентября) уже цитированный мною выше командиръ роты 81-го Апшеронскаго полка капитанъ Ивановъ[37]), «нашъ поѣздъ остановился у товарнаго пакгауза и было приказано намъ спѣшно высаживаться. Подошелъ вслѣдъ за нами нашъ 2-й эшелонъ (2-й батальонъ съ пулеметной командой). При эшелонѣ былъ командующій полкомъ ген.-м. Веселовскій, который и приказалъ оставить на полустанкѣ солдатскіе вещевые мѣшки, полотнища палатокъ и т. д., оставивъ на себѣ только шанцевый инструментъ и захвативъ возможно больше патроновъ. Оставляемыя вещи были сложены въ пакгаузѣ, и для окарауливанія ихъ было оставлено отъ каждой роты по два солдата изъ числа наиболѣе слабыхъ. Офицеры вооружились винтовками и набили патронами карманы брюкъ и шинелей».

«Нашему 1-му батальону было приказано построиться и двигаться по проселочной дорогѣ на ст. Хмѣль[38]), при чемъ ген. Веселовскій указалъ, что лѣвѣе насъ по другой дорогѣ будетъ двигаться 2-й батальонъ съ пулеметной командой, а остальные наши батальоны будутъ направлены, по мѣрѣ подхода, еще лѣвѣе въ томъ же направленіи на сел. Хмѣль...».

«Солнце, багряно-кровавое, было совсѣмъ низко, когда мы тронулись по проселочной дорогѣ, выславъ впередъ, вправо и влѣво дозоры. Мѣстность была ровная, слегка понижающая отъ полотна желѣзной дороги. Кое-гдѣ виднѣлись небольшія рощицы. Горизонтъ былъ покрытъ мглою и дымомъ».

«Шли быстро. По дорогѣ никого не встрѣчали, все было пусто, какъ будто бы передъ грозой все попряталось.... Всѣ офицеры шли пѣшкомъ, такъ какъ верховыхъ лошадей не дожидались, пока ихъ высадятъ изъ вагоновъ. Всѣ были серьезны и сосредоточены, не слышно было ни смѣха, ни обычныхъ шутокъ. Движеніе въ порядкѣ, безъ растягиванія... Въ концѣ часа командиръ батальона подполковникъ Григорчукъ остановилъ батальонъ на пять минутъ. Закатъ и вечерняя заря держались очень долго, и при отблескахъ вечерней зари мы увидѣли впереди по дорогѣ очень высокіе столбы съ перекладинами, обвитые хмѣлемъ — то было сел. Хмѣль, куда мы шли».

«Не доходя селенія, подскакалъ конно-ординарецъ и передалъ приказаніе итти въ мѣстечко Пяски».

---

36) «Лейбъ-Егеря въ Великую войну (воспоминанія командира полка)», стр. 4. — Рукопись хранится въ архивѣ ген. Н. Н. Головина.

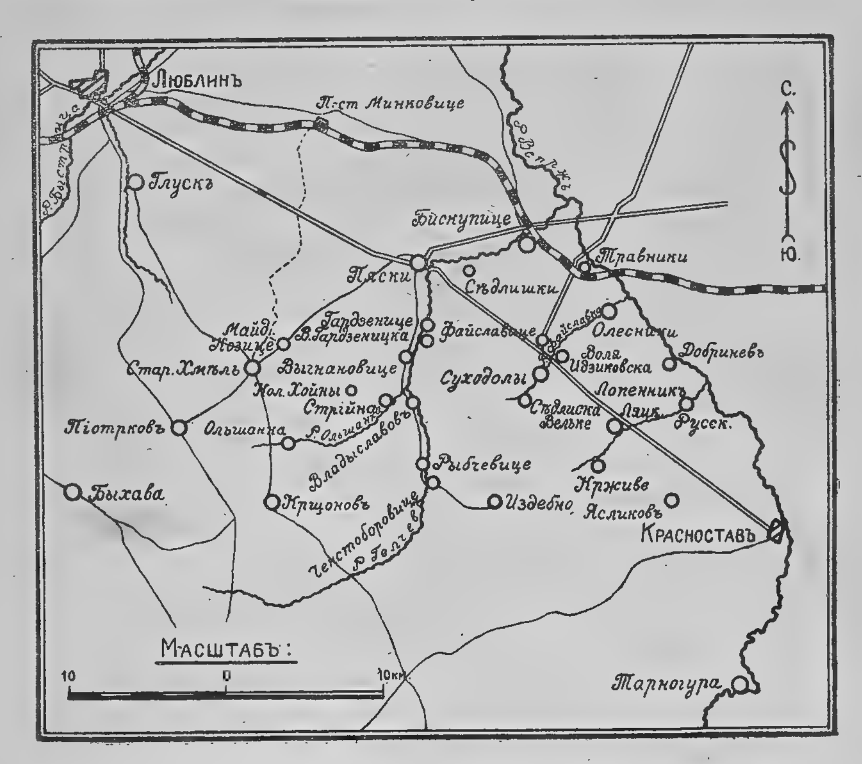
37) «Бои 81 пѣх. Апшеронскаго Императрицы Екатерины Великой и Его Имп. Выс. Вел. Кн. Георгія Михайловича полка 20 авг. 1914 г. у сел. Файсловице и Суходолы» — Рукопись, стр. 2, 3, 4. — Хранится въ архивѣ проф. ген. Н. Н. Головина.

38) Около 15 километровъ похода. — Примѣчаніе Н. Н. Г.

Апшеронцамъ приходилось поворачивать назадъ и въ сторону, чтобы сдѣлать еще 10 километровъ. Если бы они были направлены сразу со станціи Минковице въ мѣстечко Пяски, они бы прошли бы всего 15 километровъ. Дополнительные 10 километровъ, которые должны были теперь сдѣлать Апшеронцы, представляли собою ночной маршъ, всегда тяжелый для войскъ. Такимъ образомъ, только что высадившійся изъ поѣздовъ пѣхотный полкъ

СХЕМА № 9.

Раіонъ боевыхъ дѣйствій лѣваго фланга 4-й Русской арміи въ началѣ сентября (н. ст.) 1914 г.

вынужденъ былъ ночью блуждать въ условіяхъ почти неизвѣстной ему обстановки. Какъ отразилась эта дезорганизація въ управленіи войсками на самомъ полку, будетъ видно изъ послѣдующаго разсказа того же капитана Иванова. Я считаю только нужнымъ добавить, что на слѣдующій же день 81-й пѣх. Апшеронскій полкъ показалъ, какой высокой степени достигла его боевая доблесть и подготовка мирнаго времени.

«Подполковникъ Григорчукъ приказалъ мнѣ», записываетъ капитанъ Ивановъ, «со второй ротой итти во главѣ батальона, ротѣ же Его Высочества со знаменемъ итти послѣдней. Свернули мы почти подъ прямымъ угломъ влѣво и пошли по ново-

му направленію. Впереди и вправо были видны отдѣльныя рощи и лѣсъ, къ которому мы и подошли, когда уже совсѣмъ стемнѣло. **Ни картъ, ни плановъ ни у кого не было**[39]), а потому трудно было оріентироваться. Въ началѣ движенія мы видѣли 2-й батальонъ, двигавшійся лѣвѣе насъ около версты, но гдѣ онъ былъ теперь, и гдѣ были остальные батальоны? Очевидно, что гдѣ то лѣвѣе насъ, и возможно, что перемѣнили направленіе раньше насъ».

«Дозоры мы оттянули ближе къ себѣ и шли теперь по дорогѣ, идущей параллельно опушкѣ лѣса. Влѣво попадались отдѣльныя рощицы. На небѣ появились облака, и взошедшая луна иногда просвѣчивала сквозь разрывы облаковъ. Вдругъ гдѣ то впереди послышался выстрѣлъ, черезъ секунды 3-4 гдѣ то впереди и лѣвѣе насъ нѣсколько винтовочныхъ выстрѣловъ, залпъ и затѣмъ безпорядочная трескотня все въ томъ же мѣстѣ. Нѣсколько пуль шлепнулось и рикошетировало около насъ... Безпорядочная трескотня выстрѣловъ усилилась, и пули начали жалобно пѣть гдѣ то у насъ надъ головами».

«Все шарахнулось съ дороги вправо, и на дорогѣ — я одинъ съ подполковникомъ Григорчукомъ. — «2-я рота, стой! ложись! фронтомъ къ дорогѣ», закричалъ я, что было силы, и при выглянувшей изъ облаковъ лунѣ увидѣлъ, что люди слушаются и ложатся фронтомъ къ дорогѣ, т. е. къ намъ. Я почувствовалъ, что нужно быстро овладѣть волей людей, а то будетъ паника, поэтому громко, раздѣльно и нарочно спокойно сказалъ: «Ребята, не смѣть снаряжать винтовки, а то побьемъ своихъ. Влѣво наши II-й и III-й батальоны, — это они и стрѣляютъ. Въ той сторонѣ и наши дозоры».

«Послышались голоса офицеровъ, повторявшихъ мою команду и вторящіе имъ голоса унтеръ-офицеровъ. Почувствовалось, что волею людей удалось овладѣть, и что теперь паники уже не можетъ быть».

«Впереди послышался стукъ копытъ скачущихъ всадниковъ, и я снова раздѣльно крикнулъ: «Не смѣть стрѣлять...» По дорогѣ къ намъ мчались 4-5 всадниковъ. Схватилъ я винтовку, готовясь всадить штыкъ въ перваго, кто налетитъ на меня, и закричалъ дикимъ голосомъ: «Стой, с. с. Куда скачете? Угорѣлъ что ли?» Закричалъ и подполковникъ Григорчукъ».

«2-3 всадника промчались мимо насъ бѣшеннымъ карьеромъ, но все таки при слабомъ свѣтѣ луны успѣлъ различить, что это наши, русскіе солдаты. Одинъ всадникъ все таки задержалъ коня и, когда я заоралъ на него: — «Кто ты?.. Куда скачешь? Здѣсь Апшеронцы...», — онъ видимо узналъ меня и отвѣтилъ: «Мы, Ваше Выс-іе, пулеметчики Апшеронцы. Перепугались. Тамъ стрѣляютъ...» — «Вотъ дураки-то», разсмѣялся я, «на войну пришли, стрѣляютъ, а потому, значитъ, и нужно удирать. Вотъ такъ вояки...».

«Подскакало еще 2-3 всадника, остановились, вернулись, и тѣ, что проскакали мимо меня и подполковника Григорчука, и начали сконфуженно объяснять, что есть убитые и раненые во 2-мъ батальонѣ. Подполковникъ Григорчукъ пристыдилъ пулеметчиковъ и приказалъ имъ возвращаться назадъ тѣмъ болѣе, что перестрѣлка впереди и влѣво прекратилась, и слышны были тамъ крики команды. Ясно было, что стрѣляли свои по своимъ. Приказалъ я своей ротѣ подняться, вывелъ ее снова на дорогу, подошли и другія наши роты, пристыдилъ ихъ подполковникъ Григорчукъ, и снова мы двинулись впередъ по дорогѣ, вышли на шоссе и къ часамъ 23 дошли до м. Пяски, гдѣ и размѣстились на ночлегъ по домамъ, указаннымъ квартирьерами, высланными нами впередъ съ послѣдней остановки».

---

39) Курсивъ мой. — Н. Н. Г.

Изъ приведенныхъ только что воспоминаній мы видимъ, что вмѣсто того, чтобы ввести войска въ бой «свѣжими», Штарм 4 изматывалъ ихъ силы и, что хуже всего, «нервировалъ» ихъ.

Не подлежитъ спору, что войска должны быть способны на форсировку. Болѣе того, чѣмъ лучше войска, тѣмъ большую форсировку можно отъ нихъ потребовать. Но основное требованіе стратегія заключается въ томъ, чтобы требовать ее отъ войскъ только тогда, когда она дѣйствительно необходима, а не пользоваться ею какъ нормальнымъ методомъ, взмѣщающимъ отсутствіе стратегическаго расчета. Въ разсматриваемомъ нами случаѣ этотъ расчетъ заключался въ рѣшеніи вопроса: нужно ли возобновить наступленіе на Суходольскомъ полѣ сраженія 20-го августа (2-го сентября) или можно было подождать одинъ-два дня? При второмъ рѣшеніи сосредоточеніе войскъ производилось бы болѣе спокойно, а главное, направляемые въ атаку войска обладали бы нужными для атаки средствами, т. е., прежде всего, артиллеріей. Теперь же при частяхъ III-го кавказскаго корпуса не имѣлось ни одной батареи, а въ I-й гвардейской пѣх. дивизіи — всего три батареи.

Спѣшка, съ которой монтировалась атака 20-го августа (2-го сентября), выразилась и въ томъ, что пришлось опять прибѣгнуть къ импровизаціоннымъ соединеніямъ. На этотъ разъ Штарм 4 не побоялся уже слова «отрядъ». Онъ объединилъ всѣ собранныя на лѣвомъ флангѣ войсковыя части въ видѣ «отряда генерала Мрозовскаго». Составъ этого «отряда» указанъ въ нижеприводимой таблицѣ (на слѣдующей страницѣ).

Эта таблица наглядно показываетъ результатъ суеты, съ которой распоряжался Штарм 4 подъ впечатлѣніемъ «Травниковскаго прорыва». «Отрядъ» генерала Мрозовскаго оказался состоящимъ изъ частей **семи** пѣхотныхъ и **одной** конной дивизіи. При этомъ на пѣхоту силой въ 40 батальоновъ (т. е. на пѣхоту, могущую составить силу полутора корпусовъ) было придано всего 8 пѣшихъ и 2 конныхъ батареи.

Въ часто цитируемой мною книгѣ Бѣлова[40]) говорится, что въ составѣ отряда генерала Мрозовскаго имѣлось 108 орудій. Къ сожалѣнію этотъ авторъ, имѣвшій возможность ознакомиться съ архивами, не даетъ перечисленія батарей. Между тѣмъ батареи, перечисленныя мною выше по имѣющимся въ моемъ распоряженіи документамъ составляли всего 76 орудій. Я думаю, что Бѣлой былъ введенъ въ заблужденіе, считая, что 1-я гвардейская дивизія и части III кавказскаго корпуса имѣли съ собою всю свою артиллерію, а именно: 1-я гвардейская дивизія шесть, а не три батареи, а Апшеронцы и Шемахинцы — три батареи (въ дѣйствительности — ни одной). Я считаю, что предлагаемое мною исчисленіе болѣе вѣрно. Принявъ его, сразу бросается въ глаза та недостаточность въ артиллерійскихъ средствахъ, съ которой бросалась въ атаку наша пѣхота. Это являлось также однимъ изъ проявленій тѣхъ пережитковъ «ударной тактики», которые еще продолжали существовать среди верховъ нашего командованія, но главной причиной, конечно, была торопливость, съ которой Штабъ арміи предпринималъ контръ- наступленіе на своемъ лѣвомъ флангѣ.

Согласно приказу генерала Мрозовскаго, его отрядъ долженъ былъ, съ утра 20-го августа (2-го сентября), атаковать непріятеля, занявшаго наканунѣ высоты западнѣе Сѣдлиско-Вельке, Суходолы и Воля Идзиковская.

---

[40]) Стр. 292.

ТАБЛИЦА № 3.

СОСТАВЪ «ОТРЯДА ГЕН. МРОЗОВСКАГО» КЪ РАЗСВѢТУ 20 АВГУСТА (2 СЕНТЯБРЯ) 1914 ГОДА.

Наименованіе дивизій и полковъ	батальоновъ:	батарей	сотенъ	
А. Части, находившіяся уже въ подчиненіи командира Гренадерскаго корпуса[40])				
2-я грен. дивизія:				Собраны въ раіонѣ д. Гардзенище къ полудню 19 августа (1 сентября)
6-й Таврическій п.	4			
7-й Самогитскій п.	4			
8-й Московскій п.	4			
2-я грен. арт. бриг.		5		
83-я пѣх. дивизія:				
331 Златоустовскій п.	4			
1-я грен. дивизія:				
2-й Ростовскій п.	1			
4-й Несвижскій п.	1			
Б. Части Гвардіи.				
1-я гв. пѣх. дивизія:				Подошли къ ночи на 20-ое августа (2 сентября) въ раіонъ д. Майданъ Козище.
Л. гв. Преображенскій п.	4			
Л. гв. Семеновскій п.	4			
Л. гв. Егерскій п.	4			
3-я, 5-я и 6-я бтр. л. гв. 1-й арт. бригады		3		
В. «Колонна генерала Волошинова.				
82-я пѣх. дивизія[41]):				Остатки «колонны» генерала Волошинова, послѣ неудачнаго боя у Суходоловъ, собрались у д. Пяски и у д. Бискупце: въ ночь на 20-ое августа (2 сентября) къ д. Пяски подошелъ только что высадившійся на ст. Минковице 81-й пѣх. Апшеронскій полкъ.
Остатки:				
325 Царевскаго п.	ок.			
326 Бѣлгорайскаго п.	3-4 т.			
21-я пѣх. дивизія:				
81-й Апшеронскій п.	4			
52-я пѣх. дивизія[41]):				
205 Шемахинскій п.	3			
9-я Донская конная батарея (изъ состава 3-й Донской каз. дивизіи).		1		
Г. 3-я Донская Казачья Дивизія.				
3-я Дон. каз. дивизія:		1	18	У д. Дорогуча на р. Вепржъ (къ сѣверу отъ д. Бискупце)
ИТОГО	ок. 40	10	18	

41) IV-й бтл. 325 Царевскаго полка, четвертый батальонъ 205 Шемахинскаго п. съ одной батареей (2-й) 82-й арт. бригады отступили 19 авг. (1 сент.) отъ д. Травники на Влодаву и въ бою 20 авг. (2 сетн.) не участвовали.

Этотъ оперативный приказъ ген. Мрозовскаго приводилъ къ встрѣчному бою съ X-мъ А.-В. корпусомъ.

Командиръ послѣдняго — ген. Гуго Мейкснеръ, выполняя приказъ своего командующаго арміей, приказалъ своимъ дивизіямъ съ утра 20-го августа (2-го сентября) продолжать наступленіе на Люблинъ.

Въ первой линіи этого наступленія съ фронта д. Ченстоборовице-д. Олесники должны были двинуться 2-я и 24-я А.-В. пѣхотныя дивизіи, имѣя между собою 10-ю маршевую бригаду. На поддержку имъ подтягивалась къ д. Лопенники 45-я пѣхотная дивизія, ночевавшая нѣсколько сѣвернѣе д. Тарногура, въ расчетѣ, что Красноставъ будетъ занятъ отрядомъ полковника Герцжанскаго (пѣх. полкъ съ двумя батареями изъ состава 4-й пѣх. дивизіи, входившей въ составъ II-го А.-В. а. корпуса[42]).

Атакѣ X-го австро-венгерскаго корпуса долженъ былъ содѣйствовать сосѣдній съ нимъ V-й австро-венгерскій корпусъ. Съ этой цѣлью находившаяся у Крщнова на правомъ флангѣ этого корпуса 37-я гонведная пѣх. дивизія, усиленная частями 33-й пѣх. дивизіи, должна была перейти въ наступленіе въ сѣверномъ направленіи, имѣя конечной цѣлью атаку высотъ с. Хмѣль[43]). Наступленіе 37-й гонведной дивизіи должно было встрѣтить съ нашей стороны сопротивленіе 1-й грен. дивизіи, занимавшей позиціи на высотахъ къ югу отъ с. Хмѣль.

Исключивъ изъ сравненія силы нашей 1-й грен. и непріятельскихъ 37-й гонвердной и 45-й пѣх. дивизій, мы получимъ слѣдующія величины:

Отрядъ ген. Мрозовскаго, силой въ 40 бтл., 10 бтр. и 18 сотенъ, долженъ былъ встрѣтиться 20-го августа (2-го сентября) съ 2½ пѣх. дивизіями и маршевой бригадой X-го А.-В. корпуса, силой въ 37 бтл., 16 бтр. и 5 эск.

Такимъ образомъ преимущество въ огневой силѣ было на сторонѣ нашего врага. Но начиная со слѣдующаго дня, несмотря на подходъ къ боевой линіи X-го А.-В. корпуса третьей его пѣх. дивизіи (45-й), преимущество въ силахъ переходило на нашу сторону, такъ какъ у насъ заканчивалось сосредоточеніе частей Гвардейскаго и III-го Кавказскаго корпусовъ, а въ тылъ X-го А. В. корпуса выходилъ нашъ XXV-й корпусъ. При такой стратегической обстановкѣ намъ совсѣмъ не нужно было торопиться съ атакой. Напротивъ того, встрѣтивъ атаку X-го А.-В. корпуса на позиціяхъ Гренадерскаго корпуса, мы выиграли бы время для болѣе глубокаго выхода въ тылъ X-му А.-В. корпусу, не только нашего XXV арм. корпуса, но и слѣдовавшаго уступомъ лѣвѣе его другого корпуса арміи ген. Плеве — XIX-го.

Упорствующему въ своемъ наступленіи ген. Гуго Мейкснеру грозило бы полное окруженіе всего его корпуса.

Отсюда видно, что спѣшно смонтированная атака отряда ген. Мрозовскаго являлась стратегически преждевременной. Таковъ былъ стратегическій результатъ той нервности, съ которой работалъ въ эти дни штарм 4.

---

42) Выдѣленный повернувшей на югъ 4-й А.-В. арміей ген. Ауффенберга.

43) Австрійская официіальная Исторія Войны, т. I, стр. 233 и 259.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПОБѢДА У СУХОДОЛОВЪ И ВЛАДИСЛАВОВА

ДѢЙСТВІЯ 1-й ГВ. ДИВИЗІИ.

«Посѣщеніе штаба гренадерскаго корпуса, повидимому, произвело на наше начальство тяжелое впечатлѣніе», отмѣчаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ офицеръ — участникъ боя — Лейбъ-Егерь Скорино[1]).

«Всѣ они имѣли озабоченный видъ, были молчаливы и даже, обычно веселый и разговорчивый, ген. Бринкенъ[2]), былъ молчаливъ и задумчивъ.

«По словамъ ординарца бригаднаго командира Л. Гв. Преображенскаго полка, Малецкаго, на нихъ сильно подѣйствовало печальное послѣдствіе обычной рѣзкости ген. Мрозовскаго. Онъ болѣе чѣмъ грубо обрушился на пріѣхавшаго въ штабъ, по его вызову, ком-ра Несвижскаго гренадерскаго полка, полковника Герцыга. Рѣзко обвиняя его въ неудачныхъ дѣйствіяхъ полка и угрожая отрѣшеніемъ «по несоотвѣтствію», онъ настолько мало стѣснялся въ выборѣ своихъ выраженій, что полковникъ Герцыгъ, чувствуя себя оскорбленнымъ свыше всякой мѣры, вернувшись въ полкъ, застрѣлился въ своей палаткѣ».

«Изъ разныхъ фразъ, которыми время отъ времени обмѣнивались генералы, мы скоро поняли, что подпоручикъ Малецкій не вполнѣ правъ. Конечно, смерть брата любимаго и уважаемаго к-ра 2-й бригады (1-й гв. пѣх. дивизіи) ген. м. Герцыга... вызывала у нихъ естественное чувство горечи и сожалѣнія о погибшемъ, но больше и прежде всего ихъ угнетало безпокойство за грядущій день и неувѣренность въ успѣшности выполненія поставленной командующимъ арміей задачи...».

Нервное отношеніе командованія 4-й арміи и гренадерскаго корпуса къ прорыву врага у Травниковъ заражало начальниковъ прибывающихъ свѣжихъ войсковыхъ частей.

Въ полной темнотѣ, прибыли части 1-й гв. пѣх. дивизіи къ д. Майданъ Козице, гдѣ остановились на короткій отдыхъ. «Большинство солдатъ», вспоминаетъ одинъ изъ офицеровъ Л. Гв. Преображенскаго полка[3]), «утом-

---

[1]) Бывшій въ эти дни младшимъ офицеромъ Л. Гв. Егерскаго полка, присланнымъ въ качествѣ ординарца къ начальнику 1-й гв. пѣх. дивизіи.

[2]) К-ръ 1 бригады 1 гв. пѣх. дивизіи. — Примѣчаніе Н. Н. Г.

[3]) Баронъ С. Торнау. «Съ роднымъ полкомъ» (1914-1917 г. г.). Берлинъ, 1923, стр. 20.

ленные переходомъ, спали на голой землѣ. Лошади, съ опущенными подпругами, частью стояли, понуривъ головы, частью жевали положенное передъ ними сѣно. Офицеры обсуждали группами данную полку задачу и находились въ радостно приподнятомъ настроеніи. Темная осенняя ночь и мелко накрапывающій дождикъ, сильно напоминалъ почему то Красносельскіе маневры».

Д. Майданъ Ковице (Дальній и Горный) находилась въ тылу позиціи гренадерскаго корпуса. Послѣдняя протягивалась отъ д. Піотрковъ къ Ольшанскому лѣсу, на колонію Хойны, на Волю Гардзеницкую и далѣе по р. Гелчеву.

Съ разсвѣтомъ, 20 авг. (2 сент.), 1-ая гв. пѣх. див. должна была совмѣстно съ прочими частями отряда ген. Мрозовскаго атаковать противника, разбившаго наканунѣ у д. Суходоловъ колонну ген. Волошинова. Насколько я могъ выяснить это изъ документовъ, ось общаго наступленія была намѣчена на д. Сѣдлиска Вельке, при чемъ для этого наступленія дивизія принимала построеніе уступами слѣва. Это какъ разъ отвѣчало ея положенію на правомъ флангѣ отряда ген. Мрозовскаго, который, по мѣрѣ выдвиженія впередъ, открывался.

Головной, лѣвый, уступъ дивизіи образовалъ Л. Гв. Егерскій полкъ съ двумя батареями (5 и 6) 2-го дивизіона Л. Гв. 1 арт. бригады. Этотъ уступъ долженъ былъ, примыкая непосредственно къ правому флангу наступающей отъ д. Гардзеницы на д. Суходолы 2-й гренадерской пѣх. дивизіи, содѣйствовать атакѣ этой послѣдней. Ось наступленія этого уступа направлялась на фольв. Жеготовъ и далѣе на высоту къ западу отъ южной окраины д. Суходолы (повидимому — высота 233).

Правѣе Егерей, уступомъ назадъ, перейдя р. Гелчевъ между д. д. Владиславовъ и Выгнановице, въ направленіи на высоту сѣвернѣе фольв. Анусинъ и далѣе къ высотѣ 264, долженъ былъ наступать Л. Гв. Семеновскій полкъ съ одной батареей (3-й) 1 дивизіона Л. Гв. 1. арт. бригады.

Наконецъ, еще правѣе, уступомъ назадъ, черезъ д. Стрійна и д. Владиславовъ на высоту 255, обезпечивая свой правый флангъ на возвышенностяхъ западнаго берега р. Гелчевъ (высота 235), направлялся Л. Гв. Преображенскій полкъ.

Несмотря на то, что на этотъ полкъ выпадала самая трудная задача, для его поддержки не было назначено ни одного орудія. Трудность положенія, въ которое ставился Л.-Гв. Преображенскій полкъ, можно было предвидѣть съ большой долей увѣренности: наканунѣ, на фронтѣ 1 грен. дивизіи происходило сильное непріятельское наступленіе; это была 37 гонв. пѣх. дивизія, находившаяся на правомъ флангѣ V-го А.-В. корпуса, которая, съ цѣлью связаться съ лѣвымъ флангомъ X-го А.-В. корпуса, повела отъ Крщнова наступленіе въ сѣверномъ направленіи. Въ офиціальной Австрійской исторіи говорится[4]), что 37 гонв. дивизіи «удалось, послѣ горячаго боя продвинуться до глубокой низины, пролегающей южнѣе д. «Хмѣль». Здѣсь очевидно подразумѣвается долина рѣчки Ольшанки, впадающей у д. Стрійна въ р. Гелчевъ.

Уступная форма марша-маневра вполнѣ отвѣчала задачамъ, которыя могли выпасть въ этотъ день на 1-ю гв. пѣх. дивизію, но вмѣстѣ съ этимъ она привела къ чрезвычайно сложному по своему внутреннему строенію бою. Описаніе послѣдняго я начну съ ряда выдержекъ изъ уже цитирован-

---

4) т. I, стр. 234.

ныхъ выше воспоминаній Скорино. Эти выдержки, рисуя четыре момента изъ того, что происходило въ этотъ день на командномъ посту дивизіи, позволяютъ съ извѣстнымъ приближеніемъ, представить себѣ общую картину боя дивизіи.

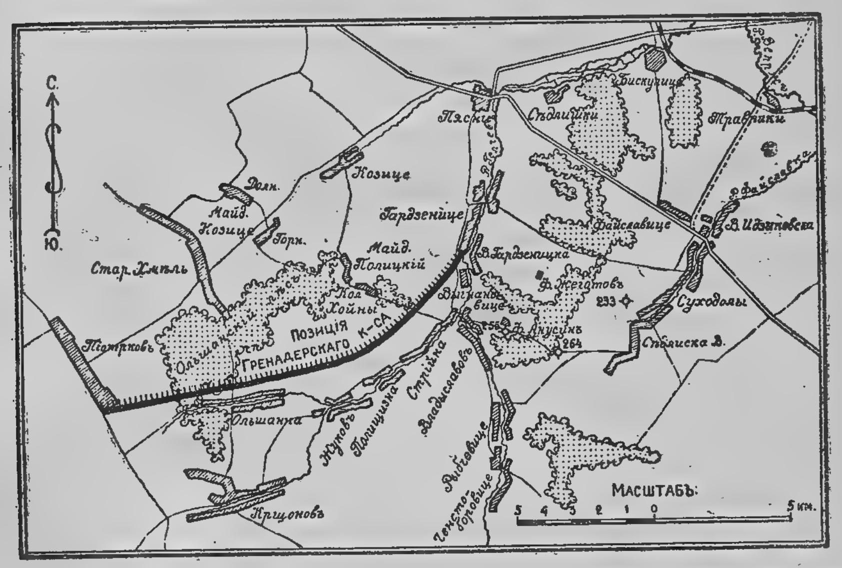
а) Утро:

Часовъ около 10-ти, на холмѣ, вблизи д. Майданъ Полицкій, въ которой былъ расположенъ штабъ 1-й гв. пѣх. дивизіи, была установлена взятая изъ подошедшей къ этому времени Л. Гв. 1-й арт. парковой бригады, подзорная артиллерійская труба.

«Мы всѣ собрались около нея» вспоминаетъ Скорино, «и по очереди стали съ любопытствомъ разсматривать д. д. Стрійну, Владиславовъ, Выгнановице и поднимав-

СХЕМА № 10.

Раіонъ боевыхъ дѣйствій 1-й пѣх. дивизіи 20 авг. (2 сент.) 1914 г.

шіяся за ними, занятыя противникомъ высоты. Несмотря на наши старанія, намъ такъ и не удалось отыскать среди нихъ тѣ, на которыя должна была наступать первая бригада; ихъ закрывалъ небольшой, но высокій лѣсокъ, росшій почти по серединѣ нашего ската. Лучше была видна та часть непріятельской позиціи, которая находилась къ востоку отъ д. Выгнановице и Воля Гардзеницкая; благодаря сильному увеличенію которое давала труба, передъ нашими глазами, какъ на ладони, отчетливо вырисовывалась ярко-зеленая пелена, а за ней подымавшійся сплошной стѣной, занятый противникомъ, сравнительно большой и, повидимому, густой лѣсъ. Нѣсколько разъ къ трубѣ подходилъ и вышедшій изъ халупы[5]) генералъ Олоховъ, котораго

5) Въ этой халупѣ была установлена центральная телефонная станція штаба дивизіи. Н. Н. Г.

замѣтно начали волновать частые запросы ген. Мроозвскаго и долгое отсутствіе свѣдѣній отъ частей дивизіи».

«Около 11 час. утра меня вызвалъ въ халупу нач-къ дивизіи и съ недовольнымъ видомъ сказалъ, что чуть ли не часъ тщетно пытается соединиться съ к-ромъ Л. Гв. Егерскаго полка, и приказалъ вызвать къ телефону ген. Буковскаго или полкового адъютанта».

Когда временный перерывъ съ Егерями былъ возстановленъ, отъ начальника связи этого полка было получено сообщеніе, что полкъ переноситъ свою центральную станцію впередъ, за командиромъ полка, который ушелъ къ батальонамъ первой линіи.

б) Полдень:

«... изъ донесеній ген. Бринкена и командировъ частей выяснилось, что наступленіе первой бригады встрѣтило упорное сопротивленіе противника. Преображенцы лихо атаковали и взяли указанную имъ высоту; несмотря на губительный огонь и большія потери, ихъ цѣпи шли въ ростъ... Къ сожалѣнію, вслѣдствіе большихъ потерь, Преображенскія роты не успѣли во время возстановить нарушенный атакой порядокъ и закрѣпиться на высотахъ; австрійцы неожиданно перешли въ наступленіе и Преображенцы не выдержавъ ихъ контръ-атаки, были вынуждены очистить высоту, не успѣвъ вынести всѣхъ своихъ раненыхъ»[6]).

«Тяжелыя потери понесли и Семеновцы, наступавшіе лѣвѣе Преображенцевъ на лѣсъ восточнѣе д. Выгнановице; противникъ, занимавшій позицію по опушкѣ лѣса, сильнымъ ружейнымъ огнемъ остановилъ ихъ цѣпи; малѣйшая попытка продвинуться, вызывала усиленіе огня противника, наносившаго Семеновцамъ большія потери. Нѣкоторыя роты, потерявъ офицеровъ и не вынеся пулеметнаго огня, смѣшались и начали отходить; часть 8-й роты вышла къ 3-й батареѣ, къ этому времени ставшей на позиціи къ сѣверу-востоку отъ д. Владиславовъ, правѣе 2-го дивизіона, и обстрѣломъ занятаго противникомъ лѣса, содѣйствовавшей наступленію Семеновцевъ. Сообщая о пріостановкѣ наступленія полка, командиръ полка доносилъ о большой убыли офицеровъ и нижнихъ чиновъ и объ утерѣ связи съ Л. гв. Егерскимъ полкомъ.

«Генералъ Мрозовскій былъ настолько потрясенъ большими потерями Петровской бригады[7]), что отдалъ распоряженіе о выводѣ ея изъ боя.

«Начальникъ дивизіи не счелъ возможнымъ исполнить это приказаніе. Подтвердивъ ген. Бринкену, что задача, возложенная на бригаду, остается безъ измѣненія, онъ приказалъ передать ген. Мрозовскому: «не считаю возможнымъ исполнить Ваше приказаніе, такъ какъ, выводъ Гвардіи изъ ея перваго боя произведетъ на нее и на Армію тяжелое, непоправимое впечатлѣніе».

«... Въ штабъ дивизіи пріѣхалъ к-ръ Гвардейскаго корпуса ген.-ад. Безобразовъ...

«Ген. Олоховъ и полк. Рыльскій въ краткихъ словахъ ознакомили его съ обстановкой. Онъ внимательно выслушалъ и, прочитавъ не задолго передъ этимъ переданную мною телефонограмму въ штабъ гренадерскаго корпуса, ген. Безобразовъ

---

6) Эти свѣдѣнія, какъ и послѣдующія о Л. Гв. Семеновскомъ полку, являются преувеличенными. Дѣло идетъ о временномъ осаживаніи зарвавшихся впередъ ротъ. Явленіе естественное при завязкѣ встрѣчнаго боя энергичной и доблестной пѣхотой. Для штаба дивизіи, ведшей свой первый бой «пессимистическое преувеличеніе» подобнаго явленія тоже естественно, въ особенности, когда оно сопутствовалось, какъ въ данномъ случаѣ, большими потерями. Примѣчаніе Н. Н. Головина.

7) 1-ая бриг. 1-й гв. пѣх. дивизіи; прим. Н. Н. Г.

сказалъ, что въ данный моментъ онъ является только зрителемъ, не считая себя въ правѣ вмѣшиваться въ распоряженія ген. Мрозовскаго.

«Нач-къ дивизіи съ нач-мъ штаба ушли въ халупу, а ген. Безобразовъ сѣлъ на бревна, служившія намъ скамейками и вступилъ съ нами въ бесѣду. Онъ говорилъ о необходимости крайняго упорства въ бою и неизбѣжности большихъ потерь, и выразилъ увѣренность, что Гвардія будетъ громить противника, какъ бы стоекъ онъ не былъ...».

в) 4-6 часовъ пополудни.

Снова усилился затихшій артиллерійскій огонь. Вышедшій изъ халупы полк. Рыльскій доложилъ к-ру корпуса, что части дивизіи возобновили свое наступленіе. Какъ то сразу, прекратились разговоры и мы обратили свои взоры на подъесаула Мишарева, такъ и не отходившаго отъ трубы. Всѣми нами овладѣло какое то нервное, нетерпѣливое желаніе узнать, что творится тамъ впереди. Внезапно раздавшійся крикъ подъесаула Мишарева: «господа, на поляну выходятъ цѣпи», заставилъ насъ мгновенно собраться у трубы. Трубой завладѣло начальство, намъ пришлось удовлетвориться биноклями. Еще ранѣе привлекшая къ себѣ наше вниманіе своей ярко-зеленой окраской поляна, на нашихъ глазахъ стала покрываться длинными, густыми цѣпями. Цѣпи быстро продвигались по полянѣ къ занятому противникомъ лѣсу. За первыми появлялись все новыя и новыя цѣпи, подъ лучами солнца рѣзко выдѣлявшіяся на яркой зелени поляны. Двигаясь перекатами, онѣ какъ морскія волны, все ближе и ближе подкатывались къ непріятельскому лѣсу. Эта картина была такъ красива и насъ такъ захватила, что мы буквально забыли о всемъ остальномъ и, не отрываясь отъ биноклей, слѣдили за цѣпями, вскорѣ покрывшими всю поляну. Я былъ преисполненъ невѣроятнымъ чувствомъ гордости и счастья, когда полковчикъ Рыльскій веселымъ, громкимъ голосомъ доложилъ ген. Безобразову и стоявшему около него нач-ку дивизіи: «это Егеря...».

«Спустя нѣкоторое время нач-къ штаба прошелъ къ телефонамъ. Вернувшись, онъ доложилъ, что отъ 1-й бригады новостей нѣтъ. Что же касается Егерей, то хотя ихъ линія работаетъ,но на центральной станціи кромѣ телефонистовъ никого не было».

«Ген. Олоховъ приказалъ мнѣ соединиться съ полкомъ, узнать о результатахъ наступленія и передать полковому адъютанту его категорическое требованіе, чтобы на полковой станціи постоянно находился онъ самъ или его замѣститель».

«Мнѣ не сразу удалось соединиться съ полкомъ, а, между тѣмъ, изъ штаба гренадерскаго корпуса поступилъ запросъ ген. Мрозовскаго, чѣмъ закончилось наступленіе Егерей».

«Въ это время Егерскій телефонистъ передалъ мнѣ трубку со словами: «полкъ отвѣчаетъ».

«У телефона былъ подпоручикъ Скорино[8]). Веселымъ голосомъ онъ сообщилъ, что наступленіе полка идетъ успѣшно. Егеря ворвались въ лѣсъ, занятый противникомъ, преслѣдуютъ отступающихъ австрійцевъ. Взяты плѣнные. Командиръ полка съ адъютантомъ ушелъ впередъ. Я просилъ настоятельно доложить к-ру полка, что нач-къ дивизіи ждетъ донесеній...».

«Часовъ около 6-ти ген. Бринкенъ передалъ по телефону нач-ку штаба, что вторичная атака Преображенцевъ увѣнчалась успѣхомъ и они снова овладѣли отбитой у нихъ высотой и взяли плѣнныхъ; что противникъ отходитъ на всемъ участкѣ первой бригады; потери бригады велики, особенно у Преображенцевъ...

---

[8]) Братъ автора воспоминаній, бывшій начальникъ связи полка; прим. Н. Н. Г.

г) **Вечеръ:**

«Въ началѣ седьмого часа полковой адъютантъ Л. Гв. Егерскаго полка доложилъ по телефону, что Егеря, атаковавъ противника, занимавшаго лѣсъ, выбили его съ опушки, взяли плѣнныхъ, прошли лѣсъ, преслѣдуя противника и закрѣпились на его восточной опушкѣ, отчасти на высотахъ западнѣе д. Суходолъ (повидимому, высота 233; примѣчаніе Н. Н. Г.). Противникъ отходитъ на востокъ; потери полка не велики и что одновременно онъ посылаетъ въ штабъ дивизіи письменное донесеніе к-ра полка и плѣнныхъ.

«Почти въ то же время ген. Бринкенъ донесъ, что первая бригада закрѣпляется на занятыхъ рубежахъ, что въ штабъ дивизіи отправляютъ плѣнныхъ, взятыхъ преображенцами...».

Въ 12 ч. 55 мин. ночи на 21-е августа (3-го сентября), генералъ Олоховъ послалъ слѣдующее донесеніе генералу Мрозовскому[9]).

«Доношу, что задачи, возложенныя на части 1-й гв. пѣх. дивизіи, выполнены.

«Л. Гв. Преображенскій полкъ, кромѣ пунктовъ, о которыхъ доносилось раньше, занялъ высоту 123,7 (отмѣтка въ саженяхъ; повидимому, идетъ рѣчь о высотѣ 255 къ югу отъ фольварка Анусинъ), на которой расположился 1-й батальонъ полка и одинъ батальонъ Л. Гв. Семеновскаго полка, остальные батальоны этого полка заняли Сѣдлиска Вельке (свѣдѣнія эти не вѣрны: Л. Гв. Семеновскій полкъ къ ночи занялъ высоту 264; примѣчаніе Н. Н. Г.).

«Непріятель вездѣ въ полномъ отступленіи по направленію на югъ и юго-востокъ.

«Потери пока не приведены въ извѣстность. Больше всѣхъ пострадалъ Л. Гв. Преображенскій полкъ (I и II бат-оны).

«Батальонъ Л. Гв. Измайловскаго полка въ 4 час. вечера выступилъ на д. Ольшанку въ распоряженіе нач-ка 1-й гренад. дивизіи. Послѣдній батальонъ Л. Гв. Измайловскаго полка и три батареи Л. Гв. Артил. бригады прибыли и стали у д. Майданъ Палицкій. Такимъ образомъ, у д. Майданъ Полицкій находятся три батальона Л. Гв. Измайловскаго полка, три батареи Л. Гв. 1-й арт. бригады и 1/2 роты Л. Гв. Сапернаго батальона. Сюда же прибылъ отрядъ Краснаго Креста и немедленно открылъ свои дѣйствія.

«Одинъ паркъ парковой артиллерійской бригады частью высадился уже въ Люблинѣ, частью высаживается.

«Испрашиваются дальнѣйшія указанія.

Нач. 1-й гв. пѣх. дивизіи ген. лейт. Олоховъ».

Дѣйствія Петровской бригады подъ Владиславовымъ.

Прежде чѣмъ перейти теперь къ изложенію боя 1-й бригады 1-й гв. пѣхотной дивизіи подъ Владиславовымъ, согласно описаніямъ, сохранившимся въ полковыхъ Объединеніяхъ, я считаю нужнымъ обратить вниманіе на одно обстоятельство, имѣющее первостепенное значеніе при веденіи современнаго боя.

«Слѣдуетъ отмѣтить», пишетъ одинъ изъ офицеровъ Л. Гв. Преобра-

[9]) Копія этого донесенія, завѣренная подписью к-ра Л. Гв. Егерскаго полка ген. Буковскаго, хранится въ архивѣ ген. Н. Н. Головина.

женскаго полка[10]), что переброска Гвардіи была столь неожиданна, что картами были снабжены лишь начальники частей».

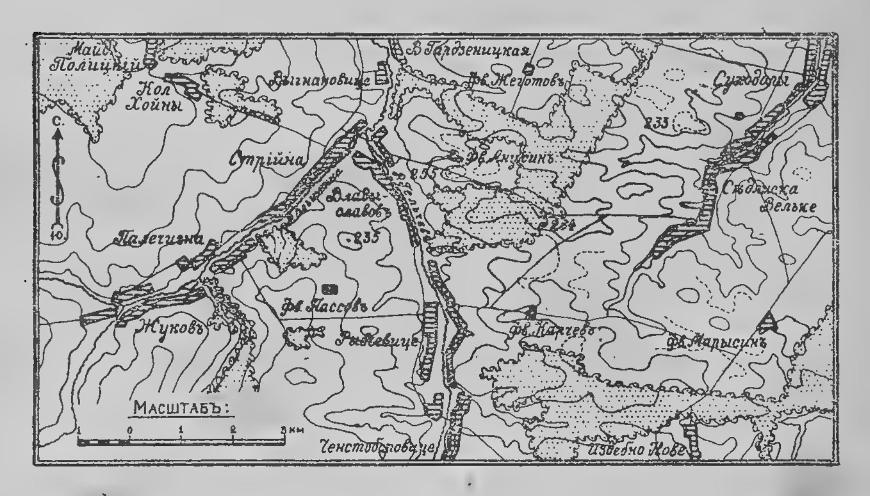
Этотъ недостатокъ столь затруднялъ боевыя дѣйствія полковъ, что о немъ упоминается во всѣхъ полковыхъ записяхъ.

«Общая обстановка», пишетъ офицеръ-семеновецъ[11]), «кромѣ ощущенія близости боя, была, однако, полку совершенно неизвѣстна. Мало того, спѣшная переброска полка въ составъ 4-й арміи (генерала Эверта) подъ Люблинъ, не позволила высшимъ штабамъ снабдить полкъ даже картами новаго раіона. Какъ это ни можетъ показаться невѣроятнымъ, но на полкъ была выдана только **одна** двухверстная карта раіона окрестностей Люблина».

Но даже эта, «единственная», карта оказалась въ нѣкоторыхъ случаяхъ не двухверсткой, а устарѣлой трехверсткой.

СХЕМА № 11.

Раіонъ боевыхъ дѣйствій Петровской бригады 20 авг. (2 сент.) 1914 г.

«Неточная карта (3-хъ верстка)», пишетъ ком. Л.-Гв. Егерскаго полка[12]), «дала поводъ къ нѣкоторымъ недоразумѣніямъ въ теченіи боя. Очертанія лѣсныхъ площадей на картахъ не отвѣчали дѣйствительности».

Это отсутствіе картъ у большинства исполнителей объясняетъ также ошибки въ полковыхъ записяхъ въ наименованіи высотъ, урочищъ и даже деревень.

---

10) Малевскій-Малевичъ: «Изъ Памятки Преображенцевъ; дѣйствія 1914 г.», гл. XVII, стр. 17. — Рукопись любезно мнѣ предоставлена для использованія Предсѣдателемъ Объединенія Офицеровъ. Л. Гв. Преображенскаго полка — ген. А. А. Гулевичемъ.

11) А. Зайцовъ: «Семеновцы въ 1914 году», изд. въ Гельсингфорсѣ, 1936 г. — Стр. 7.

12) Ген. А. Буковскій. «Лейбъ-Егеря въ Великую войну; воспоминанія командира полка; 1914-1915 г.», стр. 5; рукопись хранится въ архивѣ генерала Н. Н. Головина.

Такой ошибкой и начинается разсказъ про изучаемый нами бой нач-ка пулеметной команды Л.-Гв. Преображенскаго полка барона С. Торнау[13]).

«Согласно распоряженію командира полка, каждому изъ батальоновъ[5]) было придано по пулеметному взводу... На скатѣ, обращенномъ въ сторону противника, графъ Игнатьевъ (командиръ полка; примѣчаніе Н. Н. Г.) остановился и приказалъ проводить телефонную связь къ ушедшимъ въ боевую линію батальонамъ. Я, по должности начальника пулеметной команды, находился при командирѣ полка. Пологій скатъ, на которомъ мы расположились, спускался въ лощину, по дну которой была расположена д. Стрійна (въ текстѣ ошибочно указана д. Владиславовъ; примѣчаніе Н. Н. Г.). По скату мѣстами были вырыты небольшіе окопы, занятые солдатами Гренадерскаго корпуса. Сзади находилась роща (у колоніи Хойна; прим. Н. Н. Г.), занятая лазаретами и обозами этого же корпуса...».

Командиръ полка назначилъ въ боевую линію I и II бтл. Общимъ направленіемъ для наступленія была указана высота 255, что къ востоку отъ г. Владиславова. Уступомъ (справа) за II-мъ батальономъ и на интервалѣ въ полуверстѣ, долженъ былъ двигаться IV бтл., числившійся въ резервѣ полка, III бтл., числившійся въ резевѣ нач-ка дивизіи, находился за центромъ полкового наступленія... Первыми вступили въ бой конные развѣдчики; переправившись черезъ р. Гелчевъ и пройдя д. Владиславовъ, они столкнулись съ пѣхотными цѣпями, выходившими изъ лѣса къ юго-востоку отъ деревни[15]).

Какъ мы теперь знаемъ, это наступала 2-я А.-В. пѣх. дивизія, лѣвый флангъ которой дошелъ до д. Ченстоборовицы. Развѣдка полка выяснила, что на лѣвомъ (западномъ) берегу р. Гелчевъ передовыя части врага двигаются лишь въ 1-2 километрахъ разстоянія отъ этой рѣчки; далѣе къ западу противника обнаружено не было.

«Важность этого донесенія», справедливо замѣчаетъ Малевскій-Малевичъ[16]), «была огромна, указывая, что нашъ ударъ, въ случаѣ удачи выводилъ насъ во флангъ и тылъ австрійцамъ, дѣйствующихъ на этомъ участкѣ. Пѣшіе развѣдчики продержались во Владиславовѣ до 9 час. утра и отошли лишь подъ давленіемъ превосходныхъ силъ противника. Во время этого боя былъ убитъ доблестный начальникъ команды поручикъ Элліотъ 2-й, первый Преображенскій офицеръ, павшій въ Великую войну. Навстрѣчу австрійцамъ, спускавшимся въ долину р. Гелчевъ у д. Владиславовъ, двинулись роты I и II бтл. Цѣпи шли какъ на ученіи въ Красномъ Селѣ и по разсказамъ плѣнныхъ это произвело на непріятеля огромное впечатлѣніе. Вообще ,появленіе Гвардіи было для австрійцевъ полнымъ сюрпризомъ».

Неожиданность для противника появленія нашихъ перволинейныхъ войскъ подтверждается официальной Австрійской Исторіей[17]); согласно послѣдней, штабъ I-й А.-В. арміи считалъ, что къ лѣвому флангу 4-й русской арміи подошла лишь одна резервная пѣх. дивизія. Въ связи съ неоднократно мною указываемой недооцѣнкой нашими врагами боевыхъ качествъ Русскихъ войскъ, внезапный и порывистый выходъ Преображенцевъ во флангъ 2-й А.-В. пѣх. дивизіи, долженъ былъ произвести очень сильное впечатлѣніе.

13) «Съ роднымъ полкомъ», стр. 21, 22.

14) Пулеметные взводы были приданы I, II и IV батальонамъ; четвертый пулеметный взводъ былъ оставленъ въ резервѣ к-ра полка; примѣчаніе Н. Н. Г.

15) Малевскій-Малевичъ, стр. 18 и 19.

16) Стр. 19.

17) Т. I, стр. 259.

На склонахъ возвышенностей восточнаго берега р. Гелчевъ и въ самой д. Владиславовъ, закипѣлъ ожесточенный встрѣчный бой.

Разсказываютъ, что когда передъ самымъ началомъ атаки кто то подошелъ къ командиру II батальона полк. Казакевичу и сказалъ, что нѣтъ артиллерійской поддержки, полк. Казакевичъ, знавшій, что артиллеріи не было придано, отвѣтилъ такъ громко, что слышали солдаты: «Преображенцы атакуютъ безъ артиллеріи», и съ этими словами самъ повелъ цѣпи; въ началѣ же атаки онъ былъ раненъ.

«Поддержанный правымъ батальономъ Семеновцевъ, I-й батальонъ овладѣлъ высотой, но, понеся большія потери и встрѣченный страшнымъ огнемъ изъ лѣса къ востоку отъ Владиславова, пріостановился.

«II бтл. въ это время бился въ пылавшей д. Владиславовъ, съ противникомъ, бросавшимъ все новыя и новыя силы. Потери въ ротахъ были громадныя. Тѣмъ не менѣе, большая часть деревни осталась въ нашихъ рукахъ».

«Тогда австрійское командованіе двинуло черезъ высоту 119 (на прилагаемой схемѣ выс. 235, прим. Н. Н. Г.) II-й бтл. 58-го пѣх. полка. Чтобы ликвидировать опасность былъ выдвинутъ IУ-й бтл. (шедшій на уступѣ; прим. Н. Н. Г.), который, зайдя правымъ плечомъ впередъ, атаковалъ высоту 119 (на схемѣ — высота 235 (прим. Н. Н .Г.3, съ юго-запада, заставилъ австрійцевъ перемѣнить фронтъ на себя и, не давъ имъ перестроиться, опрокинулъ ихъ. Высота оказалась въ нашихъ рукахъ...[18]).

«IУ батальонъ тоже въ бою...», вспоминаетъ про эту атаку одинъ изъ офицеровъ 15-й роты[19]). «Въ резервѣ одна 16-ая рота при штабѣ полка. Австрійцы стрѣляютъ, стрѣляютъ, а великаны въ красныхъ погонахъ все идутъ какъ на парадѣ. Никто не ложится, не стрѣляютъ; сигнализируютъ флажками. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дошло до рукопашной. Съ 25 солдатами, мы пошли въ атаку на роту и вбѣжавъ въ ихъ цѣпи, смѣшались съ ними и полверсты вмѣстѣ бѣжали, а потомъ выяснилось, что мы ихъ взяли въ плѣнъ, а также два пулемета».

Атакѣ IV батальона Преображенцевъ оказали большое содѣйствіе пулеметы. «При взятіи ея (высоты 235)» свидѣтельствуетъ Малевскій Малевичъ[20]), «особенно отличился пулеметный взводъ старшаго унт.-офицера Юдина, уничтожившій своимъ огнемъ одну непріятельскую роту, выдвинутую изъ резерва въ контръ-атаку (на мѣстѣ ея наступленія было насчитано 123 убитыхъ и раненыхъ)».

Но кромѣ этого пулеметнаго взвода въ бою за высоту 235 участвовалъ также еще другой пулеметный взводъ, своевременно выдвинутый ком-ромъ полка изъ его резерва.

«На небольшомъ картофельномъ полѣ», вспоминаетъ баронъ С. Торнау[21]), «полого спускающемуся къ лощинѣ, съ котораго былъ прекрасный обстрѣлъ, я приказалъ остановиться и установить пулеметы для стрѣльбы. Пока устанавливали пулеметы, я принялся разглядывать впереди лежащую мѣстность. Владиславовъ, зажженный непріятельской артиллеріей, пылалъ со всѣхъ концовъ. На противоположномъ скатѣ, въ ростъ, поднимались какія то цѣпи, въ которыхъ я безъ труда узналъ нашъ первый батальонъ. Прямо противъ меня находилась небольшая балка и, взгля-

---

18) Малевскій-Малевичъ, стр. 20.

19) Н. Нелидовъ, его статья въ «Возрожденіи».

20) Стр. 20.

21) «Съ роднымъ полкомъ».

нувъ туда, я замѣтилъ небольшія партіи людей быстро сбѣгавшія внизъ въ балку. Приглядѣвшись внимательно, уже безъ особаго труда я различилъ невооруженнымъ глазомъ голубые мундиры австрійцевъ. Какъ молнія у меня мелькнула мысль, что противникъ воспользовался этой балкой для накапливанія и затѣмъ для охвата нашего фланга.

«Неподалеку, сзади отъ выбранной мной позиціи, появились два взвода, подъ командой шт. капитана Шоманскаго. Объяснивъ людямъ задачу, я сталъ выжидать случая, чтобы открыть стрѣльбу по находящимся въ балкѣ австрійцамъ. Дальномѣрщикъ навелъ свой дальномѣръ на конецъ балки и крикнулъ мнѣ 19. Помня, что лучшихъ результатовъ я добьюсь съ прицѣла 14-15, я рѣшилъ выждать приближенія противника ко мнѣ. Пулеметы были установлены и наведены и люди исполняли свои обязанности, какъ на ученіи на Марсовомъ полѣ.

«Ни малѣйшаго волненія не было замѣтно на ихъ лицахъ. Картофель хорошо маскировалъ пулеметы отъ взоровъ противника. Ждать пришлось недолго.

«Однимъ броскомъ изъ балки выбѣжала длинная голубая цѣпь людей и начала подвигаться въ мою сторону. Дальномѣрщикъ неотступно слѣдилъ дальномѣромъ за ихъ движеніями и вполголоса, какъ бы сознавая всю важность своего поста передавалъ мнѣ прицѣлы... «Четырнадцать», — послышался мнѣ голосъ дальномѣрщика, и я увидѣлъ вопросительные глаза солдатъ, устремленные на меня. Пулеметные унтеръ-офицеры, согласно уставу, держали руку поднятой, давая этимъ знать, что пулеметы готовы. Я понялъ, что наступила пора дѣйствовать, да, кромѣ того, изъ балки, вслѣдъ за первой, появилась вторая цѣпь австрійцевъ.

«Насколько мнѣ тогда казалось, я спокойнымъ голосомъ скомандовалъ — «огонь». Словно ожидавшіе этого пулеметы разомъ дружно затакали, посылая сотни пуль въ ничего не ожидавшаго врага. Эффектъ получился поразительный. Рикошеты отъ пуль легли въ расположеніи самой цѣпи и минуту спустя обѣ цѣпи, оставивъ многочисленныхъ убитыхъ и раненыхъ, исчезли обратно въ балкѣ, изъ которой онѣ недавно появились, преслѣдуемыя безпрерывнымъ огнемъ пулеметовъ... Не успѣли мы прекратить стрѣльбу, какъ нѣсколько непріятельскихъ шрапнелей разорвались надъ моими пулеметами. Повидимому, мѣстопребываніе пулеметовъ было открыто и, во избѣжаніе излишнихъ потерь, я приказалъ передвинуться немного вправо... Графъ Игнатьевъ находился вблизи и я, воспользовавшись затишьемъ на моемъ участкѣ, пошелъ къ нему за новыми распоряженіями. Онъ былъ очень доволенъ результатами моей стрѣльбы и боемъ, которымъ явно склонялся въ нашу пользу...».

«По занятіи высоты 119 (высоты 235 на схемѣ; примѣч. Н.Н.Г.)», пишетъ Малевскій-Малевичъ, «противникъ не могъ болѣе держаться въ д. Владиславовъ и очистилъ ее. Къ этому времени противникъ повидимому понялъ грозившую ему опасность и около 2 час. пополудни обозначилось его наступленіе въ обходъ нашего праваго фланга на фронтъ фольв. Пассовъ и д. Палечизна[22]). Своевременное выдвиженіе III[23]) бтл. ликвидировало эту опасность. Противникъ былъ отброшенъ отъ д. Палечизна и одна рота III бтл. заняла фольв. Пассовъ. Упорство боя съ обѣихъ сторонъ на фронтѣ полка хорошо иллюстрируется фактомъ израсходованія нами къ 2-мъ часамъ всѣхъ резервовъ. Послѣдней въ бой вступила 12-я рота, имѣвшая знамя въ своихъ рядахъ. Съ высоты 119 (выс. 235 на схемѣ; прим. Н. Н. Г.) было видно какъ

---

22) Это были части 37-й гонв. пѣх. дивизіи, двинутыя по правому берегу р. Ольшанки на помощь 2-й пѣх. дивизіи. — Прим. Н. Н. Г.

23) Задержаннаго въ резервѣ нач. дивизіи. — Прим. Н. Н. Г.

знамя двигалось въ цѣпяхъ, а когда послѣднія залегли, то оставалась огромная фигура знаменщика Е. В. роты ст. унтеръ-офицера Пономарева и часового при знамени».

«Неудача этой австрійской атаки заставила ихъ попытаться обойти нашъ флангъ еще глубже — западнѣе д. Полечизны. Но атака эта разбилась о стойкость Московскихъ гренадеръ, стянутыхъ за правымъ флангомъ нашего наступленія».

Артиллерія 1-й гренадерской дивизіи значительно помогла ликвидаціи наступленія 37-й гонведн. дивизіи вдоль обоихъ береговъ рѣчки Ольшанки.

Вскорѣ послѣ 4-хъ часовъ дня на всемъ фронтѣ Преображенскаго полка противникъ сталъ отходить.

«Побѣда была полная», свидѣтельствуютъ всѣ полковыя записи. Число захваченныхъ плѣнныхъ, оцѣнивается при этомъ различно: у Нелидова — 1000, у Малевскаго-Малевича — 1500. Согласно же записи Скорино вечеромъ, 20 августа (2-го сент.) въ Штабъ дивизіи прибыло изъ Л.-Гв. Преображенскаго полка взятыхъ плѣнными около 15 офицеровъ и 150 нижнихъ чиновъ.

Бой у сосѣдей Преображенцевъ — у Семеновцевъ протекалъ легче, но все же былъ напряженнымъ.

«Въ первой линіи двинулись II и IV батальоны, во второй — III и I», пишетъ участникъ разсматриваемаго нами боя Семеновцевъ А. А. Зайцовъ[24]).

«У колоніи Хойны на опушкѣ лѣса, остались батальоны 2-й линіи, а II (справа) и IУ (слѣва) перешли въ наступленіе на фронтѣ: Владиславовъ-Выгнановице въ общемъ направленіи на высоту сѣвернѣе фольв. Анусинъ... День былъ ясный и теплый. Отъ лѣса у кол. Хойны, занятаго частями 2-й гренад. дивизіи (на участкѣ полка — 6-ой трен. Таврическій полкъ), сквозь которыя должны были наступать полки Петровской бригады, мѣстность спускалась пологимъ скатомъ къ долинѣ ручья Гельчевъ, протекавшаго въ довольно широкой и нѣсколько заболоченной долинѣ. А оттуда поднималась высотами праваго берега ручья къ обширнымъ лѣсамъ, сопровождавшимъ р. Гельчевъ, по кряжу праваго берега. На фонѣ лѣса ясно выдѣлялся небольшой фольваркъ (Анусинъ)».

«Около 10 час. утра, II и IУ батальоны, спустившись въ долину р. Гельчевъ, повели наступленіе на фольваркъ Анусинъ. Почти полное отсутствіе артиллеріи съ нашей стороны, сводило это наступленіе къ лобовой пѣхотной атакѣ. Какъ только двинулись наши батальоны 1-й линіи, австрійцы открыли по нимъ сильнѣйшій шрапнельный огонь. Розоватыя облачка австрійскихъ шрапнелей рвались по счастью слишкомъ высоко и особыхъ потерь наши батальоны, въ началѣ своего движенія, не несли. Поднявшись на противоположный берегъ ручья, однако, наши II и IУ батальоны попали подъ сильнѣйшій пулеметный и ружейный огонь, въ свою очередь, перешедшихъ въ наступленіе австрійцевъ. Но это не остановило порыва нашихъ батальоновъ»...

«На высотахъ у фольварка Анусина завязался горячій встрѣчный бой, главная тяжесть котораго легла на нашъ II батальонъ. Несмотря на яростныя атаки австрійцевъ, части II-го батальона, съ пулеметами... удержали высоту и сами перешли въ наступленіе...».

24) Полковникъ А. А. Зайцовъ: «Семеновцы въ 1914 году», изд. въ Гельсингфорсѣ, 1936 г. — Стр. 9-15.

«... сопротивленіе противника было... сломлено и австрійцы, перейдя отъ наступленія къ оборонѣ, затѣмъ, оставляя плѣнныхъ, начали спѣшный отходъ... Къ вечеру побѣда была полная...».

«Начало смеркаться. Полкъ собрался на полѣ, усѣянномъ ранеными и убитыми, на восточномъ берегу р. Гельчевъ, сѣверо-восточнѣе Владиславова. Отовсюду неслись стоны раненыхъ. Приводили плѣнныхъ. Всюду австрійскіе трупы. Отходъ австрійцевъ былъ настолько поспѣшнымъ, что наступившая вскорѣ темнота дала имъ возможность отъ насъ совершенно оторваться и соприкосновеніе съ ними было потеряно. Штабъ дивизіи далъ полкамъ довольно смутныя указанія... полку было назначено занять высоту 264 по ту сторону лѣса за фольваркомъ Анусинымъ. Въ полной темнотѣ полкъ двинулся въ указанномъ направленіи. Найти эту высоту ночью, имѣя одну карту на полкъ, оказалось далеко не такъ просто. Проплутавъ нѣкоторое время, полкъ сталъ на ночлегъ у перекрестка дорогъ (какъ выяснилось потомъ у южнаго ската этой пресловутой высоты)...».

За этотъ день боя Семеновцы потеряли около 500 убитыми и ранеными.

Офиціальная австрійская исторія, описывая бой у Суходоловъ, такъ разсказываетъ о встрѣчѣ у Владиславова съ Петровской бригадой: «2-я дивизія тоже подверглась сильной русской атакѣ. Несмотря на содѣйствіе своихъ резервовъ и 37-й гонведной дивизіи, позволившихъ ей все же перейти самой въ наступленіе, русская контръ-атака въ ея лѣвый флангъ вскорѣ заставила ее уступить противнику то небольшое пространство, которое ей удалось захватить»[25]).

Согласно этимъ строкамъ офиціальной Австрійской Исторіи войны, фронтъ, на которомъ разыгрывался встрѣчный бой у Владиславова, былъ подверженъ колебаніямъ. Подобное явленіе во встрѣчномъ бою, является вполнѣ нормальнымъ; оно тѣмъ больше, чѣмъ смѣлѣе пѣхота, его ведущая; выполняя основное правило этого боя — «кто первый палку взялъ, тотъ и капралъ», доблестныя пѣхотныя части легко зарываются, въ особенности же, если имъ не ставится отчетливыхъ задачъ.

Мы не имѣли возможности провѣрить свѣдѣнія, приводимыя въ записи полк. Скорино, согласно которымъ къ полудню на нѣкоторыхъ участкахъ нашего боевого фронта произошли частичныя осаживанія. Даже если такъ и было, это нисколько не умаляетъ высокой доблести, проявленной въ этотъ день Петровской бригадой.

Болѣе того, я думаю, что, если бы сохранилось большее число источниковъ для возстановленія истинной картины боя во всѣхъ подробностяхъ, то «амплитуда колебанія» боевого фронта оказалась бы значительно большей. Отсутствіе картъ у батальонныхъ и ротныхъ командировъ неминуемо должно было привести къ случаямъ завязки и веденія боя не на тѣхъ направленіяхъ и совсѣмъ не на тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ это было приказано. Шансы же для этого увеличивались обстоятельствомъ, о которомъ уже упоминалось выше: очертанія лѣсныхъ площадей на картѣ не всегда отвѣчали дѣйствительности.

Обстановка, создающаяся во встрѣчномъ бою, особенно благопріятствуетъ доблестнымъ войскамъ. Случайный характеръ, который легко принимаетъ борьба встрѣтившейся пѣхоты, затрудняетъ артиллерійскую поддержку. Съ другой стороны, воспитанная въ активномъ духѣ и вѣрящая въ

---

[25]) Австрійская офиціальная Исторія войны. — Т. I, стр. 259.

свои силы пѣхота легко отрывается отъ своей артиллеріи, что еще болѣе затрудняетъ своевременную поддержку.

Въ дѣйствіяхъ всѣхъ Армій, вступившихъ въ войну въ августѣ 1914 года, красной нитью проходитъ одна и та же хроническая ошибка: хорошая пѣхота, стремясь вести наступленіе ускореннымъ темпомъ, дѣйствуетъ безъ связи со своей артиллеріей[26]).

Сравнительно лучше обстояло дѣло въ Русской Арміи, на опытѣ войны съ Японіей познавшей возросшее значеніе въ современномъ бою артиллерійскаго огня. Рѣзче же всего это отсутствіе связи между пѣхотой и артиллеріей проявилось въ А.-В. арміи. Въ бою подъ Владиславовымъ также и въ бояхъ подъ Суходолами всѣ воспоминанія русскихъ участниковъ обращаютъ вниманіе на высокіе разрывы австрійскихъ шрапнелей, что свидѣтельствуетъ о большомъ удаленіи А.-В. артиллеріи отъ фронта пѣхотныхъ столкновеній.

Это обстоятельство чрезвычайно облегчило боевыя дѣйствія Петровской бригады въ бою у Владиславова. Отсутствіе артиллерійской поддержки ея наступленія компенсировалось нарушеніемъ связи между наступавшей имъ навстрѣчу А.-В. пѣхоты со своей артиллеріей. Въ результатѣ создались условія, въ которыхъ безудержная отвага нашей пѣхоты смогла сама по себѣ вырвать побѣду изъ рукъ врага.

При сложившейся стратегической обстановкѣ, побѣда у Владиславова пріобрѣла исключительное стратегическое значеніе: эта побѣда рвала стыкъ охватывающего Х-го А.-В. корпуса съ его сосѣдомъ — У-мъ А.-В. корпусомъ. Воображаемый нами «Травниковскій прорывъ» нашего фронта замѣнялся «прорывомъ у Владиславова» А.-В. фронта. Этотъ прорывъ былъ чреватъ несравненно болѣе грозными послѣдствіями для нашего врага, нежели «Травниковскій» для насъ.

Бой Л. Гв. Егерскаго полка.

Боевыя дѣйствія Петровской бригады оказались раздѣленными лѣсомъ отъ Л.-Гв. Егерскаго полка, наступавшаго отъ д. Выгнановице въ восточномъ направленіи. Какъ мы упоминали выше, командиръ Л.-Гв. Семеновскаго полка уже около 12 часовъ дня 20-го августа (2 сент.) донесъ въ штабъ дивизіи объ утерѣ связи съ Егерями. Эта связь не была возстановлена въ теченіи всего дня, вслѣдствіи чего боевыя дѣйствія Петровской бригады представляютъ собою какъ бы отдѣльный бой, коотрый и именуется въ анналахъ нашей Гвардіи боемъ у Владиславова.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію боевыхъ дѣйствій въ тотъ же день другого полка 1-й гвард. пѣх. дивизіи — Л. Гв. Егерскаго.

Этотъ полкъ, какъ мы знаемъ, представлялъ собою, вмѣстѣ съ двумя батареями 5-й и 6-й Л. Гв. I-й арт. бригады, лѣвый головной уступъ въ боевомъ порядкѣ дивизіи. Примыкая непосредственно къ правому флангу 2-й гренадерской дивизіи, наступающей отъ д. Гардзенице на д. Суходолы, Л.

---

26) См. Commandant Koeltz: «La garde allemande à la Bataille de Guise (28-29 Août 1914)». Charles Lavauzelle, 1928. —Его-же: D'Esterney aux Marais de St-Gond (6-9 Sept. 1914)». Charles Lavauzelle, 930.

См. т а к ж е т р у д ы Commandant A. Grasset: «La Guerre en action; le 22 Aout au IV Corps d'Armée» — «Ethé» — Berger-Levrault, 1924 — и «Virton», Berger-Levrault, 1926.

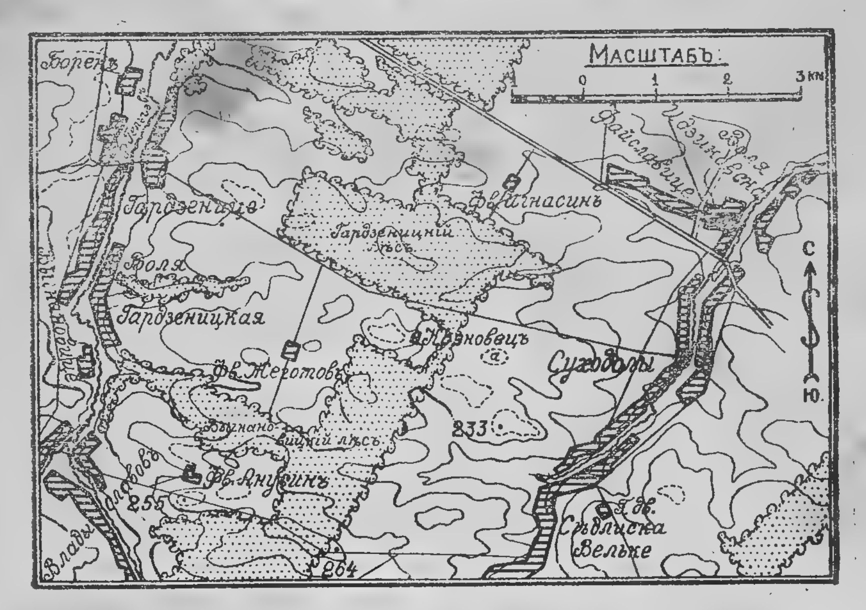
Гв. Егерскій полкъ долженъ былъ содѣйствовать атакѣ этой дивизіи. Ось наступленія его направилась на фольваркъ Жеготовъ и далѣе черезъ лѣсъ (на водораздѣлѣ между р. Гелчевымъ и р. Файславкой) къ высотѣ 233.

Л.-Гв. Егерскій полкъ перешелъ р. Гелчевъ у д. Воля Гардзеницкая. Головной батальонъ (1-й) началъ спускаться въ лощину, бока которой поросли лѣсомъ.

«Впереди», вспоминаетъ командиръ этого батальона полк. Бурманъ[27]), «юго-восточнѣе опушки шла рѣдкая стрѣльба. Оказывается, велъ ее одиночный казакъ,

СХЕМА № 12.

Раіонъ боевыхъ дѣйствій Л. Гв. Егерскаго полка и 2-й гренадерской пѣхотной дивизіи 20 авг. (2 сент.) 1914 г.

прикрывшись трупомъ своего убитаго коня и вырывъ для себя, шашкой, ямку. Время отъ времени, старательно выцѣливая, онъ выпускалъ пулю за пулей. Австрійцы (повидимому — ихъ передовыя или развѣдывательныя части) отвѣчали огнемъ отъ фольварка Жеготова. Пули сбивали вѣтки въ лѣску, въ которомъ расположился, вѣрнѣе — развернулся мой батальонъ. Примѣрно, около 9 час. утра 1-й батальонъ началъ продвиженіе цѣпями. Австрійцы, занимавшіе фольваркъ Жеготовъ и высокій холмъ рядомъ, не оказавъ сопротивленія и ведя рѣдкій огонь, отошли на опушку лѣса, что къ востоку. Здѣсь уже были развернуты значительныя ихъ силы, ведшія частый ружейный и пулеметный огонь...».

---

27) Данныя о бой, записанныя со словъ полк. Бурмана; запись эта была любезно предоставлена мнѣ для использованія секретаремъ исторической комиссіи Гвардейскаго объединенія — ротмистромъ Поштовтомъ.

«... На высотѣ Жеготова намъ приказано было остановиться и окопаться...».

«Впереди растилалось гладкое картофельное поле около версты глубиною», такъ описываетъ начало того же боя самъ командиръ полка[28]). «Скатъ былъ отъ противника. Передовыя роты залегли и стали окапываться. Появились раненые. Лѣвѣе Егерей велъ бой 7-й гренад. Самогитскій полкъ. Правѣе I-го батальона развернулся II-й батальонъ полка. Батареи заняли позиціи на правомъ берегу р. Гелчевъ, сѣвернѣе д. Воля Гардзениска, и вскорѣ открыли огонь по наступавшимъ цѣпямъ противника, которыя залегли. III и IV батальоны остались въ полковомъ резервѣ... Пулеметная команда влилась въ передовыя цѣпи... Бой разгорался по всей линіи... Неоднократныя попытки противника продолжать наступленіе быстро захлебывались. Артиллерійскій огонь и пулеметы... сметали поднимавшіяся цѣпи. Наступленіе по открытому гладкому полю, днемъ, подъ огнемъ непотрясеннаго противника было невозможно. Австрійцы были остановлены».

«Начиная съ 11 часовъ утра я началъ получать отъ командира Гренадерскаго корпуса ген. Мрозовскаго, которому была временно подчинена 1-я Гвардейская пѣх. дивизія, запросы: Какъ расположенъ полкъ (прислать кроки)? гдѣ стоятъ батареи? какую линію занимаетъ противникъ? кто правѣе полка? Послѣ часу дня ген. Мрозовскій предупредилъ, что Егеря должны перейти въ наступленіе одновременно съ Самогитскимъ полкомъ... Для подготовки атаки я прошелъ съ полковымъ адъютантомъ шт. кап. Свѣтозаровымъ на батареи и, послѣ краткаго совѣщанія, отдалъ приказъ к-ру 2-го дивизіона — полковнику Папа Федорову начать подготовку къ атакѣ. Одинъ взводъ 6-й батареи былъ по моему желанію передвинутъ и сталъ за расположеніемъ II-го батальона, открывъ огонь съ прицѣломъ 20».

«Связь съ Семеновскимъ полкомъ была утрачена. Боевая линія была усилена IV-мъ батальономъ, который развернулся правѣе II-го батальона. Всѣ командиры батальоновъ предупреждены о предстоящей атакѣ. Около 2-хъ часовъ дня шестнадцать орудій открыли бѣшенный огонь по намѣченному пункту атаки — углу лѣса передъ I-мъ батальономъ. Пріятно было смотрѣть, какъ батареи... окутали лѣсъ сплошной пеленой разрывовъ на высотѣ 2-3 сажень отъ земли. Огонь далъ максимумъ полезнаго дѣйствія».

«Не жалѣя снарядовъ», вспоминаетъ про боевую работу 5-й батареи въ этотъ день ея командиръ[29]), «я посылалъ по-очереди гранаты и шрапнели по опушкѣ лѣса. Австрійская артиллерія отвѣчала не мѣтко. Въ началѣ 4-го часа дня подготовку можно было считать выполненной. Пѣхота собралась возобновить наступленіе, но почему то была задержка... Неопредѣленное положеніе тянулось до конца 5-го часа дня, когда намъ приказано было снова открыть огонь, такъ какъ пѣхота съ минуты на минуту должна была двинуться въ атаку...».

Осмотрѣвъ послѣ боя обстрѣлянную 5-й и 6-й батареями Л. Гв. 1-ой арт. бригады опушку лѣса, полк. Альтфатеръ увидѣлъ, что «вся опушка л. была завалена убитыми и ранеными; окоповъ не было»[30]).

---

[28]) Рукопись ген. Буковскаго: «Лейбъ-Егеря въ Великую войну», хранится въ архивѣ ген. Н. Н. Головина.

[29]) «Выписка изъ дневника к-ра 5-й батареи Л. Гв. 1-й арт. бригады полк. Альтфатера»; рукопись любезно сообщена мнѣ секретаремъ Исторической комиссіи Гвардейскаго Объединенія — ротмистромъ Гоштовтомъ.

[30]) Извлеченіе изъ записки ген.-маіора Альтфатеръ: «Первый бой 20 августа 1914 г.», помѣщенный въ оповѣщеніи (№ 1) Общества б. г. офицеровъ Л. Гв. 1-ой артиллерійской бригады», любезно сообщеннымъ мнѣ ген. А. Буковскимъ.

«Въ концѣ 2-го часа дня», пишетъ про ту-же артиллерійскую подготовку командиръ I-го батальона Лейбъ-Егерей, «батареи открыли мѣткій бѣглый огонь по расположенію противника. Влитые въ цѣпи пулеметы и ружейный обстрѣлъ заглушили австрійцевъ. Ихъ огонь сильно ослабъ. Ротные командиры доносили, что они находятъ, что подошло время перейти въ атаку. Я былъ согласенъ, но разрѣшенія свыше не получилъ. Слѣдовало еще ждать, чтобы согласовать свои дѣйствія съ сосѣдями Самогитцы еще не были готовы. Съ Семеновцами не было связи. Тѣмъ временемъ далеко слѣва доносились звуки разгорѣвшагося боя. Австрійцы почти перестали стрѣлять. Наша артиллерія также перешла на рѣдкій огонь. На нашемъ участкѣ воцарилось нудное спокойствіе; люди разморились подъ горячимъ солнцемъ, которое замѣтно стало сзади насъ уже клониться къ горизонту. Ротные командиры безпокоились, что придется зря вести тяжелый ночной бой...».

Около 4½ часовъ дня командиръ полка отдалъ приказъ объ атакѣ[31]). I-й батальонъ началъ наступленіе немедленно, наступленіе же сосѣднихъ батальоновъ II-го и IУ-го нѣсколько задержалось, но появленіе доблестнаго командира Л. Гв. Егерскаго полка ген. Буковского въ линіи цѣпей II-го батальона дало толчекъ ихъ наступленію.

«Съ моего (наблюдательнаго) пункта было прекрасно видно», вспоминаетъ командиръ 5-й батареи полк. Альтфатеръ, «какъ ровно въ 5 часовъ поднялись, какъ одинъ Лейбъ-Егоря и, предводительствуемые шедшей впереди линіей офицеровъ, съ блестѣвшими на солнцѣ клинками шашекъ кинулись впередъ. Я перенесъ огонь вглубь лѣса, опушка котораго вскорѣ опоясалась національными русскими флажками. Огонь австрійской артиллеріи былъ вначалѣ интенсивенъ, но постепенно сталъ замирать, а въ 5 ч. 30 м. заглохъ; видимо батареи уже мѣняли позиціи. Я перенесъ огонь много впередъ, почти до предѣла».

Вотъ какъ описываетъ эту же атаку Лейбъ-Егерей ихъ командиръ полка:

«Началось неудержимое движеніе трехъ батальоновъ. Это было стихійное движеніе массы въ 3.000 человѣкъ. Совсѣмъ низко надъ головами Егерей, перегоняя ихъ летѣли съ визгомъ снаряды нашихъ батарей, продолжавшихъ бить по опушкѣ лѣса».

«Шагъ все ускорялся, начинался бѣгъ. Всѣ взоры были устремлены на опушку, чтобы скорѣе ее достичь».

«Послышались крики ура. И велика была радость, когда на фонѣ зелени лѣса по всему фронту замелькали флажки національныхъ цвѣтовъ».

«Это означало, что передовыя цѣпи заняли расположеніе противника и служило для артиллеріи сигналомъ для переноса огня вглубь позиціи противника. Еще на стоянкахъ подъ Варшавой въ г. Блоне, а позже въ г. Ловичъ, полкомъ было произведено нѣсколько ученій съ артиллеріей и выработанъ пріемъ для обозначенія захвата пункта атаки. Каждый отдѣленный командиръ былъ снабженъ небольшимъ національнымъ флажкомъ. И въ первомъ же бою это нововведеніе оправдало себя...».

«Роты резерва нагнали I-й батальонъ и приняли участіе въ бою. 10-я рота кап. Кукель зашла правымъ флангомъ и, наступая вдоль опушки, гнала передъ собой австрійцевъ, которые были прижаты къ наступавшему рядомъ съ Егерями Самогит-

[31]) Ген. Буковскій въ своихъ воспоминаніяхъ пишетъ, что такой приказъ былъ отданъ въ 2 1/2 часа дня.

скому полку. Знамя противника, командиръ полка и нѣсколько сотъ человѣкъ плѣнныхъ достались Самогитцамъ...».

Вотъ какъ про этотъ же маневръ выхода въ лѣвый флангъ и въ тылъ Австро-Венгровъ, дравшихся противъ нашей 2-й гренадерской дивизіи, разсказываетъ командиръ I-го батальона лейбъ-Егерей, полковникъ Бурманъ. Когда его цѣпи ворвались въ лѣсъ,

«Австрійцы сдавались, убѣгали, лѣзли на деревья, но не сопротивлялись. Наши батареи снова подняли ураганный огонь, перенося его все впередъ. Не доходя восточной опушки, я сталъ приводить батальонъ въ порядокъ, люди вскорѣ разобрались по ротамъ. Въ это время пришла просьба отъ Самогитцевъ о поддержкѣ, такъ какъ на нихъ, со стороны Суходоловъ, ведетъ контръ-атаку свѣжій противникъ. Я донесъ объ этомъ командиру полка. Давъ затѣмъ направленіе на сѣверо-востокъ, вышелъ и развернулся вдоль сѣверо-восточной опушки».

Повидимому, это была опушка Выгнановицкаго лѣса къ югу отъ поселка Козновецъ, въ раіонѣ котораго полоса лѣсовъ прерывалась полемъ шириною въ версту. Здѣсь I-й батальонъ Л. Гв. Егерскаго полка и вышелъ въ лѣвый флангъ главныхъ силъ 24-й А.-В. пѣх. дивизіи, ввязавшихся въ горячій бой съ Московскими гренадерами.

«Мой батальонъ», продолжаетъ свой разсказъ полковникъ Бурманъ, «перешелъ въ контръ-наступленіе, стараясь выиграть флангъ. Изъ полкового резерва, для заполненія промежутка отъ меня вправо (вслѣдствіи перемѣны направленія движенія I-го батальона), была выслана бѣглымъ шагомъ 10-я рота. Ея командиръ, капитанъ Кукель, по собственной инціативѣ, продолжая движеніе чуть не бѣгомъ, вышелъ изъ восточнаго выступа лѣса и, перемѣнивъ направленіе, бросился въ атаку прямо во флангъ наступавшимъ австрійцамъ. Мой батальонъ, а за нимъ Самогитскіе гренадеры кинулись въ стремительную контръ-атаку. Австрійцы бѣжали, большая часть ихъ сдалась. Сосѣдняя съ нами гренадерская рота захватила знамя. Ея командиръ, буквально со слезами радости на глазахъ отъ восторга, обнималъ командира лѣвофланговой, 4-ой, роты, князя Кугушева, своего сосѣда и все повторялъ: «Спасибо, родные, спасибо, дорогіе гвардейцы за помощь».

Пока происходилъ этотъ блестящій маневръ, остальные боевыя цѣпи лейбъ-Егерей продолжали движеніе черезъ Выгнановицкій лѣсъ къ восточной его опушкѣ. Выйдя за нее, онѣ огнемъ преслѣдовали отступавшихъ на д. д. Суходолы и Сѣдлиска Вельке Австро-Венгровъ. «Уцѣлѣвшіе изъ нихъ», пишетъ ген. Буковской, «достигли д. Суходолы и проходя, поджигали строенія. Южная часть селенія была въ огнѣ. Село это растянуто съ сѣверо-востока на юго-западъ на три версты; сѣверо-восточная и средняя часть къ этому времени была въ рукахъ Апшеронцевъ. Одна изъ батарей нашихъ сосѣдей слѣва (Гренадеръ) выдвинулась впередъ и обстрѣливала по-очереди всѣ видимыя селенія, перелѣски и овражки, въ которыхъ могли укрыться отступающіе. Стало темнѣть. Вправо и влѣво вспыхнуло зарево пожаровъ...»:

«Потери за день выразились въ слѣдующихъ цифрахъ:
офицеровъ — раненъ одинъ — пор. Мунтяновъ.
Егерей — убито — три; ранено — 48.
Трофеи: взято въ плѣнъ — одинъ офицеръ и 128 солдатъ».

Въ ночь на 21-ое августа (3-е сентября) Л. Гв. Егерскій полкъ бивакировалъ въ захваченномъ имъ лѣсу, выставивъ дежурную часть на высоту (а) у восточной его опушки.

Выше я указалъ, что побѣда Петровской бригады надъ 2-й А.-В. пѣх. дивизіей имѣла чрезвычайно важный стратегическій результатъ, а именно — прорывъ А.-В. фронта на стыкѣ У-го и Х-го А.-В. корпусовъ. Но этотъ прорывъ, произведенный «географически» у Владиславова, «стратегически» восполнялся побѣдой Лейбъ-Егерей у Суходоловъ. Они расширили этотъ прорывъ въ сѣверо-восточномъ направленіи. Поэтому, воздавая должное доблестной роли, сыгранной въ этомъ прорывѣ Петровской бригадой, не нужно умалять стратегическаго значенія для прорыва у Владиславова побѣды Лейбъ-Егерей у Суходоловъ.

Здѣсь, у Суходоловъ, вмѣстѣ съ Апшеронцами, замыкая окруженіе 24-й А.-В. пѣх. дивизіи, Лейбъ-гвардіи Егерскій полкъ непосредственно участвовалъ въ разгромѣ этой дивизіи.

Но самое замѣчательное, на что должно быть обращено вниманіе читателя, это — ничтожность боевыхъ потерь, понесенныхъ въ этотъ день Лейбъ-Егерями. Сравнивая размѣры этихъ потерь съ таковыми же, понесенными въ тотъ же день Преображенцами, мы наглядно можемъ убѣдиться, что означаетъ въ условіяхъ современнаго боя надлежащая поддержка артиллеріи. Несомнѣнно, въ побѣдѣ Лейбъ-Егерей, одержанной согласно завѣту Петра Великаго, «малой кровью», большое значеніе имѣло то умѣніе использовать артиллерійскій огонь, которое показалъ командиръ полка — ген. А. Буковской и это умѣніе возымѣло тѣмъ большій эффектъ, что оно оказалось противупоставленнымъ неумѣнію противоположной стороны координировать дѣйствія пѣхоты съ артиллеріей. Вслѣдствіе этого, не смотря на то, что въ распоряженіи ген. Буковского было всего двѣ батареи, ему удалось съ начала и до конца боя сохранить на полѣ боя господство своего артиллерійскаго огня.

ДѢЙСТВІЯ 2-ой ГРЕНАДЕРСКОЙ ПѢХОТНОЙ ДИВИЗІИ.

Выполняя волю, нынѣ покойнаго, Верховнаго Главнокомандующаго, я обратился еще въ 1926 году съ циркулярнымъ письмомъ ко всѣмъ руководителямъ организованныхъ мною повсемѣстно группъ офицеровъ, желающилъ поддержать на нужномъ уровнѣ свои военныя знанія съ просьбой сообщить мнѣ свои воспоминанія о бояхъ осенней кампаніи 1914 года. Откликнувшіеся на мой призывъ помогли мнѣ возстановить многое изъ того, что оставалось неяснымъ при изученіи однихъ только печатныхъ источниковъ и матеріаловъ.

Къ сожалѣнію, изъ числа Московскихъ гренадеръ — участниковъ суходольскихъ боевъ, откликнулся лишь начальникъ 2-ой Гренадерской дивизіи генералъ Н. Ставровичъ[32]). Эта скудость имѣющихся въ моемъ распоряженіи рукописныхъ матеріаловъ объ участіи 2-й гренадерской дивизіи въ бою 20-го августа (2-го сент.) тѣмъ болѣе печальна, что изученіе того же боя по появившимся до сихъ поръ въ печати трудамъ не позволяетъ составить себѣ представленія о немъ.

Используя съ благодарностью свѣдѣнія, сообщенныя мнѣ генераломъ

---

[32]) Его письмо отъ 27 мая 1926 года; хранится въ архивѣ ген. Н. Н. Головина.

Н. Ставровичемъ, я все таки обращаюсь съ просьбой къ находящимся въ эмиграціи гренадерамъ — участникамъ Суходольскаго боя, дополнить приводимый ниже краткій абрисъ боевыхъ дѣйствій 2-й гренадерской дивизіи, присылкой мнѣ своихъ записей. Безъ этого дополненія, составленное мною описаніе Суходольскаго боя сохранитъ свое крайне неравномѣрное архитектурное построеніе. Въ то время, какъ описаніе дѣйствій сосѣдей гренадеръ справа и слѣва, мною посвящается много страницъ, изложенію боевыхъ дѣйствій первыхъ я могу посвятить всего лишь нѣсколько.

Сдѣлавъ эту оговорку, я перехожу къ описанію дѣйствій 2-й гренадерской дивизіи 20-го августа (2-го сентября).

Собранная ген. Мрозовскимъ 2-я гренадерская дивизія (безъ 5-го грен. Кіевскаго полка и безъ одной батареи 2-й грен. артил. бригады) съ приданными этой дивизіи частями (331-й пѣх. Златоустовскій полкъ, одинъ батальонъ 2-го грен. Ростовскаго полка и одинъ батальонъ 4-го грен. Несвижскаго полка) начала съ утра приказанное ей наступленіе на Суходолы.

Согласно схемѣ, приложенной къ письму ген. Н. Ставровича, 2-я гренадерская дивизія должна была развернуться для боя такъ: на правомъ флангѣ — 7-й грен. Самогитскій полкъ, въ центрѣ — 6-й грен. Таврическій полкъ, на лѣвомъ флангѣ — 8-й грен. Московскій полкъ; цѣпи этихъ полковъ показаны занимающими восточную опушку Гардзеницкаго лѣса. Резервы дивизіи находились на западной опушкѣ того же лѣса, 331-й пѣх. Златоустовскій полкъ въ резервѣ, въ тылу 6-го грен. Таврическаго полка, а два батальона 1-й грен. дивизіи (2-го грен. Ростовскаго и 4-го грен. Несвижскаго п. п.) — въ тылу 7-го грен. Самогитскаго полка. Артиллерія заняла позиціи на склонѣ возвышенностей восточнаго берега р. Гелчевъ; три батареи расположились къ сѣверу отъ проселочной дороги изъ Гардзенице въ Суходолы, а двѣ батареи — къ югу отъ этой дороги.

Въ письмѣ ген. Ставровича не указано — къ какому времени это развертываніе относится. А между тѣмъ сомнительно, чтобы такое расположеніе было уже принято частями 2-й грен. дивизіи въ самомъ началѣ боя. Согласно записей всѣхъ участниковъ боя 20-го августа (2-го сентября), Лейбъ-Егеря и Семеновцы, подходя къ р. Гелчевъ, прошли черезъ фронтъ 2-й грен. дивизіи, при чемъ Семеновцы — къ востоку отъ лѣса у колоніи Хойна[33]) — проходили черезъ участокъ 6-го грен. Таврическаго полка. Я думаю, что вѣроятнѣе всего, на схемѣ ген. Ставровича указанъ лишь порядокъ, въ которомъ, согласно предположенію штаба 2-ой Гренадерской дивизіи, боевая линія этой дивизіи должна была выйти на восточную опушку Гардзеницкаго лѣса.

«Бой начался рано утромъ; часа я не помню», пишетъ ген. Н. Ставровичъ. «Онъ, примѣрно до 3¼-4 час. дня, былъ очень тяжелымъ, тяжелѣе всѣхъ предыдущихъ боевъ, которые вела уже 2-я грен. дивизія въ эту войну; дивизіи очень много помогалъ Л. Гв. Егерскій полкъ, который наступалъ на крайній лѣвый флангъ австрійцевъ. Бой этотъ былъ настолько тяжелъ, что къ 3-3½ час. дня начальнику дивизіи пришлось ввести въ дѣло не только батальоны Ростовскаго и Несвижскаго грен. полковъ, но и Златоустовскій полкъ, переданный генераломъ Мрозовскимъ также начальнику дивизіи. Съ 4-хъ же часовъ пополудни, когда наши боевыя линіи дорвались до Австрійскаго фронта, австрійцы сразу сдали, начали поспѣшно, безъ вся-

[33]) См. схему № 11.

кихъ задержекъ, отступать и сдаваться въ плѣнъ полками[34]), такъ что въ сумерки этого дня 2-я гренад. дивизія со Златоустовскимъ полкомъ и батальонами 2-го и 4-го гренадерскихъ полковъ заняли д. Суходолы, выставивъ въ авангардъ Златоустовскій полкъ съ батареею въ лѣсу, что южнѣе этой деревни... Потери у Гренадеръ и въ Златоустовскомъ полку[35]) были большія; ихъ во время боя несли не только первыя линіи, но даже резервы въ лѣсу, потому что все поле жестоко обстрѣливалось многочисленною австрійской артиллеріей и многими пулеметами. Во время этого боя, въ числѣ многихъ другихъ былъ раненъ пулею командиръ 7-го грен. Самогитскаго полка полк. Зигель и убитъ дивизіонный врачъ...».

Какъ упоминалось мною въ одномъ изъ предыдущихъ очерковъ, ген. Ставровичъ утверждаетъ, что 19-го августа (1-го сентября) 7-й гренадерскій полкъ, шедшій въ авангардѣ 2-й гренадерской дивизіи, вышелъ на восточную опушку Гардзеницкаго лѣса. Предполагаю, что на этой опушкѣ и осталось въ ночь на 20-е августа (2-ое сентября) охраненіе этого полка. Въ этомъ случаѣ оно вѣроятно уже на разсвѣтѣ 20-го августа (2-го сентября) должно было быть атаковано 24-й пѣх. А.-В. дивизіей и потѣснено вглубь Гардзеницкаго лѣса. Вся трудность дальнѣйшаго боя, въ которомъ произошла встрѣча между главными силами 2-й грен. дивизіи и 24-й А.-В. пѣх. дивизіи, и заключается въ томъ, что онъ протекалъ въ лѣсу. Какъ извѣстно, всякій лѣсъ является своего рода губкой, поглощающей въ себя и дезорганизующей войска. Весьма вѣроятно этимъ и объясняется впечатлѣніе ген. Ставровича объ исключительныхъ потеряхъ, понесенныхъ въ этотъ день 2-й грен. дивизіей. Нужно тоже имѣть въ виду, что совершенно естественна большая чувствительность къ убыли частей, находящихся въ некомплектѣ; гренадерскіе полки вступили въ Суходольскій бой, понеся въ предшествующіе боевые дни потери, достигавшія до 30-50 проц. ихъ штатнаго состава. Этимъ, м. б., объясняется также колебаніе въ рѣшимости довести бой до конца, которое, судя по приведенной выше выдержкѣ изъ воспоминаній Скорино, происходило послѣ полудня въ штабѣ ген. Мрозовскаго.

Объ этомъ «колебаніи» можно встрѣтить упоминаніе и въ записи к-ра 1 батальона лейбъ-егерей, полковника Бурмана.

Разсказывая о заминкѣ въ наступленіи Л. Гв. Егерскаго полка происшедшей около 3-хъ часовъ дня, онъ пишетъ:

«При моихъ переговорахъ со штабомъ полка, я узналъ, что задержка происходила изъ за переговоровъ ген. Мрозовскаго съ ген. Олоховымъ (нач. I-ой гв. пѣх. дивизіи; примѣч. Н. Н. Г.): Первый, распорядился, почему то, снова оттянуть нашу дивизію за линію р. Гельчевъ. Второй — настоятельно просилъ это распоряженіе отставить, чтобы не начинать войны деморализующимъ впечатлѣніемъ отхода. Противъ I-ой бригады встрѣчное наступленіе противника также остановлено и она также ждетъ приказанія объ атакѣ...».

Вышеприведенныя строчки изъ воспоминаній рядового участника боя представляютъ собой значительный психологическій интересъ. Онѣ нагляд-

---

[34]) Было взято только 2-й грен. дивизіей 2 1/2 - 3 тыс. плѣнныхъ и нѣсколько пулеметовъ. — Примѣчаніе ген. Ставровича.

[35]) Величины потерь въ другихъ частяхъ я не знаю; но думаю, что у Егерей потери также были не малыя. — Примѣчаніе ген. Ставровича. (Въ дѣйствительности, вопреки предположенію ген. Ставровича Л. Гв. Егерскій полкъ понесъ въ этотъ день исключительно малыя потери; примѣчаніе Н. Н. Г.).

но показываютъ какъ колебанія на верху отражались на самыхъ низахъ. На самомъ верху — Ставка — нервничавшая подъ впечатлѣніемъ Самсоновской катастрофы, заторопила Штаюзъ закончить Люблинское сраженіе. Если возглавляющій Штаюзъ ген. М. В. Алексѣевъ и не сталъ непосредственно «торопить» арміи, все таки нѣкоторая утеря имъ спокойствія сказалась въ томъ, что онъ слишкомъ пассивно присутствовалъ при той суетѣ, съ которой штарм 4 производилъ ликвидацію воображаемаго имъ «Травниковскаго прорыва». Этот штарм, какъ мы видѣли, «бросалъ пакетами» прибывающія дивизіи гвардіи и III кавказскаго корпуса, зря изматывая войска до вступленія въ бой. Подобная нервность управленія не могла не отразиться и на штабѣ гренадерскаго корпуса. Наиболѣе яркое выраженіе это нервничаніе нашло въ посылкѣ въ атаку пѣхоты, не дожидаясь прибытія большей части артиллеріи; колонна ген. Волошинова и Преображенцы оказались лишенными таковой и ихъ посылали «не въ бой, а на убой». Въ видѣ предположенія, я позволю себѣ высказать слѣдующее: къ утру 20-го августа (2-го сентября) въ штармѣ 4 могло наступить нѣкоторое успокоеніе: пресловутый «Травниковскій прорывъ» могъ обрисоваться уже не въ такомъ мрачномъ свѣтѣ, какъ наканунѣ. Можетъ быть тамъ начали уяснять себѣ также и то, что самъ Х-й А.-В. корпусъ попадалъ въ стратегическій мѣшокъ, вслѣдствіе чего незачѣмъ было стараться бить его встрѣчнымъ ударомъ въ лобъ. Стратегически, гораздо разумнѣе была оборона отряда ген. Мрозовскаго за рѣчкой Гелчевъ, впредь до сбора гвардейскаго и III-го кавказскаго корпусовъ за правымъ его флангомъ и выхода 5-й арміи въ тылъ Х-го А.-В. корпуса. Это измѣненіе въ точкѣ зрѣнія штарма 4 и могло отразиться въ штабѣ ген. Мрозовскаго въ рѣшеніи прекратить начавшееся уже утромъ 20-го августа (2-го сентября) наступленіе частей его «отряда». Психологически вполнѣ понятно, что при такой перемѣнѣ взгляда, донесеніе о большихъ потеряхъ въ гвардіи и у гренадеръ могло вызвать отказъ отъ продолженія задуманнаго удара. Повторяю, высказанное мною выше — лишь предположеніе для объясненія «колебаній» въ управленіи боемъ подъ Суходолами. Установленнымъ же фактомъ можно считать лишь то, что эта «заколебавшаяся воля высшаго командованія» была выправлена самими дерущимися войсками. Какъ я уже имѣлъ случай говорить, касаясь верховъ управленія, «войсковой организмъ» — будь то группа армій, армія, корпусъ, дивизія, заключаетъ въ себѣ своего рода стабилизующія начала, мѣшающія слишкомъ рѣзкимъ перемѣнамъ въ оперативномъ руководствѣ. Въ данномъ случаѣ это «стабилизирующее» вліяніе оказалось благодѣтельнымъ ибо, дѣйствительно, прекращеніе уже дошедшаго до рѣшительной фазы встрѣчнаго боя могло привести къ отрицательнымъ психологическимъ результатамъ.

Какъ выясняется теперь изъ офиціальной австрійской исторіи, 20-го августа (2-го сентября), изъ раіона д. д. Файславице, Суходолы и Сѣдлиско Вельке наступала 24-я А.-В. пѣх. дивизія, усиленная 10-й маршевой бригадой[36]). Эти части Х-го А.-В. корпуса торопились пройти находившіеся на пути ихъ наступленія лѣса, дабы овладѣть высотами восточнаго берега р. Гелчевъ. Съ юга, со стороны фольв. Карчевъ[37]), въ направленіи на фольв. Анусинъ, наступала другая дивизія этого корпуса 2-я А.-В. пѣх. дивизія, которая, какъ мы знаемъ, подверглась фланговому удару нашей Петровской бригады и была разбита.

36) А.-В. вводили иногда маршевыя бригады въ бой, какъ тактическія единицы.
37) См. схему № 11.

Не подлежитъ сомнѣнію, что наступленіе 2-й гренад. дивизіи сыграло большую роль. Оно притянуло на себя подавляющую часть силъ 24-й А.-В. пѣх. дивизіи и сковало ихъ. Это значительно облегчило дѣйствія сосѣдей 2-й гренадерск. дивизіи, въ особенности же дѣйствія сѣвернаго сосѣда 81-го Апшеронскаго полка. 24-я А.-В. пѣх. дивизія, скованная гренадерами въ Гардзеницкомъ лѣсу, оказалась тамъ окруженной съ сѣвера и востока Апшеронцами, а съ юга — лейбъ-Егерями, 5.000 плѣнныхъ ярко свидѣтельствуютъ объ этой катастрофѣ.

ДѢЙСТВІЯ «КОЛОННЫ» ГЕН. ВОЛОШИНОВА.

Приводя выше описаніе боя 2-й гренадерской дивизіи у Суходоловъ, сдѣланное начальникомъ этой дивизіи, я цитировалъ слѣдующія строки: «... съ 4-хъ же часовъ пополудни, когда наши боевыя линіи дорвались до Австрійскаго фронта, австрійцы **сразу**[38]) сдали, начали поспѣшно, безъ всякихъ задержекъ, отступать и сдаваться въ плѣнъ полками...».

Причиной этой моральной катастрофы въ 24-й А.-В. пѣх. дивизій являлся выходъ въ тылъ Гардзеницкаго лѣса 81-го пѣх. Апшеронскаго полка, включеннаго на этотъ день въ составъ «колонны генерала Волошинова». Къ описанію ея дѣйствій мы и приступимъ. Я его заимствую опять изъ статей А. Шмидта, напечатанныхъ въ «Русскомъ Инвалидѣ» подъ общимъ заглавіемъ «82-я пѣх. дивизія въ Люблинской Операціи»[39]).

«Ночью былъ полученъ приказъ о подчиненіи «колонны генерала Волошинова» командиру Гренадерскаго корпуса и объ общемъ переходѣ въ наступленіе. На «колонну» была возложена задача: овладѣть д. Суходолы».

«Вся ночь прошла въ напряженной работѣ штаба по приведенію въ порядокъ вышедшихъ изъ боя частей и подготовкѣ предстоящаго наступленія. Во исполненіе поставленной «колоннѣ» задачи, было приказано:

«а) правому боевому участку, подъ командой генералъ-маіора Веселовскаго, въ составѣ 81-го пѣх. Апшеронскаго полка, 1/2 бат. 205 пѣх. Шемахинскаго полка и 9-й Донской каз. батареи — всего 4 1/2 батальона и 4 орудія, наступать, держась правымъ флангомъ Красноставскаго шоссе и овладѣть д. д. Файславице и Суходолы;

«б) лѣвому боевому участку, подъ командой генералъ-маіора Рябкова, въ составѣ 325-го пѣх. Царевскаго и 326-го пѣх. Бѣлгорайскаго полковъ, выдѣливъ отъ каждаго полка по 1 батальону въ общій резервъ, наступать уступомъ за лѣвымъ флангомъ праваго боевого участка, очистить Бискупицкій лѣсъ отъ проникшихъ въ него частей противника, атаковать австрійцевъ, окопавшихся за его опушкой и овладѣть д. Воля-Идзиковская;

«в) частямъ 205-го пѣх. Шемахинскаго полка, наступая изъ д. Бискупице въ полосѣ между Бискупицкимъ лѣсомъ и желѣзной дорогой, овладѣть д. Олесники;

«г) общему резерву оставаться до распоряженія на занимаемой позиціи».

---

38) Подчеркнуто мною. — Примѣчаніе Н. Н. Г.

39) А. Шмидтъ, «Русскій Инвалидъ», №№ 94 и 96.

СХЕМА № 13.

Дѣйствія «Колонны ген. Волошинова» 2-го сент. 1914 г.

81-й пѣх. Апшеронскій полкъ, вмѣстѣ съ приданными ему частями, началъ свое движеніе впередъ въ 4½ часа утра. Вслѣдъ за нимъ двинулись и остальные «участки» колонны.

Около 8 час. утра наступающія части вышли на обращенныя къ противнику опушки Сѣдлишскаго и Бискупицкаго лѣсовъ и начали свою атаку.

«Подъ непрерывнымъ огнемъ противника, боевой порядокъ славныхъ Апшеронцевъ», разсказываетъ очевидецъ атаки — А. Шмидтъ, «упорно продвигался впередъ, оставляя за собою убитыхъ и раненыхъ; цѣпь за цѣпью появлялись на гребняхъ невысокихъ холмовъ, исчезали за ними и вскорѣ снова чернѣли на слѣдующихъ перегибахъ мѣстности... Полкъ (Апшеронскій) безостановочно наступалъ, отлично примѣняясь къ мѣстности, въ такомъ образцовомъ порядкѣ, точно онъ находился не въ бою, а на полковомъ ученіи. Царевцы и Бѣлгорайцы, захваченные порывомъ Апшеронцевъ, освободились отъ впечатлѣній предшествовавшей неудачи, также успѣшно атаковали противника южнѣе Бискупицкаго лѣса... Шемахинцы къ этому времени миновали станцію Травники, не встрѣчая сопротивленія противника».

Это энергичное наступленіе частей колонны ген. Волошинова застало находившійся противъ нихъ правый флангъ 24-й А.-В. пѣх. дивизіи совершенно врасплохъ. Повидимому наши враги считали, что «колонна ген. Волошинова» была совершенно разгромлена наканунѣ. Ослабивъ свой правый флангъ, 24-я А.-В. дивизія направила свои главныя усилія противъ 2-й гренадерской пѣх. дивизіи.

Внезапность атаки разбитой наканунѣ «колонны ген. Волошинова» была столь велика, что вскорѣ послѣ 10-ти часовъ утра «на всемъ пространствѣ отъ Красноставскаго шоссе до желѣзной дороги противникъ отступалъ... Подъ стремительнымъ натискомъ нашихъ частей, отступленіе противника перешло въ бѣгство; поле сраженія покрылось убитыми и ранеными австрійцами, брошеннымъ вооруженіемъ и снаряженіемъ бѣгущихъ; противникъ сотнями сдавался въ плѣнъ и направлялся въ д. Пяски. Около полудня была занята д. Файславице, гдѣ находился перевязочный пунктъ австрійцевъ, переполненный ранеными...».

«Штабъ „колонны" перешелъ въ д. Файславице... Изъ поступившихъ донесеній обнаружилось, что наступавшая правѣе 2-я гренадерская дивизія не смогла сбить находившагося противъ нея противника и оказалась уступомъ позади Апшеронцевъ».

Въ то время, когда происходилъ этотъ разгромъ праваго фланга 24-й А.-В. пѣх. дивизіи, главныя ея силы, углубившись въ Гардзеницкій лѣсъ, вели встрѣчный бой съ нашей 2-й гренадерской дивизіей. Этотъ лѣсъ, втянувшій въ себя, какъ губка, части этой послѣдней, оказалъ также дѣйствіе и на 24-ю А.-В. дивизію. Дезорганизующее вліяніе лѣса на части, ведущія бой внутри его, имѣло и другое естественное послѣдствіе: борьба между 2-й гренадерской дивизіей и 24-й А.-В. дивизіей затянулась, принявъ колеблющійся, нерѣшительный характеръ. Наступленіе же доблестныхъ Апшеронцевъ, происходившее внѣ этого лѣса, могло развиваться гораздо болѣе быстрымъ темпомъ. *Здѣсь ярко выявилось превосходство въ духѣ и въ боевой подготовкѣ нашей перволинейной пѣхоты надъ Австро-Венгерской.* Для того, чтобы наглядно показать, какъ высоко стояла въ этомъ отношеніи наша перволинейная пѣхота, я счелъ полезнымъ привести въ особомъ приложеніи описаніе дѣйствія въ этомъ бою одной изъ Апшеронскихъ ротъ. Еще и еще разъ боевая дѣйствительность наказывала Австро-Венгерское командованіе за необоснованную увѣренность въ превосходствѣ своей арміи и за хвастливое пренебреженіе своимъ врагомъ[40]). Въ результатѣ, 81-й Апшеронскій полкъ, совмѣстно съ прочими частями «колонны» ген. Волошинова», разбивъ встрѣченныя имъ части праваго фланга 24-й А.-В. пѣ-

---

40) Напомню здѣсь строки изъ воспоминаній генерала Конрада, цитированныя мною въ предыдущемъ томѣ («Галиційская Битва — первый періодъ») на стр. 215: «Характеръ большинства народностей, изъ которыхъ составлялась Императорская и Королевская Армія», пишетъ генералъ Конадъ въ т. IV на стр. 488-489, «предрасполагалъ къ тому, что войска Австро-Венгріи были болѣе способны къ наступленію, нежели къ оборонѣ. Темпераментъ, смѣлость, лихость и храбрость при семъ способѣ дѣйствій лучше всего могли быт ими проявлены. Да и само обученіе мирнаго времени стремилось увеличить тактическую подвижность войскъ; *въ этомъ развитіи маневренной способности можно было видѣть крупное преимущество при столкновеніи съ тяжеловѣсными массами Русской Арміи*».

хотной дивизіи, оказался въ тылу ея главныхъ силъ, скованныхъ въ лѣсномъ бою нашей 2-й гренадерской дивизіей.

Оцѣнивъ создавшееся выгодное положеніе, командиръ 81-го Апшеронскаго полка генералъ Веселовскій, являвшійся главнымъ героемъ этого дня, «повернулъ часть своего боевого порядка во флангъ и отчасти въ тылъ Австрійцевъ, упорно дравшихся противъ Гренадеръ. Ударъ славныхъ Апшеронцевъ», продолжаетъ свой разсказъ А. Шмидтъ, «оказался рѣшающимъ — противникъ началъ отходъ и на фронтѣ 2-й гренадерской дивизіи».

«Дальнѣйшее наступленіе нашихъ частей дало возможность ворваться на плечахъ противника Апшеронцамъ въ д. Суходолы, Бѣлгорайцамъ въ д. Воля-Идзиковская; Шемахинцы заняли д. Олесники. Однако, къ австрійцамъ начали прибывать подкрѣпленія и ихъ сопротивляемость нашему наступленію усилилась. Они упорно цѣплялись за каждую складку мѣстности, откуда приходилось выбивать ихъ повторными атаками...».

«Генералъ Волошиновъ, со штабомъ, находился въ д. Суходолы на Красноставскомъ шоссе. День склонялся къ вечеру. Предполагалось использовать воодушевленіе нашихъ частей и моральный упадокъ противника для максимальнаго продвиженія впередъ, съ цѣлью овладѣнія д. Лопенникъ».

Но «сильное утомленіе нашихъ частей, проведшихъ предыдущую ночь почти безъ сна, ведущихъ безъ перерыва съ утра бой и не имѣвшихъ возможности подкрѣпиться пищей», а также предположеніе о подходѣ къ д. Лопенникъ свѣжихъ непріятельскихъ силъ, заставили отказаться отъ продолженія наступленія и ген. Волошиновъ остановилъ свои войска на ночлегъ на рубежѣ Суходолы-Олесники.

«Въ бою 20-го августа (2-го сентября) противникъ, находившійся на участкѣ д. д. Суходолы-Олесники былъ совершенно разгромленъ и остатки его отброшены къ д. д. Лопенники; было взято нѣсколько тысячъ плѣнныхъ и много военныхъ трофеевъ, въ томъ числѣ цѣликомъ отдѣленіе изъ 6 пулеметовъ съ вьюками и вьючными животными...». Формулируя въ этихъ словахъ результаты встрѣчнаго боя у Суходоловъ «колонны» ген. Волошинова, А. Шмидтъ совершенно правильно подчеркиваетъ тѣ тяжелыя условія, въ которыхъ пришлось драться въ этотъ страдный боевой день пѣхотѣ этой колонны: «на весь боевой составъ «колонны» лишь 4 конныхъ орудія; не было средствъ связи, кромѣ полковыхъ, и то не во всѣхъ полкахъ; въ 325 п. и 326 п. совершенно не было пулеметовъ; питаніе этихъ полковъ, за отсутствіемъ у нихъ походныхъ кухонь и неприбытіемъ дивизіоннаго обоза, было не налажено; огнестрѣльные припасы были на исходѣ, а пополненіе не было организовано; лазаретовъ для оказанія необходимой помощи раненымъ и средствъ ихъ эвакуаціи не имѣлось...».

Разгрому Австрійцевъ у Суходоловъ содѣйствовала 3-я Донск. каз. дивизія. Въ ночь на 2-ое сент., штабъ этой дивизіи обосновался въ д. Дорогуча и собиралъ къ себѣ разбросанные полки и сотни. Въ теченіе ночи удалось стянуть: 3-4 сотни 13-го Оренбургскаго каз. полка; 3-4 сотни 32-го Донск. каз. полка; нѣсколько сотенъ 18-го и 30-го Донск. каз. полковъ; 8-ую Донск. каз. батарею и взводъ 9-й Донск. каз. батареи. Съ разсвѣтомъ дивизія направилась къ ст. Травники и отсюда вышла къ д. Олесники, которую заняла до прибытія сюда Шемахинцевъ. Спѣшенныя казачьи сотни, оставивъ коноводовъ за д. Олесники, повели наступленіе вдоль дороги на д. Лопенникъ Русскій, но встрѣченные сильнымъ огнемъ противника должны были залечь на пологомъ скатѣ впереди д. Олесники. 8-ая Донск. каз. батарея поддержи-

вала наступленіе съ позицій у жел. дорожнаго полотна. 13-й Оренбургскій каз. полкъ былъ направленъ по правому берегу р. Вепржъ для обхода праваго фланга противника[41]).

Общій итогъ захваченныхъ въ этотъ день плѣнныхъ исчисляется въ 60 офицеровъ и 5.000 солдатъ пяти полковъ 2-й и 24-й А.-В. пѣх. дивизій и 10-й маршевой бригады[42]). Какъ мы знаемъ изъ предыдущаго изложенія, главная масса этихъ плѣнныхъ была захвачена 81-мъ Апшеронскимъ и 7-мъ гренадерскимъ Самогитскимъ полками.

Австрійская официальная исторія войны[43]) упоминаетъ о понесенномъ 20-го августа (2-го сентября) 1-мъ А.-В. корпусомъ пораженіи въ слѣдующихъ крайне сдержанныхъ выраженіяхъ:

«Могучій русскій ударъ разразился прежде всего противъ продвинувшагося къ Травникамъ праваго фланга 24-й пѣх. дивизіи, которая вскорѣ послѣ этого почувствовала угрозу своему тылу со стороны непріятельскихъ частей, перешедшихъ на западный берегъ р. Вепржа у д. Лопенникъ Русскій[44]). 2-я пѣх. дивизія тоже подверглась сильной русской атакѣ[45]). Несмотря на содѣйствіе ея резервовъ и 37-й гонведной дивизіи, позволившихъ ей все же перейти самой въ наступленіе, русская контръ-атака въ ея лѣвый флангъ вскорѣ заставила ее уступить то небольшое пространство, которое ей удалось захватить. Въ виду того, что двигавшаяся отъ Тарногуры 45-я пѣх. дивизія не пришла еще въ указанное ей мѣсто[46]), генералъ отъ инфантеріи Гуго фонъ Мейкснеръ[47]) отвелъ свои утомленные одиннадцати-дневнымъ боемъ войска на линію Лопенникъ Русскій-Издебно, разсчитывая, что ему удастся съ прибытіемъ 45-й пѣх. дивизіи возобновить на слѣдующій день наступленіе».

41) Эти данныя взяты изъ рукописи любезно предоставленной мнѣ ген. Акулининымъ, который въ изучаемые нами дни состоялъ старшимъ адъютантомъ штаба 3-й Дон. каз. дивизіи.

42) Дѣло в.-уч. архива, № 9549, стр. 336 и 386.

43) Т. II, стр. 259.

44) Части 3-й Донской каз. дивизіи. — Примѣчаніе Н. Н. Г

45) Атака «Петровской бригады» у Владиславова. — Прим. Н. Н. Г.

46) Лопенникъ Русскій; см. схему II-ю «Положеніе съ 2 по 6 сент.», приложеніе къ Австр. Офиц. исторіи, т. I.

47) Командиръ Х-го А.-В. корпуса.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ИСПОЛЬЗОВАНІЕ ПОБѢДЫ У СУХОДОЛОВЪ И ВЛАДИСЛАВОВА

ЭКСПЛОАТАЦІЯ ПОБѢДЫ 4-й АРМІИ.

1-ая гв. пѣх. дивизія, развивая успѣхъ у Владиславова, наступала въ этотъ день главными силами (Л. гв. Преображенскій, Л. гв. Семеновскій, Л. гв. Измайловскій п. п. и четыре батареи Л. гв. 1-ой арт. бригады) въ общемъ направленіи на Крщоновъ. Къ вечеру, она подошла къ сѣверо-восточной опушкѣ Крщоновскаго лѣса[1]) и заночевала на линіи д. д. Жуковъ-Валентиновъ. Четвертый полкъ этой дивизіи, Л. гв. Егерскій, съ двумя батареями, двигался уступомъ за лѣвымъ флангомъ главныхъ силъ, направляясь къ д. Рыбчевице[2]). На замѣну уведеннаго на югъ Л. гв. Егерскаго полка, для поддержки отряда ген. Мрозовскаго, продолжающаго 21-го августа (3 сент.) наступать въ восточномъ направленіи, Штабъ гвард. корпуса сформировалъ изъ прибывшихъ частей 2-й гв. пѣх. дивизіи, отрядъ ген. Киселевскаго[3]). Въ составъ этого отряда вошли: Л. гв. Московскій п., три батальона Л. гв. Павловскаго п. и двѣ батареи Л. гв. 2-й арт. бриг. Этотъ отрядъ, къ вечеру 21-го авг. (3 сент.), находился у д. Владиславова.

Изъ изложеннаго видно, что гв. корпусъ, въ теченіе 21-го авг. (3 сент.) повернулъ на 90 градусовъ. Его боевыя дѣйствія развивались въ этотъ день на юго-западъ (на Крщоновъ), а не на юго-востокъ, какъ это было наканунѣ.

Этотъ «оперативный» поворотъ гв. корпуса вполнѣ отвѣчалъ обстановкѣ сложившейся послѣ русской побѣды, одержанной наканунѣ.

Какъ мы помнимъ, «Петровская бригада» нанесла ударъ въ лѣвый флангъ X-го А.-В. корпуса, заставивъ его лѣвофланговую 2-ю п. дивизію оторваться отъ сосѣдняго У-го А.-В. корпуса и отойти къ Издебно. Одновременно, у Суходоловъ была разгромлена «отрядомъ ген. Мрозовскаго» другая дивизія (24-ая) X-го А.-В. корпуса, что ликвидировало всякую

[1]) Въ двухъ километрахъ къ востоку отъ д. Крщонова.

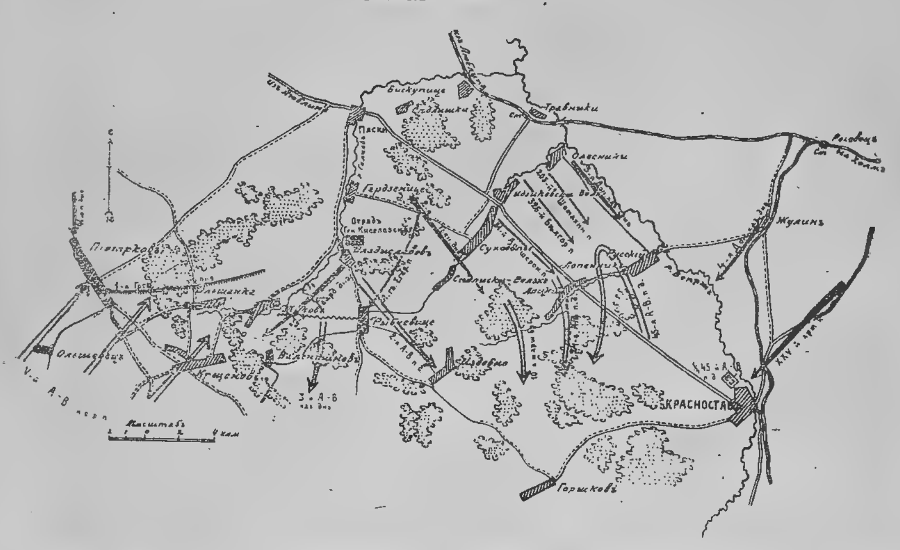
[2]) «Журналъ боевыхъ дѣйствій 1-й пѣх. дивизіи 1914 г.», составленъ и изданъ исторической комиссіей Гвард. объединенія. Стр. 6.

[3]) «Журналъ боевыхъ дѣйствій 2-й гв. пѣх. дивизіи 1914 г.», составленъ и изданъ исторической комиссіей гвард. объединенія, стр. 7.

опасность Австро-Венгерскаго «прорыва у станціи Травники». Въ такихъ условіяхъ Гвардейскій корпусъ получалъ возможность использовать произведенный у Владиславова прорывъ, для дѣйствій противъ обнажившагося праваго фланга У-го А. В. корпуса.

„Забитый наканунѣ Петровской бригадой клинъ, былъ затянутъ австрійцами только спѣшно заполнившей разрывъ, кавалерійской дивизіей. Противъ насъ», вспоминаетъ одинъ изъ участниковъ этого наступленія[4]), «какъ мы теперь знаемъ, собственно говоря, никого не было... Навстрѣчу нашему наступленію австрійцы въ этотъ день посылали только свои высокорвущіяся въ воздухѣ розовыми разрывами шрапнели... Главной помѣхой въ наступле-

СХОМА № 14.

ніи 21-го авг. были не австрійцы, а отсутствіе связи и карты, а также неясность обстановки...».

Наступленіе 1-й гв. пѣх. дивизіи въ направленіи на Крщоновъ оказало немедленное же тактическое воздѣйствіе на оперативные планы непріятеля.

Какъ мы знаемъ, изъ приведенной въ предыдущей главѣ выдержки изъ австрійской офиціальной Исторіи войны, командиръ Х-го А.-В. корпуса предполагалъ 21-го авг. (3 сент.) продолжать свое наступленіе въ направленіи на д. Пяски. Штабъ 1-й А.-В. арміи приказалъ У-му А.-В. корпусу поддержать атакой его праваго фланга это продолженіе охватной операціи Х-го А.-В. корпуса.

«Штабъ У-го А. В. корпуса приложилъ всѣ свои усилія, чтобы выполнить это пожеланіе командующаго арміей. Оставивъ на прежнемъ фронтѣ 14-й п. дивизіи лишь одну бригаду, а на фронтѣ 33-й пѣх. дивизіи лишь 3 батальона, онъ собралъ на правомъ флангѣ корпуса[5]), вмѣстѣ съ находившейся

[4]) Полк. Зайцовъ, «Семеновцы», стр. 16-17

[5]) На фронтѣ Крщоновъ-Ольшовецъ; прим. Н. Н. Г.

тамъ 37-й гонведной дивизіей, 32 батальона и 18 батарей, для наступленія въ общемъ направленіи на Пяски. Однако, ночной маршъ и проливной дождь размочившій почву, утомили войска. Западно-венгерскіе полки ген. Пухалло[6]) вышли на стыкъ русскаго ХУІ корпуса и Гренадеръ; здѣсь они натолкнулись на сильно укрѣпленныя и густо занятыя русскими войсками позиціи, передъ которыми они и залегли[7])».

Русскіе источники говорятъ о боѣ, происшедшемъ 21-го авг. (3 сент.) на фронтѣ 1-й грен. дивизіи и на стыкѣ ея съ ХУІ арм. корпусомъ иначе.

«На правомъ флангѣ гренадерскаго корпуса», пишетъ Бѣлой[8]), «послѣ полудня, части У-го А.-В. корпуса повели наступленіе на Піотрковъ и Ольшанскій лѣсъ и нѣсколько потѣснили 1-ую грен. дивизію, овладѣвъ Піотрковымъ. Контръ-атакой общаго резерва 41-й пѣх. дивизіи (сосѣдняго съ Гренадерами ХУІ корпуса. Прим. Н. Н. Г.), послѣ штыкового боя, въ 24 часа, Піотрковъ совершенно очищенъ отъ противника».

Если мы оцѣнимъ взаимное расположеніе Піотркова и Крщонова, то мы можемъ легко убѣдиться, что главной причиной, заставившей командира У-го А.-В. корпуса прекратить наступленіе, не могла не быть та угроза, которая нависала надъ его правымъ флангомъ и тыломъ, вслѣдствіи выхода къ Крщонову нашей І-й гв. пѣх. дивизіи.

Теперь разсмотримъ, что происходило въ прочихъ частяхъ отряда ген. Мрозовскаго. Приказанія разосланныя штабомъ гренад. корпуса требовали отъ войскъ продолженія атаки въ прежнемъ, восточномъ, направленіи. Подобное оперативное распоряженіе являлось продуктомъ весьма примитивной стратегической мысли: выдавливаніе охватившаго противника лобовымъ наступленіемъ. Между тѣмъ, обстановка складывалась для насъ чрезвычайно благопріятно: Х-й А.-В. корпусъ, въ составѣ трехъ пѣхотныхъ дивизій, очутился въ мѣшкѣ. Въ тылъ ему выходилъ у Красностава правофланговый корпусъ нашей 5-й арміи.

Движеніе Гвардейскаго корпуса на юго-западъ расширяло разрывъ, образовавшійся между Х-мъ и У-мъ А.-В. корпусами. Направленіемъ главныхъ силъ своего «отряда» на Издебно, ген. Мрозовскій, не только тоже увеличивалъ бы этотъ разрывъ, но въ то же время выводилъ ихъ въ тылъ Х-му А.-В. корпусу со стороны противоположной арміи ген. Плеве.

Мѣшокъ, въ который влѣзли Австро-Венгры при своемъ «прорывѣ» у Травниковъ», легко въ дальнѣйшемъ могъ бы быть завязанъ.

Если бы даже командиръ Х-го А.-В. корпуса, вмѣсто возобновленія наступленія 21-го авг. (3 сент.) отъ Лопенниковъ на Пяски, началъ отходъ, то и въ этомъ случаѣ выходъ главныхъ силъ отряда ген. Мрозовскаго къ Издебно ставилъ Х-й А.-В. корпусъ въ катастрофическое положеніе.

Являлись ли распоряженія штаба гренад. корпуса послѣдствіемъ соотвѣтствующаго оперативнаго приказанія штаба 4-й арміи, или были приняты имъ самостоятельно, мы не знаемъ. Послѣднее могло имѣть мѣсто, такъ какъ штабъ 4-й арміи, какъ правило, разсылалъ свои оперативныя распоряженія слишкомъ поздно, вслѣдствіи чего, низшія инстанціи, вынуждены были, ставить сами себѣ цѣли а грядущій день по собственному разумѣнію.

---

[6]) Командиръ У-го А.-В. корпуса; прим. Н. Н. Г.

[7]) Австр. офиц. исторія войны; т. І, стр. 260.

[8]) Галиційская Битва, стр. 293.

Насъ интересуетъ здѣсь другой вопросъ, принципіальнаго характера.

Послѣ разгрома 24-й пѣх. А.-В. дивизіи у Суходоловъ, инициатива дѣйствій сама собой переходила въ наши руки. Въ самомъ дѣлѣ, продолженіе наступленія Австро-Венгровъ въ охватъ лѣваго фланга 4-й арміи, при посредствѣ свѣжихъ силъ, легко могло быть парировано заслономъ обороняющимся на рубежѣ Олесники-Суходолы-Сѣдлиска Вельке. Для экономіи въ силахъ предназначенныхъ для этой, чисто пассивной оборонительной задачи, можно было даже осадить линію главной защиты на р. Гельчевъ на линію Бискупице-Гардзенице. 3-я Донская казачья дивизія совмѣстно съ прибывшей къ д. Жулинъ 4-й донск. каз. дивизіей образовали бы вдоль восточнаго берега р. Вепржа завѣсу, связывающую лѣвый флангъ 4-й арміи съ правымъ флангомъ 5-й арміи у Рейовца[9]). Занятіе противникомъ Травниковъ на нѣсколько дней не представляло для насъ никакой опасности; всѣ склады были тамъ уже сожжены перепугавшимся интендантомъ, и базированіе Гренадерскаго корпуса было откинуто на Люблинъ. Нѣкоторое стѣсненіе производимое временнымъ перерывомъ прямого желѣзнодорожнаго сообщенія между Люблиномъ и Холмомъ, сторицею искупалось выгодами создающейся стратегической обстановки: при настойчивомъ продолженіи наступленія X-го А.-В. корпуса отъ Лопенниковъ на Пяски, онъ все глубже и глубже увязалъ въ стратегическомъ мѣшкѣ, что облегчало намъ «завязываніе» этого мѣшка между Издебно и Красноставомъ. Въ такой, исключительно благопріятной для насъ обстановкѣ, казалось бы не только не нужно было «выдавливать» лѣзущихъ въ мѣшокъ Австро-Венгровъ, но, наоборотъ, ихъ туда заманивать. Во всякомъ случаѣ, создавшаяся благодаря побѣдѣ нашихъ войскъ у Суходоловъ стратегическая обстановка, до чрезвычайности содѣйствовала нашему захвату почина въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Такой же захватъ, конечно, не заключался въ томъ, чтобы послушно слѣдовать за врагомъ. Напомню классическій въ этомъ отношеніи случай, когда Наполеонъ, разгромивъ Эрцгерцога Карла въ «Пятидневномъ сраженіи» (1809 г.), не двигается вслѣдъ за нимъ на сѣверный берегъ Дуная и далѣе въ Богемію, а направляетъ свою операціонную линію вдоль праваго берега Дуная. Онъ знаетъ, что захватъ Вѣны заставитъ Эрцгерцога Карла прійти изъ Богеміи къ Вѣнѣ. Иначе говоря, онъ использовалъ свою побѣду для того, чтобы съ полной силой навязать свою волю врагу, а не подчиняться ему въ выборѣ своей операціонной линіи. Аналогичная стратегическая обстановка создалась и послѣ русской побѣды у Суходоловъ. Захватъ генераломъ Мрозовскимъ въ свои руки инициативы дальнѣйшихъ дѣйствій и заключался въ томъ, чтобы направить свои главныя силы на Издебно, оставивъ для преграждения направленія на Пяски лишь слабый заслонъ. Подобный маневръ представлялъ бы собой «параллельное преслѣдованіе», то есть, тотъ видъ преслѣдованія, о которомъ говорилось до войны во всѣхъ элементарныхъ учебникахъ тактики. Тѣ же учебники тактики предупреждали — что, послѣ ночной передышки, слѣдующей за одержанной побѣдой, вполнѣ естественно ожидать фронтальное сопротивленіе сорганизовавшихся арьергардовъ врага.

Но для того, чтобы овладѣть инициативой въ дѣйствіяхъ нужно пользоваться иными методами рѣшенія оперативныхъ задачъ, нежели тѣ, кото-

[9]) Эти двѣ донскія казачьи дивизіи могли быть въ ближайшіе же дни усилены Уральской казачьей дивизіей, только что высадившейся во Влодавѣ.

рые прочно поддерживались «Сухомлиновской школой» въ средѣ нашего высшаго командованія. Въ разсматриваемомъ нами случаѣ подобный методъ разсужденія выражался въ видѣ такой схемы: Австро-Венгры атакуютъ Травники — стало быть, нашей главной задачей является защита Травниковъ! или — такъ какъ, Австро-Венгры отошли къ Лопенникамъ, нашей первой задачей является идти на Лопенники! Подобнаго рода разсужденія являлись непосредственнымъ результатомъ метода рѣшать оперативную задачу сперва за противника и только изъ этого заключать, что нужно самому дѣлать. Такое подчиненіе «чего я хочу» — тому «чего хочетъ непріятель», не только препятствуетъ захвату въ свои руки почина въ дѣйствіяхъ, но, часто, приводитъ къ безъидейности операціи, ибо стоитъ только противнику измѣнить свои намѣренія, какъ «наша идея» утрачивается. Въ разсматриваемомъ нами случаѣ, въ теченіи 21-го августа (3 сент.), командиръ Х-го А.-В. корпуса сохранялъ свое намѣреніе пробиться на Пяски и потому оперативная идея отряда ген. Мрозовскаго оставалась въ силѣ. Но, какъ только, А.-В. командованіе почувствуетъ угрозу у Красностава со стороны Русской 5-ой арміи и рѣшитъ возможно скорѣе убрать Х-й А.-В. корпусъ изъ мѣшка, боевыя усилія, потребованныя ген. Мрозовскимъ отъ своихъ войскъ въ видѣ лобовой атаки на Лопенники, потеряютъ стратегическій смыслъ; онѣ окажутся даже вредными для операціи, ибо онѣ помѣшали большей части этихъ войскъ быть уже у Издебно, для того, чтобы совмѣстно съ XXУ корпусомъ 5-й арміи преградить противнику выходъ изъ создавшейся для него стратегической ловушки.

Итакъ, 21-го авг. (3 сент.), столь блестяще разрѣшившаяся наканунѣ, операція на лѣвомъ флангѣ нашей 4-й арміи приняла слѣдующій видъ:

Гвардія, повернувъ на 90 градусовъ, уходила на юго-западъ. «Колоннѣ» генерала Волошинова, попрежнему почти лишенной артиллеріи (при ней оставались только 4 орудія 9-й Донск. каз. батареи), было приказано захватить д. д. Лопенники Ляцкій и Русскій. 3-я Донская каз. дивизія, должна была содѣйствовать этому наступленію «колонны» ген. Волошинова.

О боевыхъ дѣйствіяхъ 2-й гренад. дивизіи, въ изучаемый нами день, всѣ источники умалчиваютъ. У Бѣлого[10]) указано только, что эта дивизія, къ ночи на 22-ое авг. (4 сент.) расположилась у Сѣдлиска Вельке. Напомнимъ, что въ составѣ этой дивизіи были три ея полка (не было 5-го гренад. Кіевскаго) и пять батарей; ей былъ приданъ 331-й Златоустовскій полкъ (83-й пѣх. дивизіи) и, по всей вѣроятности, при ней еще осталось по одному батальону отъ 2-го гренад. Ростовскаго и 4-го гренад. Несвижскаго полковъ. Однимъ словомъ, эта дивизія, хотя и значительно ослабленная предъидущими боями, представляла собой боевую силу цѣлой Русской дивизіи. Почему эта дивизія обрекается въ теченіи цѣлаго дня на бездѣйствіе, въ то время, какъ создавшаяся послѣ побѣды у Суходоловъ обстановка повелительно требовала приступа къ энергичному, параллельному преслѣдованію, т. е. къ движенію на Издебно? Это можетъ быть объяснено только вышеупомянутой безъидейностью оперативнаго руководства. Но хуже всего было то, что въ избранномъ для рѣшительныхъ дѣйствій направленіи по прежнему посылалась пѣхота, не снабженная артиллерійскими средствами. Разъ штабъ гренад. корпуса рѣшалъ дать отдохнуть своей 2-й дивизіи, то сколь спорнымъ подобное рѣшеніе ни было, оно могло относиться лишь къ пѣхотѣ; поэто-

10) Стр. 292.

му, хотя бы часть 2-й Гренад. арт. бригады должна была быть передана въ распоряженіе ген. Волошинова для выполненія приказаннаго ему наступленія.

Здѣсь невольно возникаетъ одно предположеніе психологическаго характера: не происходило ли это вслѣдствіе того, что пѣхотныя части, входившія въ составъ «колонны» ген. Волошинова, являлись для Гренадерскаго корпуса «чужими». Я не настаиваю на вѣрности высказываемаго мною предположенія для даннаго случая, но утверждаю, что такое отношеніе къ «чужимъ» частямъ не являлось рѣдкимъ случаемъ и въ этомъ то и заключалась вредоносность крупныхъ импровизированныхъ соединеній въ видѣ «отрядовъ» и «колоннъ».

21-го августа (3 сент.) колонна ген. Волошинова начала свое наступленіе съ разсвѣтомъ: 81-й п. Апшеронскій полкъ вдоль Красноставскаго шоссе, 326 Бѣлгорайскій полкъ лѣвѣе его и II-й бат. 205-го п. Шемахинскаго полка отъ д. Олесники. Австрійцы встрѣтили это наступленіе контръ-наступленіемъ, поддержаннымъ сильнымъ огнемъ легкой и тяжелой артиллеріи. Д. Суходолы ,гдѣ во время всего боя находился штабъ «колонны» и за которой находилась позиція 9-й каз. батареи[11]), подверглась усиленному обстрѣлу. Доблестные Апшеронцы отбили контръ-атаки, но изъ-за подавляющаго превосходства силъ пр-ка не смогли развить быстраго продвиженія впередъ, находясь къ тому же въ постоянной тревогѣ за свой обнаженный правый флангъ. Въ теченіе всего дня бой на участкѣ Апшеронцевъ шелъ съ перемѣннымъ успѣхомъ, при чемъ, славный полкъ, хотя и медленно, но все же упорно продвигался впередъ и къ ночи сбилъ противника и овладѣлъ высотами передъ д. Лопенникъ, гдѣ частью и заночевалъ.

«На лѣвомъ флангѣ боевого порядка „колонны" обстановка сложилась для насъ менѣе благопріятно. Перешедшіе въ наступленіе изъ д. Олесники Шемахинцы — II-го батальона — столкнулись съ превосходными силами также наступавшихъ австрійцевъ, поддержанныхъ артиллерійскимъ огнемъ, не могли сдержать напора противника и начали отходить черезъ гос. дв. Олесники на С.-З. къ шоссе Травники-Суходолы. Ихъ отходъ обнажилъ лѣвый флангъ Бѣлгорайцевъ, до тѣхъ поръ успѣшно отражавшихъ попытки пр-ка продвинуться впередъ. Бѣлгорайцы, въ свою очередь, стали осаживать къ д. Воля Идзиковская. Д. Суходолы подверглась кромѣ фронтальнаго огня обстрѣлу и съ лѣваго фланга. Стоящая за д. Суходолы 9-я Донская казачья батарея, разстрѣлявъ запасъ снарядовъ, снялась съ позиціи и отошла за Сѣдлишинскій лѣсъ. Въ тылу поднялась паника. Шоссе Суходолы-Пяски заполнилось уходящими повозками, отходящими группами и отдѣльными бѣглецами...»[12]).

Вотъ какъ про этотъ же эпизодъ разсказываетъ другой участникъ этого боя ген. И. Акулининъ, бывшій тогда офицеромъ генеральнаго штаба въ 3-й Донской каз. дивизіи. Послѣдняя, спѣшивъ свои сотни на лѣвомъ флангѣ «Колонны ген. Волошинова» тоже перешла въ наступленіе отъ д. Олесники на Лопенникъ Русскій. 8-я Донская каз. батарея занявъ позицію за д. Олесники поддерживала это наступленіе. Такимъ образомъ, на всемъ

---

[11]) Съ этой позиціи четыре орудія 9-й Донск. каз. батареи могли поддерживать лишь наступленіе Апшеронцевъ; прим. Н. Н. Г.

[12]) А. Шмидтъ; «82-ая пѣх. дивизія въ Люблинской операціи», статья въ «Русскомъ Инвалидѣ», № 96.

фронтѣ атаки «Колонны» ген. Волошинова и 3-й Дон. каз. дивизіи дѣйствовали всего двѣ наши конныя батареи.

На сторонѣ противника имѣлось въ первую половину боя 7 батарей 24-й А.-В. п. дивизіи. Правда, эта дивизія наканунѣ была нами разбита, но она сохранила всю свою артиллерію, которая сразу же пріобрѣла господствующее положеніе на полѣ боя 21-го авг. (3 сент.). Во второй половинѣ дня къ артиллеріи 24-й А.-В. п. дивизіи, присоединилась еще артиллерія подошедшей къ д. д. Лопенникамъ 45-й А.-В. п. дивизіи. Этимъ засиліемъ непріятельской артиллеріи и объясняются всѣ неустойки въ этотъ день нашей побѣдоносной наканунѣ пѣхоты.

«Въ ближайшемъ тылу», вспоминаетъ И. Акулининъ[13]), «началась паника. Шоссе Суходолы-Пяски покрылись отходящими повозками и группами солдатъ. Усиліями штаба отряда ген. Волошинова и офицеровъ, съ трудомъ былъ возстановленъ порядокъ. На поддержку лѣваго фланга были посланы два батальона 325-го пѣх. Царевскаго полка...

«Спѣшенныя сотни 3-й Дон. каз. дивизіи, встрѣченныя огнемъ противника, вынуждены были пріостановить наступленіе и залегли на возвышенностяхъ, южнѣе д. Олесники. 8-я Дон. каз. батарея и прибывшая къ ней 9-я Дон. каз. батарея, въ виду ограниченнаго запаса снарядовъ, не могли развить сильнаго огня. Наоборотъ, австрійская артиллерія усиленно обстрѣливала расположеніе казачьихъ сотенъ и батарей. Штабъ 3-й Дон. каз. дивизіи все время боя находился въ д. Олесники.

«Среди дня, на ст. Травники высадились эшелоны 206 пѣх. Сальянскаго и 82-го пѣх. Дагестанскаго п. п. (III-го Кавказскаго корпуса). Изъ нихъ два батальона 82-го Дагестанскаго п. были направлены къ д. Суходолы, а три б-на 206 п. Сальянскаго полка — къ д. Олесники на поддержку 3-й Дон. казачьей дивизіи[14]).

«Въ д. Суходолы прибыла связь отъ 4-й Донской казачьей дивизіи (5-й арміи) съ извѣщеніемъ о переходѣ въ наступленіе на Красноставъ, т. е. въ тылъ 45-й австрійской дивизіи, всего XXV-го к-са (5-й арміи). Это извѣстіе произвело въ частяхъ отряда ген. Волошинова прекрасное впечатлѣніе и создало приподнятое настроеніе. Около 15 часовъ, въ распоряженіе 3-й Донской казачьей дивизіи прибылъ изъ Холма 5-й Дон. артиллерійскій дивизіонъ въ составѣ 10-й и 11-й Донскихъ казачьихъ батарей (4-й Дон. каз. дивизіи). Обѣ батареи немедленно заняли позиціи западнѣе д. Олесники и совмѣстно съ 8-й и 9-й Донскими каз. батареями, начали обстрѣливать расположеніе австрійцевъ на возвышенностяхъ передъ д. д. Лопенники Русск. и Ляцк.[15]).

«Съ прибытіемъ этихъ батарей произошелъ несомнѣнный переломъ боя въ нашу пользу. Шемахинцы и Бѣлгорайцы, къ вечеру, оттѣснили австрійцевъ съ высотъ юго-восточнѣе д. Воля Идзиковская и такимъ образомъ возстановили свое положеніе.

---

13) Изъ его рукописи, любезно мнѣ предоставленной для использованія; Н. Н. Г.

14) Пишущій эти строки выѣзжалъ изъ д. Олесники на стр. Травники, для указанія пути слѣдованія 206-му пѣх. Сальянскому п-ку и для встрѣчи съ штабсъ-капитаномъ Сыромятниковымъ, прибывшимъ изъ штаба 4-й арміи для ознакомленія съ обстановкой на мѣстѣ и для указаній войскамъ высадившимся на ст. Травники. И. А.

15) Въ этомъ бою былъ раненъ командиръ 11-й Донской каз. батареи войсковой старшина Поляковъ (Иванъ).

«3-я Дон. каз. дивизія весь день, вела огневой бой на возвышенностяхъ впереди д. Олесники. Части вновь прибывшей 45-й австр. дивизіи, поддержанныя артиллерійскимъ огнемъ, неоднократно пытались оттѣснить казачьи сотни къ д. Олесники, но безуспѣшно. Наступленію казаковъ, помимо огня противника, не благопріятствовала открытая мѣстность, которая представляетъ здѣсь глассисообразный скатъ, поднимающійся въ сторону Лопенника Русск.

«Съ прибытіемъ 206 пѣх. Сальянскаго п-ка, часть сотенъ 3-й Дон. каз. дивизіи, на участкѣ впереди д. Олесники была смѣнена пѣхотой и отведена въ д. Олесники... Огневой бой на всѣхъ участкахъ передъ д. д. Лопенники Ляцкій и Русскій продолжался до самой темноты...».

А. Шмидтъ[16]) описываетъ окончаніе боя такъ:

«Шемахинцы и Бѣлгорайцы, преслѣдуя австрійцевъ, прошли рубежъ д. д. Суходолы-Олесники, но въ виду наступленія темноты ограничились высылкой на высоту между означенными деревнями и д. Лопенникъ сторожевого охраненія, а части были оттянуты на ночлегъ — Шемахинцы къ ю.-з. окраинѣ д. Олесники, въ которую уже прибыли Сальянцы, Бѣлгорайцы къ д. Суходолы, а два батальона 82-го Дагестанскаго полка были направлены въ распоряженіе ген. Веселовскаго, доблестные Апшеронцы котораго были частью оттянуты къ д. Суходолы, частью заночевали на захваченныхъ ими высотахъ».

Посмотримъ теперь, какъ излагаются тѣ же событія въ Австрійской офиціальной исторіи[17]).

«3-го сент., генералъ Мрозовскій перешелъ въ наступленіе противъ Х-го корпуса. Какъ только первыя коричнево-зеленыя волны нахлынули въ лѣсъ, что къ западу отъ д. Лопенникъ Русскій[18]), онѣ были оттуда вытѣснены 24-й п. дивизіей и 10-й маршевой бригадой. Подъ впечатлѣніемъ этого успѣшнаго начала и въ ожиданіи выдвиженія впередъ своего сосѣда[19]), генералъ Мейкснеръ[20]) двинулъ въ 9 час. 45 мин. утра, для преслѣдованія въ направленіи на Пяски весь свой корпусъ. Но 10-я маршевая бригада контръ-атаденная русскими во флангъ, уже около полудня была разстроена и поддалась назадъ. Новыя атаки русскихъ войскъ принудили 24-ю п. д. перейти къ оборонѣ. 2-я же п. дивизія, озабоченная тѣмъ, что въ разрывѣ, образовавшемся между нею, У-мъ и Х-мъ корпусами и прикрытомъ лишь завѣсой 3-й кав. дивизіи, скоро появились наступающія русскія цѣпи, почти не сдвинулась съ мѣста[21]). Только во вторую половину дня подошла къ Лопеннику Русскому 45-ая п. дивизія, которая и перешла въ наступленіе между шоссе на Люблинъ и р. Вепржъ, что позволило намъ немного продвинуться впередъ».

«Для того, чтобы дать новый импульсъ пріостановившемуся наступленію, штабъ Х-го корпуса собирался притянуть къ полю сраженія оставленный 45-й п. дивизіей заслонъ у Красностава (18-й стрѣлковый полкъ съ дву-

---

16) «82-я пѣх. дивизія въ Люблинскихъ бояхъ»; «Русскій Инвалидъ», № 96.

17) Томъ I, стр. 260-261.

18) Вѣроятно, ошибочно указанъ Лопенникъ Русскій, вмѣсто Лопенникъ Ляцкій; прим. Н. Н. Г.

19) Наступленіе V-го А.-В. корпуса; прим. Н. Н. Г.

20) Командиръ Х-го А.-В. корпуса; прим. Н. Н. Г.

21) Въ раіонѣ Издебно. Прим. Н. Н. Г.

мя батареями), хотя туда еще не подошелъ отрядъ полковника Герцманскаго (99-й пѣх. полкъ съ одной батареей изъ состава 4-й п. дивизіи II-го А.-В. корпуса). Но, около полудня, въ штабѣ X-го корпуса было получено крайне тревожное донесеніе отъ находившихся у Красностава стрѣлковъ, что на этотъ городъ съ сѣвера наступаетъ русская пѣхотная дивизія. Вскорѣ вслѣдъ затѣмъ новыя атаки русскихъ потѣснили 45-ю и 24-ю п. п. дивизіи назадъ къ Лопеннику Русскому. 2-ая п. дивизія смогла сохранить свое положеніе[22]). 10-я маршевая бригада была собрана въ резервѣ корпуса, за центромъ его расположенія. Въ виду выяснившейся сильной угрозы флангамъ и тылу его корпуса, ген. Мейкснеръ попросилъ у командующаго 1-й арміей разрѣшенія оттянуть корпусъ на линію Горшковъ-Издебно...».

Сопоставляя приведенныя мною свѣдѣнія о дѣйствіяхъ 21-го авг. (3 сент.) по русскимъ источникамъ съ только что приведеннымъ описаніемъ Австрійской офиціальной исторіи войны, мы можемъ вывести слѣдующія заключенія:

1) А.-В. 10-я маршевая бригада получила ударъ во флангъ по всей вѣроятности отъ наступавшей отъ Сѣдлиска-Вельке 2-ой Гренадерской дивизіи.

2) Неустойка, происшедшая на лѣвомъ флангѣ «колонны» ген. Волошинова, имѣла своей причиной, не столько атаку противника, сколько являлась слѣдствіемъ воздѣйствія непріятельской артиллеріи, которая могла безнаказанно разстрѣливать нашу пѣхоту, не имѣвшую въ этомъ раіонѣ ни одного орудія. Единственная конная батарея, имѣвшаяся въ распоряженіи «колонны», поддерживала наступленіе Апшеронцевъ. Конечно, и эта поддержка, по существу говоря, представляла собой ничто, по сравненію съ артиллеріей двухъ Австро-Венгерскихъ дивизій, наступавшихъ отъ Лопенниковъ — Ляцкаго и Русскаго. Только поразительная доблесть Апшеронцевъ и искусство ихъ командира позволили имъ сохранить захваченное ими въ началѣ дня пространство.

3) Наступленіе колонны ген. Волошинова являлось стратегически вреднымъ для насъ дѣйствіемъ, ибо помѣшало противнику углубиться въ направленіи д. Пяски, въ образовавшійся для него стратегическій мѣшокъ.

4) Непродвиженіе 2-й гренад. дивизіи на Издебно, позволило 2-й А.-В. пѣх. дивизіи сохранить тамъ свое расположеніе, что выручило X-й А.-В. корпусъ изъ катастрофическаго положенія. Сохранивъ въ своихъ рукахъ Издебно, онъ получалъ этимъ возможность безпрепятственно выйти на намѣченную ген. Мейкснеромъ линію Издебно-Горшковъ, т. е. выскочить изъ мѣшка, въ который онъ залѣзъ.

МАРШЪ-МАНЕВРЪ 5-й АРМІИ.

Директивой генерала Плеве, № 494 отъ 18/31 августа, корпусамъ 5-й арміи было указано отходить на линію Красноставъ-Войславице-Грубешовъ-Владиміръ Волынскій «для лучшаго сосредоточенія арміи съ цѣлью общаго перехода въ наступленіе». Эта первоначальная задача была дополнена на слѣдующій день телеграммой № 506, въ которой генералъ Плеве, указавъ, что «для рѣшительнаго удара на австрійцевъ въ южномъ направленіи, главнокомандующій собираетъ свѣжія силы на правомъ флангѣ 4-й арміи», —

[22]) Какъ мы знаемъ, ее никто въ этотъ день и не атаковалъ. Прим. Н. Н. Г.

такъ разъясняетъ мотивы приказа объ отходѣ на три перехода назадъ: «въ виду значительно выдвинутаго относительно 4-й арміи положенія нашей южной группы корпусовъ, задержки въ наступленіи 4-й арміи и истощенія большими потерями корпусовъ, мною, по предложенію главнокомандующаго, рѣшено отвести 5-ю армію на одну высоту съ 4-й арміей съ тѣмъ, чтобы, укрѣпившись на указанной въ № 494 линіи, перейти въ общее наступленіе одновременной съ 4-й арміей». Въ этой же телеграммѣ указывается срокъ начала общаго наступленія на 24-ое августа (6-ое сентября).

Напомню, что подъ словами «Южная группа корпусовъ» генералъ Плеве подразумѣваетъ XIX, У и ХУII корпуса, дравшіеся въ Томашевскомъ сраженіи, въ отличіе отъ ХХУ-го корпуса, дѣйствовавшаго на отлетѣ, сначала у Замостья, потомъ у Красностава.

«Вечеромъ 18-го авг. 31 авг.)», пишетъ ген. Циховичъ[23]), «южная группа корпусовъ 5-й арміи, послѣ шестидневныхъ, въ общемъ — успѣшныхъ, боевъ, стала медленно отходить на линію Красноставъ-Владиміръ Волынскій».

Но этотъ отходъ производился не одновременно, а послѣдовательно, по корпусамъ, начиная съ XIX-го. Благодаря этому 5-я армія сразу же принимала уступное построеніе лѣвымъ флангомъ впередъ, что отвѣчало ея будущей оперативной задачѣ — удару въ правый флангъ австро-венгровъ, атакующихъ нашу 4-ю армію.

Первымъ началъ отходить XIX-й арм. корпусъ. Главныя его силы тронулись до разсвѣта 19-го августа (1 сентября). 38-я пѣх. дивиз. шла черезъ д. Дубъ и д. Котлице, а 17-я пѣх. див. черезъ Переспа и д. Вакіевъ. Послѣдній полкъ, занимавшій въ видѣ арьергарда 38 п. дивизіи опушку лѣса сѣвернѣе д. Волицы Бржозовской, началъ отходить въ 7 часовъ утра 19-го августа (1-го сентября). Только подходя къ д. Дубъ, онъ обнаружилъ преслѣдующаго противника, который спускался тремя колоннами съ кряжа возвышенности, лежащей южнѣе д. Волицы Бржозовской, и обстрѣливалъ безрезультатнымъ огнемъ районъ д. Дуба.

5-я Донская казач. дивизія прикрывала отходъ XIX-го арм. корпуса со стороны Замостья. Съ 10 час. утра 19-го августа (1 сентября) она двинулась изъ д. Міончинъ въ западномъ направленіи. Здѣсь у д. Горышевъ Польскій (въ 6-ти километрахъ западнѣе д. Міончинъ) она задержала начавшееся движеніе на востокъ передовыхъ частей противника[24]). Это были авангарды II-го А.-В. корпуса, пытавшагося въ предшествующіе дни окружить у Дуба правый флангъ нашего XIX-го корпуса. Контръ-атака послѣдняго, произведенная наканунѣ нанесла столь сильный ударъ, что части II-го А.-В. корпуса отскочили далеко на западъ. Командиръ 10-го Дон. каз. полка, отходившаго черезъ Дубъ, Невирковъ, Часники и Міончинъ, обнаружилъ[25]) въ этомъ раіонѣ слѣды поспѣшнаго бѣгства II-го А.-В. корпуса на Замостье. Въ раіонѣ Невиркова были брошены 3 орудія и захвачены плѣнные. Въ Чесники Ав-

---

23) «Стратегическій очеркъ войны 1914-1918 г. г.», часть 1-я составленъ Я. К. Циховичемъ. Изданіе исторической Комиссіи; Москва, 1922 г. — Стр. 174. — Въ дальнѣйшемъ, для сокращенія, мы будемъ обозначать этотъ источникъ упоминаніемъ только фамиліи составителя — Циховичъ.

24) Бѣлой. «Выходъ изъ окруженія армейскаго корпуса». Воениздат. Москва. 1937 годъ, стр. 72.

25) Дѣла Центр. воен.-историч. архива: № 4021, стр. 60 и дѣло № 3558, стр. 873; цитировано у Бѣлого на стр. 72.

стро-Венграми былъ оставленъ госпиталь. Весь раіонъ восточнѣе Горышевъ-Польскій, Чесники, Комаровъ былъ свободенъ отъ Австро-Венгровъ: «Ихъ уронъ громаденъ, — доносилъ командиръ полка, — духъ подавленъ».

Несомнѣнно, что этимъ «подавленнымъ духомъ» и объясняется та осторожность, съ которой продвигался въ изучаемый нами день вновь перешед-

СХЕМА № 15.

шій въ наступленіе въ восточномъ направленіи II-й А.-В. корпусъ. Несмотря на то, что наступленіе его должно было какъ разъ пересѣчь пути отхода нашего XIX-го корпуса, послѣдній смогъ въ теченіи всего дня 19-го августа (1-го сентября) безпрепятственно продолжать свой маршъ на сѣверъ и расположиться на отдыхъ въ раіонѣ Грабовецъ-Молодятыче. Здѣсь доблестныя войска нашего XIX корпуса, утомленные послѣ многихъ безсонныхъ ночей, могли хотя бы нѣсколько отдохнуть. Вышедшія изъ боя дивизіи XIX-го арм.

корпуса понесли въ Томашевскомъ сраженіи громадныя потери. Послѣднія только за первые два дня этого шестидневнаго сраженія опредѣлились въ 7000 убитыми и ранеными. Къ концу сраженія потери въ одной только 38-й пѣх. дивизіи достигли 100 офицеровъ и 8000 солдатъ. Были роты, въ которыхъ оставалось лишь по 30 человѣкъ, а многія не имѣли болѣе 100 бойцовъ. Почти всѣ роты остались безъ офицеровъ[26]).

Днемъ, 20-го августа (2-го сентября) генералъ Плеве, обезпокоенный отступленіемъ XXУ-го корпуса изъ подъ Красностава, приказываетъ XIX-му корпусу совершить ночной маршъ еще далѣе на сѣверъ, а именно въ раіонъ д. Солецъ. Когда утромъ 21-го августа (3-го сентября) XIX-й корпусъ подходилъ къ этому раіону, онъ былъ повернутъ и двинутъ въ западномъ направленіи; только къ 3-мъ часамъ дня корпусъ расположился на отдыхъ въ раіонѣ д. д. Сѣнница-Старая Весь, имѣя много отсталыхъ и безъ обозовъ, послѣ 50 клм. перехода, половина котораго была пройдена ночью[27]).

Въ V-мъ корпусѣ (восточный сосѣдъ XIX-го корпуса) отходъ изъ Томашевскаго сраженія начала 19-го августа (1 сентября) на разсвѣтѣ только 10-я пѣх. дивизія. Другая дивизія этого корпуса — 7-я — оставалась на своей позиціи, на возвышенностяхъ, непосредственно прилегающихъ съ юга къ переправѣ черезъ р. Гучву у с. Тышевцы. Съ утра 19-го августа (1-го сентября) Австро-Венгры произвели три атаки на позицію нашей 7-й пѣх. дивизіи, стремясь обойти ея правый флангъ. Къ 5 часамъ вечера всѣ эти атаки были отбиты, послѣ чего, съ наступленіемъ темноты, 7-я пѣхотная дивизія безпрепятственно начала отходить и перешла черезъ р. Гучву.

«Съ отходомъ на правый берегъ р. Гучвы», пишетъ бывшій начальникъ штаба 7-й пѣхотной дивизіи (впослѣдствіи польскій генералъ) Довборъ-Мусницкій[28]), «и съ уничтоженіемъ мостовъ у Тышевцы, всякая связь съ противникомъ прервалась. Оставалось невыясненнымъ, почему противникъ атаковалъ только со стороны Комарова и совсѣмъ не появлялся (исключая одиночные дозоры) со стороны д. д. Гопки...».

Въ теченіи всего дня 20 августа (2-го сентября) У-й корпусъ оставался на дневкѣ въ раіонѣ Грубешова. Утромъ 21-го августа (3-го сентября) У-й корпусъ былъ отодвинутъ генераломъ Плеве еще на переходъ къ сѣверу въ раіонъ д. д. Рациборовице-Бѣлополье.

XVII-й корпусъ, дравшійся въ Томашевскомъ сраженіи на лѣвомъ флангѣ 5-й арміи, началъ свой отходъ лишь вечеромъ 19-го августа (1-го сентября). Непріятель, находившійся противъ его фронта и наканунѣ отошедшій въ юго-западномъ направленіи, изъ за опасенія воображаемаго выхода ему въ тылъ частей нашей 3-й арміи, съ утра 19-го августа (1-го сентября) сталъ накапливаться въ раіонѣ д. Виткова. Здѣсь находилась 2-я бригада 61-й пѣх. дивизіи, образующая лѣвый флангъ XVII-го корпуса. Попытки противника наступать сдерживались нашей артиллеріей.

Въ центрѣ XVII-го корпуса непріятель пытался атаковать позиціи нашей 3-й пѣх. дивизіи, но тоже былъ отбитъ. Съ наступленіемъ тем-

---

[26]) Трофеи XIX-го корпуса были также велики. Кромѣ двухъ знаменъ 11-го Гонведнаго и 65-го пѣх. полковъ, 11 орудій и 30 пулеметовъ, было взято до 5000 плѣнныхъ.

[27]) Бѣлой, стр. 147.

[28]) Его рукопись съ описаніемъ дѣйствій 7-й пѣх. дивизіи во время Томашевскаго сраженія, — листъ 8-й. — Рукопись хранится въ архивѣ генерала Н. Н. Головина.

ноты корпусъ началъ отходъ. Выходъ изъ боя происходилъ подъ натискомъ противника, продолжавшаго наступать на арьергардный полкъ нашей 3-й пѣх. дивизіи. Изъ опасенія обхода австро-венгерской кавалеріей лѣваго фланга нашего XVII-го корпуса, въ раіонѣ д. Долгобычевъ были выдвинуты наши 7-я и Сводная кавалерійскія дивизіи[29]). Тамъ онѣ имѣли стычку съ частями 2-й А.-В. кав. дивизіи.

Послѣ ночного марша части XVII-го корпуса, между 7-ю и 11-ю часами утра 20-го августа (2-го сентября), переправились черезъ р. Бугъ у Крылова и сѣвернѣе; продолженіе ихъ марша къ Владиміру Волынскому прикрывалось на р. Бугѣ Сводной кавалерійской дивизіей у Крылова и 7-й кав. дивизіей у Заболотцы.

Такимъ образомъ 21-го августа (3-го сентября) корпуса, дравшіеся въ Томашевскомъ сраженіи, оказались сгруппированными такъ: XIX-й корпусъ — въ раіонѣ Сѣнница-Старая Весь, У-й — въ раіонѣ Рациборовице-Бѣлополье, XУІІ-й — въ раіонѣ Устилугъ-Владиміръ Волынскій.

Задуманный генераломъ М. В. Алексѣевымъ маневръ «перерыва» Томашевскаго сраженія блестяще удался: корпуса, дравшіеся въ этомъ сраженіи, «вышли» изъ боя и обрѣли свободу дѣйствій, нужную для выполненія второго акта задуманнаго маневра: удара въ правый флангъ Австро-Венгровъ, дѣйствующихъ къ сѣверу отъ полосы Таневскихъ лѣсовъ.

Посмотримъ теперь, что происходило въ разсматриваемые нами дни въ 4-й Австро-Венгерской арміи генерала Ауффенберга.

Послѣ неудачныхъ попытокъ окружить семь русскихъ пѣхотныхъ дивизій (XIX, V и XVII корпуса) генерала Плеве, дравшихся въ Томашевскомъ сраженіи, боевой фронтъ этой Австро-Венгерской арміи протягивался, къ ночи съ 18-го на 19-ое августа (съ 31 августа на 1-ое сентября) отъ Лабунки черезъ Комаровъ, Лащовъ на Витковъ. На этомъ фронтѣ были развернуты, начиная съ нашего праваго фланга: II-й А.-В. корпусъ (4-я, 13-я и 25-я пѣх. д. д.), IX-й А.-В. корпусъ (10-я и 26-я пѣх. д. д.), УІ-й А.-В. корпусъ (15-я, 39-я и 27-я пѣх. д. д.), XIV-й А.-В. корпусъ (41-я, 8-я, 3-я пѣх. д. д.).

На флангахъ этого боевого фронта одиннадцати А.-В. пѣх. дивизій находились: на правомъ — 2-я А.-В. кавалерійская дивизія, на лѣвомъ — 9-я А.-В. кавалерійская дивизія. Кромѣ того, для связи съ правымъ флангомъ 1-й Австро-Венгерской арміи, обходившей, какъ мы знаемъ, черезъ Суходолы, лѣвый флангъ 4-й Русской арміи, былъ направленъ изъ Замостья на Красноставъ отрядъ полковника Герцманскаго (одинъ полкъ 4-й А.-В. пѣхотной дивизіи съ двумя батареями). Въ тылу XIУ-го А.-В. корпуса находился XУІІ-й А.-В. корпусъ (19-я пѣхотная дивизія, 2-я и 9-я маршевыя бригады), который былъ повернутъ фронтомъ на югъ къ р. Солокіи въ ожиданіи возможнаго появленія здѣсь праваго фланга 3-й Русской Арміи (генерала Рузскаго). Кромѣ того, для той же цѣли, къ Унуву была притянута изъ УІ-го Австро-Венгерскаго корпуса 6-я маршевая бригада, а къ Белзу для развѣдки на югъ была оттянута 6-я кавалерійская дивизія.

Психологически очень интересно отмѣтить тѣ крайности, которыя обнаруживаются въ настроеніяхъ высшаго А.-В. командованія въ отношеніи

[29]) Сводная кав. дивизія состояла изъ 3-й и 2-й отд. кавалер. бригадъ подъ общей командой ген. А. М. Драгомирова.

оцѣнки стратегическаго положенія своей 4-й арміи. Съ одной стороны — донесенія и доклады о томъ, что русскіе «бѣгутъ» и полная побѣда уже одержана, съ другой стороны — паника, порождаемая малѣйшимъ шевеленіемъ нашей 11-й кав. дивизіи, дѣйствовавшей на правомъ флангѣ ген. Рузскаго. Штабъ ген. Ауффенберга шлетъ своему сосѣду справа, штабу

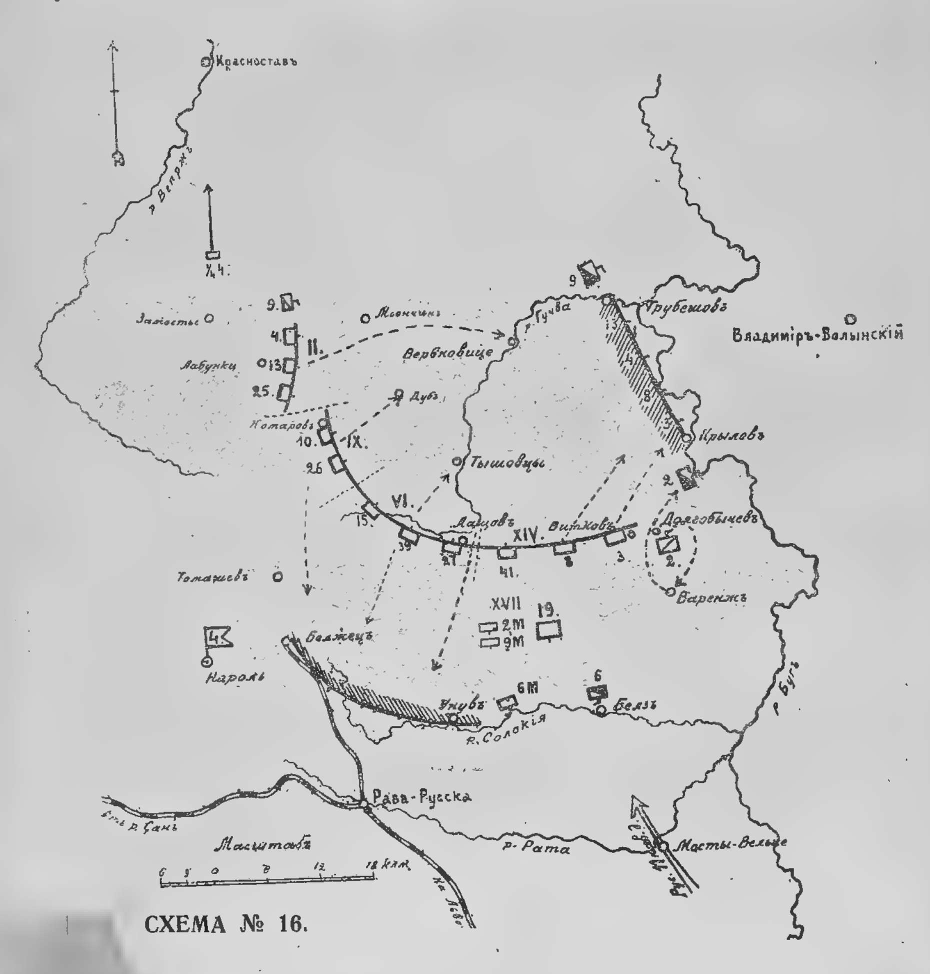

СХЕМА № 16.

3-й А.-В. арміи (въ Львовѣ), упреки въ томъ, что бездѣятельность войскъ этой арміи позволяетъ русскимъ снимать свои войска съ ея фронта и направлять ихъ въ тылъ 4-й А.-В. арміи. Генералъ Конрадъ тоже сильно опасается движенія русской 3-й арміи (ген. Рузскаго) въ тылъ ген. Ауффенберга и, считая, что усилія послѣдняго окружить южные корпуса ген. Плеве замедляются, рѣшаетъ даже подготовить отходъ арміи ген. Ауффенберга — не ко Львову, а къ Сану. 18-го (31) авг. онъ послалъ командующему

4-й А.-В. арміи телеграмму № 1397[30]), въ которой ген. Ауффенбергъ предупреждался — что въ случаѣ, если его операція «окруженій арміи ген. Плеве» замедлится, а русская угроза со стороны Мосты Вельке окажется серьезной, то 4-я А.-В. армія должна будетъ начать отходъ къ Сану, осаживая правый флангъ на Рава Русскую.

Однако, угроза со стороны Мосты Вельке, которой такъ боялось А.-В. высшее командованіе, не была осуществлена ген. Рузскимъ[31]). Находившійся на правомъ флангѣ 3-й Русской арміи XXI-й корпусъ, въ теченіи 18(31) августа и 19 авг. (1 сент.) развивалъ свои дѣйствія не на сѣверо-западъ, а на юго-западъ. Тревога Австро-Венгерскаго командованія происходила лишь вслѣдствіи приближенія къ р. Солокіи развѣдывательныхъ эскадроновъ нашей 11-й кав. дивизіи, а также прибытія къ Мосты Вельке авангарда 69-й пѣх. дивизіи (правофланговая XXI а. корпуса).

Опасеніе появленія на р. Солокіи частей русской III-й арміи парализовало дѣйствія Эрцгерцога Іосифа Фердинанда (XIV А.-В. корпусъ), который долженъ былъ, по мысли ген. Ауффенберга, замкнуть съ востока окруженіе южныхъ корпусовъ ген. Плеве.

Къ ночи на 19 авг. (1 сент.) ген. Ауффенбергъ могъ убѣдиться въ крушеніи его намѣренія превратить для русскихъ Томашевское сраженіе въ «Канны».

Собранныя въ его штабѣ свѣдѣнія совершенно опредѣленно устанавливали — что русскіе готовятся къ отходу. Имѣя въ то же время предупрежденіе ген. Конрада о необходимости въ ближайшіе же дни повернуть 4-ю А.-В. армію на югъ, для участія въ операціяхъ противъ русскихъ армій, вторгнувшихся въ Галицію съ востока, ген. Ауффенбергъ рѣшилъ произвести 19 авг. (1 сент.) общее наступленіе противъ арміи ген. Плеве, согласно слѣдующему плану: сдѣлавъ захожденіе всей своей арміей лѣвымъ плечомъ впередъ, откинуть корпуса ген. Плеве на востокъ за р. Бугъ. Вѣря, въ созданную имъ же самимъ легенду о полномъ пораженіи 5-й русской арміи, онъ считалъ, что такимъ маневромъ онъ на достаточный срокъ обезпечиваетъ своего сосѣда, генерала Данкля (1-ая А.-В. армія) отъ появленія у него на правомъ флангѣ войскъ ген. Плеве. Осью этого захожденія долженъ былъ служить XIV А.-В. корпусъ. II-й и IX-й А.-В. корпуса, составлявшіе заходящій флангъ, должны были направляться въ раіонъ д. Дубъ[32]).

Вспомнимъ здѣсь, что ген. Плеве оттягивалъ свои корпуса изъ Томашевскаго сраженія уступами справа, причемъ, правофланговый XIX корпусъ отступилъ уже въ ночь на 19 авг. (1 сент.). Вслѣдствіи этого, ударъ занесенный ген. Ауффенбергомъ его лѣвымъ флангомъ (II-й и IX А.-В. корпуса), по раіону Дуба, оказался ударомъ въ пустую. Здѣсь онъ встрѣтилъ лишь нашу кавалерію (1-я и 5-я Донск. каз. дивизіи), поддержанную арьергардами. Къ тому же, II-й А.-В. корпусъ и 9-я кавалерійская дивизія, еще не изжившія впечатлѣнія отъ понесеннаго ими наканунѣ пораженія, дѣйствовали въ этотъ день чрезвычайно осторожно. Генералъ Ауффенбергъ былъ

---

30) Конрадъ, т. IV, стр 593.

31) См. Галиційская Битва — первый періодъ (до 1 сент. новаго стиля).

32) Официальная Австрійская Исторія Войны, т. I, стр. 238.

крайне недоволенъ ихъ «преслѣдованіемъ». Несмотря на трижды повторенный штабомъ 4-й А.-В. арміи приказъ дойти въ этотъ же день главными силами до р. Гучвы, II-й А.-В. корпусъ продвигался впередъ вдоль большака на Грубешовъ медленно, ведя всѣ свои три пѣх. дивизіи на узкомъ фронтѣ. И, только къ исходу 20 августа (2 сент.), этотъ корпусъ подошелъ къ р. Гучвѣ въ раіонѣ д. Вербковице, пропустивъ Русскій XIX корпусъ безъ всякой помѣхи изъ раіона Дуба на Грабовецъ.

Наступавшій южнѣе IX А.-В. корпусъ дѣйствовалъ столь же вяло. Мистифицированный нашими доблестными Донцами, онъ, лишь къ вечеру 19 авг. (1 сент.) занялъ своими передовыми частями д. Дубъ, давно уже очищенную аріергардомъ русскаго XIX корпуса.

Центръ ген. Ауффенберга (УI А.-В. корпусъ) оказался задержаннымъ оставшейся до вечера на своей позиціи къ югу отъ Тышовцевъ, нашей 7-й пѣх. див. (5-й корпусъ).

Правый флангъ ген. Ауффенберга — группа эрцгерцога Іосифа-Фердинанда, тоже не продвигалась впередъ: XIУ-й корпусъ топтался на мѣстѣ, отчасти во исполненіе новаго заданія — составлять ось захожденія всей 4-й арміи лѣвымъ флангомъ впередъ, въ значительной же мѣрѣ — изъ опасенія появленія частей 3-й русской арміи къ югу отъ р. Солокіи; ХУII-й же А.-В. корпусъ (19-я пѣх. дивизія, 2-я и 9-я маршевыя бригады), а также 6-я маршевая бригада и 6-я кавалерійская дивизія, предназначенныя для оказанія противодѣйствія удару русскихъ съ юга, оставались 19 авг. (1 сент.) по прежнему повернутыми къ р. Солокіи. Онѣ даже были усилены оттяжкой назадъ, въ раіонъ Варенжа, 2-й А.-В. кав. дивизіей[33]).

«... послѣ полудня 19 авг. (1 сент.), въ виду клонящагося къ концу русскаго сопротивленія, готовилась общая рѣшительная атака (въ XIУ-мъ А.-В. корпусѣ). Но въ это время изъ штаба арміи пришло сообщеніе о томъ, что воздушная развѣдка обнаружила сильныя непріятельскія части, двигающіяся въ тылъ Эрцгерцога. Въ телеграммѣ штаба арміи, сообщавшей это извѣстіе, приказывалось — для обезпеченія группы Эрцгерцога Іосифа Фердинанда, съ юга, кромѣ уже повернутыхъ на югъ 2-й и 6-й кав. див. направить еще „значительныя силы XIУ корпуса". Когда 6-я кав. дивизія, совершенно точно установила, что свѣдѣнія воздушной развѣдки грѣшатъ сильнымъ преувеличеніемъ, Эрцгерцогъ Іосифъ смогъ притянуть лишь одну бригаду изъ 19-й пѣх. дивизіи, оттянутой для защиты тыла со стороны р. Солокіи. Но, вслѣдствіи поздняго времени и переутомленія войскъ, это рѣшительное наступленіе (противъ русскаго XVII корпуса) было отложено до утра слѣдующаго дня»[34]).

Въ ночь на 20 авг. (2 сент.), русскій XVII-й корпусъ, какъ мы это знаемъ, отошелъ въ направленіи на Крыловъ, такъ что, и ударъ правофланговаго корпуса ген. Ауффенберга оказался также ударомъ по воздуху.

Получивъ вечеромъ 19 авг. (1 сент.), приказъ ген Конрада приступить къ отводу своей арміи назадъ, ген. Ауффенбергъ приказалъ продолжать преслѣдованіе арміи ген. Плеве, группѣ Эрцгерцога Іосифа Фердинанда, въ составъ коей вошли — 3-я и 8-я пѣх. дивизіи XIУ А.-В. корпуса, 4-я и 13-я пѣх. дивизіи II А.-В. корпуса, 2-я и 9-я А.-В. кав. дивизія. Всѣ остальныя

---

33) Австрійская Оффиціальная Исторія Войны, т. I, приложеніе II.

34) Оффиціальная Австрійская Исторія Войны, т. I, стр. 239.

части 4-й А.-В. арміи были повернуты кругомъ и двинуты въ южномъ направленіи. 21 авг. (3 сент.). Ихъ фронтъ, обращенный на югъ, находился на линіи Унувъ-Белжецъ.

Эрцгерцогу Іосифу Фердинанду было приказано продолжать операцію по оттѣсненію «разбитой» въ воображеніи А.-В. ген. штаба арміи ген. Плеве за р. Бугъ.

Къ вечеру, 21 авг. (3 сент.) эта группа, имѣвшая на каждомъ изъ своихъ фланговъ по кавалерійской дивизіи, вышла на фронтъ Грубешовъ-Крыловъ. Потерявъ соприкосновеніе съ отошедшими въ сѣверномъ направленіи русскими XIX и У корпусами, группа Эрцгерцога Іосифа Фердинанда подставляла имъ свой лѣвый флангъ и тылъ.

«Ослѣпленію» штаба Эрцгерцога Іосифа Фердинанда содѣйствовала наша конница, задернувшая плотной завѣсой раіонъ марша маневра нашей 5-й арміи. Для выполненія этой задачи, работа конныхъ дивизій этой арміи была распредѣлена такъ: 1-ая Донская казачья дивизія работала на операціонномъ направленіи Замостье—Холмъ; къ концу маневра эта дивизія была направлена въ раіонъ Избицы для развѣдки въ западномъ направленіи; 5-ая Донск. каз. див. закрывала пути, ведущіе съ Томашевскаго поля сраженія на Грабовецъ; Сводная кавалерійская дивизія прикрывала пути, ведущіе съ поля Томашевскаго сраженія на Грубешовъ и на Владиміръ Волынскій; къ концу марша маневра, ея главныя силы находились на р. Бугѣ у Крылова. 7-я кав. дивизія, занявъ своими главными силами Заболотцы на р. Бугѣ, охраняла лѣвый флангъ арміи. 4-й же Донской каз. дивизіи было приказано перейти для охраны праваго фланга арміи въ раіонъ Реіовца.

Съ перваго же дня марша маневра, Штабъ арміи имѣлъ отъ конницы слѣдующее, цѣннѣйшее въ стратегическомъ отношеніи, свѣдѣніе: развѣдка 1-й Донской каз. дивизіи установила 19 авг. (1 сент.) движеніе колонны до 7 клм. длиною изъ Замостья на Міончинъ[35]); это свѣдѣніе было подтверждено сводной кав. див., опредѣлившей 20 авг. (2 сент.) движеніе цѣлаго корпуса отъ Замостья на Грубешовъ черезъ Міончинъ[36]). Однако, «ген. Плеве остался недоволенъ дѣятельностью конницы при отходѣ, которая, по его мнѣнію, развѣдывала плохо, часто теряла соприкосновеніе съ противникомъ и почти постоянно отходила съ фронта на ночлегъ очень далеко за пѣхоту»[37]).

Я счелъ полезнымъ привести только что взятую мною выдержку изъ работы большевицкаго историка. Не имѣя возможности ознакомиться съ документами по войнѣ, хранящимися въ русскихъ архивахъ, я не могу провѣрить, посколько упоминаніе о недовольствѣ ген. Плеве дѣйствіями его конницы, въ изучаемые нами дни, дѣйствительно носило характеръ общаго сужденія ея дѣятельности. Можетъ быть, это относилось лишь къ неумѣнію нашей конницы «ночевать» вблизи противника. Дѣйствительно, это имѣло мѣсто, вслѣдствіе ошибочныхъ указаній нашего Полевого Устава 1912 года, исходившаго изъ неправильной идеи аналогичности методовъ кавалерійскаго и пѣхотнаго сторожевого охраненія.

Но можетъ быть недовольство ген. Плеве имѣло совсѣмъ иного рода причину. Устарѣлое представленіе о дѣйствіяхъ кавалеріи легко порождало

35) 4-ая А.-В. пѣх див.

36) II-й А.-В. корпусъ.

37) Бѣлой. стр. 147.

недовѣріе къ той работѣ, которая фактически выполнялась этимъ родомъ войскъ. А въ такихъ условіяхъ свѣдѣнія, добытыя 1-й Донской и Сводной кав. дивизіями, о движеніи крупныхъ непріятельскихъ массъ съ запада на востокъ, а не съ юга на сѣверъ, какъ этого можно было ожидать, могло вызвать сомнѣнія у ген. Плеве; эти сомнѣнія, не разсѣянныя надлежаще поставленной работой его штаба, приняли у крайне требовательнаго ген. Плеве форму общаго недовольства.

Изученіе вскрытыхъ нынѣ исторіей дѣйствій на обѣихъ сторонахъ, позволяетъ съ увѣренностью утверждать, что общій упрекъ, сдѣланный ген. Плеве своей кавалеріи, если таковой имѣлъ мѣсто, являлся упрекомъ несправедливымъ. Кавалерія 5-й арміи не только помѣшала непріятелю бросить, хотя бы бѣглый взглядъ, на то — что происходило за фронтомъ ея развѣдывательныхъ частей; болѣе того, она сразу же, съ перваго дня, опредѣлила истинное направленіе операціи противника.

Въ то время, когда XIX, У и ХУII корпуса арміи ген. Плеве совершали вышеописанный отходъ, ХХУ корпусъ (3-я гренадерская и 70-я пѣх. див. и 2-я бригада 46-й пѣх. див.) дѣйствовалъ на Красноставскомъ направленіи. Напомню, что еще 17/30 авг. вечеромъ, этотъ корпусъ очистилъ Красноставъ и сталъ отходить къ Холму. Генералъ Плеве приказалъ остановить это отступленіе и, перейдя немедленно въ наступленіе, вновь овладѣть Красноставомъ. Недовольный тѣмъ, что Красноставъ не былъ вновь занятъ въ теченіе 18/31 авг. ген. Плеве отрѣшилъ отъ командованія ХХУ корпусом. ген. Зуева, замѣнивъ его ген. Долговымъ. Въ 11 часовъ утра, 19 авг. (1 сент.) генералъ Долговъ получаетъ отъ генерала Плеве категорическое подтвержденіе задачи — «выбить противника изъ Красностава, занять этотъ пунктъ и упорно его оборонять».

Въ это время части ХХУ корпуса уже начали свое продвиженіе къ Красноставу. Въ 3 часа дня, послѣ небольшой стычки, Красноставъ былъ нами взятъ. Однако, несмотря на легкость обратнаго захвата Красностава, генералъ Долговъ отдаетъ, въ 11 час. веч. 19-го августа (1 сент.), приказъ объ очищеніи Красностава и объ отходѣ корпуса въ раіонъ Реіовенъ-Вержховина[4]) для прикрытія Холма, въ виду, якобы, угрозы обхода противникомъ праваго фланга корпуса. Нужно вспомнить, что какъ разъ 19 авг. (1-ое сент.) было первымъ днемъ боевъ у Суходоловъ, въ который «колонна ген. Волошинова» потерпѣла пораженіе и въ который наши штабы вообразили, что у Травниковъ произошелъ прорывъ. Преувеличенная оцѣнка стратегическаго значенія опасности вклиненія Австро-Венгровъ между нашей 4-й и 5-й арміями, существовавшая въ штабахъ нашихъ армій и въ Штаюзѣ, нашла свое отраженіе въ излишней нервности къ «прорыву у Травниковъ» и въ штабахъ ближайшихъ корпусовъ. Въ штабѣ XXV корпуса въ теченіи дня 19-го августа (1-го сент.) приходили тревожныя донесенія о томъ, что происходитъ въ это время и Суходоловъ и у Травниковъ. 4-я Донская каз. дивизія, направленная штармомъ 5 для охраненія праваго фланга арміи (главныя силы этой дивизіи находились у д. Жулинъ, а сильныя развѣдывательныя части — на р. Вепржъ), доносила, что около 9 час. утра А.-В. артиллерія обстрѣливала станцію Травники. Она же донесла, что бывшія тамъ три сотни

---

38) Въ 10-15 километрахъ къ сѣверо-востоку отъ Красностава.

казаковъ (повидимому, 3-й Донской каз. дивизіи) отошли на востокъ къ д. Вулька Конска. Послѣ этого пришло донесеніе, что нѣсколько А.-В. эскадроновъ переправилось черезъ р. Вепржъ и продвинулось до Дорогуча. Около 2 час. дня развѣдкой было обнаружено наступленіе одного-двухъ А.-В. батальоновъ (24-й дивизіи) у брода черезъ р. Вепржъ у д. Борушица, которое было остановлено артиллерійскимъ огнемъ 4-й Донской каз. дивизіи. Эти батальоны отошли на д. Суходолы. Около 6 час. вечера было обнаружено около полка въ лощинѣ четыре километра восточнѣе Суходоловъ. Вечеромъ же, 19-го авг. (1-го сент.) въ штабъ XXV корпуса начали приходить преувеличенныя, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, свѣдѣнія о разгромѣ колонны ген. Волошинова у Суходоловъ и о захватѣ непріятелемъ станціи Травники.

По игрѣ судьбы, отходъ нашего XXУ корпуса изъ подъ Красностава превращается въ своего рода «стратегическое заманиваніе» X-го А.-В. корпуса въ образовавшійся для него вокругъ Суходоловъ стратегическій мѣшокъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что занятіе вновь Красностава отрядомъ (1 пѣх. полкъ съ двумя батареями) 45-й А.-В. пѣх. дивизіи стимулировало и командующаго 1-й А.-В. арміи и командира X-го А.-В. корпуса къ дальнѣйшему наступленію въ восточномъ направленіи, имѣя осью шоссе Красноставъ-Люблинъ, подставляя свой тылъ правофланговымъ корпусамъ генерала Плеве, освободившимся изъ Томашевскаго сраженія.

По мѣрѣ выясненія успѣшности выхода изъ Томашевскаго сраженія южныхъ корпусовъ 5-й арміи, ген. Плеве начинаетъ болѣе спокойно относиться къ прорыву Австро-Венгровъ между его арміей и арміей его сосѣда ген. Эверта (4-ая). Онъ не отрѣшаетъ отъ командованія новаго командира XXУ корпуса за отходъ отъ Красностава и больше не требуетъ отъ него немедленнаго обратнаго овладѣнія этимъ городомъ. Онъ учитываетъ возможность, черезъ день (22 авг.-4 сент.) атаковать въ тылъ прорвавшихся Австро-Венгровъ двумя корпусами: XXУ-мъ черезъ Красноставъ, XIX-мъ черезъ Избицу. Съ этой цѣлью онъ и приказалъ послѣднему, подошедшему утромъ 21-го авг. (3 сент.) въ раіонъ д. Солецъ, повернуть на западъ и идти въ раіонъ Сѣнница-Старая Весь. Отдавая же себѣ отчетъ — что отсрочка, данная противнику у Красностава, позволитъ ему укрѣпить тамъ переправы черезъ р. Вепржъ, ген. Плеве придаетъ XXУ-му корпусу два дивизіона (четыре батареи 6 дюйм. гаубицъ и двѣ батареи 42-хъ линейныхъ дальнобойныхъ пушекъ) 5-й тяжелой артиллерійской бригады, только что прибывшихъ въ Холмъ.

Однако, Штаюзъ, находившійся подъ давленіемъ «торопленія» Ставки, требовавшей скорѣйшаго розыгрыша Люблинскаго сраженія, въ свою очередь «заторопилъ» ген. Плеве. Днемъ 20 авг. (2 сент.) послѣдній получилъ телеграмму генерала Н. І. Иванова, о томъ — чтобы «войска XXУ корпуса подтянуть въ раіонъ Красностава». Во исполненіе этого приказа, Главкоюза, ген. Плеве, вечеромъ же 20 авг. (2 сент.) приказываетъ: «XXУ-му корпусу перейти 21-го авг. (3 сент.) къ Красноставу и занять прежнее положеніе, выдвинувъ авангардъ къ Избицѣ».

21-го авг. (3 сент.), XXУ корпусъ, зная объ удачномъ боѣ у Суходоловъ, происшедшемъ наканунѣ въ отрядѣ ген. Мрозовскаго, перешелъ утромъ въ наступленіе и къ исходу дня безпрепятственно занялъ раіонъ Красностава; онъ выдвинулъ 3-ю гренад. див. въ направленіи на Горжковъ[39]) къ

39) На схемѣ № 15 ошибочно обозначенной Горзковъ.

д. Неменице, 70-ю пѣх. див. къ Романову, оставивъ на восточномъ берегу р. Вепржъ 2-ую бригаду 46-й пѣх. див. у Воля Орловска; 52-й Донск. каз. полкъ (корпусная конница XXУ корпуса) вышелъ у Ясликовъ (въ 6-7 километрахъ отъ Лопенниковъ) въ тылъ 45-й А.-В. дивизіи.

Появленіе XXУ корпуса у Красностава спугнуло, какъ мы уже знаемъ, командира X-го А.-В. корпуса, который рѣшилъ сейчасъ же, и возможно скорѣе, оттянуть свои, попавшія въ «стратегическій мѣшокъ» три дивизіи, на линію Издебно-Горжковъ.

Такъ закончился трехдневный маршъ-маневръ 5-й арміи. Оттянувъ свои скованныя въ Томашевскомъ сраженіи главныя силы на три перехода назадъ, она оторвалась отъ непріятеля и сгруппировала на своемъ правомъ флангѣ на фронтѣ въ 55 километровъ (отъ Красностава до Рациборовице) три корпуса и четыре кавалерійскія дивизіи, т. е. подавляющую часть своихъ силъ. Искусный эксцентрическій отходъ корпусовъ южной группы и хорошая работа нашей кавалеріи, не только способствовали совершенію этого маневра, но содѣйствовали сокрытію отъ Австро-Венгровъ истиннаго его смысла. 5-ая армія вновь обрѣла свободу дѣйствій.

Ген. Плеве использовалъ сближеніе своихъ корпусовъ съ исходной базой для влитія въ войска укомплектованій и для пополненія запасовъ. «Въ порѣдѣвшіе ряды дивизій, имѣвшихъ въ среднемъ не менѣе 40%-50% потерь, были влиты пополненія; XXУ корпусъ былъ усиленъ 24-мя орудіями тяжелой армейской артиллеріи и къ большинству корпусовъ прибыли второочередные казачьи полки и отдѣльныя сотни корпусной и дивизіонной конницы, что увеличивало силы 5-й арміи, доводя ее до 9½ пѣх.[40]) и 5 кав. дивизій и 6 отдѣльныхъ казачьихъ полковъ»[41]).

Такъ закончился одинъ изъ самыхъ трудныхъ и въ то же время самыхъ искуссныхъ армейскихъ маневровъ во всей Исторіи Міровой Войны.

ГЛАВНОЕ КОМАНДОВАНІЕ ЮГО-ЗАПАДНАГО ФРОНТА.

Въ напечатанной въ «Militaer Wissenschaftliche Rundschau» статьѣ германскаго генерала Эрфурта[42]) можно прочесть справедливое указаніе на то излишнее опасеніе «разрывовъ» при стратегической оборонѣ, съ которымъ вступило большинство военноначальниковъ въ Міровую войну. Эта боязнь являлась слѣдствіемъ «линеарности», проповѣдуемой всѣми генеральными штабами предвоеннаго времени стратегіи. «Чѣмъ меньше глубины», пишетъ ген. Эрфуртъ, «тѣмъ чувствительнѣе фланги, а то что было вѣрно для открытаго фланга, приложимо, несомнѣнно, и къ прорыву, сдѣланному въ линіи боевого фронта. Отсюда, у начальниковъ всѣхъ степеней рождалось стремленіе держаться локоть къ локтю съ сосѣдями и создавать сложныя, непрерывныя боевыя линіи. Освободиться отъ такого представленія о веденіи боя — типичнаго продукта времени — могли лишь немногіе изъ командующихъ».

... «Во время міровой войны опасеніе оперативнаго разрыва стало догмой. Противъ правильности этой догмы необходимо настойчиво возражать, такъ

40) 1-ая бригада 46-й пѣх. дивизіи продолжала оставаться въ командировкѣ въ 4-й арміи; прим. Н. Н. Г.

41) Бѣлой, стр. 151.

42) Gen.-Leutn. Erfurth: «Die Verteidigung in Landkriege» Militaer Wissenschaftliche Rundschau № 4-5, 1936 г., стр. 436-462, 565-591.

же, какъ и противъ отвращенія къ оперативному отходу. Страхъ передъ разрывомъ — дѣтище линейной стратегіи, народившейся въ вѣкъ милліонныхъ армій въ противорѣчіе съ основными законами войны»...

Указанные ген. Эрфуртомъ стратегическіе предразсудки были свойственны не только нѣмцамъ и французамъ, но и намъ.

Такая предпосылка помогаетъ понять — почему наша побѣда у Суходоловъ не дала тѣхъ результатовъ, которые можно было ожидать. Былъ упущенъ рѣдко благопріятный случай окруженія трехъ дивизій X-го А.-В. корпуса, упорно лѣзшихъ въ стратегическій мѣшокъ. Судьба, какъ будто, давала русскому высшему командованію возможность повторить въ Галиціи то, что только что произошло въ Восточной Пруссіи съ пятью дивизіями центра арміи ген. Самсонова.

Не подлежитъ сомнѣнію, что именно впечатлѣніе отъ этой катастрофы ген. Самсонова въ значительной степени сковало волю Русскаго командованія въ разсматриваемые нами дни.

Я уже говорилъ въ одной изъ предыдущихъ главъ, какое вредное психологическое воздѣйствіе оказало впечатлѣніе отъ этой катастрофы на творчество Ставки. Правильная стратегическая идея Великаго Князя Николая Николаевича, пожелавшаго сосредоточить свои усилія для одержанія сокрушающей побѣды въ Галиціи, была искажена въ его исполнительномъ органѣ — въ Ставкѣ. Я не буду повторять сказаннаго. Нервничающая Ставка торопитъ Штаюзъ съ окончаніемъ Люблинскаго сраженія. Это отражается на работѣ Штаюза. Въ два часа 19 августа (1-го сент.), телеграммой № 683[43]), Главкоюзъ, въ связи съ началомъ отхода 5-й арміи, далъ такія указанія командармамъ:

Въ виду увеличенія промежутка между 5-й и 3-й арміями, командарму 3 увеличить кавалерію на флангѣ для наблюденія путей со стороны Томашова-Сокаль къ флангу 3-й арміи и заслонъ къ сторонѣ этихъ пунктовъ для задержанія и атаки двигающихся войскъ, если бы таковое движеніе было обнаружено. Такъ какъ, командармъ 4 предполагалъ 22 августа (4 сент.) перейти въ наступленіе, то командарму 5 указано было: 1) отходить въ сѣверномъ направленіи возможно медленнѣе, удерживая движеніе противника порчею мостовъ и дорогъ, работою конницы; 2) собрать на своемъ лѣвомъ флангѣ на Бугѣ возможно сильный отрядъ для развѣдки въ направленіи Сокаль-Рава Русская-Жолкѣвъ; 3) установить связь съ коннымъ отрядомъ 3-й арміи; 4) въ случаѣ уменьшенія давленія противника на войска 5-й арміи, измѣнить соотвѣтственно свой образъ дѣйствій; 5) кромѣ того, принять всѣ мѣры для приведенія крѣпости Брестъ-Литовскъ въ возможную готовность.

Анализируя внимательно этотъ приказъ, мы не увидимъ въ немъ обычнаго отчетливаго, стратегическаго «Алексѣевскаго мышленія». Пунктъ 1-й рекомендуетъ арміи ген. Плеве «отходить возможно медленнѣе», т. е. какъ разъ обратное тому, что требовалось возложенной на него стратегической задачей: оторваться отъ врага для того, чтобы обрѣсть свободу дѣйствій. Несомнѣнно, что здѣсь, прежде всего, сказалось на Штаюзѣ воздѣйствіе «торопленія» Ставки. Нужно обратить вниманіе и на то, что первоначальное предположеніе Главнаго Командованія Ю.-З. фронта, начать общее

43) Воен. Учен. Архивъ. Дѣло № 10 по архиву 7831, стр. 196; цитировано у Циховича на стр. 174.

контръ-наступленіе въ Люблинскомъ сраженіи ускорялось на два дня (вмѣсто 6 сентября — 4-го сентября по новому стилю[44]). Пунктъ 4-й «торопя» начало контръ-наступленія арміи Плеве, вмѣсто того, чтобы повторить основную мысль задуманной операціи удара во флангъ 1-й А.-В. арміи, отдѣлывается общей фразой: «измѣнить соотвѣтственно свой образъ дѣйствій». Наконецъ, 5-й пунктъ, являясь совершенно неумѣстнымъ въ общемъ приказѣ (указаніе о принятіи всѣхъ мѣръ для приведенія крѣпости Брестъ-Литовскъ, находящейся въ глубокомъ тылу, въ «возможную готовность») придавалъ слишкомъ пессимистическій тонъ всему приказу, что извращало активный духъ задуманнаго маневра. Такое распоряженіе должно было быть отдано отдѣльной телеграммой адресованной только ген. Плеве. Помѣщенное же въ общемъ приказѣ командармам, оно подрывало энергію исполнителей, въ особенности такихъ какимъ былъ въ эти дни Штарм 4.

Я указывалъ выше, что свѣдѣнія о катастрофѣ въ арміи ген. Самсонова не могли сами по себѣ не оказать отрицательное моральное воздѣйствіе на наши высшіе штабы. На штармѣ 4 такое воздѣйствіе отразилось переоцѣнкой реальной стратегической опасности отъ вклиненія Австро-Венгровъ между нашими 4-й и 5-й арміями. Когда же, 19-го августа (1-го сент.) произошелъ неудачный бой «колонны» ген. Волошинова, нервность штаба 4-й арміи достигла своего апогея, окрасивъ эту мѣстную тактическую неудачу въ «стратегическій прорывъ у Травниковъ».

Согласно свидѣтельству ближайшаго сотрудника ген. М. В. Алексѣева, по оперативному руководству Галиційской Битвой, ген. Борисова[45]), свѣдѣнія, имѣвшіяся о группировкѣ Австро-Венгерскихъ войскъ къ 18(31) авг. на Галиційскомъ и на Сербскомъ театрахъ, были вполнѣ достаточны. Неизвѣстно было нахожденіе лишь одного корпуса. Слѣдовательно, малая стратегическая опасность «Травниковскаго прорыва» могла быть учтена совершенно точно. То, что со стороны Штаюза не раздалось въ эти минуты властнаго успокаивающаго голоса, свидѣтельствуетъ, что въ немъ тоже временно была утеряна трезвая оцѣнка обстановки. Иначе не можетъ быть объяснена та пассивность, съ которой Штаюз присутствовалъ при вышеописанномъ безпорядочномъ бросаніи штабомъ 4-й арміи войскъ въ бой у Суходоловъ. Казалось бы, что даже въ томъ случаѣ, если, во исполненіе указаній Ставки, Штаюзъ рѣшилъ ускорить начало общаго наступленія 4-й арміи, его прямымъ долгомъ было произвести расчетъ — насколько таковое можетъ фактически быть ускорено и, опредѣливъ такой срокъ, непосредственно руководить дѣйствіями смежныхъ фланговъ двухъ сосѣднихъ армій. Такой «спокойный» расчетъ времени показалъ бы, что въ томъ случаѣ, если Штаюзъ задумывалъ въ отвѣтъ на вклиненіе непріятеля между 4-й и 5-й арміями, произвести маневръ активнаго стратегическаго характера, а не мирился бы съ примитивнымъ «лобовымъ» отбрасываніемъ противника, начальный день общаго маневра лѣваго фланга 4-й арміи и праваго фланга 5-й арміи не могъ быть назначенъ ранѣе 22 августа (4-го сентября). Разсчитывая это, Штаюзъ и долженъ былъ взять на себя такое рѣшеніе, передавъ его въ Штарм 4 и 5 въ видѣ оперативнаго приказа, въ которомъ заключался бы основной абрисъ задуманной Штаюзомъ операціи. При создавшейся стратегической обстановкѣ, эта операція должна была начаться въ эластичной оборонѣ загибаемаго лѣваго фланга 4-й

---

44) Бѣлой, стр. 25.

45) «Краткій стратегическій очеркъ войны 1914—1918 г. г.», выпускъ 1-й, стр. 173.

арміи, съ окончательной остановкой его на рубежѣ р. Гелчевъ. Этотъ задерживающій, а затѣмъ оборонительный маневръ, долженъ былъ быть порученъ гренадерскому корпусу, усиленному 82-й пѣхотной дивизией. Подобный, отступательный маневръ гренадерскаго корпуса, долженъ былъ быть санкціонированъ главнымъ командованіемъ Ю.-З. фронта, такъ какъ онъ былъ связанъ съ вѣроятностью утраты нами участка желѣзно-дорожной магистрали въ раіонѣ станціи Травники. Штарм 4 не мог самостоятельно рѣшать такой вопросъ. Также точно на Штаюз выпадала обязанность дать совершенно опредѣленныя указанія Штармамъ 4 и 5 — въ какихъ операціонныхъ направленіяхъ должны были быть направлены подводимые въ этихъ арміяхъ для активныхъ стратегическихъ дѣйствій корпуса. Только такимъ способомъ могло быть осуществлено единство дѣйствій въ задуманной операціи.

Исходя изъ идеи окруженія вклинившихся между нашими 4-й и 5-й арміями Австро-Венгровъ, наиболѣе логично было направленіе одного изъ корпусовъ, собираемыхъ въ тылу гренадерскаго корпуса, — на Издебно, а одного изъ правофланговыхъ корпусовъ 5-й арміи — на Горжковъ.

Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ наиболѣе трудныхъ случаевъ сохраненія единства дѣйствій, когда операція протекаетъ на стыкѣ армій. Въ подобныхъ случаяхъ и Наполеонъ и гр. Мольтке свои приказанія непосредственнымъ подчиненнымъ инстанціямъ (у Наполеона — корпуса, у гр. Мольтке — арміи) уточняли указаніями о дѣйствіяхъ войсковыхъ единицъ болѣе низкой инстанціи (Наполеонъ — дивизіямъ, графъ Мольтке — корпусамъ). Они не боялись этого, своего рода вмѣшательства, въ компетенцію непосредственно подчиненныхъ имъ военноначальниковъ, ибо понимали, что координація дѣйствій на стыкахъ можетъ быть достигнута лишь при нѣкоторомъ ограниченіи свободы распоряженій военноначальниковъ-сосѣдей, всегда имѣющихъ тенденцію къ оперативному эгоизму. «Во всѣ подобные критическіе моменты», резюмируетъ такое свое вмѣшательство графъ Мольтке, «считалось отвѣтственнымъ и даже положительно необходимымъ свыше управлять движеніями большихъ войсковыхъ соединеній, посредствомъ категорическихъ приказаній, хотя бы отъ этого временно и ограничивалась самостоятельность командующихъ арміями»[46]).

Въ виду слишкомъ малаго вниманія, которое удѣлялось нашими начальниками Генеральнаго Штаба (за исключеніемъ генерала Палицына) разработкѣ теоріи оперативнаго управленія войсками, вопросъ о веденіи операцій на стыкѣ армій совершенно не былъ освѣщенъ. Въ противоположность только что сказанному, высшіе чины нашего генеральнаго штаба были воспитаны въ преувеличенномъ представленіи о стратегической свободѣ дѣйствій армій. Доказательствомъ этому служитъ существованіе прочно привитаго въ нашихъ верхахъ убѣжденія, что арміи не могутъ управляться приказами, а только директивами, оріентирующими командующихъ арміями въ общей цѣли дѣйствій[47]).

Казалось бы, что отъ подобнаго упрека генералъ М. В. Алексѣевъ могъ бы быть освобожденъ. Его оперативная работа въ первый періодъ Галиційской Битвы[48]) ярко показываетъ, насколько въ своемъ стратегическомъ мыш-

---

46) Генералъ Войде. «Побѣды и пораженія въ войну 1870 г.», т. I, стр. 30.

47) См. трудъ Борисова, выпускъ 1-й, стр. 267.

48) См. предыдущій томъ моего труда.

леніи и искусствѣ онъ былъ выше остальныхъ представителей нашего генералитета. Сравненіе же его оперативной работы съ таковой на верхахъ французской и германской армій, даетъ полное право поставить его въ стратегическомъ отношеніи наравнѣ съ лучшими представителями и французскаго и германскаго генеральнаго штаба. И, тѣмъ не менѣе, я позволяю себѣ сказать, что въ тѣ дни, когда разыгрывались бои у Суходоловъ, Штаюзъ не проявилъ требуемаго создавшейся обстановкой регулирующаго воздѣйствія, и эта операція протекала сама по себѣ, стихійно, безъ всякой идеи, внушенной сверху арміямъ. Даже когда 20-го августа (2-го сентября) у Суходоловъ была одержана побѣда, Штаюзъ не указалъ штарму 4 тѣхъ операціонныхъ направленій, по которымъ эта побѣда должна была быть использована. Мы имѣли уже случай говорить о томъ, что наступленіе 2-й грен. дивизіи въ направленіи на Сѣдлиска Вельке, а не на Издебно оставило открытыми двери для отступленія X-го А.-В. корпуса. Правда, днемъ того же дня была послана, какъ указано въ своемъ мѣстѣ, телеграмма генералу Плеве, приказывающая ему: «войска XXУ корпуса подтянуть въ раіонъ Красностава». Но и эта попытка не можетъ быть разсматриваема, какъ продуктъ отчетливой стратегической мысли: сама неопредѣленность редакціи телеграммы это ясно показываетъ. Отсутствіе отчетливаго приказа Главкоюза, оріентирующаго преслѣдованіе 4-й арміи разбитаго у Суходоловъ противника, въ направленіи на Издебно, привело къ тому, что обратное овладѣніе XXУ-мъ корпусомъ Красноставомъ, «спугнуло» X-й А.-В. корпусъ; послѣдній, упирая свой лѣвый флангъ на Издебно, осадилъ свой правый флангъ къ Горжкову.

Констатируемое нами здѣсь отсутствіе руководства свыше, обнаружившееся въ дни боевъ у Суходоловъ, не умаляетъ качествъ генерала Алексѣева, какъ полководца. Ошибались и Наполеонъ и Мольтке. Изложенное же показываетъ, что даже выдающіеся полководцы не могутъ сразу наверстать то, что должно быть разработано еще въ мирное время Военной Наукой.

20-го августа (2 сент.) Штаюз совершалъ переѣздъ изъ Ровно въ Луковъ. Пользуясь этимъ переѣздомъ, ген. М. В. Алексѣевъ прибылъ въ ночь на 20-е августа (2 сент.) на станцію Люблинъ, проѣхавъ благополучно черезъ пресловутый прорывъ у станціи Травниковъ. Объ этомъ пріѣздѣ разсказываетъ въ письмѣ, адресованномъ мнѣ, сынъ ген. Алексѣева, офицеръ Л. Гв. Уланскаго Его Величества полка, мой сослуживецъ по 3-й отдѣльной Гвард. кавалерійской бригадѣ.

«19-го августа (1 сент.) наша Отдѣльная Гвардейская кав. бригада, какъ Вы помните, находилась на дневкѣ въ Люблинѣ. Во время обѣда въ гостинницѣ «Викторія», на которомъ присутствовало большинство свободныхъ отъ службы офицеровъ бригады, ко мнѣ подошелъ... молодой капитанъ ген. штаба, фамилію котораго, къ сожалѣнію, не помню и сообщилъ, что вечеромъ этого дня ожидается пріѣздъ въ Люблинъ моего отца — ген. Алексѣева. Отъ этого капитана я впервые узналъ, что отецъ уже не командуетъ XIII корпусомъ, а по мобилизаціи назначенъ Начальникомъ штаба Юго-Западнаго фронта.

«Съ разрѣшенія моего ближайшаго начальника, часовъ съ 18 я уже находился на Люблинскомъ вокзалѣ. Станція оказалась забитой ранеными, которые безпрерывно прибывали. Малочисленный медицинскій персоналъ явно не справлялся съ работой.

«Дежурный по станціи и комендантъ подтвердили, что изъ Ровно ожидается прибытіе экстреннаго поѣзда, но не могли мнѣ сообщить, кто въ немъ слѣдуетъ, а также и время его прибытія. На мои послѣдующія справки я сталъ получать уклончи-

вые отвѣты. Послѣ 4-5 часовъ ожиданія, т. е. около 22-23 часовъ, комендантъ станціи сообщилъ мнѣ подъ большимъ секретомъ, что свѣдѣній объ экстренномъ поѣздѣ не имѣется, что связь съ Ровно прервана у ст. Травники и что въ этомъ раіонѣ образовался «прорывъ», гдѣ въ данное время идетъ упорный бой. Въ заключеніе сообщилъ, что по приказанію штарма кружнымъ путемъ запрошено Ровно о судьбѣ этого поѣзда и что отвѣтъ ожидается.

«О «прорывѣ» я ничего не слыхалъ ни въ полку, ни въ городѣ, а потому былъ озадаченъ и обезпокоенъ. Мое безпокойство возросло въ еще большей степени, когда часовъ около 2-хъ (20-VIII) Ровно сообщило, что экстренный поѣздъ находится въ пути на Люблинъ. Наконецъ, около 3 1/2 ч. ближайшая съ востока къ Люблину станція (названія не помню) затребовала пропускъ для экстреннаго поѣзда. Минутъ черезъ 20 таковой подошелъ къ перрону Люблинскаго вокзала. Поѣздъ состоялъ изъ паровоза и вагона, въ которомъ я узналъ, извѣстный мнѣ еще по мирному времени вагонъ Командующаго войсками Кіевскаго военнаго округа. Не имѣя полной увѣренности въ томъ, что въ этомъ поѣздѣ прибылъ отецъ, я постѣснялся идти непосредственно въ вагонъ и присоединился къ небольшой группѣ офицеровъ, по службѣ ожидавшихъ этотъ поѣздъ. Изъ этой группы къ вагону направился лишь капитанъ, съ которымъ я накануне познакомился въ «Викторіи», но въ дверяхъ вагона уже появилась фигура генерала, въ которомъ я узналъ отца.

«Послѣдній разъ я его видѣлъ въ обстановкѣ мирнаго времени, въ Смоленскѣ, гдѣ провелъ короткій отпускъ въ первыхъ числахъ іюля. По внѣшности отецъ мало измѣнился.

«При бѣгломъ взглядѣ я замѣтилъ лишь на его лицѣ слѣды напряженной работы, что бывало съ нимъ и въ мирное время, и, видимо, нѣкоторое утомленіе отъ безсонной ночи, а можетъ быть и ночей.

«Поздоровавшись съ офицерами, отецъ командировалъ моего новаго знакомаго капитана предупредить наштарма о его столь раннемъ пріѣздѣ, а обращаясь ко мнѣ сказалъ, что для нашего свиданія въ его распоряженіи имѣется 20 минутъ. Отпустивъ встрѣчавшихся офицеровъ, отецъ вошелъ въ вагонъ.

«Послѣ короткаго, чисто семейнаго разговора и взаимныхъ привѣтствій, отецъ сказалъ, что пріѣхалъ въ Люблинъ, чтобъ **«помочь, такъ какъ вами не ладно распоражаются»** (эту фразу помню дословно). Затѣмъ сѣтовалъ на задержку въ пути, нервность тыла и желѣзнодорожниковъ. На мой вопросъ, что происходитъ у Травниковъ — досадливо махнулъ рукой и сказалъ: «какъ видишь, я проѣхалъ благополучно... Нѣтъ выдержки, а можетъ быть и умѣнья... Этотъ временный нарывъ меня не гнететъ... Мнѣ больно за мой XIII корпусъ, который уложили въ Восточной Пруссіи...».

«Не знаю былъ ли Вамъ въ тѣ дни извѣстенъ фактъ и размѣры Самсоновской неудачи, но до насъ — младшихъ офицеровъ, эти свѣдѣнія еще не дошли, а потому слова отца меня поразили и заставили больно сжаться сердце. Разспрашивать о подробностяхъ не было времени. Видя мое смущеніе, отецъ сказалъ, что на войнѣ нужно имѣть большую выдержку, что эту грустную вѣсть онъ предпочитаетъ сообщить мнѣ лично; предупредилъ о необходимости съ большой осторожностью относиться къ слухамъ. Въ заключеніе, благословивъ меня, онъ посовѣтовалъ спокойно продолжать въ полку выполненіе моего скромнаго долга въ надеждѣ, что, съ Божьей помощью, ему удастся на Юго-Западномъ фронтѣ отомстить за неудачу въ Пруссіи и за его корпусъ.

«Въ теченіи этого разговора отецъ часто поглядывалъ въ окно, передъ которымъ, черезъ нѣсколько путей, находились пакгаузы и длинная рампа товарной станціи, какъ я уже писалъ, сплошь забитая ранеными. Указавъ мнѣ рукой на эти

десятки сотенъ окровавленныхъ и наспѣхъ перевязанныхъ людей, отецъ нахмурился и командировалъ адъютанта за начальникомъ эвакуаціоннаго пункта. Когда же я ему доложилъ, что эти несчастные лежатъ въ томъ же положеніи уже со вчерашняго дня, то бѣдный начальникъ пункта былъ встрѣченъ далеко не любезно. Попенявъ его за отсутствіе инициативы и пообѣщавъ свое содѣйствіе, отецъ уѣхалъ около 4 1/2 ч. въ штабъ арміи. Я же поспѣшилъ въ полкъ, который уже выступалъ по дорогѣ на д. Пяски».

Какая бесѣда происходила въ этотъ пріѣздъ Ген. М. В. Алексѣева съ командующимъ и Начальникомъ Штаба 4-ой арміи, намъ неизвѣстно. На распоряженіяхъ Штарма 4 она не отразилась.

21-го августа (3 сент.) Генералы Н. І. Ивановъ и М. В. Алексѣевъ пріѣхали въ Люблинъ для личныхъ переговоровъ съ командующими арміями, 4-й — генераломъ Эвертомъ и 9-й генераломъ Лечицкимъ. Здѣсь же, Главкоюзъ отдалъ слѣдующій оперативный приказъ[49]):

«Съ 12 часовъ ночи, съ 21-го на 22-ое августа (съ 3-го на 4-ое сентября), ХУІІІ и ХІУ корпуса, съ приданными послѣднему частями гвард. стрѣлковой бригадой, 13-ой кавал. дивизіей, переходятъ въ подчиненіе генералу Лечицкому, составляя 9-ю армію. Генералу Лечицкому, по-прежнему остаются въ подчиненіи гарнизонъ Ивангорода и войска, находящіяся на лѣвомъ берегу Вислы».

«4-ую армію составляютъ: Гвардейскій, Гренадерскій, ХУІ и ІІІ Кавказскій корпуса, отдѣльная гвард. кавал. бригада, 3-я Донская и Уральская казачьи дивизіи».

«Войскамъ Юго-Западнаго фронта атаковать непріятеля и нанести ему пораженіе, отбрасывая его къ рѣкѣ Вислѣ».

«Первое — ген. Лечицкому, наступая между Вислой и Быстржицей, тѣснить непріятеля въ направленіи на Юзефовъ».

«Второе — ген. Эверту развивать одержанный 20 авг. (2 сент.) успѣхъ, атакуя непріятеля на фронтѣ Быхова — верховья р. Поръ и отбрасывать его въ направленіи на Красникъ».

«Третье — ген. Плеве имѣть общее направленіе на Туробинъ, Щебрешинъ, Краснобродъ, ведя корпуса уступами справа, оказывать возможно энергичными дѣйствіями своего праваго крыла помощь развитію удара лѣвымъ крыломъ ген. Эверта, тѣсня противника на Горжковъ-Жолкевка».

«Четвертое — ген. Рузскому имѣть общее направленіе удара на Томашовъ-Бѣлгорай».

«Пятое — ген. Брусилову, обезпечивая общую атаку всего фронта слѣва, дѣйствовать противъ Львова и Днѣстра, сообразуясь съ обстановкой ему ближе извѣстною».

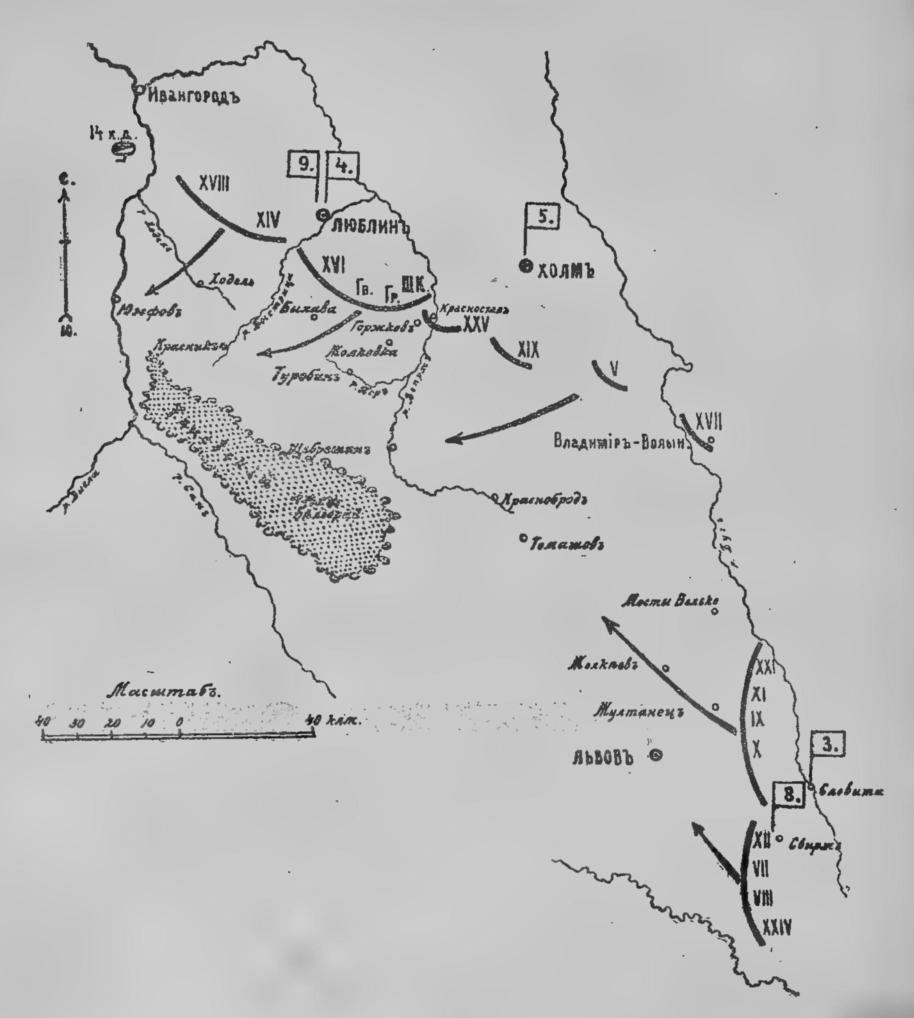
«Шестое — всѣмъ арміямъ имѣть кавалерію ближе къ противнику, которой всемѣрно развивать самыя энергичныя дѣйствія въ его тылу и на флангахъ».

«Седьмое — Ожидаю отъ славныхъ нашихъ войскъ, доказавшихъ въ бывшихъ уже дѣлахъ этой войны свою рѣдкую доблесть, полнаго напряженія силъ для окончательнаго пораженія врага жестокимъ преслѣдованіемъ. Жду этого особенно отъ кавалеріи и казаковъ. Дѣйствія развивать съ 22-го августа (4 сент.)».

---

49) Телеграмма № 761 — дѣло № 10, по архиву 7831, стр. 201 и 231; цитировано у Циховича, стр. 183.

СХЕМА № 17.

Въ тотъ же день, по полученіи въ Штаюзѣ извѣстія о занятіи нами Львова, Главкоюзомъ будетъ послана телеграмма № 765, въ которой будутъ видоизмѣнены задачи и операціонныя направленія для 3-й и 8-й армій. Въ своемъ мѣстѣ, послѣ изложенія «Переломныхъ Дней» на восточномъ фасѣ Галиційской Битвы, мы полностью приведемъ телеграмму № 765 и сдѣлаемъ изъ нея нужные выводы. Здѣсь ограничимся лишь указаніемъ, что основной стратегической идеи вышеприведеннаго оперативнаго приказа телеграмма № 765 не измѣняла, вслѣдствіи чего этотъ приказъ (телеграмма № 761) и долженъ почитаться за окончательное, конкретное оформленіе плана розыгрыша второго періода Галиційской Битвы.

Съ этй точки зрѣнія, мы произведемъ стратегическій анализъ этого приказа.

Силы врага, дѣйствующаго въ Люблинскомъ сраженіи, должны были отѣсняться къ Вислѣ, а не отрѣзываться отъ этой рѣки, какъ это вытекало бы изъ идей «Милютинской стратегіи». Мы знаемъ, что попытка вернуться къ этимъ идеямъ была произведена Штаюзомъ: 17/30 августа, генералъ Ивановъ доложилъ Ставкѣ о своемъ желаніи собрать главныя силы формируемой 9-й арміи на лѣвомъ берегу Вислы къ югу отъ Ивангорода[50]). Но это намѣреніе не было осуществлено: XXII корпусъ былъ повернутъ Ставкой на С.-З. фронтъ, а Гвардейскій и III Кавказскій корпуса, по частямъ оказались введенными въ бои на лѣвомъ флангѣ 4-й арміи. При условіи одержанія тамъ побѣды у Суходоловъ и сложившейся группировки силъ, оставалось дѣлать только то, что было зафиксировано въ телеграммѣ № 761. 9-й арміи, имѣвшей всѣ свои силы на восточномъ берегу р. Вислы, нанесеніе главнаго удада правымъ флангомъ, т. е. непосредственно по берегу р. Вислы, по тактическимъ условіямъ мѣстности, не обѣщало скорыхъ результатовъ. Между тѣмъ, побѣда у Суходоловъ, открывавшая намъ легкія возможности «прорваться» между 1-й и 4-й А.-В. арміями, требовала быстрыхъ дѣйствій.

Мѣстность впереди фронта 9-й арміи наиболѣе благопріятствовала атакѣ центра этой арміи — въ раіонѣ с. Ходель.

Успѣшныя дѣйствія здѣсь нашихъ войскъ, 20-го и 21-го авг. (2 и 3 сен.), приведшія къ захвату нами укрѣпленнаго плацдарма противника, созданнаго имъ на сѣверномъ берегу р. Ходель, увеличивали благопріятные шансы продвиженія впередъ центра и лѣваго фланга 9-й арміи. Поэтому, вполнѣ логичнымъ и являлось, со стороны главнаго командованія юго-западнаго фронта, построить заданіе для 9-й арміи на использованіи этого успѣха. Указаніе, данное ген. Лечицкому — «наступая между Вислой и Быстрицей, тѣснить непріятеля въ направленіи на Юзефовъ», въ связи съ поставленной общей задачей — «атаковать непріятеля и нанести ему пораженіе, отбрасывая его къ р. Вислѣ», вполнѣ отвѣчало реальностямъ сложившейся обстановки.

Заданіе, поставленное 4-й арміи, тоже являлось наилучшимъ изъ возможныхъ рѣшеній. Въ самомъ дѣлѣ, нашей Гвардіи, въ бою 20-го авг. (2 сен.) у Владиславова удалось прорваться между У-мъ и Х-мъ А.-В. корпусами и 21-го авг. (3 сент.) Гвардія повернула на юго-западъ, во флангъ первому изъ только что поименованныхъ непріятельскихъ корпусовъ. Указаніе генералу Эверту «развивать одержанный 20-го авг. (2 сент.) успѣхъ, атакуя непріятеля на фронтѣ Быхава — верховье р. Поръ и отбрасывая его въ направленіи на Красникъ», санкціонировало оперативный поворотъ Гвардіи и вводило его въ рамки общаго стратегическаго рѣшенія.

Я считаю, что здѣсь и сказалась стратегическая мудрость ген. М. В. Алексѣева, автора телеграммы № 761. Задаваться, 21-го авг. (3-го сент.), планированіемъ окруженія зарвавшагося Х-го А.-В. корпуса, было дѣломъ безнадежнымъ. Какъ уже разбиралось выше, время для такой работы штаюза было упущено. Умѣніе стратега осознать это, можно уподобить умѣнію хорошаго коммерсанта списывать со счета понесенные убытки, дабы не отвлекать свой капиталъ отъ новой операціи. Этой же новой операціей, по замыслу ген. М. В. Алексѣева и являлось превращеніе прорыва между У и Х корпусами арміи Данкля, въ прорывъ между арміями Данкля (1-й) и Ауффенберга (4-й). Такая задача свидѣтельствуетъ о ширинѣ стратегической мысли автора этого замысла, а также и о его стратегическомъ чутьѣ (интуиціи).

50) Борисовъ, 1, стр. 169.

Оцѣнивъ съ этой общей точки зрѣнія «стратегическое построеніе», которое предписывало нашимъ 9-й и 4-й арміямъ телеграмма № 761, мы увидимъ, что оно представляло собой «косой боевой порядокъ», осуществляемый боемъ. Иначе говоря, арміи ген. Лечицкаго и Эверта производили общее захожденіе лѣвымъ флангомъ впередъ, съ тѣмъ, чтобы ихъ общій фронтъ, обращенный ранѣе на югъ, былъ бы обращенъ, послѣ захожденія, на юго-западъ.

Лѣвый флангъ этого новаго фронта долженъ былъ дойти до верховьевъ р. Поръ. Здѣсь, у Туробина, долженъ былъ примкнуть къ нему правый флангъ арміи ген. Плеве, которой указывалось имѣть «общее направленіе на Туробинъ, Щебрешинъ, Краснобродъ». Я обращаю вниманіе на редакцію, въ которой изложена эта первая часть заданія, поставленнаго 5-й арміи. Можно спросить себя — почему ген. Алексѣевъ не отредактировалъ ее такъ: «наступать на фронтъ Туробинъ-Щебрешинъ-Краснобродъ». Средняя часть заданія 5-й арміи даетъ объясненіе этому. Ген. Плеве долженъ былъ наступать «ведя корпуса, уступами справа», иначе говоря, на ближайшіе дни, 5-я армія должна была также перестроиться въ «косой порядокъ», но обращенный не на юго-западъ, а на юго-востокъ. Такимъ образомъ, армія ген. Плеве образовала другую — юго-восточную сторону того угла, юго-западную сторону коего образовали арміи Лечицкаго и Эверта. Стратегическое построеніе которое ген. М. В. Алексѣевъ давалъ на ближайшіе дни арміямъ праваго крыла Ю.-З. фронта можетъ быть уподоблено клину, вбиваемому въ раіонъ верхняго Пора. Нельзя не признать, что это было наиболѣе искусное воплощеніе въ жизнь основной идеи новой операціи: использованіе Суходольской побѣды для разрыва А.-В. фронта между Данклемъ и Ауффенбергомъ. Обращаетъ на себя вниманіе и такая «техническая» стратегическая подробность: предписывая ген. Плеве принять «косое построеніе», ген. М. В. Алексѣевъ примѣняетъ другую форму редакціи заданія, чѣмъ та, которая была примѣнена имъ въ отношеніи армій генераловъ Лечицкаго и Эверта; 5-ая армія не находилась въ бою, а потому, ей указывалась не ось атаки, а уступное построеніе, т. е. форма марша маневра.

Намѣчаемое въ маневренной войнѣ «стратегическое построеніе» не представляетъ собой столь застывшихъ формъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ войнѣ позиціонной. Я говорилъ выше, что искусный стратегъ долженъ быть способенъ устоять отъ соблазна планировать операціи, выполненіе коихъ уже запоздало. Иначе говоря, онъ долженъ умѣть трезво констатировать «упущенныя» возможности. Я особенно настаиваю на этомъ, ибо, въ области стратегическаго искусства «упущенныя возможности», въ условіяхъ маневренной войны, имѣютъ мѣсто весьма часто. Происходитъ это потому, что истинная обстановка, при сохраненіи врагомъ свободы маневрированія, всегда выясняется съ опозданіемъ.

Полководецъ «Божьей милостью», смѣющій и умѣющій задумывать операціи не только «безъ потери темпа» по сравненію съ врагомъ, а «на темпъ впередъ», долженъ, тѣмъ не менѣе, учитывать въ принимаемомъ стратегическомъ построеніи возможность использованія того «упущеннаго случая», отъ планового использованія котораго онъ отказался въ виду потери времени. Противникъ не всегда дѣйствуетъ безошибочно. Въ разсматриваемые нами дни, такимъ «упущеннымъ случаемъ» являлось проникновеніе X-го А. В. корпуса до Травниковъ. Какъ было видно изъ сказаннаго выше, 21-го авг. (3 сент.) было уже поздно для штаюза организовать операцію по окруже-

нію этого корпуса. Но, въ то же время, не было невозможно и то, что этотъ корпусъ еще застрянетъ въ образовавшемся вокругъ него стратегическомъ мѣшкѣ. Новое стратегическое построеніе Юго-Зап. фронта, создававшееся телеграммой № 761 давало возможность успѣшнаго использованія и такого подарка судьбы. Съ этою цѣлью, въ конечной части заданія, дававшагося генералу Плеве, говорилось: «... оказывать возможно энергичными дѣйствіями своего праваго крыла помощь развитію удара лѣвымъ крыломъ ген. Эверта, тѣсня пртивника на Горжковъ-Жолкевка», т. е. отрѣзая пути отступленія зазѣвавшагося X-го А.-В. корпуса.

Только что сказанное показываетъ — что ген. М. В. Алексѣевъ сумѣлъ искусно связать задуманную новую операцію съ «прошедшимъ». Посмотримъ теперь какъ онъ связалъ эту новую операцію съ «будущимъ». Здѣсь мы входимъ въ самую трудную область стратегическаго искусства, ибо оно связано съ предвидѣніемъ, а послѣднее особенно затруднено въ маневренной войнѣ, когда противникъ обладаетъ свободой дѣйствій.

Разбираемый нами случай представляетъ въ этомъ отношеніи большой интересъ, ибо, какъ мы уже знаемъ, главныя силы 4-й А.-В. арміи уходили на югъ и, такимъ образомъ, создавалась совершенно новая группировка силъ. Но то, что мы теперь знаемъ, ген. М. В. Алексѣевъ не могъ знать. Онъ могъ съ такимъ же, если не съ большимъ правомъ, предполагать, что Ауффенбергъ будетъ преслѣдовать армію генерала Плеве. Этому варіанту дѣйствій врага противопоставлялось перестроеніе арміи ген. Плеве изъ эшелонированія «уступами слѣва», принятаго ею при отходѣ съ Томашовскаго поля сраженія, въ построеніе «уступами справа», что вполнѣ отвѣчало мысли вновь задуманной операціи расширенія прорыва А.-В. фронта, произведеннаго нами у Суходоловъ и Владиславова. Возможны были и другія дѣйствія 4-й А.-В. арміи. Однако, при всѣхъ остальныхъ варіантахъ маневрированія Ауффенберга, важно было одно: не позволить ему ударить въ лѣвый флангъ нашей 4-й арміи, продвигающемуся къ рѣкѣ Поръ. Для того, чтобы использовать разрывъ въ непріятельскомъ фронтѣ и въ этомъ случаѣ, самымъ выгоднымъ положеніемъ нашей 5-й арміи являлось бы «а шваль» на р. Вепржъ, впереди устья р. Поръ. Предписанныя въ телеграммѣ № 761 операціонныя направленія на Туробинъ, на Щебрешинъ и на Краснобродъ, вполнѣ отвѣчали этой стратегической мысли. Такое положеніе нашей 5-й арміи оказывалось наилучшимъ и въ случаѣ ухода 4-й А.-В. арміи на югъ.

Въ заданіи 5-й арміи, мы видимъ наилучшее примѣненіе на практикѣ того оперативнаго метода, о которомъ мы много разъ уже говорили, а именно, сначала рѣшать — «чего хочешь» и затѣмъ только корректировать свое рѣшеніе постановкой дополнительнаго вопроса — «какъ непріятель можетъ помѣшать мнѣ исполнить, чего я хочу». Достоинство ген. М. В. Алексѣева, какъ стратега-художника, и заключалось въ томъ, что онъ смогъ, послѣ первыхъ же пушечныхъ выстрѣловъ, отказаться отъ обратнаго оперативнаго метода — рѣшать сначала задачу за противника, а потомъ свою, — метода, лежавшаго въ основѣ официальной оперативной доктрины, съ которой вступили верхи Русской Арміи въ Міровую войну.

Еще болѣе поучительны задачи, поставленныя телеграммой № 761 3-й и 8-й арміямъ. «Генералу Рузскому», говорится въ этой телеграммѣ, «имѣть общее направленіе на Томашевъ-Бѣлгорай, а генералу Брусилову, обезпечивая общую атаку всего фронта слѣва, дѣйствовать противъ Львова и Днѣстра, сообразуясь съ обстановкой, ему ближе извѣстной».

Чтобы по достоинству оцѣнить суть этого приказанія, нужно сопоставить его съ соотвѣтствующимъ мѣстомъ оперативной телеграммы штаюза № 638, посланной 17/30 авг. Въ ней, основная задача, поставленная 3-й и 8-й арміямъ была резюмирована такъ: «нанести ударъ войскамъ противника, дѣйствующимъ въ раіонѣ Львовъ-Миколаевъ-Городокская позиція, сковать ихъ свободу дѣйствій и исключить всякую возможность выдѣленія изъ нихъ подкрѣпленій на сѣверный фронтъ».

Въ своемъ мѣстѣ мы указывали, что заданіе телеграммы № 638 нельзя разсматривать иначе, какъ уступку генерала М. В. Алексѣева генералу Рузскому. Это заданіе логически было связано съ рѣшеніемъ ген. М. В. Алексѣева отвести на три перехода къ сѣверу армію ген. Плеве, дабы, съ ея помощью, въ ограниченный Ставкою срокъ, закончить одно только Люблинское сраженіе. «Торопясь закончить Галиційскую Битву, хотя бы маленькимъ успѣхомъ у Люблина», писалъ я тамъ, «Штаюзъ, какъ бы, рвалъ свой фронтъ на два самостоятельныхъ фронта».

Послѣ телеграммы № 638 прошло 4 дня. За эти дни Ставка отошла отъ впечатлѣній вызванныхъ извѣстіями о Самсоновской катастрофѣ и больше не торопила штаюзъ со скорѣйшимъ завершеніемъ Люблинскаго сраженія. Съ другой стороны, побѣда у Суходоловъ успокоила штарм 4, разнервничавшійся подъ впечатлѣніемъ «прорыва у Травниковъ».

Естественно, что успокоеніе, наступившее «сверху» и «снизу», поставило творчество ген. М. В. Алексѣева въ болѣе нормальныя психическія условія. Это было полезно не столько для работы его выдающагося ума, сколько для возвращенія его волѣ должной устойчивости. Послѣднее и выразилось въ томъ, что въ телеграммѣ № 761 ген. М. В. Алексѣевъ вернулся къ свей прежней концепціи — разыгрывать «единую» Галиційскую Битву, а не «двойную».

Такимъ образомъ, разсматриваемые нами «переломные дни» на самомъ фронтѣ, продолжали оставаться «переломными» въ работѣ высшаго Русскаго командованія. Это совершенно естественно, т. к. въ оперативномъ творчествѣ всякое новое основное рѣшеніе, сталкиваясь сразу съ жизнью, «обтачивается» и выправляется ею. Изученіе этого процесса на практикѣ такого выдающагося полководца, какимъ являлся ген. М. В. Алексѣевъ, само по себѣ составило бы интереснѣйшее спеціальное военно-психологическое изслѣдованіе. Здѣсь, я укажу только, что первый этапъ на пути къ возвращенію генерала М. В. Алексѣева къ управленію ходомъ Галиційской Битвы, какъ единой операціи, можно уже видѣть въ телеграммѣ посланной штаюзомъ ген. Рузскому 19 авг. (1 сент.), приказывающей ему имѣть къ вечеру 21-го авг. (3 сент.) три корпуса въ раіонѣ Жултанецъ-Жолкѣевъ-Мосты Вельке. Такимъ образомъ, кризисъ въ оперативномъ творчествѣ генерала М. В. Алексѣева продолжался всего два дня. Слѣдующіе два дня понадобились генералу М. В. Алексѣеву для окончательнаго оформленія новаго рѣшенія. Телеграмма № 761 возлагала дѣйствія противъ Львова только на 8-ую армію, ограничивая таковыя лишь рамками стратегическаго прикрытія слѣва общей операціи всѣхъ остальныхъ армій фронта; въ эту же общую операцію, разыгрываемую къ сѣверу отъ полосы Таневскихъ лѣсовъ притягивалась 3-я армія.

Мы видимъ изъ этого, что мысль ген. М. В. Алексѣева, по окончаніи «переломныхъ дней», какъ бы возвращалась къ концепціямъ плана Битвы отъ 11/24-го авг. Подобная «родственность» въ послѣдовательныхъ стратегиче-

скихъ концепціяхъ естественна, потому что радикальная «ломка» въ руководствѣ операціей, находящейся въ полномъ ходу, трудно осуществима. Роль уже дѣйствующихъ войскъ и ихъ штабовъ, какъ я говорилъ уже выше, можно уподобить, своего рода, «стабилизатору», выравнивающему слишкомъ рѣзкія измѣненія курса. Бываютъ и такіе случаи, когда эти исполнители играютъ роль «жироскопа», возвращающаго намѣренія полководца въ русло старой мысли. Послѣдній случай и имѣлъ мѣсто, когда Ставка помѣшала намѣренію Вел. Князя Ник. Ник. вернуться къ основной идеѣ «Милютинской стратегіи» — нанесенія Австро-Венграмъ главнаго удара вдоль обоихъ береговъ р. Вислы. Мы видѣли также, какъ излишнее нервничаніе штарма 4 привело къ «перетягиванію» Гвардейскаго и III Кавказского корпусовъ изъ раіона Ивангорода въ раіонъ Суходоловъ. Я не буду повторять здѣсь то — что ген. М. В. Алексѣевъ не устоялъ передъ этимъ натискомъ сверху и снизу, создавшимъ совсѣмъ иную стратегическую группировку чѣмъ та, которая была нужна для осуществленія вышеуказанной идеи «Милютинской стратегіи». Эта создавшаяся группировка и предрѣшала возвращеніе къ основной идеѣ плана ген. М. В. Алексѣева отъ 11/24 авг. — а именно, оттѣснить врага къ Вислѣ, а не отъ Вислы. А эта основная идея предрѣшала и характеръ заданія арміи ген. Рузскаго при рѣшеніи ген. М. В. Алексѣева притянуть ее для участія въ Люблинскомъ сраженіи.

Въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ случаѣ на 3-ю армію не могла быть возложена иная стратегическая задача, какъ «рѣзать» тылы 4-й А.-В. арміи. Оторвавъ отъ послѣдней армію ген. Плеве, мы сдѣлали армію Ауффенберга маневренно свободной, а слѣдовательно, способной помѣшать рѣшенному телеграммой № 761 нашему маневру. Какъ же могъ Ауффенбергъ это сдѣлать? Во первыхъ, продолжать наступленіе въ общемъ направленіи на Холмъ, дабы опять сковать армію ген. Плеве. Выходъ нашей 3-й арміи къ Томашеву, въ тылъ Ауффенбергу, парализовалъ подобное наступленіе послѣдняго. Во вторыхъ — 4-ая А.-В. армія могла повернуть въ полъоборота на сѣверо-западъ, съ тѣмъ, чтобы примкнуть на р. Поръ къ правому флангу I-й А.-В. арміи. Дальнѣйшее движеніе нашей 3-й арміи въ тылъ Ауффенбергу — на Бѣлгорай затрудняло и этотъ контръ-маневръ. Наконецъ, возможенъ былъ еще и третій случай, который, какъ разъ, и произошелъ; 4-ая А.-В. армія могла повернуть на югъ для нападенія на русскую 3-ю армію. Однако, и въ этомъ случаѣ, движеніе ген. Рузскаго въ сѣверо-западномъ направленіи, сильно затрудняло и этотъ маневръ Ауффенберга. Такое движеніе ген. Рузскаго сближало его съ ген. Плеве, наступавшимъ въ направленіяхъ на Туробинъ, Щебрешинъ, Краснобродъ. Вслѣдствіе этого, необходимое ген. Ауффенбергу маневренное пространство, нужное для успѣшности его дѣйствій по внутреннимъ операціоннымъ линіямъ, сильно сокращалось и 4-ая А.-В. армія рисковала оказаться зажатой въ стратегическія тиски.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что телеграмма № 761, хотя и возвращается къ основной идеѣ плана ген. М. В. Алексѣева, отъ 11/24 авг., тѣмъ не менѣе организуетъ маневръ иного рода, чѣмъ тогда. Вслѣдствіе этого, телеграмму № 761 нужно разсматривать какъ окончательное оформливаніе «перелома» въ руководствѣ штаюзомъ Галиційской Битвой.

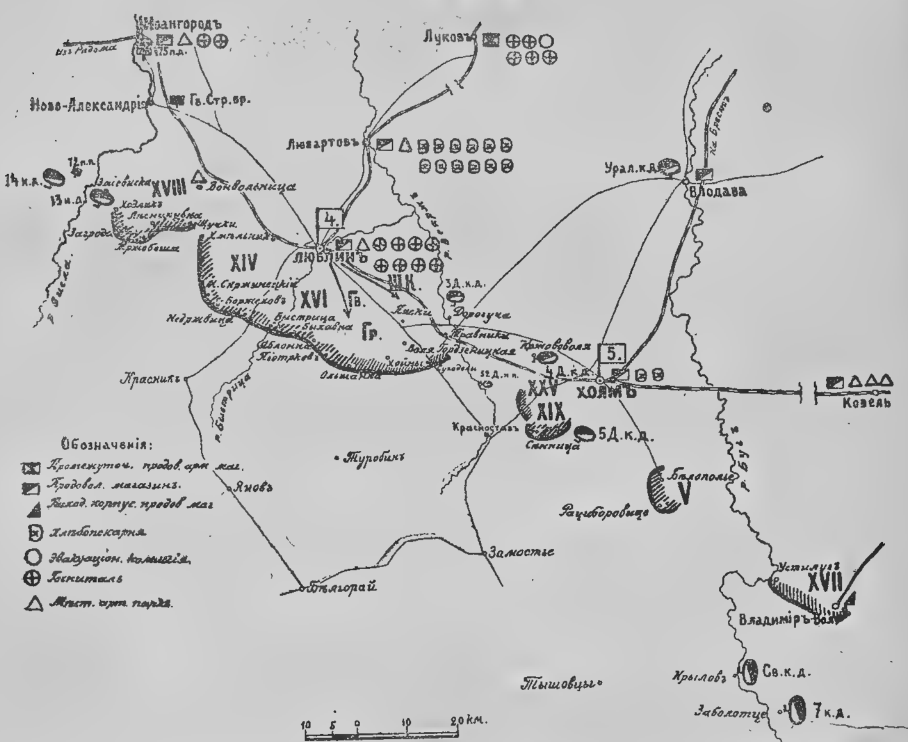
Возвращеніе къ плану отъ 11/24 авг. не могло измѣнить того, что создалось оттяжкой арміи ген. Плеве на три перехода къ сѣверу. Увеличившійся между нашими 5-й и 3-й арміями интервалъ, въ связи съ поворотомъ Ауффенберга на югъ, предопредѣляетъ временное распаденіе Галиційской Битвы

на два отдѣльныхъ сраженія: одно на сѣверн. фасѣ, другое на восточн. фасѣ. Но то же «возвращеніе» ген. М. В. Алексѣева къ плану отъ 11/24 авг. подготовило возможности къ стратегическому взаимодѣйствію обоихъ крыльевъ Ю.-З. фронта въ будущемъ, послѣ того, какъ образовавшійся разрывъ будетъ «маневренно изжитъ».

УСТРОЙСТВО ТЫЛА 4-й, 5-й И 9-й АРМІЙ.

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію событій въ тѣ же «дни перелома» на восточномъ фасѣ Битвы, приведемъ свѣдѣнія[51]) о положеніи и состояніи тыловъ нашихъ — 9-й, 4-й и 5-й армій къ началу предписанной телеграммой № 761 операціи.

СХЕМА № 18.

Устройство тыла 4-й и 5-й армій къ 20-му августа (2-му сентября) 1914 года.

При отходѣ 4-й и 5-й армій къ Люблину и Холму, большинство тыловыхъ учрежденій было оттянуто: 4-й арміи — въ раіонъ Любартова, а 5-й

---

51) Эти данныя заимствованы изъ труда Бѣлого, стр. 282-283.

арміи — въ раіонъ Влодавы и Ковеля. 9-ая армія первоначально пользовалась тыловыми учрежденіями 4-й арміи. Запасный армейскій магазинъ въ Ивангородѣ и промежуточный продовольственный магазинъ въ Луковѣ снабжали всѣ части 4-й и 9-й арміи.

20-го авг. (2 сент.) тыловыя учрежденія были развернуты слѣдующимъ образомъ:

Въ 4-й арміи военныя дороги XIУ и XУI корпусовъ шли къ Люблину, гдѣ находился продовольственный расходный магазинъ для этихъ корпусовъ. Гренадерскій корпусъ обслуживался военной дорогой до станціи Травники, гдѣ находился корпусной расходный магазинъ, а послѣ боевъ 19 августа (1 сентября) у этой станціи — магазиномъ въ Люблинѣ. Съ прибытіемъ частей XУIII и Гвардейскаго корпусовъ только что поименованный магазинъ сталъ довольствовать и ихъ. Послѣ прибытія III кавказскаго корпуса и оттѣсненія Австро-Венгровъ отъ ст. Травники, магазинъ въ Травникахъ былъ снова возстановленъ для трехъ лѣвофланговыхъ корпусовъ 4-й арміи (Грен., Гвард., и III кавк. корпуса). Армейскій продовольственный магазинъ находился въ Любартовѣ, снабжая по жел. дорогѣ корпусные магазины. Тамъ же были сосредоточены и 12 корпусныхъ хлѣбопекаренъ, бывшихъ до отхода корпусовъ (бои 10/23-13/26 августа) на станціяхъ желѣзной дороги Люблинъ-Холмъ. Все это, въ связи съ нахожденіемъ гуртовъ порціоннаго скота въ Любартовѣ, очень затрудняло довольствіе войскъ даже при расположеніи армій на мѣстѣ.

Съ переходомъ въ наступленіе 4-й и 9-й армій намѣчались продолженія военныхъ дорогъ: XУI и Гвардейскаго корпусовъ — отъ Люблина на Красникъ, гдѣ долженъ былъ быть открытъ расходный магазинъ для этихъ корпусовъ; гренадерскаго корпуса — отъ Травниковъ на Пяски-Яновъ; III кавказскаго корпуса — отъ Травниковъ на Туробинъ-Бѣлгорай. Магазинъ въ Красникѣ долженъ былъ обслуживать также и части XУIII и XIУ корпусовъ 9-й арміи.

Склады огнестрѣльныхъ припасовъ были образованы въ Ивангородѣ, въ Вонвольницѣ и въ Люблинѣ, куда было подано по одному мѣстному парку. Въ Любартовѣ былъ сосредоточенъ мортирный мѣстный паркъ.

Армейскими транспортами и средствами связи 4-ая армія оставалась бѣдна по прежнему.

Прибывшіе ветеринарные корпусные лазареты были расположены: XIУ и XУI корпусовъ въ Люблинѣ и гренад. корпуса — въ Пяски.

Санитарныя учрежденія 4-й арміи были значительно увеличены въ виду большого количества раненыхъ. Въ Люблинѣ, Травникахъ и Луковѣ оставались 12 госпиталей, развернутыхъ ранѣе. Вновь прибывшіе 5 полевыхъ госпиталей и 2 госпиталя Краснаго Креста были развернуты въ Ивангородѣ и Луковѣ. Эвакуація велась на Луковъ, куда были поданы 3 тыловыхъ и 3 подвижныхъ военно-санитарныхъ поѣзда и гдѣ находилась полевая эвакуаціонная комиссія.

Въ 5-й арміи, въ виду оттяжки всѣхъ тыловыхъ учрежденій во Влодаву и Ковель, на линіи желѣзной дороги Холмъ-Ковель оставались только расходные магазины корпусовъ. А, такъ какъ, въ періодъ оборонительныхъ боевъ 4-й и 5-й армій желѣзныя дороги были заняты исключительно оперативными перевозками XУIII, гвардейскаго и III кавказскаго корпусовъ и второочередныхъ дивизій, то снабженіе въ этихъ арміяхъ подавалось только въ количествѣ суточной дачи, подвозимой ежедневно по желѣзной дорогѣ въ

корпусные магазины на станціяхъ жел. дорогъ, откуда подача войскамъ производилась средствами войсковыхъ обозовъ.

Поэтому, для предстоящаго перехода въ общее наступленіе такое развертываніе тыловыхъ учрежденій не могло обезпечить безперебойнымъ снабженіемъ продвигающіяся войска. Въ виду отсутствія достаточнаго количества армейскихъ транспортовъ, съ выходомъ корпусовъ 9-й, 4-й и 5-й армій южнѣе линіи Красникъ-Замостье-Тышовцы, войсковые обозы уже не могли справиться съ подвозомъ, такъ какъ, отрывъ корпусовъ отъ жел. дороги долженъ былъ значительно превысить нормальную растяжку войсковыхъ обозовъ. И дѣйствительно, къ 29 авг. (11 сент.), когда удаленіе корпусовъ 9-й и 4-й армій отъ линіи жел.дороги дошло до 65-70 км., а въ 5-й арміи — до 90-95 км., войска начали терпѣть недостатокъ во всѣхъ видахъ снабженія. Мѣстныя же средства были истощены послѣ двукратнаго прохожденія австро-венгерскихъ войскъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ЛѢВОЕ КРЫЛО ЮГО-ЗАПАДНАГО ФРОНТА

ПОЛОЖЕНІЕ ВЪ 3-ей И 8-ой АРМІЯХЪ.

Въ ночь на 19-ое августа (на 1-ое сент.) начался, какъ мы знаемъ, отходъ нашей 5-й арміи. Утромъ 19-го августа (1-го сент.), у Суходоловъ, лѣвый флангъ нашей 4-й арміи терпитъ неудачу и въ воображеніи штарма 4 рисуется «стратегическій прорывъ у Травниковъ». Но на слѣдующій день, 20-го августа (2-го сент.) лѣвый флангъ 4-й арміи бьетъ Австро-Венгровъ у Суходоловъ и Владиславова — и въ свою очередь прорываетъ, уже по настоящему, фронтъ 1-й Австро-Венгерской арміи.

Посмотримъ что происходило въ эти дни на лѣвомъ крылѣ Юго-Западнаго фронта.

Наши 3-я (ген. Рузскаго) и 8-я (ген. Брусилова) арміи только что одержали рѣшительную побѣду въ сраженіи на Гнилой Липѣ. Въ прорывъ у Перемышлянъ и Рогатина влилась наша конница, чѣмъ увеличился разгромъ врага, пытавшагося собраться для новаго сопротивленія на рубежѣ р. Потокъ Бялый.

Еще во время этого сраженія, 17/30 августа, Главное Командованіе Ю.-З. фронтомъ послало командармамъ 3 и 8 слѣдующую телеграмму (№ 638)[1]:

«Въ виду крайняго напряженія усилій Австрійцевъ противъ 4-й и 5-й армій, Верховный Главнокомандующій, направляя къ Ивангороду находящіяся въ его распоряженіи свѣжія войска, повелѣваетъ немедленно развить 3-й и 8-й арміями энергичныя дѣйствія. Во исполненіе сего, общее командованіе надъ 3-й и 8-й арміями, на время выполненія операціи противъ Львова, возлагаю на генерала Рузскаго, которому подчинена 8-я армія. Задачи армій: 1) нанести ударъ войскамъ противника, дѣйствующимъ въ раіонѣ Львовъ-Миколаевъ-Городокская позиція, сковать ихъ свободу дѣйствій и исключить всякую возможность выдѣленія изъ нихъ подкрѣпленій на сѣверный фронтъ; 2) обезпечить выполненіе этой операціи съ сѣвера прочнымъ владѣніемъ путями отъ Рава Русска, Цѣшанувъ, Немировъ, Яворовъ; 3) дѣятельно развѣдывать конницей все пространство лѣваго фланга 5-й арміи, ведущаго въ настоящее время бой въ раіонѣ Томашова, установить съ этой арміей непрерывную связь кавалеріей по фронту. Равнымъ образомъ обезпечить основную операцію со стороны оборонительной линіи Днѣстра. Для выигрыша времени,

[1]) Цитирована у Циховича, стр. 168-169.

СХЕМА № 19.

3-я РУССКАЯ АРМІЯ КЪ ВЕЧЕРУ 19 АВГУСТА (1 СЕНТЯБРЯ) 1914 г.

донесенія о событіяхъ и о расположеніи 8-й арміи должны поступать отъ генерала Брусилова также непосредственно мнѣ. Главнокомандующій повелѣваетъ всѣмъ арміямъ проявить крайнее напряженіе силъ и дѣйствовать активно, выражая увѣренность, что каждый, имѣя общую цѣль, отзовется всѣми силами на призывъ Его Высочества».

Какъ я уже говорилъ въ главѣ 1-й, на эту директиву нужно смотрѣть какъ на уступку, которую дѣлаетъ Главное Командованіе Юго-Западнымъ фронтомъ непослушному командованію 3-й арміей, которое упорно стремилось разыгрывать въ Восточной Галиціи «самостійную» операцію, совершенно не считаясь съ тѣми операціями, которыя велись нашими 4-й и 5-й арміями. Подъ воздѣйствіемъ разобранныхъ въ той же главѣ сего труда директивъ Ставки, Главное Командованіе Ю.-З. фронтомъ какъ бы отказывается отъ своей идеи «поставить 3-ю армію въ общій фронтъ съ 4-й и 5-й арміями для общихъ дѣйствій къ р. Сану» и соглашается на то, что теперь основной задачей 3-й и 8-й армій является самостоятельная операція противъ А.-В. войскъ, дерущихся въ раіонѣ Львовъ-Миколаевъ-Городокская позиція. Выражаясь другими словами, Главное Командованіе Ю.-З. фронтомъ примиряется съ мыслью о томъ, что ведется не единая Галиційская Битва, а два раздѣльныхъ сраженія: на Сѣверо-Галиційскомъ фронтѣ и на Восточно-Галиційскомъ фронтѣ.

Получивъ вышецитированную телеграмму № 638, генералъ Рузскій приказалъ 3-й и 8-й арміямъ 18/31 августа перейти въ наступленіе съ цѣлью отбросить противника ко Львову.

Наступленіе это организуется такъ:

XXI-й корпусъ долженъ занять двумя дивизіями раіонъ Мосты Вельке-Туринка, для перерыва сообщеній Львовъ-Сокаль; одна дивизія — въ раіонѣ Куликувъ-Дзибулки — содѣйствуетъ XI-му корпусу;

XI-й корпусъ долженъ наступать на Львовъ въ полосѣ, сѣвернѣе жел. дороги Красне-Львовъ;

IX-й и X-й корпуса — между этой дорогой и линіей Ушковице-Романовъ-Дзвиногродъ.

На 8-ю армію было возложено обезпеченіе операціи на Львовъ со стороны Днѣстра и оказаніе содѣйствія 3-й арміи дѣйствіями на ея лѣвомъ флангѣ, въ обходъ праваго фланга противника всѣмъ VII-мъ корпусомъ, который долженъ былъ сообразоваться съ дѣйствіями X-го корпуса. Въ дальнѣйшемъ, на VII-й корпусъ должна была быть возложена атака Львова съ южной и юго-восточной стороны. Указывалось на необходимость направить XII-й корпусъ на Миколаевъ для обезпеченія операціи на Львовъ со стороны этого пункта, но съ тѣмъ, чтобы въ то же время была возможность выдѣлить при необходимости части этого корпуса для операціи противъ Львова съ южной стороны[2]).

Изъ этого приказа мы видимъ, что Штабъ нашей 3-й арміи пользуется уступкой, сдѣланной Главнокомандованіемъ Ю.-З. фронта, для продолженія преслѣдованія той цѣли, къ которой онъ все время и съ такимъ упрямствомъ стремился: захватить столицу Галиціи, Львовъ. Въ самомъ дѣлѣ, приказаніе ген. Рузскаго на 18/31 августа представляетъ собой не что иное, какъ подводъ корпусовъ для штурма Львова, который почитался Штабомъ 3-й арміи за крѣпость. Для атаки ея восточнаго фаса направляются XI-й, IX-й и X-й корпуса, охватъ съ сѣвера должна произвести одна дивизія XXI-го корпуса, охватъ же съ юга — VII-й и части XII-го корпуса 8-й арміи. Всѣ остальныя войска должны служить для прикрытія операціи: двѣ дивизіи XXI-го корпуса — съ сѣвера, части XII-го корпуса, VIII и XXIV-й корпуса 8-й арміи — съ юга.

Подобное рѣшеніе командованія 3-й арміи не отвѣчало идеѣ Главнаго Командованія Ю.-З. фронтомъ, даже послѣ той уступки, которую оно только что сдѣлало. Въ самомъ дѣлѣ, въ вышеприведенной телеграммѣ № 638 глав-

[2]) Циховичъ, стр. 170.

ная цѣль дѣйствій армій лѣваго крыла формулирована такъ: «Нанести ударъ войскамъ противника, дѣйствующимъ въ раіонѣ Львовъ-Миколаевъ-Городокская позиція, сковать ихъ свободу дѣйствій и исключить всякую возможность выдѣленія подкрѣпленій на сѣверный фронтъ».

Генералъ Алексѣевъ, также какъ и генералъ В. М. Драгоміровъ, ошибочно предполагалъ, что Львовъ представляетъ собою крѣпость. Это было слѣдствіе ошибочныхъ данныхъ, собранныхъ въ мирное время развѣдывательнымъ отдѣленіемъ штаба Кіевскаго военнаго округа. Принимая Львовъ за крѣпость, генералъ Алексѣевъ и не упомянулъ въ вышецитированной формулировкѣ оперативнаго заданія арміямъ лѣваго крыла о захватѣ Львова, т. к. операція по овладѣнію крѣпости сковываетъ не столько армію противника сколько приковываетъ къ этой крѣпости свою собственную. Указаніе же на Городокскую позицію, подсказывало ген. Рузскому, что даже при вновь поставленной ему задачѣ главнымъ его силамъ надлежитъ группироваться въ раіонѣ сѣвернѣе г. Львова.

Но Львовъ крѣпостью не былъ.

Въ своихъ воспоминаніяхъ, начальникъ А.-В. генеральнаго штаба генералъ Конрадъ подчеркиваетъ, что «никакой крѣпости Львовъ собою не представлялъ (das Lemberg keine «Festung» War). Съ цѣлью предохранить этотъ городъ отъ постоянно вызывавшей опасенія возможности набѣга Русскихъ конныхъ массъ, были возведены въ мирное время на важнѣйшихъ путяхъ, ведущихъ ко Львову, одиночныя укрѣпленія полеваго типа, промежутки между которыми были скудно заполнены только послѣ объявленія войны»[3]).

Вотъ какъ описываются эти укрѣпленія въ официальной Австрійской Исторіи войны[4]):

«Укрѣпленія Львова были возведены впервые въ 1887 году. Въ критическій 1912 годъ они были улучшены и расширены. Городъ былъ опоясанъ земляными укрѣпленіями съ кирпичными стѣнками. Общій обводъ достигалъ 48 километровъ. На вооруженіи имѣлось всего 28 орудій. Предполагалось, что въ нужномъ случаѣ полевая армія собственными средствами создастъ соотвѣтствующей силы укрѣпленный фронтъ».

Если бы Львовъ былъ бы крѣпостью, какъ это предполагали штармъ 3, а также генералъ Алексѣевъ, сдвигъ главныхъ силъ лѣваго крыла Ю.-З. фронта къ сѣверу получалъ бы исключительно важное значеніе, такъ какъ позволялъ обойти эту крѣпость. Въ томъ же случаѣ, который и имѣлъ мѣсто въ дѣйствительности, когда Львовъ крѣпостью не оказался, такой сдвигъ тоже являлся наиболѣе правильнымъ стратегическимъ рѣшеніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, параллельное, т. е. наиболѣе дѣйствительное преслѣдованіе врага, разбитаго въ сраженіи на Гнилой Липѣ, могло быть произведено только выдвиженіемъ главныхъ силъ нашей 3-й арміи, въ направленіи на Жолкевъ. Разбивъ слабый А.-В. заслонъ у Куликува[5]), мы угрожали бы не только лѣвому флангу, но и тылу 3-й А.-В. арміи. Учитывая моральныя послѣдствія двухъ пораженій[6]) только что понесенныхъ этой арміей, можно было съ увѣренностью ожидать, что въ такихъ условіяхъ защищать Львовъ она не будетъ въ состоя-

---

[3]) Feldmarschal Conrad: «Aus meiner Dienstzeit 1906-1918. Band IV. Seite 352.

[4]) «Oesterreich-Ungarus letzter Krieg 1914-1918» Band I, Seite 83.

[5]) 23-я пѣх. дивизія, 97-я ландштурмная бригада, образующія отрядъ ген. Дempфа и своdн. кав. корпусъ ген. Витмана изъ 10-й и 11-й А.-В. кав. дивизій.

[6]) У Золочева (на Золотой Липѣ) и на Гнилой Липѣ.

нiи, и этотъ городъ окажется въ рукахъ побѣдителя въ полевомъ бою, какъ спѣлый плодъ, самъ упавшiй съ дерева.

На правомъ флангѣ нашей 3-й армiи дѣйствовалъ XXI корпусъ. Въ ночь на 18 авг. (31 авг.) командиръ этого корпуса, ген. Шкинскiй, получилъ изъ штарма 3 приказанiе измѣняющее приказъ отданный наканунѣ. Въ этомъ новомъ приказанiи указывалось: оставить на направленiи на Мосты Вельке всего одну дивизiю, другими же, двумя, повернуть и вновь идти на Львовъ.

Во исполненiе новаго приказанiя, 33 и 44-я пѣх. дивизiи были направлены на фронтъ Жолкевъ-Куликувъ. 69-я пѣх. дивизiя должна была продолжать идти въ Мосты Вельке на р. Рата.

18 (31) августа, 33-я пѣх. дивизiя наступавшая на Куликувъ, завязала бой къ востоку отъ д. Дзибулки съ частями 23-й гонведной дивизiи. Къ вечеру 33-я пѣх. дивизiя, послѣ упорнаго боя, оттѣснила противника и заняла эту деревню[7]).

«На слѣдующiй день 19 авг. (1 сент.) предполагалось», пишетъ въ своихъ воспоминанiяхъ командиръ XXI корпуса ген. Шкинскiй»[8]), продолжать движенiе на Куликовъ противъ лѣваго фланга Львовской позицiи. Однако, судьба судила иначе и вмѣсто дальнѣйшаго наступленiя произошелъ ожесточенный бой».

«Около 5 часовъ утра, 19 авг. (1 сент.) было получено тревожное донесенiе о наступленiи противника въ значительныхъ силахъ. Въ то время когда войска поднимались по тревогѣ, противникъ, сбивъ стороженое охраненiе и оттѣснивъ Херсонскiй полкъ почти до самой западной окраины деревни, открылъ по ней артиллерiйскiй огонь. Только благодаря энергiи и распорядительности начальствующихъ лицъ, удалось выстроить пѣхотныя части и во время выслать Херсонскому полку подкрѣпленiя, при помощи которыхъ былъ отбитъ первый натискъ непрiятеля противъ окраины деревни, что дало возможность, къ 6 часамъ утра занять высоты непосредственно прилегающiя (съ запада) къ деревнѣ и здѣсь постепенно устраиваться. Къ 10 часамъ утра, могучимъ порывомъ доблестныхъ частей, противникъ былъ сброшенъ со слѣдующихъ высотъ, которыя и были тотчасъ же заняты нашими полками[9]), что дало возможность пяти батареямъ (33-й артилл. бригады)[10]) занять закрытыя позицiи и открыть очень дѣйствительный огонь. Четвертый (132-й пѣх. Бендерскiй) полкъ, съ батареей, ночевавшiй у Выселокъ[11]), съ возобновленiемъ боя 19 авг. (1 сент.) получилъ приказанiе продолжать вчерашнюю задачу по охвату праваго фланга противника.

«Къ полудню силы противника опредѣлялись примѣрно въ дивизiю[12]). Бендерскiй полкъ на своемъ пути встрѣтилъ упорное сопротивленiе врага. Пославъ этому полку приказанiе ускорить свое продвиженiе начальникъ дивизiи предполагалъ по подходѣ этого полка атаковать непрiятеля. Однако, отъ этого

---

7) Этотъ бой описанъ на стр. 492-493 моего труда: «Галицiйская Битва, первый перiодъ (до 1-го сент. н. стиля)».

8) Рукопись хранится въ архивѣ ген. Н. Н. Головина, стр. 62.

9) 129-й Бессарабскiй, 130-й Херсонскiй и 131-й Тираспольскiй пѣхотные полки; прим. Н. Н. Г.

10) Въ бою подъ Дзибулками, въ распоряженiи 33-й пѣх. дивизiи находился также и 21-й мортирный дивизiонъ.

11) Въ 4-хъ километрахъ къ Юго-Востоку отъ д. Дзибулки; прим. Н. Н. Г.

12) 23-я гонведная дивизiя; прим. Н. Н. Г.

намѣренія пришлось вскорѣ отказаться, т.к. противникъ, получивъ значительное подкрѣпленіе (всего около одной пѣх. дивизіи[13]) самъ перешелъ въ наступленіе, особенно энергично на участкѣ южнѣе шоссе. Подъ сильнымъ натискомъ наши части подались немного назадъ. Наши батареи оказались подъ угрозой противника и должны были отбиваться отъ насѣдавшихъ на нихъ венгерскихъ частей бѣглымъ огнемъ. Положеніе ухудшалось съ каждымъ часомъ. Къ 6 час. веч. были израсходованы послѣдніе резервы и начальникъ дивизіи обратился ко мнѣ за подкрѣпленіемъ. Немедленно же мною былъ отправленъ находившійся при штабѣ корпуса, въ виду близости его нахожденія къ полю сраженія, охранный батальонъ отъ 44-й пѣх. дивизіи (если память не измѣняетъ — отъ Переволоченскаго полка), съ присоединеніемъ къ нему двухъ случайно прибывшихъ ротъ 33-й дивизіи, находившихся въ командировкѣ. Къ этому же времени наконецъ обнаружился выходъ Бендерскаго полка съ батареей въ охватъ праваго (южнаго) фланга противника. Все это своевременно поспѣвшее имѣло самое рѣшительное вліяніе на поворотъ боя въ нашу пользу. Во время производства яростныхъ атакъ, противникъ, не достигнувъ желательныхъ результатовъ, понесъ огромныя потери, особенно отъ артиллерійскаго огня. 33-я артиллерійская бригада въ этомъ бою проявила необыкновенное искусство и мужество, особенно, 6-я батарея подъ командой подполковника Смысловскаго, всегда выбиравшаго свой наблюдательный пунктъ въ саженяхъ 300-500 впереди батареи. И въ этомъ бою доблестная артиллерія поддерживала непосредственную тѣсную связь со своей пѣхотой, дававшей ей цѣнныя указанія. Результатъ стрѣльбы получались прямо поразительные. Послѣ второй очереди наши батареи переходили на пораженіе и стрѣляли съ такой мѣткостью по атакующей пѣхотѣ, шедшей съ горы, что послѣ очереди шрапнели люди катились внизъ кубаремъ; остальные бѣжали назадъ. При новомъ наступленіи они подъ выстрѣлами опять сыпались какъ горохъ...»

«Къ моменту прибытія корпусного резерва и обнаружившагося охвата праваго фланга непріятель ослабѣлъ и окончательно выдохся. Наши войска перешли въ контръ атаку. Противникъ дрогнулъ и сталъ поспѣшно отходить по всему фронту...»

«Вслѣдствіи крайняго утомленія войскъ двухдневнымъ боемъ, наступленія темноты и неимѣнія конницы, преслѣдованіе поспѣшно отступавшаго противника не могло имѣть мѣста и части дивизіи расположились на отдыхъ на занятыхъ ими позиціяхъ[14]).

«На слѣдующій день 20 авг. (2 сент.) предполагалось продолжать наступленіе на Куликовъ для нанесенія окончательнаго удара двумя дивизіями XXI корпуса флангу и тылу Львовской позиціи черезъ Куликовъ и Янувъ. За бой подъ Дзибулками начальникъ 33-й пѣх. дивизіи, ген. Зегеловъ, по моему настойчивому представленію былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія 4-й степени, какъ сказано въ Высочайшемъ приказѣ: «за выдающуюся распорядительность, храбрость и мужество проявленные 18 и 19 авг. 1914 года въ бою подъ д. Дзибулки, благодаря коимъ 33-я пѣх. дивизія, подъ его начальствомъ, не только отбила всѣ атаки значительно превосходныхъ силъ противника, но и обратила его въ бѣгство, чѣмъ подготовила сдачу г. Львова».

---

13) 97-я ландштурмная бригада; прим. Н. Н. Г.

14) Въ теченіи дня черезъ штабъ корпуса прошло значительное количество плѣнныхъ (9 офицеровъ и 450 нижнихъ чиновъ); прим. ген. Шкинскаго.

Въ рукописи полковника Черныша[15]) имѣются слѣдующія строки, посвященныя бою подъ Дзибулками:

«Здѣсь австрійцы для обезпеченія своего лѣваго фланга бросили навстрѣчу XXI корпусу послѣдніе свои резервы (23 гонведн. дивизія и 97 ландштурмная бригада). Цѣлый день длился жестокій бой и 33-я дивизія съ 21-мъ мортирнымъ дивизіономъ вся была введена въ бой. Обѣ стороны упорно стремились сбить другъ друга, развивая огонь, особенно артиллерійскій до крайняго напряженія. Наши батареи 33-й бригады выпускали тучи снарядовъ. 4-я батарея, стоявшая у шоссе близъ д. Дзибулки впереди мортирныхъ батарей, выпустила около 2000 снарядовъ; 6-я батарея подполковника Смысловскаго выпустила еще больше; въ ея орудіяхъ кипѣло отъ перегрѣванія масло въ компрессорахъ; вслѣдствіи этого, къ вечеру, изъ ея строя выбыло 6 орудій и работали лишь оставшіяся 2. Нѣсколько разъ подполковникъ Смысловскій мѣнялъ позиціи, продвигая батарею впередъ и къ концу боя билъ австрійцевъ съ самыхъ близкихъ дистанцій. Къ вечеру противникъ былъ сломленъ и сталъ отступать, понеся огромныя потери».

Въ тотъ же день 19 авг. (1 сент.) 44-я пѣх. дивизія, оттѣснившая 18 (31 авг.) передовыя непріятельскія части отъ Желдеца, подошла къ г. Жолкеву и овладѣла имъ, выбивъ оттуда непріятельскую кавалерію.

«Въ результатѣ», записываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ ген. Шкинскій[16]), «противникъ былъ разбитъ и обращенъ въ бѣгство у Жолкева и Дзибулки. Бои эти, по показаніямъ плѣнныхъ, и бѣжавшихъ изъ Львова жителей, произвели потрясающее впечатлѣніе на 3-ю А.-В. армію, вслѣдствіе чего — днемъ, 20 авг. (2 сент.), она очистила Львовъ».

Это утвержденіе ген. Шкинскаго подтверждается, какъ мы увидимъ далѣе, происшедшими въ станѣ нашихъ враговъ событіями.

Третья пѣхотная дивизія XXI-го корпуса (69-я), подошла къ вечеру 19-го авг. (1 сент.) къ Мосты Вельке, на р. Рата[17]), а 11-я кав. дивизія оставалась въ раіонѣ Бутыни на той же рѣчкѣ.

Лѣвымъ сосѣдомъ XXI а. корпуса являлся XI-й а. корпусъ. 19-го авг. (1 сент.) двѣ правофланговыя дивизіи этого корпуса — 11-я и 78-я пѣхотныя, оставались въ раіонѣ Ярычуна. «Съ противникомъ соприкосновенія нѣтъ», записываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ полковникъ Б. Яковлевъ[18]). «Вдали блистаютъ таинственные огни Львова».

Третья дивизія XI корпуса, 32-я пѣхотная, ведшая наканунѣ очень успѣшный бой[19]) для оказанія содѣйствія сосѣднему къ югу IX а. корпусу, продвинулась 19-го авг. (1 сент.) безъ боя къ Боршовице на р. Кабановка.

---

15) Хранится въ архивѣ ген. Н. Н. Головина; стр. 137-138.

16) Рукопись; тетрадь вторая, стр. 1-я, хранится въ архивѣ ген. Н. Н. Головина.

17) См. Бѣлого, схему № 9.

18) «Краткое описаніе боевыхъ дѣйствій XI а. корпуса въ Галиційской операціи 1914 года»; авторъ этой записки, полк. Сергіевскаго арт. училища Б. Яковлевъ, былъ во время Галиційской Битвы 1914 г. въ чинѣ штабсъ-капитана, старшимъ офицеромъ 5-й батареи 11-й арт. бригады; стр. 4-я. Рукопись хранится въ архивѣ ген. Н. Н. Головина.

19) Захваченные здѣсь плѣнные принадлежали къ составу маршевой бригады, составленной изъ пяти маршевыхъ батальоновъ полковъ XIУ а. корпуса. Какъ извѣстно, XIУ корпусъ дрался въ 4-й А. В. арміи ген. Ауффенберга. Это показывало — что А.-В. главнокомандованію приходилось, для того, чтобы усилить лѣвый флангъ своей 3-й арміи, хватать части съ бору да съ сосенки.

Къ этой рѣчкѣ подошелъ 19-го авг. (1 сент.) и тоже безъ боевъ, весь IX а. корпусъ, сбившій наканунѣ противника съ Туркоцинскихъ высотъ.

«Когда сопротивленіе было сломлено», вспоминаетъ командиръ IX корпуса ген. Щербачевъ[20]), «видимо, духъ австрійцевъ палъ совершенно; они спѣшили скорѣе отходить, бросая орудія, зарядные ящики, снаряды, повозки и оружіе... несомнѣнно, силы непріятеля были надломлены шестидневными неудачными для него боями[21]) и началась деморализація...». 19-го авг. (1 сент.), 42-я и 58-я дивизіи перешли къ рѣкѣ Билка (на картѣ р. Кабановка; прим. Н. Н. Г.), между шоссе и желѣзной дорогой; 42-я дивизія выдвинула авангардъ къ Билка-Кролевска, а 58-я дивизія къ Острову; 5-я дивизія расположилась въ резервѣ сзади.

Южнѣе IX-го корпуса наступалъ лѣво-фланговый корпусъ 3-й арміи — X-й. Къ вечеру 19-го авг. (1 сент.), его двѣ дивизіи (60-я и 9-я) вышли на фронтъ Островъ-Шеломея, третья же его дивизія (31-я) расположилась уступомъ за лѣвымъ флангомъ, въ раіонѣ сѣвернѣе Бобрка, для связи съ подходящимъ въ этотъ раіонъ VII-мъ а. корпусомъ изъ 8-й арміи. X-й а. корпусъ тоже шелъ 19 авг. (1 сент.) безъ боевъ. «Съ утра 18/31 авг. 31-я пѣх. дивизія», пишетъ А. Татариновъ, «потеряла связь съ противникомъ. Австрійцы видимо еще днемъ 17/30 авг., прикрываясь лѣсами, начали уже незамѣтно освобождаться изъ подъ нашихъ ударовъ и уходить. Въ дальнѣйшемъ, какъ мы ни старались: ихъ ущемить опять, что намъ не удалось...»[22]).

На лѣвомъ флангѣ X-го корпуса, въ раіонъ Старое Село, къ вечеру 19 авг. (1 сент.) подошла 3-я кавказская казачья дивизія. Развѣдывательныя части этой дивизіи проникли до р. Зубрже у Волкова, встрѣтивъ тамъ лишь небольшія части противника[23]). Вездѣ были слѣды паническаго отступленія противника.

10-я кавал. дивизія преслѣдовавшая разбитаго противника на направленіи Свиржъ-Бобрка, отошла на дневку къ с. Лубечка. 9-я же кав. дивизія, перебрасываемая съ лѣваго на правый флангъ арміи, находилась въ передвиженіи. Такимъ образомъ, въ тѣ дни, когда преслѣдованіе разбитаго врага требовало максимальнаго напряженія всѣхъ силъ конницы, штарм. 3 используетъ изъ трехъ кавалерійскихъ дивизій, находящихся за лѣвымъ флангомъ, всего одну.

Положеніе, достигнутое 3-й арміей къ вечеру 19 авг. (1 сент.) такъ характеризуется въ телеграммѣ командарма — Главкоюзу[24]). «Послѣ семидневныхъ непрерывныхъ боевъ, 3-я армія, къ вечеру 19-го авг. достигла р. Кабановка-Борщевице-Ярычувъ-Жултанце».

Обращаемъ вниманіе на нѣкоторую неточность этого донесенія: 19-го августа (1-го сент.) бои происходили лишь въ XXI-мъ корпусѣ у Дзибулки и Жолкева. Между тѣмъ изъ донесенія Штарма 3 можно вынести заключеніе, что въ этотъ день шли также бои и на восточныхъ подступахъ ко Львову.

Медленное продвиженіе прямо на востокъ 3-й арміи и начертаніе ея фронта къ вечеру 19-го августа (1-го сентября), ясно показываютъ, что

---

20) Статья ген. Щербачева: «IX-й корпусъ и 3-я армія въ Галиціи въ 1914 году». «Военный Сборникъ», книга 10-ая, Бѣлградъ, стр. 124.

21) Въ сраженіи на Золотой Липѣ и на Гнилой Липѣ; прим. Н. Н. Г.

22) Рукопись полковника А. Татаринова: «Львовъ и пятидневный бой у с. Вишеньки-Велька», стр. 1, хранится въ архивѣ ген. Н. Головина.

23) Бѣлой, стр. 219.

24) Телегр. № 280, Циховичъ, стр. 177.

командованіе этой арміей продолжало подготовлять штурмъ «крѣпости» Львова.

«19 авг. (1 сент.), изъ штаба арміи», пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ ген. Щербачевъ[25]) за подписью полковника Бончъ-Бруевича[26]) было получено приказаніе командующаго арміей — укрѣпиться на занятыхъ мѣстахъ, не продвигаться впередъ и ограничиться развѣдкой. Рекомендовались особыя мѣры осторожности. При этомъ приложены были планы и свѣдѣнія объ укрѣпленіяхъ Львова, причемъ, показаны были двѣ линіи фортовъ, искусственныя загражденія, фугасы, мины и тому подобное...».

«Полученное изъ штаба арміи приказаніе производило впечатлѣніе, что оно было составлено до выясненія нашего рѣшительнаго успѣха и разгрома австрійцевъ, и съ другой стороны, что штабъ особенно подчеркивалъ силу укрѣпленій Львова. Оттого мною были посланы двѣ телеграммы съ просьбой о разрѣшеніи двинуться впередъ, учитывая нашъ успѣхъ, деморализацію Австрійцевъ, несомнѣнный хаосъ въ ихъ тылу и трудность обороны города съ населеніемъ въ нѣсколько сотенъ тысячъ. При такихъ условіяхъ, я предлагалъ рѣшительно атаковать форты, имѣя въ виду, что дѣло не въ укрѣпленіяхъ, а въ ихъ защитникахъ, которые пали духомъ, видя отступающія въ полномъ безпорядкѣ свои части, послѣ пораженія».

«Однако, разрѣшенія я не получилъ; напротивъ — предложено было выполнить полученное приказаніе».

Здѣсь мы встрѣчаемся въ вопросѣ о взятіи Львова съ иной, нежели разобранная выше, стратегической контроверзой. Командиръ IX-го корпуса, ген. Щербачевъ, настаиваетъ на незамедлительномъ штурмѣ Львова, въ то время, какъ командованіе 3-й арміи оттягиваетъ этотъ штурмъ, считая, что къ нему нужно методически подготовиться и собрать всѣ силы арміи. Въ этомъ спорѣ правильность оцѣнки положенія тоже не была на сторонѣ командованія 3-й арміи. Въ самомъ дѣлѣ, ежели уже рѣшаться на штурмъ Львова, то создавшаяся въ Галиціи обстановка, оправдывала такое рѣшеніе лишь при крайней быстротѣ дѣйствія.

Понесенныя 3-ей А.-В. арміей пораженія въ бояхъ съ 13/26 по 18/31 авг. давали основаніе предполагать, что штурмъ Львова, произведенный, какъ преслѣдованіе, давалъ шансы на успѣхъ. Ген. Щербачевъ, командиръ того корпуса, который сыгралъ наиболѣе рѣшительную роль въ этихъ бояхъ, вѣрнѣе оцѣнивалъ дѣйствительную обстановку, нежели ген. Рузскій и его штабъ.

Южнѣе нашей 3-ей арміи дѣйствовала 8-я армія генерала Брусилова. Въ сраженіи на Гнилой Липѣ эта армія только что нанесла рѣшительное пораженіе 2-й А.-В. арміи собиравшейся въ двухъ группахъ у Рогатина и у Галича. Въ этихъ бояхъ она захватила тысячи плѣнныхъ, 3 знамени, 70 орудій и много другихъ трофеевъ. Этотъ успѣхъ давалъ возможность въ полной мѣрѣ осуществить требованіе ген. Рузскаго о непосредственной поддержкѣ лѣваго фланга 3-й арміи въ ея операціи противъ Львова. Днемъ, 18/31 августа, ген. Рузскій телеграфировалъ ген. Брусилову, что 3-я армія достигнетъ на слѣдующій день р. Кабановки и что онъ требуетъ одновременнаго выхода правофланговаго корпуса 8-й арміи — VII-го (13-я и 34-я пѣх. ди-

---

25) «Военный Сборникъ», книга 10-я, стр. 126.

26) И. Д. генералъ-квартирмейстера штаба 3-й арміи; полк. Бончъ-Бруевичъ пользовался особымъ довѣріемъ ген. Рузскаго.

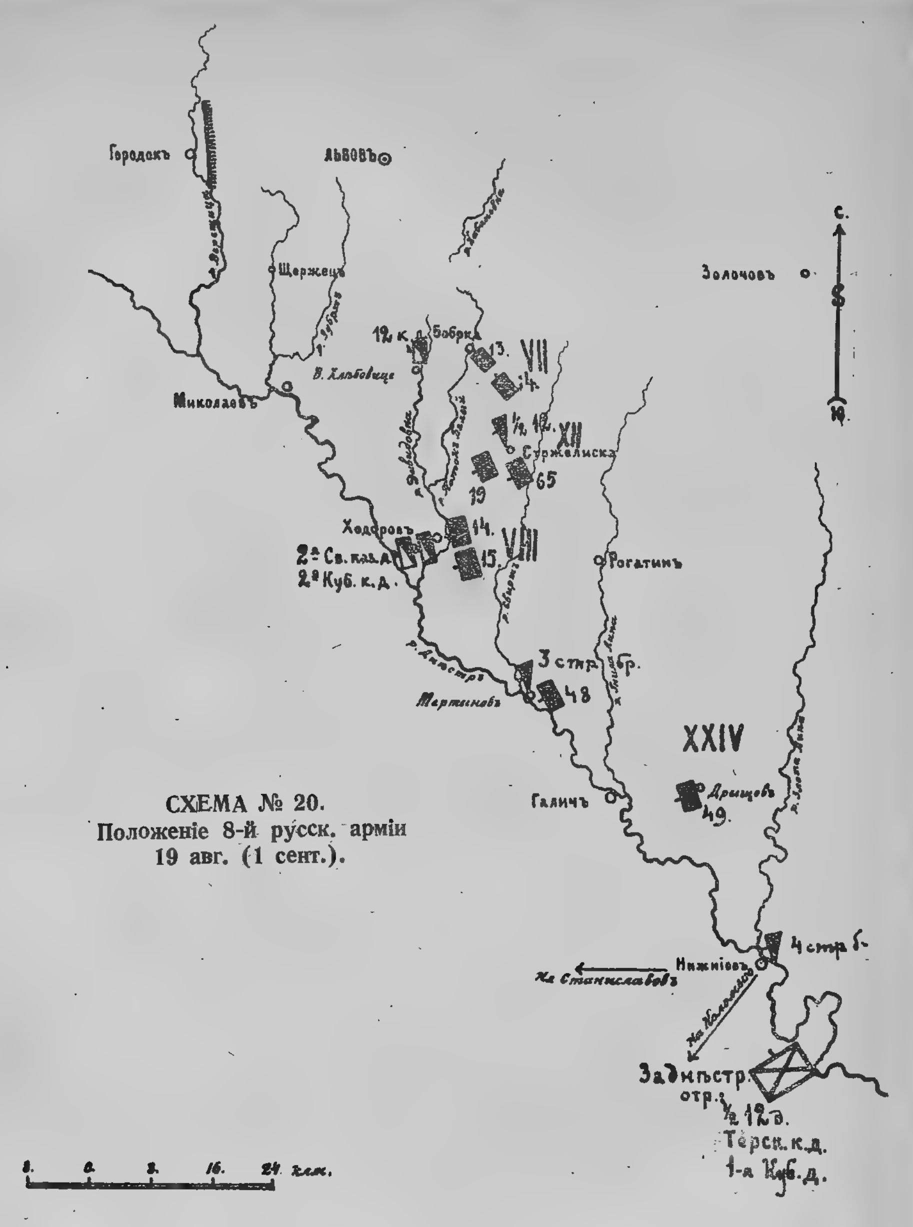

СХЕМА № 20.
Положенiе 8-й русск. армiи
19 авг. (1 сент.).

визiи) въ раiонъ Бобрка, направивъ слѣдующiй южнѣе XII а. корпуса (19-я и 65-я пѣх. дивизiи, и бригада 12-й пѣх. дивизiи) на Миколаевъ.

Во исполненiе этого приказанiя, VII-й а. корпусъ достигъ раiона Бобр-

ка къ 14 час. 19-го авг. (1 сент.), выдвинувъ авангарды на правый берегъ р. Бялый Потокъ. По прибытіи въ Бобрку, 13-я пѣх. дивизія захватила тамъ огромный обозъ противника съ большимъ запасомъ продовольствія, фуража и снарядовъ. Весь путь на Бобрку былъ усѣянъ повозками, опрокинутыми зарядными ящиками, лазаретными линейками, брошеннымъ оружіемъ, что наглядно свидѣтельствовало о паническомъ отступленіи проходившаго здѣсь XII-го А. В. корпуса.

Шедшая впереди УII а. корпуса 12-я кав. дивизія прошла дальше до рубежа р. Давидовки у с. Хлѣбовице Вельке, гдѣ, прервавъ жел. дорогу изъ Львова въ Ходоровъ, захватила вражескій продовольственный поѣздъ съ крупой и овсомъ[27]).

XII а. корпусъ, къ вечеру 19 авг. (1 сент.) достигъ раіона Стржелиска.

Остальные свои силы къ вечеру того же дня ген. Брусиловъ сгруппировалъ такъ:

1) Въ раіонѣ Ходорова онъ собралъ УIII а. корпусъ (14-я и 15-я пѣх. дивизіи) и конный отрядъ ген. Павлова (2-я сводная и 2-я кубанская казачьи дивизіи); на послѣдній возлагалась развѣдка и наблюденіе за Днѣстромъ на участкѣ Миколаевъ-Мартыновъ.

2) XXIУ а. корпусъ онъ эшелонировалъ вдоль Днѣстра для обезпеченія своего лѣваго фланга, расположивъ: 48-ю пѣх. дивизію и 3-ю стрѣлковую бригаду у Мартынова, 49-ю пѣх. дивизію у Дрыщова и 4-ю стрѣлковую бригаду у Нижніова.

3) Заднѣстровскому отряду (бригада 12-й пѣх. дивизіи, Терская и 1-я кубанская казачьи дивизіи) онъ приказалъ подтянуться къ раіону Нижніова, ведя развѣдку на фронтѣ Станиславовъ-Коломыя.

Оцѣнивая вышеприведенную группировку силъ 8-й арміи, нельзя не обратить вниманія на слѣдующее: изъ десяти пѣхотныхъ и пяти кавалерійскихъ дивизій только четыре съ половиной пѣх. и одна кавалерійская (УII и XII корпуса и 12-я кав. дивизія) направлялись ген. Брусиловымъ для главной операціи, ибо таковой, какъ это вытекало изъ вышеупомянутой телеграммы Штаюза отъ 17/30 августа — являлось: «нанести ударъ войскамъ противника, дѣйствующимъ въ раіонѣ Львовъ-Миколаевъ-Городокская позиція...». При этомъ, штарм 8 не могъ не знать изъ всего цикла предшествовавшихъ телеграммъ штаюза, что центръ тяжести дѣйствій фронта все время перетягивается къ сѣверу. Слѣдовательно, вопросъ объ обезпеченіи на р. Днѣстрѣ утрачивалъ то первенствующее стратегическое значеніе, которое придавалось ему раньше. Вмѣстѣ съ этимъ, пораженія, которыя были нанесены Австро-Венграмъ въ сраженіи у Золочева (на Золотой Липѣ) и въ сраженіи на Гнилой Липѣ, давали полное основаніе предполагать, что Австро-Венгры никакой мало мальски серьезной операціи на р. Днѣстрѣ, къ востоку отъ Ходорова повести не смогутъ. Всѣ А.-В. дивизіи, дѣйствовавшія въ Галиціи могли быть точно учтены нашимъ штабомъ, ибо каждая изъ этихъ дивизій уже дала плѣнныхъ. Изъ Сербіи можно ожидать подвоза лишь одного, максимумъ двухъ корпусовъ. Принимая во вниманіе превосходство въ силахъ, которое было на сторонѣ нашихъ 3-й и 8-й армій, а именно, 22 пѣх. дивизіи противъ 17-ти, не могло быть никакого сомнѣнія въ томъ, что даже, въ случаѣ прибытія съ Сербскаго фронта двухъ враже-

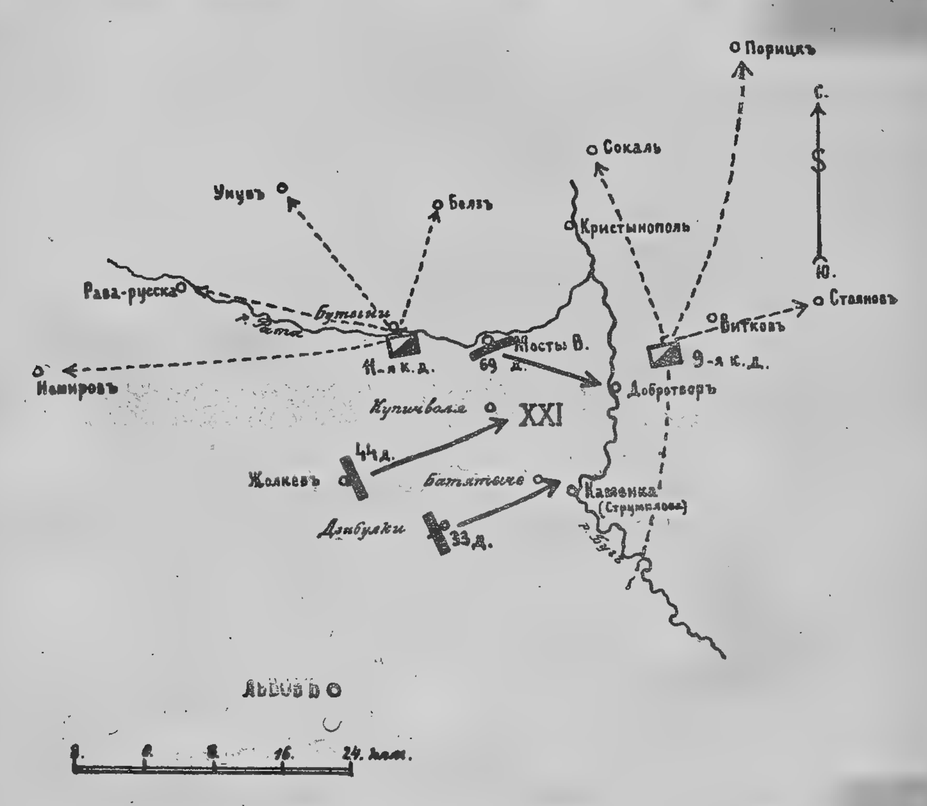
---

27) «12-й гусарскій Ахтырскій полкъ», рукопись ротмистра В. Скачкова; стр. 11, 12, хранится въ архивѣ ген. Н. Головина.

скихъ корпусовъ, таковые могутъ быть примѣнены только для оказанія непосредственной помощи разбитымъ войскамъ 3-й и 2-й А.-В. армій. Слѣдовательно, указаніе данное въ вышеупомянутой телеграммѣ Штаюза... «обезпечить основную операцію со стороны оборонительной линіи Днѣстра», вовсе не требовало такой разброски силъ, каковую произвелъ ген. Брусиловъ. Четырехъ кавалерійскихъ дивизій, бывшихъ на лѣвомъ флангѣ 8-й арміи,

СХЕМА № 21.

Къ приказу Командарма 3 отъ 20 авг. (2 сент.) объ оттяжкѣ назадъ XXI к-са

съ одной-двумя пѣхотными бригадами, оказывалось для этого вполнѣ достаточнымъ.

Мнѣ кажется, что главную причину этой «стратегической боязливости» нужно искать не только въ штармѣ 8, но и въ штармѣ 3, въ руки котораго Главкоюзъ передалъ общее оперативное руководство надъ лѣвымъ крыломъ фронта. Доказательство этому, я вижу, въ такой же «стратегической боязливости», которую проявилъ штарм 3 за свой другой, правый флангъ.

Извѣстіе объ отходѣ 5-й арміи съ Томашевскаго поля сраженія вызва-

ло въ немъ страхи. Это выразилось въ слѣдующемъ телеграфномъ распоряженіи штарма 3, посланномъ утромъ 19 авг. (с. сент.[28]).

«5-я армія, въ видахъ лучшаго сосредоточенія, отступаетъ на линію Красноставъ-Грубешовъ-Владиміръ Волынскій, которую достигнетъ 20-го авг. (2 сент).

«Въ виду этого, правый флангъ нашей арміи можетъ подвергнуться удару со стороны части силъ противника, не связанныхъ болѣе дѣйствіями пятой арміи. Равно возможно, что часть силъ противника будетъ направлена ко Львову для усиленія гарнизона этого пункта».

Для предотвращенія сего, ген. Рузскій приказывалъ:

1) 11-й кав. дивизіи, имѣя главныя силы въ раіонѣ Бутыни-Мосты Вельки, развѣдывать на Рава Русска, Немировъ, Унувъ, Белзъ, Сокаль, дабы предупредить противника съ этой стороны.

2) 9-й кав. дивизіи направиться въ раіонъ Витковъ-Добротворъ для развѣдки на Кристынополь, Сокаль, Стояновъ, Порицкъ, дабы обнаружить движеніе противника въ обходъ нашего праваго фланга путями праваго берега Буга. 9-я и 11-я кав. див. подчиняются комкору XXI въ отношеніи выполненія обѣихъ задачъ.

3) XXI корпусъ расположить въ раіонѣ Добротворъ-Каменка Струмилова-Батятыче-Купичволя.

Изъ этого мы видимъ, что двѣ дивизіи XXI а. корпуса только что одержавшія большой стратегическій успѣхъ къ сѣверу отъ Львова, вмѣсто того, чтобы развивать этотъ успѣхъ, оттягивались на переходъ назадъ.

Я привожу здѣсь подробную запись командира XXI корпуса[29]) объ обстоятельствахъ полученія имъ приказа отвести назадъ свои дивизіи послѣ побѣдоноснаго боя подъ Дзибулками. Она позволитъ намъ возстановить ту реальную обстановку, въ которой происходили событія войны.

«Подъ покровомъ наступившей темноты, истомленныя упорнымъ боемъ войска собирались приступить къ заслуженному отдыху. Штабъ корпуса расположился въ д. Дзибулки въ домѣ священника. Тамъ помѣстился и я. Изъ разговоровъ со священникомъ выяснилось — что онъ, вмѣстѣ съ дочерью, которая сидѣла въ тюрьмѣ за то, что обучала дѣтей русскимъ пѣснямъ, обвинялись австрійскими властями въ государственной измѣнѣ, и были уже приговорены къ смертной казни. Въ дѣйствительности же вся ихъ вина заключалась въ большомъ вліяніи на населеніе и властямъ было необходимо отъ нихъ избавиться. «Если бы не Вашъ спасительный приходъ, и если бы Вы начали бой часомъ позже, то мы уже висѣли бы на висѣлицѣ», такъ закончилъ свой печальный разсказъ очень симпатичный, уже пожилой священникъ. Нечего и говорить о той неподдѣльной радости, съ которой онъ насъ встрѣтилъ, о томъ гостепріимствѣ, которое онъ намъ оказалъ, а также о томъ вниманіи, съ которымъ онъ, какъ казалось, незримо слѣдилъ за исходомъ боя, отъ котораго зависѣло его «быть или не быть». Какъ теперь помню, послѣ полнаго напряженія въ теченіи дневного боя и принятія рѣшенія на завтрашній день, мы собрались поужинать въ уютой гостиной радушнаго батюшки. Было около 8 часовъ вечера, когда съ шумомъ подъѣхалъ къ дому автомобиль. Вошедшій полковникъ, присланный изъ штаба 3-й арміи, представилъ мнѣ запечатанный конвертъ, въ которомъ оказался весьма срочный приказъ командую-

---

28) Телеграмма № 367, цитировано у Циховича, стр. 177.

29) Рукопись ген. Шкинскаго хранится въ архивѣ ген. Н. Н. Головина, стр. 71.

щаго арміей на мое имя. Въ этомъ приказѣ указывалось — XXI-му армейскому корпусу, не взирая на то въ какомъ положеніи находится бой, съ полученіемъ настоящаго приказа немедленно передвинуться форсированнымъ маршемъ въ районъ Каменки Струмиловой».

«Всего можно было ожидать, только не этого. Приказъ этотъ поразилъ насъ какъ громомъ. Имъ разбивались надежды на завтрашнюю окончательную побѣду, которая кромѣ фактическихъ данныхъ уже чувствовалась военнымъ чутьемъ. Надо замѣтить, что военное чутье для военачальника, своего рода даръ Божій. Оно даетъ возможность во время войны, если можно такъ выразиться, провидѣть событія и угадывать исходъ боя по ничтожнымъ признакамъ, часто чисто духовнаго свойства. Насколько обладаніе этимъ качествомъ важно — доказывается тѣмъ, что полководецъ не обладающій имъ, не взирая на многія другія положительныя данныя, нерѣдко проигрываетъ сраженія[30]). Кромѣ того, войска, крайне нуждавшіяся послѣ двухдневнаго боя въ отдыхѣ, должны были исполнить ночной форсированный маршъ, который, конечно, не могъ послужить къ поднятію ихъ духа, особенно когда чувствовалось, что изъ рукъ вырывается крупная побѣда надъ ими же только что разбитымъ врагомъ».

«Однако, разъ приказъ былъ полученъ, разсуждать не приходилось. Тотчасъ же было приступлено къ составленію соотвѣтствующаго приказа по корпусу и къ немедленной его разсылкѣ войскамъ».

«Было совершенно темно. Артиллерійскіе выстрѣлы, еще доносившіеся до насъ отдаленнымъ и частымъ своимъ гуломъ, свидѣтельствовали о томъ, что, несмотря на наступившую темноту, бой еще не застылъ окончательно и что наши войска продолжаютъ гнать разбитаго и деморализованнаго противника».

«Штабъ спѣшно укладывается; сѣдлаютъ коней; подаютъ телеграмму отъ начальника 44-й дивизіи съ подробностями о взятіи г. Жолкева. Это еще болѣе ударяетъ по нервамъ. Всѣ чувствуютъ, что изъ рукъ корпуса вырываютъ плоды его блестящей побѣды и что всѣ его двухнедвныя героическія усилія однимъ росчеркомъ пера сведены на нѣтъ. Самый тонъ категорическаго приказа наводилъ на различныя тревожныя размышленія о дѣйствительныхъ причинахъ столь необычайнаго по своей экстренности отхода. Закрадывались черныя мысли о понесенномъ гдѣ нибудь пораженіи войсками нашей арміи. Какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, стали создаваться самые нелѣпые слухи, которые быстро подхватываются войсками и несутся съ поразительной быстротой. Насколько вспоминаю, штабъ арміи въ началѣ кампаніи не баловалъ насъ оріентировкой».

Выступленіе 33-й и 44-й дивизій началось около полуночи. Для охраненія тыла отходящаго корпуса со стороны Львова и для маскированія отхода у д. Дзибулки былъ оставленъ одинъ пѣхотный полкъ съ батареей (130 пѣх. Херсонскій). Однако, разбитый противникъ былъ такъ потрясенъ и физически и морально, что, въ благопріятно сложившуюся для него ночь не предпринялъ никакихъ дѣйствій противъ оставленнаго заслона и полкъ утромъ 20 авг. (2 сент.) присоединился къ дивизіи у Каменки Струмиловой...»

«Если столь неожиданный маршъ-маневръ возбудилъ въ насъ понятную досаду, то, у мѣстнаго населенія и особенно у священника нашъ уходъ вызвалъ полное недоумѣніе. Помню, какъ онъ обратился ко мнѣ съ вопро-

[30]) Напримѣръ: ген. Куропаткинъ подъ Ляояномъ; прим. Н. Н. Г.

сомъ: почему мы такъ неожиданно и такъ спѣшно уходимъ, «а между тѣмъ», — добавилъ онъ, — «я знаю, что Вы не только не понесли пораженія, а наоборотъ нанесли сильный ударъ австрійцамъ. Не указываетъ на пораженіе и тотъ замѣчательный порядокъ, въ которомъ идутъ Ваши войска (обгоняя ночью войска я лично убѣдился въ какомъ идеальномъ порядкѣ слѣдовали даже войсковые обозы). Скажите же почему, въ такомъ случаѣ, Вы уходите?». Что могъ я ему на это отвѣтить, кромѣ того, что такъ нужно. Я успокоилъ его, что дѣйствительно мы никакого пораженія не потерпѣли и я надѣюсь, что скоро вернемся, да и вообще, что Львовъ скоро будетъ въ нашихъ рукахъ. Однако, насколько помню, онъ все таки, не рѣшился оставаться послѣ нашего ухода въ Дзибулкахъ».

«Насколько двухдневный упорный бой XXI корпуса на фронтѣ Жолкевъ-Дзибулка-Куликовъ имѣлъ рѣшительное вліяніе на исходъ всей операціи 3-й арміи по овладѣнію Львовымъ, показываетъ свидѣтельство плѣнныхъ и мѣстныхъ жителей. Во время движенія корпуса въ новомъ направленіи, въ раіонъ Каменки Струмиловой, намъ попадались жители, бѣжавшіе изъ Львова и его ближайшихъ окрестностей. Всѣ они единодушно утверждали, что бой подъ Дзибулками-Куликовымъ и подъ Жолкевымъ произвелъ на австрійцевъ потрясающее дѣйствіе и они совершенно деморализованы. Они категорически заявляли, что подъ сильнымъ впечатлѣніемъ нашего натиска на Дзибулки-Жолкевъ австрійцы очистятъ Львовъ не позже какъ на другой день, т. е. 20 авг. (2 сент.).

«Такія показанія возбуждали въ насъ еще большія сожалѣнія, что мы лишились возможности закончить нашъ энергичный натискъ и снять съ дерева уже созрѣвшій плодъ. Все это даетъ право утверждать, что XXI корпусъ сыгралъ выдающуюся и даже рѣшающую роль въ операціи 3-й арміи по овладѣнію Львовской укрѣпленной позиціей. Не можетъ быть сомнѣнія, что показанія бѣжавшихъ изъ Львова жителей имѣли подъ собою справедливыя основанія и Львовъ дѣйствительно палъ бы 20 авг. (2 сент.) еслибъ остальные корпуса произвели 19 авг. (1 сент.) энергичный натискъ съ фронта. Въ дѣйствительности же вѣроятно подъ вліяніемъ накапливающихся около Львова всякихъ миражей, какъ говоритъ В. Драгоміровъ въ своемъ краткомъ очеркѣ[31]), хотя и не отвѣчавшимъ истинному положенію дѣлъ, указанный день прошелъ въ подготовительныхъ дѣйствіяхъ...»

Записывая вышеизложенное въ свой дневникъ, ген. Шкинскій высказываетъ предположеніе, что оттяжка назадъ XXI-го корпуса дѣлалась штармомъ 3 для оказанія помощи 5-й арміи. Онъ упускаетъ, при этомъ, изъ вида, что въ это время армія ген. Плеве уже ушла съ Томашевскаго поля сраженія и двигалась на сѣверъ. Это, его ошибочное предположеніе вызываетъ тѣмъ большее удивленіе, что одновременно съ отходомъ отъ Львова 33-й и 44-й пѣх. дивизій, третья дивизія этого корпуса, 69-я, только что подошедшая къ Мосты Вельке, оттягивалась на переходъ назадъ къ Добротвору на р. Бугѣ. Въ этомъ никакъ нельзя видѣть оказаніе помощи генералу Плеве.

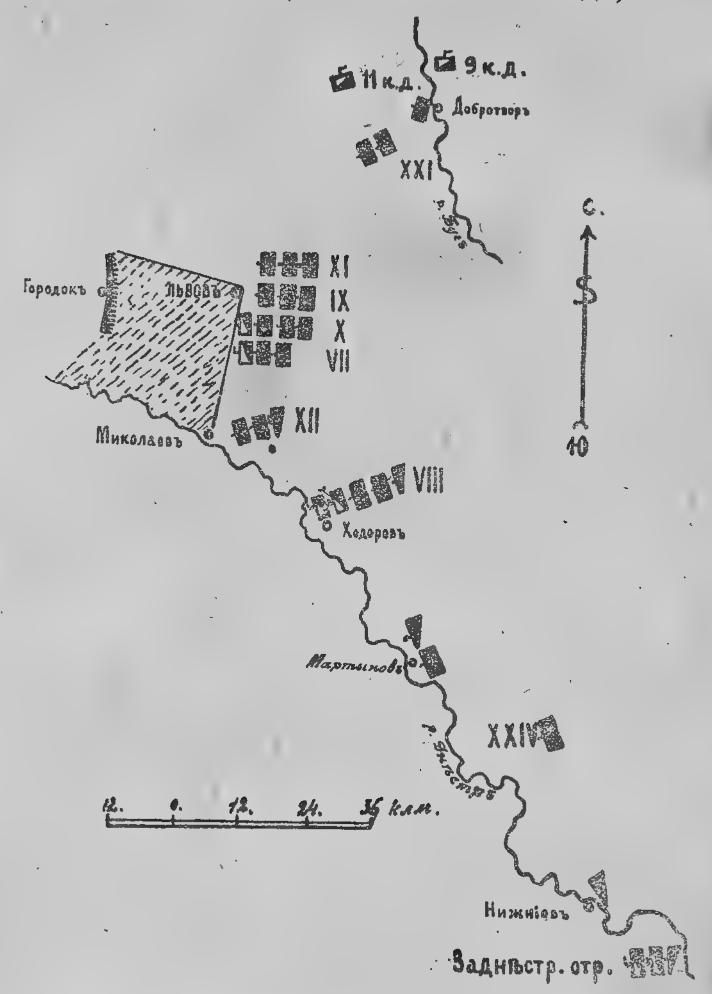
Весьма вѣроятно, что штарм 3, съ цѣлью успокоить командира XXI а. корпуса, недовольнаго оттяжкой назадъ его побѣдоносныхъ дивизій изъ подъ Львова, мотивировалъ свой приказъ требованіемъ штаюза помочь генералу Плеве. При создавшейся новой обстановкѣ выдвиженіе для подго-

---

[31]) «Краткій очеркъ военныхъ дѣйствій Русской Арміи въ Галиціи и Привислянскомъ краѣ въ августѣ 1914 г.». Военный Сборникъ (изд. въ Бѣлградѣ), книга 2-я, стр. 135-183.

СХЕМА № 22

ГРУППИРОВКИ ВОЙСКЪ ЛѢВАГО КРЫЛА Ю.-З. ФРОНТА ВЪ ДНИ 19 И 20 АВГУСТА (1 И 2 СЕНТЯБРЯ 1914 ГОДА).

товки «нанесенія удара войскамъ противника дѣйствующимъ въ раіонѣ Львовъ-Миколаевъ-Городокская позиція» и для «обезпеченія выполненія этой операціи съ сѣвера прочнымъ владѣніемъ путями отъ Равы Русской, Цѣшанува, Немирова, Яворова», какъ это требовала телеграмма штаюза № 638, иного мѣста для XXI-го а. корпуса не было, какъ раіонъ Жолкева.

Схема № 22 наглядно подтверждаетъ уже высказанное нами предположеніе, что командованіе 3-й арміи не собиралось выполнять даже

телеграмму Главкоюза № 638. Какъ въ своемъ мѣстѣ я говорилъ, что эта телеграмма, хотя и представляла собой уступку «самостійнымъ» тенденціямъ штарма 3, тѣмъ не менѣе довольно ясно подсказывала, что главный ударъ лѣваго крыла фронта долженъ наноситься съ сѣвера, въ обходъ Львова и сѣвернаго фланга Городокской позиціи. Стратегическое же построеніе, производимое штармомъ 3, представляло собой, какъ бы, клинъ, голова котораго направлена для захвата Львова. Притомъ, эта идея осуществлялась весьма робко, ибо изъ 22-хъ пѣх. дивизій только 11 предназначались для главной операціи, остальныя 11 пѣх. дивизій эшелонировлись уступами назадъ для защиты тыла. Невольно здѣсь вспоминаются слова Суворова: «идешь бить непріятеля, умножай войска, опорожняй посты, снимай коммуникаціи». Такое стратегическое посторение лѣваго крыла юго-западнаго фронта отвѣчало только очень ограниченной стратегической мысли: захватить лобовой атакой Львовъ, совершенно не считаясь съ будущими дѣйствіями и съ тѣмъ, что происходило на всемъ Галиційскомъ театрѣ дѣйствій.

Въ стратегіи, также какъ и въ политикѣ, есть, своего рода, демагогія. Желаніе захватить Львовъ, не подготовляя при этомъ выгоднаго исходнаго положенія, для дальнѣйшей операціи, въ интересахъ всего фронта, представляетъ собой яркій примѣръ такой стратегической демагогіи. Въ основѣ этой демагогіи лежало желаніе произвести впечатлѣніе захватомъ столицы восточной Галиціи на мало понимающихъ въ стратегіи политиковъ и еще менѣе понимающую въ этомъ дѣлѣ толпу.

Къ 19 августа (1 сент.) новый оперативный планъ, въ связи съ оттяжкой 5-й арміи, началъ получать конкретное оформленіе въ мысляхъ ген. М. В. Алексѣева. Изъ полученныхъ копій телеграфныхъ распоряженій штарма 3, выяснилось — что предоставить полную свободу ген. Рузскому нельзя, и что — для того, чтобы ввести дѣйствія арміи лѣваго крыла въ русло единства Галиційской Битвы, требуются болѣе опредѣленныя приказанія, нежели телеграмма № 638.

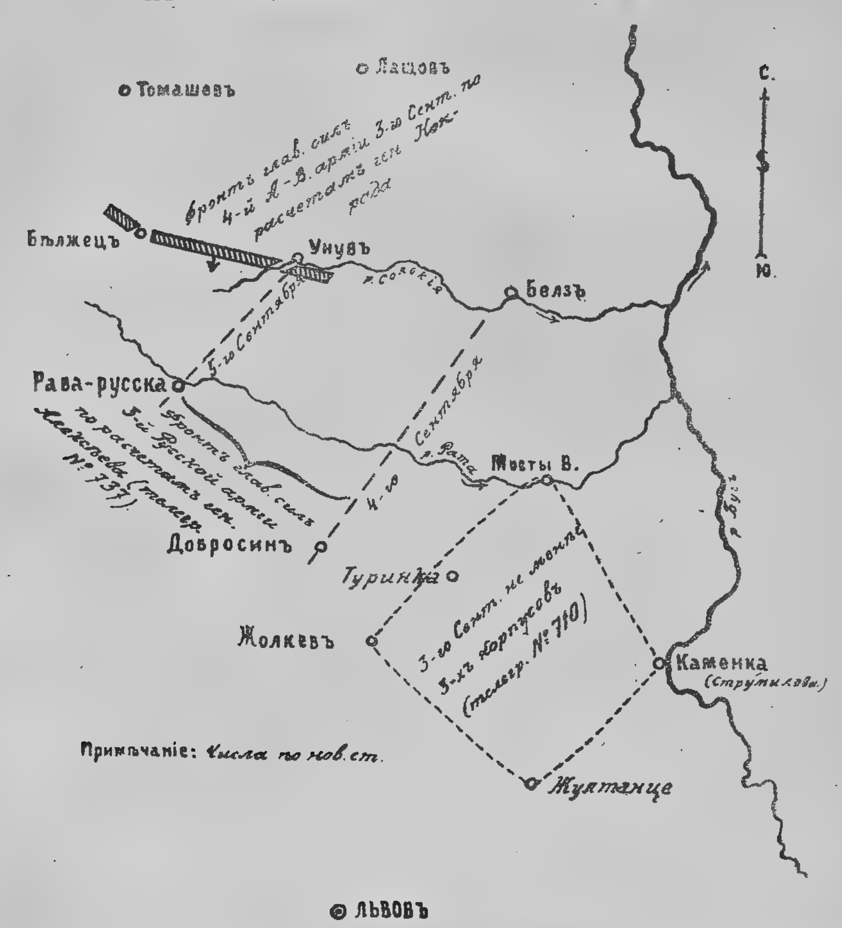
Поэтому, 19-го же августа (1 сент.) изъ Штаюза была послана командармамъ 3 и 8 слѣдующая телеграмма № 710[32]: «Въ виду предположенія ген. Плеве остановить 20 авг. (2 сент.) отходящую 5-ю армію на линію Красноставъ-Грабовецъ-Теребинъ-Крыловъ, арміи, подчиненныя командарму 3 (т. е., 3 и 8) должны: первое и главное оказать содѣйствіе 4-й и 5-й арміямъ въ нанесеніи удара противнику; второе — приковать къ себѣ тѣ непріятельскіе корпуса, которые дѣйствуютъ на Днѣстрѣ и у Львова и дѣятельно развѣдываютъ пути между Томашевымъ и Бугомъ». Для этого командарму 3 приказывалось собрать къ вечеру 21 авг. (3 сент.) въ раіонѣ Жултанце (или Жолкевъ) — Туринка — Мосты Вельке — Каменка (примѣрно) не менѣе трехъ корпусовъ, взятыхъ изъ одной или обѣихъ армій (т. е. 3 и 8), по усмотрѣнію командарма 3, подъ его непосредственнымъ начальствомъ, съ цѣлью дѣйствовать въ зависимости отъ обстановки или противъ непріятеля, оперирующаго въ Томашево-Грубешовскомъ раіонѣ, или на западъ противъ непріятеля, если бы таковой угрожалъ значительными силами. 8-я армія, въ составѣ остальныхъ корпусовъ, подъ начальствомъ ген. Брусилова, оставаясь въ подчиненіи командарму 3, должна обезпечить флангъ и тылъ 3-й арміи со стороны Львова, Миколаева и линіи Днѣстра, и дѣйствовать по обстановкѣ, привлекая на себя силы противника. Добавля-

---

[32]) Цитировано у Цихoвича, стр. 178.

СХЕМА № 23.

КЪ ТЕЛЕГРАММѢ ШТАЮЗА № 710 И № 737.

лось, что атака открытой силой укрѣпленныхъ пунктовъ, какъ Львовъ и Миколаевъ, не можетъ приковать къ себѣ полевой арміи непріятеля, ибо они имѣютъ свой гарнизонъ и сильную артиллерію.

Однако, командованіе 3-й арміей продолжаетъ иммобилизировать войска для штурма Львова. Между тѣмъ, дивизіи XI, IX и X корпусовъ уже занимали тѣ рубежи мѣстности, на которыхъ, согласно описанію полк. Бончъ-Бруевича, должна была быть расположена линія новыхъ долговременныхъ фортовъ, вынесенныхъ передъ линіею старыхъ, негодныхъ для современной войны, фортовъ. Никакихъ долговременныхъ фортовъ на дѣлѣ не оказалось.

«На 20 авг. (2 сент.), была назначена дневка», пишетъ начальникъ 42-й

пѣх. дивизіи (IX а. корпуса), ген. Роде[33]), «во время которой произошла нѣкоторая перегруппировка частей; такъ, 5-ая пѣхотная дивизія, дравшаяся съ 13 (26) августа лѣвѣе 42-ой, была поставлена правѣе послѣдней (въ раіонѣ Билка Кролевска). О противникѣ было извѣстно только то, что Львовъ имъ занятъ. Къ вечеру 20-го, дивизіонная развѣдка выяснила, что вся мѣстность до Чертовой Скалы свободна отъ противника (Чертова Скала находилась всего въ двухъ—трехъ километрахъ отъ восточной окраины самого города Львова; прим. Н. Н. Г.) и только на горкѣ, сѣвернѣе дер. Подборце (на сѣверо-востокъ отъ Чертовска Скала, въ 6-ти километрахъ отъ окраины Львова; прим. Н. Н. Г.), окапываются 1-2 батальона австрійцевъ. Вечеромъ 20-го авг. (2 сент.) ко мнѣ явилась присланная изъ штаба 3 арміи группа военныхъ инженеровъ, съ цѣлью рекогносцировки восточнаго сектора крѣпостного раіона, опредѣленія мѣста для закладки осадныхъ батарей и пр. Въ этой рекогносцировкѣ я принялъ личное участіе. Между прочимъ выяснилось, что 42-я пѣх. дивизія почти безъ выстрѣла, 19-го вечеромъ расположилась на той линіи (въ 12 километрахъ отъ Львова) на которой по схемамъ и чертежамъ инженеровъ должна была быть 1-я линія Львовскихъ фортовъ». Ген. Щербачевъ, въ своихъ воспоминаніяхъ подтверждаетъ — что войсковая развѣдка на фронтѣ IX-го корпуса «показала, что фортовъ первой линіи, какъ указано на присланномъ планѣ, нѣтъ (въ раіонѣ корпуса — фортъ № 3), а на мѣстахъ, гдѣ указана первая линія фортовъ, обнаруженъ противникъ, только у деревни Подборце, около 1 батальона съ батареей; но на линіи показанной на планѣ, какъ второй поясъ фортовъ, видны укрѣпленія. Выяснить подробнѣе не успѣли. Захваченные жители подтвердили отсутствіе фортовъ первой линіи и указали, что дальше есть форты, но что войска уходятъ назадъ»[34]).

Подъ словами «второй поясъ фортовъ» здѣсь идетъ рѣчь о поясѣ устарѣвшихъ земляныхъ фортовъ съ кирпичными стѣнками, посторенными въ 1887 г. и подновленными въ 1912 г., для прикрытія Львова отъ набѣга русской конницы въ началѣ войны.

«Донося объ этомъ», продолжаетъ ген. Щербачевъ, «и указывая на признаки разложенія австрійскихъ войскъ, что можетъ измѣниться и что они оправятся при нашемъ бездѣйствіи, я вновь просилъ разрѣшенія выдвинуться впередъ, тѣмъ болѣе, что получилъ утромъ (20-го авг.-2 сент.) распоряженіе занять 5-й дивизіей участокъ 32-й дивизіи, передвинутой вправо и теперь весь восточный фронтъ Львова былъ въ раіонѣ IX-го корпуса».

«Въ 2 1/2 часа дня (20 авг.-2 сент.) я получилъ разрѣшеніе сдѣлать усиленную рекогносцировку небольшими частями пѣхоты съ придачей артиллеріи...»[35]).

При производствѣ такихъ усиленныхъ рекогносцировокъ IX корпусъ подошелъ вплотную къ линіи только что упомянутыхъ устарѣлыхъ Львовскихъ фортовъ.

Изучая всѣ источники касающіеся подхода и сближенія 3-й арміи со Львовымъ, нельзя встрѣтить ни одного указанія на какую либо попытку

---

33) Рукопись, ст. 1; хранится въ архивѣ ген. Н. Головина.
34) Военный Сборникъ; книга 10-я, стр. 126.
35) Тамъ же.

воздушной развѣдки. При всемъ примитивномъ состояніи авіаціи въ то время, подобная развѣдка могла многое освѣтить штарму 3. Можетъ быть, такія развѣдки и были произведены, но штармъ 3 имъ не повѣрилъ, а впослѣдствіи о нихъ скрылъ? Въ виду продолжающихъ поступать донесеній изъ всѣхъ войсковыхъ штабовъ, о полномъ разстройствѣ непріятеля, ген. Рузскій укрѣпляется въ своемъ желаніи штурмовать Львовъ. Но, у него не хватаетъ рѣшительности ген. Щербачева и онъ намѣривается произвести самый штурмъ только послѣ подхода VII а. корпуса, что могло произойти не ранѣе 22 августа (4 сентября). Наступленіе на Львовъ предполагалось организовать такъ: съ востока должны были наступать IX и X корпуса (безъ одной дивизіи); одна же дивизія X-то и весь VII корпусъ должны были атаковать Львовъ съ юго-востока и юга.

«Наступленіе вести съ фронта 21-го августа (3 сент.) настойчиво», говорилось въ приказѣ ген. Рузскаго», «закрѣпляя за собой мѣстные рубежи; такое же наступленіе вести ночью и въ послѣдующіе дни, если это окажется нужнымъ»[36]).

Во исполненіе же приказа Главкоюза о сборѣ достаточныхъ силъ въ раіонѣ Мосты Вельке-Каменка Струмилова, ген. Рузскій приказалъ: XI корпусу сосредоточиться въ раіонѣ Куликова съ ближайшей задачей оставаться на указанныхъ имъ ранѣе мѣстахъ, охраняя правый флангъ арміи, генералу же Брусилову направить XII а. корпусъ изъ Стрежелиска въ раіонъ Каменка Струмилова. Этотъ корпусъ долженъ былъ, двигаясь позади фронта, прибыть въ указанный ему раіонъ 22-го авг. (4 сент.). По прибытіи XII-го корпуса въ раіонъ Каменка Струмилова XXI-й корпусъ долженъ былъ перейти въ раіонъ Добротворъ-Холоювъ-Радзиховъ. На остальныя части 8-й арміи возлагалось обезпеченіе операціи у Львова со стороны Миколаева и Днѣстра[37]).

Ген. Брусиловъ, во исполненіе только что изложеннаго приказа ген. Рузскаго, направилъ къ Миколаеву вмѣсто XII корпуса — УШ-й, XXIV-му же корпусу онъ приказалъ собраться къ Галичу; 12-я кав. дивизія была направлена на д. Щержецъ для развѣдки противника на рубежѣ р. Верещицы, отъ Городка до устья и по р. Днѣстру до Миколаева; конный отрядъ ген. Павлова оставался у Ходорова для развѣдки и наблюденія за Днѣстромъ, на участкѣ Миколевъ-Мартыновъ; Заднѣстровскій же отрядъ, подтягивавшійся къ Нижніову, долженъ былъ прикрывать пространство между Днѣстромъ и Прутомъ[38]).

Начальникъ штаба 3-й арміи, ген. В. М. Драгоміровъ, такъ резюмируетъ стратегическое положеніе, создавшееся къ вечеру 20 августа (2-го сент.[39]).

«Итакъ, къ вечеру 20 августа, командующій 3-й арміей имѣлъ формальное распоряженіе — не брать Львова, а слѣдовать на помощь 5-й арміи. Развѣдка Львовскихъ укрѣпленій не давала повода сомнѣваться въ ихъ подготовленности (!?). Были получены и другія предупрежденія, выставлявшія на видъ трудность задачи по овладѣнію Львовымъ. Около Львова накапли-

---

36) Циховичъ, 179.

37) Циховичъ, 179-180.

38) Циховичъ, 180.

39) Его статья: «Краткій очеркъ военныхъ дѣйствій русскихъ армій въ Галиціи и Привислинскомъ краѣ въ августѣ 1914 г.». «Военный Сборникъ» (изд. въ Бѣлградѣ), книга 2-я, стр. 162.

вались всякіе миражи, хотя и не отвѣчавшіе истинному положенію дѣла, но все же требовавшіе не меньшей рѣшимости для ихъ преодолѣнія, чѣмъ при реальныхъ препятствіяхъ. И въ томъ и другомъ случаѣ принять на себя отвѣтственность было одинаково трудно».

ПРОБЛЕМА ЛЬВОВА.

Расхожденіе мнѣній по вопросу о захватѣ Львова, которое имѣло мѣсто между ген. Алексѣевымъ и ген. В. М. Драгоміровымъ и, въ то же время между послѣднимъ и ген. Щербачевымъ представляетъ большой стратегическій интересъ. Посему я нѣсколько задержу вниманіе читателя надъ тѣмъ комплексомъ вопросовъ, который можно было бы назвать проблемой Львова.

Донесенія штарма 3 въ Штаюзъ продолжали утверждать, что Львовъ крѣпость, а также преувеличивать сопротивленіе, оказываемое непріятельскими войсками на подступахъ къ Львову. Это поддерживало безпокойство Главнаго Командованія Ю. З. Фронтомъ въ томъ, что операція 3-й арміи противъ Львова скуетъ ее и не позволитъ ей своевременно принять участіе въ разыгрываемомъ арміями праваго крыла, рѣшающемъ всю Галиційскую Битву, Люблинскомъ сраженіи. Посему 21-го августа (3 сентября) генералу Рузскому была послана слѣдующая телеграмма Главкоюза (737): «Въ данную минуту рѣшеніе участи перваго періода кампаніи зависитъ не отъ операцій нашихъ противъ Львова и Днѣстра, а отъ исхода сраженія на Люблинъ-Холмъ-Грубешевскомъ фронтѣ. Каждый лишній корпусъ, привлеченный въ этотъ районъ, увеличиваетъ наши шансы. Даже взятіе Львова не вознаградитъ насъ за потерю сраженія на сѣверѣ. Создается обстановка тяжелая, она вынудитъ насъ покинуть и Львовъ. Поэтому, въ дополненіе моей телеграммы № 710[1]) высказываю мысль, осуществленіе которой принесло бы наибольшую пользу при рѣшеніи важнѣйшей операціи: ударъ 3 арміи нужно направить на линію Лащовъ-Рава Русска, развивая его далѣе на Томашовъ, Бѣлгорай. Примѣрно 22 авг. (4 сент.), желалъ бы имѣть армію впереди Белзъ-Добросинъ съ захваченнымъ и прочно занятымъ узломъ путей Рава Русска. Эту задачу должна выполнить кавалерія, поддержанная пѣхотою. Выдвиженіе 23 числа (5 сент.) на линію Унувъ-Рава Русска ставитъ ее уже въ сферу операціи. Прикрытіе частью силъ, занявшихъ и надежно укрѣпившихся на линіи Рава Русска-Жолкевъ, въ связи съ дѣйствіями 8-й арміи, обезпечиваетъ ваше движеніе отъ Львова. Такимъ движеніемъ ваша армія увеличитъ наши силы на важнѣйшемъ участкѣ театра военныхъ дѣйствій, обезпечитъ надежно лѣвое крыло 5-й арміи, очиститъ отъ непріятеля закрытый районъ долинъ Солокія-Рата»[2]).

Приведенная только что телеграмма сопровождалась крайне оригинальнымъ предисловіемъ. Отъ имени Главнокомандующаго было передано генералу Рузскому предупрежденіе, что телеграмму № 737 онъ долженъ разсматривать лишь какъ «личное, отнюдь не обязательное, мнѣніе».

Означало ли это новую уступку Главнаго Командованія ген. Рузскому и ген. Драгомірову? Или это было вызвано возникшимъ сомнѣніемъ въ томъ, что Львовъ дѣйствительно представляетъ собою крѣпость? Такое сомнѣніе могло побудить Главное Командованіе не бояться того, что операція противъ

---

[1]) Отъ 19 авг. (1 сент.): прим. Н. Н. Г. См. схему № 23.

[2]) Цитировано у Циховича, стр. 181.

Львова скуетъ 3-ю армію. Легкій же захватъ такого важнаго узла дорогъ, какъ Львовъ облегчилъ бы производство намѣченной стратегической перегруппирвки 3-й арміи, — перегруппировки, запаздывавшей вслѣдствіе уже произведеннаго сосредоточенія этой арміи ко Львову. Дабы распутать создавшееся положеніе Главное Командованіе предоставляло свободу окончательнаго рѣшенія ген. Рузскому. Послѣдній, такъ близко уже подошелъ ко Львову, что ему должны были быть уже вполнѣ ясны возможности захвата этого города.

Приведенная выше телеграмма (№ 737) интересна еще въ томъ отношеніи, что она была послана ген. Алексѣевымъ въ то время, когда, какъ мы это увидимъ далѣе, Львовъ былъ уже занятъ нашими войсками, но это не было еще извѣстно въ Штаюзѣ; поэтому она обрисовываетъ стратегическую мысль ген. Алексѣева, опять вернувшуюся къ концепціи единства Галиційской Битвы, внѣ зависимости отъ того — будетъ ли или не будетъ Львовъ въ нашихъ рукахъ.

На телеграмму № 737 командармъ 3 отвѣтилъ, что 22 авг. (4 сент.) Рава Русска будетъ занята кавалеріей, 22 или 23 авг. (4 или 5 сент.) на линію Белзъ-Добросинъ будетъ выдвинуто не менѣе 4-5 дивизій пѣхоты и на слѣдующій затѣмъ день армія начнетъ наступленіе тремя корпусами и тремя кав. дивизіями, согласно указаній № 737.

Сопоставимъ этотъ расчетъ съ тѣмъ, что мы уже знаемъ о 4-й А.-В. арміи. Согласно приказу ген. Конрада, ея 8½ дивизій (семь дивизій и три маршевыхъ бригады) оттянутыя съ Томашевскаго поля сраженія, должны были къ 21 авг. (3 сент.) выйти на фронтъ Унувъ-Белжецъ. Желаніе же ген. М. В. Алексѣева было — чтобъ къ 22 авг (4 сент.) на линіи Белзъ-Добросинъ было развернуто не менѣе 3-хъ корпусовъ 3-й арміи, т. е. не менѣе 12 пѣх. дивизій. Положеніе 4- А.-В. арміи въ этомъ случаѣ было бы очень труднымъ. Упорное желаніе командованія 3-й арміи штурмовать Львовъ заставили его потерять время. И, съ большой натяжкой въ расчетахъ оно собирается подойти къ этой линіи 23 авг. (4 сент.) всего съ 4-5 пѣх. дивизіями. Правда, въ слѣдующіе дни подходили бы отставшія дивизіи, но завязка встрѣчнаго маневра произошла бы въ несравненно менѣе благопріятныхъ условіяхъ чѣмъ та, которая произошла бы, если бъ мысль ген. М. В. Алексѣева была выполнена. Кромѣ того, при увѣренности штарма 3, что Львовъ крѣпость, для дѣйствій противъ нея иммобилизировалось три корпуса, въ то время какъ, по крайней мѣрѣ, два изъ нихъ могли быть притянуты къ полю сраженія, которое должно было завязаться въ раіонѣ Рава Русска. Въ томъ случаѣ, если бъ командованіе 3-й арміи раздѣляло бы твердую увѣренность ген. Щербачева, что г. Львовъ сопротивляться не будетъ, можно было поручить его корпусу попытаться на плечахъ отступавшаго противника съ налета захватить этотъ городъ. Не ожидая результата этой попытки можно было бы увести отъ Львова X и XI корпуса, а также направить тоже на сѣверъ VII и XII корпуса 8-й арміи. Во время рокировочнаго движенія въ тылу 3-й арміи, эти корпуса являлись стратегическимъ резервомъ на тотъ случай, если налетъ IX корпуса на Львовъ не удался бы. Выдѣливъ изъ нихъ одну-двѣ пѣх. дивизіи для усиленія понесшаго потери въ этомъ случаѣ корпуса ген. Щербачева, можно было организовать противъ Львова прочный заслонъ, который вполнѣ обезпечивалъ лѣвый флангъ и тылъ 3-й арміи, завязавшей сраженіе у Рава Русска. Само собой разумѣется, что въ этомъ случаѣ 33-й и 44-й пѣх. дивизіи XXI корпуса не нужно было оттягивать изъ раіона Куликова и Жолкева. Наоборотъ, онѣ то и должны были бы составить тамъ устой лѣваго фланга будущаго фронта 3-й арміи, къ

которому и пристроились бы XI, X, VII и XII-й корпуса, по мѣрѣ подхода. Все это было вполнѣ выполнимо при условіи — что командованіе 3-й арміи пріяло бы основную стратегическую идею главнаго командованія, а не считало бы себя въ правѣ вести свою «самостійную» стратегію, занимаясь отпиской, а иногда и просто не подчиняясь приказамъ своего начальника.

Нежеланіе командованія 3-й арміи подчиняться главному командованію Ю.-З. фронта, вопросъ настолько серьезный, что на немъ, въ интересахъ воспитанія правильнаго стратегическаго мышленія будущихъ военачальниковъ Россійской арміи, стоитъ остановиться. У насъ много говорилось о дисциплинѣ, но, по существу дѣла, при этомъ бралось только понятіе о строевой дисциплинѣ; объ «оперативной», т. е. «идейной» дисциплинѣ говорилось мало. Это невниманіе нашло свое отраженіе въ томъ, что изъ текста нашего дисциплинарнаго устава было выкинуто слово «субординація». А, между тѣмъ, Суворовъ различалъ эти понятія и въ девяти заповѣдяхъ своей «Науки побѣждать» онъ говоритъ такъ: «Субординація (подчиненіе), экзерциція (обученіе), дисциплина (порядокъ воинскій)...».

Насколько командованіе 3-й арміи грѣшило противъ первой Суворовской заповѣди, можетъ служить слѣдующій перечень приказовъ главнаго командованія Ю.-З. фронта о необходимости группировать свои силы на правомъ флангѣ, для направленія главнаго удара по направленію не на Львовъ, а на Мосты Вельке[3]). Вотъ эти указанія, изложенныя въ хронологическомъ порядкѣ:

1) 12(25) августа: 3-й арміи выдвинуть главныя силы къ сѣверу отъ Львова на фронтъ Мосты Вельке-Куровице.

2) 13(26) авг.: перемѣщеніе 3-й арміи на линіи Мосты Вельке-Куровице имѣетъ цѣлью поставить ее въ общій фронтъ съ 4-й и 5-й арміями для послѣдующихъ дѣйствій къ р. Сану.

3) 15(28) августа: ...необходимо теперь же совершить перемѣщеніе арміи вправо.

4) 16(29) авг.: ставитъ задачи отдѣльнымъ арміямъ предоставлено мнѣ: предписываю: 17(30) авг. одинъ корпусъ долженъ занять Мосты Вельке.

5) 19 авг. (1 сент.): 3-й арміи приказано къ вечеру 21-го авг. (3 сент.) собрать въ раіонѣ Жултанецъ-Туринка (или Жолкевъ)-Мосты Вельке-Каменка Струмилова (примѣрно) не менѣе трехъ корпусовъ.

6) 21 авг. (3 сент.): въ данную минуту рѣшеніе участи перваго періода кампаніи зависитъ не отъ операцій нашихъ противъ Львова, и Днѣстра, а отъ исхода сраженія на Люблинъ-Холмъ-Грубешовскомъ фронтѣ. Даже взятіе Львова не вознаградитъ насъ за потерю сраженія на сѣверѣ.

Посмотримъ теперь какъ объясняетъ наштармъ 3 ген. В. М. Драгоміровъ это упорное игнорированіе приказовъ, получаемыхъ свыше[4]).

Вотъ запись ген. В. М. Дагомірова,помѣченная 18 (31) августа, т. е. днемъ окончанія сраженія на Гнилой Липѣ[5]).

«Предположенія штаба 3 арміи окончательно подтвердились послѣ боевъ

---

3) Этотъ перечень сдѣланъ ближайшимъ оперативнымъ сотрудникомъ ген. Алексѣева генераломъ Борисовымъ въ его трудѣ «Краткій стратегическій очеркъ войны 1914-1918 г.г.; Русскій Фронтъ». Вып. 1 стр. 156.

4) Книга 2-я Военнаго Сборника (изд. въ Бѣлградѣ), стр. 135-183: «Краткій очеркъ военныхъ дѣйствій русской арміи въ Галиціи и Привислянскомъ краѣ въ августѣ 1914 г.».

5) Тамъ же, стр. 158-159.

на р. Гнилой Липѣ. Въ Восточной Галиціи былъ заслонъ и этотъ заслонъ былъ сбитъ. Нужно было продолжать движеніе и окончательно выйти на пути сообщенія противника съ Привислянскимъ краемъ. Для этого слѣдовало первоначально овладѣть г. Львовымъ, который былъ укрѣпленъ и могъ составить опорный пунктъ для противника. Затѣмъ слѣдовало наступать къ р. Верещицѣ, принявъ мѣры къ обходу ея съ сѣвера, т. к. съ фронта она представляла трудно-одолимое препятствіе».

На схемѣ № 24 нанесена желѣзнодорожная сѣть Галиціи съ обозначеніемъ провозоспособности каждой изъ желѣзнодорожныхъ линій[6]). Изъ этой схемы читатель самъ увидитъ, что овладѣніе Львовымъ арміями лѣваго крыла Ю.-З. фронта ни въ коемъ случаѣ не можетъ почитаться дѣйствіемъ на «сообщенія противника съ Привислянскимъ краемъ (то-есть съ Поль-

СХЕМА № 24.

ПРОВОЗОСПОСОБНОСТИ ГАЛИЦІЙСКИХЪ ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГЪ.

шей)». Наоборотъ, такое направленіе наступленія представляло собою какъ бы «лобовую атаку» этихъ сообщеній, ибо, вслѣдствіи существованія Карпатскаго хребта, главнѣйшіе потоки желѣзнодорожныхъ сообщеній шли съ востока на западъ, а не съ сѣвера на югъ. Захватъ не только Львова, но и форсированіе р. Верещицы, не приводили поэтому къ отрѣзыванію противника отъ его сообщеній, ибо онъ сохранялъ подавляющую часть своихъ желѣзнодорожныхъ коммуникацій прикрытыми р. Саномъ съ крѣпостью Перемышлемъ на правомъ флангѣ. Характерно, что ген. В. М. Драгоміровъ, признавая «трудную одолимость рубежа р. Верещицы, соглашается съ тѣмъ, что нужно было «принять мѣры для обхода ея съ сѣвера».

[6]) Эта схема составлена на основаніи приложенія 3-го къ тому 1-му Оффиціальной Австрійской Исторіи войны 1914-1918 г.г.. Расчетъ сдѣланъ въ поѣздахъ 100 оснаго состава.

«Но въ это время», объясняетъ далѣе ген. В. М. Драгоміровъ, «возникли новыя препятствія къ осуществленію плановъ штаба 3 арміи... 17(30) авг. командующимъ 5-й арміей было отдано распоряженіе объ отступленіи. Для штаба фронта выяснилось положеніе 5-й арміи и въ связи съ этимъ отдано 19 авг. (1 сент.), телеграммой №710, распоряженіе о сборѣ трехъ корпусовъ въ раіонѣ Жултанце-Туринка-Мосты Вельке-Каменка Струмилова, съ цѣлью поддержки 5-й арміи».

Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе невѣрная формулировка стратегической задачи, поставленной для лѣваго крыла фронта Главкоюзомъ. Телеграмма № 710 говоритъ о томъ, что лѣвое крыло должно было имѣть своей главной цѣлью — оказать содѣйствіе правому крылу (9, 4 и 5 арміямъ) при предстоящемъ его рѣшительномъ наступленіи. Съ этой цѣлью указывался сборъ въ раіонѣ Жултанце-Туринка-Мосты Велке-Каменка Струмилова не менѣе трехъ корпусовъ (а не трехъ корпусовъ, какъ передаетъ ген. В. М. Драгоміровъ). Подобное заданіе преслѣдуетъ цѣль — сосредоточеніе всѣхъ усилій въ избранномъ Главнокомандованіемъ раіонѣ для нанесенія главнаго удара, а вовсе не ограниченую цѣль помощи сосѣдей арміи.

Не пожелавъ понять мысль Главнаго Командованія и произвольно толкуя ее лишь какъ требованіе помочь сосѣдней 5-й арміи, ген. Драгоміровъ протестуетъ противъ приказаннаго свыше телеграммой № 710 сбора не менѣе трехъ корпусовъ къ сѣверу отъ Львова.

«Выдѣленіе значительныхъ силъ для такой цѣли(?) не признавалось штабомъ 3-й арміи(!) цѣлесообразнымъ, ибо наиболѣе дѣйствительная и быстрая поддержка, по мнѣнію этого штаба, оказывалась сосѣдней арміи выполненіемъ **задачи выпавшей(?!) на долю 3-й арміи**[7]), т. е. выходомъ на пути сообщенія противника, дѣйствовавшаго въ Привислянскомъ краѣ. Уже отвлеченіе отъ этой задачи правофлангового корпуса 3 арміи (по настойчивому распоряженію свыше) значительно уменьшило энергію дѣйствій 3 арміи на р. Гнилой Липѣ».

Здѣсь поражаетъ выраженіе «...задачи выпавшей на долю 3-й арміи». Задачи не выпадаютъ, а **ставятся приказомъ свыше.** Наштарм 3 примѣнилъ это выраженіе потому, что вслѣдъ затѣмъ онъ цитируетъ не то заданіе, которое было предписано ей Главнокомандованіемъ, а то, которое онъ считалъ болѣе правильнымъ.

Дальнѣйшая запись В. М. Драгомірова, въ которой онъ хочетъ оправдать свое поведеніе, не менѣе показательна, чѣмъ только что цитированный абзацъ.

«Конечно», пишетъ онъ, «возможность предупредить катастрофу въ сосѣдней арміи(?) могла вынудить штабъ 3 арміи отложить преслѣдованіе своихъ цѣлей(?!) и идти на выручку сосѣдней арміи, но такой постановки вопроса не было. Отходъ же, и притомъ состоявшійся, 5-й арміи и продвиженіе противника за нею только облегчали возможность удара по его путямъ сообщенія, если бъ только противникъ, по окончаніи боевъ на р. Гнилой Липѣ, посмѣлъ предпринять такое продвиженіе. Тогда несомнѣнно, помощь 5 арміи была бы въ высшей степени быстрой(?) и дѣйствительной, ибо противникъ попадалъ бы въ положеніе близкое катастрофѣ(?). Но помощь эта достигалась въ прежнемъ направленіи (прямо на Львовъ, прим. Н.Н.Г.), а не движеніемъ на сѣверъ для непосредственной поддержки 5-й арміи».

«Наконецъ, послѣ боя на р. Гнилой Липѣ», продолжаетъ ген. В. М. Драгоміровъ доказательства своей правоты, «можно было даже ожидать от-

[7]) Жирный шрифтъ ген. Н. Н. Головина.

ступленія противника изъ Привислянскаго края (это казалось наиболѣе вѣроятнымъ!) или отвлеченія непріятельскихъ силъ, дѣйствовавшихъ противъ 5-й арміи въ сторону 3-й арміи. Этимъ тоже была бы оказана поддержка 5-й арміи. Но, ослабленіе при такихъ условіяхъ 3-й арміи, путемъ увода отъ нея значительныхъ силъ, совершенно не отвѣчало обстановкѣ».

Здѣсь, В. М. Драгоміровъ упорно обосновываетъ свои разсужденія на совершенно невѣрномъ толкованіи стратегической мысли ген. М. В. Алексѣева и на правѣ 3-й арміи преслѣдовать свои собственныя цѣли, совершенно не считаясь со стратегической мыслью Главнаго Командованія. Тяжелое чувство испытываешь при чтеніи вышеприведенныхъ поясненій В. М. Драгомірова. Защищамое имъ оперативное искусство можно было бы наименовать «стратегическимъ анархизмомъ». Разсуждая затѣмъ о выходѣ на сообщенія А.-В., дѣйствовавшихъ противъ праваго крыла Юго-Западнаго фронта, онъ утверждаетъ, что наступленіе на Львовъ было самымъ быстрымъ и дѣйствительнымъ дѣйствіемъ, ставившимъ противника близко къ катастрофѣ. Какъ можно было убѣдиться изъ приведенной выше схемы, это совершенно невѣрно. 1-я и 4-я А.-В. арміи базировались на рѣку Санъ, поэтому, самымъ быстрымъ и рѣшительнымъ воздѣйствіемъ на нихъ являлось бы скорѣйшее выдвиженіе нашей 3-й арміи къ Рава Русской. Но самое примѣчательное изъ всѣхъ объясненій ген. В. М. Драгомірова — это конецъ его разсужденій:

«Штабъ фронта мыслилъ иначе», — пишетъ онъ. — «Въ этотъ періодъ имъ отдавались распоряженія: 1) о сосредоточеніи трехъ корпусовъ въ раіонѣ Каменка-Жултанце-Туринка-Мосты Вельке; 2)) о томъ, что Львовъ представляетъ «крѣпость», обезпеченную собственнымъ гарнизономъ, брать которую не слѣдуетъ, ибо дѣйствія у крѣпости свяжутъ русскія силы; 3) о томъ, что Львовъ не брать, а слѣдовать на поддержку 5-й арміи(?!), ибо участь сраженія и удача всего періода кампаніи зависитъ отъ исхода сраженія на линіи Люблинъ-Холмъ-Грубешовъ, а не въ раіонѣ Львова и въ случаѣ неблагопріятнаго исхода этого сраженія прійдется очистить Привислянскій край».

«Эти распоряженія казались штабу 3 арміи не отвѣчающими общему положенію дѣлъ(?!), поэтому, получая эти указанія, штабъ арміи шелъ на компромиссы и принималъ соотвѣтственныя мѣрѣ къ исполненію распоряженій, пока это было возможно(?!), но отъ основной цѣли командующій арміей отказаться не могъ(?!). Онъ продолжалъ движеніе ко Львову(!!), составлявшему ближайшую цѣль дѣйствій, съ войсками, которыми могъ распологать и приказалъ атаковать и взять этотъ городъ».

«Въ поясненіе указанной разницы во взглядахъ штабовъ фронта и 3 арміи(!!) слѣдуетъ замѣтить, что штабу фронта были извѣстны съ 17-18 августа результаты сраженія при Таненбергѣ (разгромъ 2-й арміи Самсонова) и рѣшеніе Ставки очистить въ ближайшіе дни Привислянскій край, если не будутъ достигнуты рѣшительные успѣхи надъ Австро-Венгерской арміей (у Люблина, прим. Н.Н.Г.). Штабу 3 арміи эти обстоятельства извѣстны не были, но врядъ ли они измѣнили его рѣшеніе».

То, что штабъ фронта считалъ Львовъ за крѣпость, являлось крупнѣйшей ошибкой его развѣдывательныхъ органовъ. Но, не меньшая вина въ этомъ отношеніи лежала и на штармѣ 3.

Изъ воспоминаній командира IX корпуса, мы знаемъ, что 19 августа (1

сентября), штармъ 3 разсылалъ по войскамъ своей арміи планъ и описаніе крѣпости Львовъ, несмотря на то, что сами войска уже расположились на ночлегъ на мѣстахъ не существующихъ фортовъ 1-й линіи. Изъ воспоминаній начальника 42-й пѣх. дивизіи ясно видно, что 20 авг. (2 сент.) не могло быть уже никакого сомнѣнія, что Львовъ не крѣпость, потому что войсковая развѣдка приблизилась на 3 километра до окраины города и непріятеля не нашла; слѣдовательно — для современной крѣпости просто не было мѣста. Что же дѣлало развѣдывательное отдѣленіе штарма 3? Работая, чисто по «чиновничьи», оно, повидимому, не считало нужнымъ изучать донесенія, поступавшія въ оперативное отдѣленіе, какъ дѣла, принадлежащія къ «чужому департаменту». Какъ не обратилъ вниманіе на это самъ наштармъ и генквармъ? Не можетъ быть, чтобъ они не читали войсковыя донесенія. Здѣсь, невольно возникаетъ грустное предположеніе — что въ объясненіяхъ наштарма 3 не упоминается главная причина его поведенія. Не являлся ли захватъ Львова замысломъ чисто честолюбиваго характера? Если читатель вдумается въ приведенную выше выдержку ген. В. М. Драгомірова, онъ убѣдится, что такой мотивъ могъ бы сполна объяснить поведеніе командованія 3 арміи.

Независимо отъ сего, поражаетъ самый характеръ объясненій. Непослушаніе командованія 3-й арміи приказамъ своего Главнаго Командованія именуется генераломъ В. М. Драгоміровымъ «разницею во взглядахъ». Какъ будто это двѣ равнозначущія величины, между которыми происходилъ какой то диспутъ!

Ген. В. М. Драгоміровъ откровенно пишетъ, что штабъ арміи исполнялъ приказанія свыше постолько, посколько это соотвѣтствовало его намѣреніямъ. Эти же намѣренія вытекали не изъ цѣли, поставленной Главнокомандующимъ, а изъ цѣли, которую произвольно поставилъ себѣ командармъ 3. Какъ будто бы воинская дисциплина (субординація) не должна проявляться въ полной силѣ и въ области оперативной мысли. «Военно-іерархическая организація должна прійти на помощь въ дѣлѣ субординаціи мысли», пишетъ фельдмаршалъ Мольтке[8]). Постановка основой задачи группѣ армій и частныхъ задачъ армій является прерогативой Главнокомандующаго; въ этомъ, прежде всего и заключается его **главнокомандованіе.** Крайне наивно звучитъ «поясненіе» этого отсутствія субординаціи, именуемой В. М. Драгоміровымъ «разницей во взглядахъ», тѣмъ, что штарму 3 не были извѣстны данныя о складывавшейся общей стратегической обстановки, которая была извѣстна штаюзу. Какъ будто бы это не является нормальнымъ явленіемъ, обуславливаемымъ іерархіей командованія. Болѣе анархическаго взгляда на вожденіе войскъ трудно встрѣтить.

Статья ген. В. М. Драгомірова, напечатанная во 2-мъ томѣ «Военнаго Сборника», позволяетъ предположить, что во главѣ «оппозиціи» Главнокомандованію Ю.-З. фронтомъ стоялъ онъ, а не Командующій 3-й арміи ген. Рузскій. Это подтверждается въ тѣхъ воспоминаніяхъ, которые намъ удалось собрать. Одинъ изъ офицеровъ ген. штаба, бывшій въ изучаемые нами дни завѣдующимъ службою связи въ Штармѣ 3, пишетъ слѣдующее[9]):

«Ни для кого въ молодомъ ген. штабѣ не было секретомъ, что ген. Рузскій, человѣкъ болѣзненный, слабохарактерный, не властный, а главное, за

---

[8]) Взято изъ исторіи войны 1859 г., составленной Прусскимъ генеральнымъ штабомъ, подъ непосредственнымъ руководствомъ фельдмаршала Мольтке.

[9]) Рукопись ген. Щелихина; хранится въ архивѣ ген. Н. Н. Головина.

предвоенный періодъ далеко отошедшій отъ вопросовъ оперативныхъ въ широкомъ смыслѣ, и всѣ видѣли въ лицѣ В. М. Драгомірова дѣйствительнаго руководителя оперативной части арміи».

«В.М.Драгоміровъ былъ человѣкомъ безспорно талантливымъ, властнымъ и даже деспотичнымъ, съ большимъ самомнѣніемъ. На ген. Рузскаго онъ смотрѣлъ свысока, игнорировалъ его. Я совершенно случайно былъ свидѣтелемъ слѣдующей сцены, когда штабъ былъ въ Золочевѣ».

«Ночью была получена телеграмма ген. Алексѣева, и я ее, какъ дежурный офицеръ ген. штаба, долженъ былъ передать лично ген. Драгомірову. Разбудилъ, далъ карту, свѣтъ и прочее. Генералъ Драгоміровъ (спалъ полуодѣтый) прочиталъ, прослѣдилъ по картѣ, плюнулъ и громко выругался. На свѣтъ и разговоръ изъ сосѣдней комнаты вышелъ въ дезабилье ген. Рузскій, — и здѣсь между ними разыгралась сцена».

«Телеграмма ген. Алексѣева въ третій разъ указывала взять направленіе на Раву Русскую и сѣвернѣе. При этомъ прикаывалось такой то корпусъ (XXI ген. Шкинскаго), шедшій на правомъ флангѣ и временно бездѣйствовавшій, двинуть въ промежутокъ между 3-й и 5-й арміями, главный же ударъ направить на Рава Русскую, бросивъ заниматься Львовомъ».

«Этотъ споръ былъ и на слѣдующій день. Всѣ въ штабѣ знали о немъ. Знали, что Львовъ считается, вѣрнѣе, почитается Драгоміровымъ чуть ли не за крѣпость перваго класса съ большимъ гарнизономъ. Къ нему онъ сосредоточивалъ все и даже, пользуясь своимъ вліяніемъ на ген. Ломновскаго (на і. штаба 8-й арміи), стремился и эту армію втянуть въ операцію противъ Львова».

«Ген. Рузскій до сего момента не находя въ себѣ достаточно силъ, чтобы противодѣйствовать своему напористому начальнику штаба, оставлялъ событія течь, какъ судьбѣ угодно. Его, однако, безпокоило невыполненіе двукратныхъ приказаній ген. Алексѣева...»

«И вотъ мнѣ пришлось присутствовать при столкновеніи, съ одной стороны дисциплинированный, но недовольный ген. Рузскій, съ другой — убѣжденный въ своей правотѣ ген. Драгоміровъ».

«Крупный между ними разговоръ, во время котораго ген. Рузскій упрекалъ ген. Драгоміровa въ неисполненіи приказовъ фронта, а ген. Драгоміровъ парировалъ Суворовскимъ «ближнему виднѣе», кончился истерическимъ воплемъ ген. Рузскаго, что командующій арміей — онъ, и онъ настаиваетъ, чтобы приказъ фронта былъ выполненъ».

«Но дальнѣйшія распоряженія ближайшихъ дней показали, что ген. Драгоміровъ остался при своемъ мнѣніи, и операція продолжалась разыгрываться на Львовскомъ направленіи. Лишь когда Львовъ былъ «взятъ», а, вѣрнѣе, сказать, оставленъ австрійцами безъ боя, и, нужно сказать, совершенно неожиданно для ген. Драгоміровa — лишь послѣ этого 3-я армія сдвинулась облически на Рава Русскую, а Штабъ 3-й арміи лишь скользнулъ по Львову, не останавливаясь, и обосновался въ Жолкевѣ».

ПОЛОЖЕНІЕ НА ФРОНТѢ 3-ей И 2-ой А.-В. АРМІЙ.

Положеніе отступавшихъ послѣ пораженія на Гнилой Липѣ (16/29 и 17/30 августа), 3-й и 2-й А.-В. армій, было очень тяжелое. Въ 3-й арміи оно было даже близко къ катастрофѣ.

Дравшійся на правомъ флангѣ послѣдней, XII-й А.-В. корпусъ, въ пол-

номъ безпорядкѣ самотекомъ шелъ къ р. Верещицѣ. Небольшая его часть ушла во Львовъ, а другая — примкнула къ лѣвому (сѣверному) флангу 2-й арміи. Между обѣими А.-В. арміями образовался широкій прорывъ. Только 1-го сентября (19 августа) командиру XII-го А.-В. корпуса удалось собрать за р. Зубрже, въ раіонѣ Дорнфельда, около 20.000, что составляло менѣе половины штатнаго состава этого корпуса; остановленныя во время бѣгства части, были мало боеспособны. 4-я и 8-я А.-В. кавалерійскія дивизіи пытались прикрыть легкой завѣсой, образовавшееся между 3-й и 2-й А.-В. арміями пустое пространство.

Сѣвернѣе XII-го корпуса отступалъ III А.-В. корпусъ. Къ 1-му сент. (19 авг.) онъ собрался непосредственно къ югу отъ г. Львова въ раіонѣ сел. Сокольники.

Еще сѣвернѣе XI-й А.-В. корпусъ осадилъ къ старымъ Львовскимъ укрѣпленіямъ, занявъ сѣверный и сѣверо-восточный фасы.

Въ раіонъ Куликова и Жолкева подошли съ тыла — 23-я гонведная пѣх. дивизія и 97 венгерская ландштурмная бригада. Еще сѣвернѣе, прикрывая пути въ тылъ 4-ой А.-В. арміи (ген. Ауффенберга) находились 10-я и 11-я кавалерійскія дивизіи.

Дабы быть наиболѣе точнымъ въ оцѣнкѣ моральнаго состоянія войскъ 3-й А.-В. арміи, я приведу содержаніе доклада подполковника Пуртшеръ, посланнаго А.-В. Главнокомандованіемъ въ числѣ другихъ офицеровъ ген. штаба для того, чтобы собрать свѣдѣнія о томъ, что происходитъ въ этой арміи. Подполковникъ Пуртшеръ вернулся въ А.-В. Ставку къ 10 часамъ утра 31 (18) августа и доложилъ генералу Конрадъ:

«Во Львовѣ спокойно. По дорогѣ на Бобрку встрѣтилъ около 2.000 человѣкъ бѣглецовъ изъ XII корпуса. XI-й корпусъ, хотя и не велъ сильныхъ боевъ, таетъ и не вполнѣ надеженъ. 23-я пѣх. дивизія завязала бой съ непріятелемъ, наступающимъ отъ Дзибулки[1]). Результатъ этого боя еще неизвѣстенъ. III-ій корпусъ въ должномъ численномъ составѣ. 44-я пѣх. дивизія въ хорошемъ состояніи[2]). 22-я, утерявшая связь съ XII корпусомъ совершенно ненадежна. XII-й корпусъ не боеспособенъ; его частей, сохранившихъ порядокъ не видалъ...» Въ видѣ общаго заключенія подполковникъ Пуртшеръ заявилъ — что 3-я армія удержаться на линіи Львовъ-Миколаевъ[3]) не можетъ[4]).

Посылка генераломъ Конрадъ своихъ офицеровъ ген. штаба для выясненія того, что происходитъ въ 3-й А.-В. арміи, была вызвана тѣмъ, что понесенное ею пораженіе на Гнилой Липѣ разстроило ея армейское управленіе; связь штаба 3-й арміи съ войсками была частью утрачена и онъ былъ плохо оріентированъ въ обстановкѣ.

Командующій этой арміей ген. Брудерманнъ, считалъ — что нужно сразу же отойти за сильный оборонительный рубежъ р. Верещицы, не задерживаясь на р. Зубрже. Ген. Конрадъ сначала согласился на это[5])); однако, вскорѣ затѣмъ онъ взялъ свое согласіе обратно.

Изучая въ воспоминаніяхъ ген. Конрада его запись отъ 31-го (18) августа, можно легко убѣдиться въ томъ — насколько его тревожила возможность для Русскихъ выдвинуть крупныя силы въ тылъ арміи генерала Ауффенберга[6]).

1) Съ 33-ей пѣх. дивизіей нашего XXI-го корпуса, см. выше (прим Н. Н. Г.).
2) 44-я дивизія была передана въ XI-й корпусъ (прим. Н. Н. Г.).
3) т. е. на рубежѣ р. Зубрже (прим. Н. Н. Г.)
4) Воспоминанія ген. Конрада, т. IУ, стр. 596.
5) Конрадъ, т. IУ, стр. 596.
6) Конрадъ, т. IУ, стр. 592.

ТАБЛИЦА.

Составъ 3-ей А.-В. арміи.
1—3 сентября (19—21 августа).

Корпуса	Пѣхотныя дивизіи	Ландштурмныя и маршевыя бригады	Кавалерійскія дивизіи
XII-й	11-я 16-я 35-я	105-я ландштурм.	
III-й	6-я 28-я 22-я ландверная 88-я стр. бригада	108-я ландштурм. 14-я маршевая	
XI-й	30-я 44-я	93-я ландштурм. 4-я маршевая 11-я маршевая	
Группа генерала Демпфъ	23-я гонведная	97-я ландштурм.	10-я 11-я гонведная
Части, не входящія въ составъ корпусовъ			4-я

«Теперь все зависѣло отъ скорѣйшей рѣшительной побѣды 4-й арміи. Уже нѣсколько дней я ждалъ ее, но опасался, что стремленіе ген. Ауффенберга достигнуть полнаго окруженія врага замедлитъ успѣхъ; обстановка же требовала спѣшнаго завершенія операціи Ауффенберга...»

«Полковникъ Метцгеръ[7]) полагалъ что, если 4-я армія не добьется сегодня успѣха, нужно будетъ отдать приказъ объ отступленіи».

«Я не былъ съ этимъ согласенъ, однако, считалъ необходимымъ, что нужно сдѣлать все чтобы 4-я армія скорѣе добилась рѣшенія; скорый, хотя бы болѣе скромный успѣхъ, былъ для насъ желательнѣе, нежели промедленіе изъ за постановки слишкомъ обширной задачи. О представляющихся въ этомъ отношеніи возможностяхъ, могло судить только само командованіе 4-й арміи. Для этого, штабъ ген. Ауффенберга былъ уже въ 9 часовъ утра оріентированъ мною телеграммой (оп. № 1376) о трудности положенія 3-й арміи; въ этой телеграммѣ было указано, что 4-я армія должна ограничить поставленную себѣ задачу болѣе узкими рамками, дабы добиться успѣха 31-го (18) августа — и самое позднее, 1-го сент. (19 авг.). Если къ этому времени успѣхъ не будетъ достигнутъ, угроза съ юго-востока тылу арміи ген. Ауффенберга могла возрасти до такой степени, что дальнѣйшее нахожденіе 4-й арміи въ теперешнемъ положеніи, въ особенности же группы Эрцгерцога Іосифа Фердинанда, станетъ невозможнымъ...»

Вскорѣ послѣ посылки этой телеграммы, ген. Конрадъ выслушалъ доклады маіоровъ ген. штаба — Шнейдеръ и Шнеллеръ, ѣздившихъ также по его

7) Начальникъ оперативнаго отдѣленя А.-В. Ставки (прим. Н. Н. Г.).

СХЕМА № 25.

3-Я И 2-Я А.-В. АРМІИ 1 СЕНТЯБРЯ (19 АВГУСТА).

порученію въ 3-ю армію для сбора свѣдѣній. Эти доклады произвели на ген. Конрадъ успокаивающее впечатлѣніе. «Маіоры Шнейдеръ и Шнеллеръ», отмѣчаетъ онъ, въ своихъ воспоминаніяхъ[8]), «оцѣнивали обстановку не столь мрачно, какъ это можно было ожидать 30-го августа. Они доложили — что въ

8) т. IУ, стр. 597.

3-й арміи положеніе улучшилось. Въ III-мъ корпусѣ обѣ дивизіи въ рукахъ командованія... О XII-мъ корпусѣ стало извѣстно — что онъ отступилъ частью на Львовъ, частью на Бобрка...»

Подъ впечатлѣніемъ этихъ докладовъ у ген. Конрадъ возникаетъ надежда на возможность удержать 3-ю армію на линіи Львовъ-Миколаевъ, что, по его мнѣнію, облегчало прикрытіе тыла заканчивавшаго свою операцію ген. Ауффенберга. Онъ рѣшаетъ взять назадъ данное имъ ген. Брудерманну согласіе на отводъ 3-й арміи сразу на р. Верещицу и посылаетъ ему телеграмму (оп. № 1380[9]), указывающую — что, въ виду улучшившейся обстановки, крайне желательно, чтобы 3-я и 2-я арміи оказали сопротивленіе врагу на линіи Львовъ-Миколаевъ; отходъ къ р. Верещицѣ допускался лишь въ крайнихъ обстоятельствахъ. Во всякомъ случаѣ, онъ приказывалъ сформировать въ раіонѣ Жолкевъ-Куликовъ группу изъ 10-й и 11-й кав. дивизій и не менѣе двухъ свѣжихъ пѣхотныхъ дивизій. Задачей этой группѣ ставилось: прикрыть тылъ арміи ген. Ауффенберга, не допустивъ непріятеля дѣйствующаго противъ Львова двинуть часть своихъ силъ черезъ Жолкевъ въ направленіяхъ на Унувъ, Рава Русска и Немировъ.

Около 2 час. дня 31-го (18) августа, ген. Конрадъ получилъ отъ ген. Ауффенберга донесеніе объ отступленіи отъ Комарова арміи Плеве, въ которомъ хвастливо говорилось, что «русскіе сдаются толпами»[10]). Еще болѣе самоувѣренно звучалъ сопровождавшій это донесеніе докладъ начальника оперативнаго отдѣленія этого штаба, полковника Зоосъ. Какъ я уже упоминалъ, въ первой главѣ, послѣдній формулировалъ свою оцѣнку обстановки на фронтѣ арміи ген. Ауффенберга такъ:

«По моему мнѣнію, нужно ожидать полнаго развала находящихся противъ насъ русскихъ силъ». При этомъ, полк. Зоосъ считалъ, что 4-я армія можетъ на слѣдующій же день, т. е. 1-го сент. (19 авг.), ограничившись преслѣдованіемъ лишь незначительными силами совершенно разбитой, по его мнѣнію, арміи Плеве, повернуть свои главныя силы на югъ для участія въ бояхъ у Львова. Полученіе этихъ свѣдѣній изъ штаба ген. Ауффенберга настраиваетъ ген. Конрада оптимистически и онъ посылаетъ генералу Брудерманнъ категорическое приказаніе[11]) прочно удерживать въ своихъ рукахъ раіонъ Куликовъ-Львовъ. Одновременно съ этимъ, онъ приказываетъ 2-й арміи собрать свои главныя силы (17, 20, 34 пѣх. и 8-я кав. дивизіи, 12-я маршевая бригада) на сѣверномъ берегу р. Днѣстра въ раіонѣ Миколаева, примкнувъ на р. Зубрже къ правому флангу 3-й арміи. Группой войскъ, собранной у Миколаева, предполагалось перейти въ контръ-наступленіе во флангъ русскимъ силамъ, атакующимъ XII-й А.-В. корпусъ на р. Зубрже. Остальныя силы 2-й А.-В. арміи оставлялись на южномъ берегу р. Днѣстра. Очистивъ Заднѣстровье и взорвавъ мосты черезъ р. Днѣстръ восточнѣе устья р. Стрый, онѣ должны были отойти за этотъ послѣдній. Высадка подвозимыхъ по жел. дорогѣ подкрѣпленій назначалась: 102-й ландштурмной бригадѣ въ Стрыѣ, 7-й маршевой бригадѣ въ Дрогобычѣ и IV-му корпусу въ раіонѣ Самборъ.

«Я надѣялся», пишетъ генералъ Конрадъ»[12]), что, при подобномъ образѣ дѣйствій мы имѣли шансы на успѣхъ. Въ самомъ дѣлѣ, если 1-й, 2-й и

---

9) Конрадъ, т. IУ, стр. 597.
10) Конрадъ, т IУ, стр. 593.
11) оп. № 1412, Конрадъ, т. IУ, стр. 595.
12) т. IV, стр. 600
13) т. IУ, стр. 600.

ТАБЛИЦА.

Составъ 2-й А.-В. арміи, 1—3 сентября (19—21 августа).

Корпуса	Пѣхотныя дивизіи	Ландштурмныя и маршевыя бригады	Кавалерійскія дивизіи
VII	17-я 34-я 20-я гонведная	12-я маршевая	
Части, не входящія въ составъ корпусовъ	38-я гонведная 43-я ландверн.	35-я ландштурм. 40-я ландштурм.	1-я 8-я 5-я гонведная
Подвозимыя по желѣзнымъ дорогамъ:			
IV-й	31-я 32-я	7-я маршевая 102-я ландштурм.	

3-й арміямъ удалось бы сохранить указанные имъ фронты, а 4-й арміи, послѣ одержанной ею побѣды, примкнуть къ 3-й арміи — то создавалась для насъ выгодная группировка силъ. Она улучшалась еще прибытіемъ съ Сербскаго театра IV-го корпуса...»

Во исполненіе новаго приказа ген. Конрада, командующій 3-й А.-В. арміей ген. Брудерманнъ, отдалъ въ 5 часовъ дня 31(18) августа приказъ № 344[13]), въ которомъ указывалось, что по политическимъ и стратегическимъ условіямъ, Львовъ долженъ быть удержанъ во чтобы то ни стало. Съ этой цѣлью приказывалось:

XI-му корпусу оборонять сѣверо-восточный и восточный фасы Львовскихъ укрѣпленій.

III-му корпусу развернуться на фронтѣ Сѣховъ-Липники; занимая одной бригадой возвышенности юго-восточнѣе Сокольники онъ долженъ былъ собрать скрытно свои силы къ югу и юго-западу отъ этого селенія для перехода въ контръ-атаку.

XII-му корпусу обороняться на рубежѣ р. Зубрже къ югу отъ Липники. Въ томъ случаѣ, если выполнить это окажется невозможно, XII корпусъ долженъ былъ осадить свой фронтъ на линію Липники-Щержецъ-Комарно.

23-й пѣх. дивизіи, 97-й ландштурмной бригадѣ, образовать вмѣстѣ съ 10-й и 11-й кав. дивизіями группу генерала Демпфъ. Задачей этой группѣ ставилось — не допустить наступленіе противника на Жолкевъ и Магирувъ.

«Штабъ 3-й арміи», пишетъ полковникъ Питрейхъ»[14]) хотѣлъ назначить въ группу генерала Демпфъ еще 93-ю ландштурмную бригаду, но это оказалось невозможнымъ вслѣдствіи ея малой боеспособности».

Главное же то — что вообще все приказаніе ген. Конрада, касающееся группы ген. Демпфъ, оказалось невыполнимымъ. 23-я пѣх. дивизія и 97-ая ландштурмная бригада уже ввязались 31-го (18) августа въ бой у Дзибулки съ нашимъ XXI корпусомъ. 1 сент. (19 авг.) онѣ были разбиты и отрѣзаны отъ Жолкева; послѣдній былъ занятъ 44-й пѣх. дивизіей вышеназваннаго корпуса; 23-я А.-В. пѣх. дивизія и 97-я ландштурмная бригада отступили по на-

14) Max Freiher von Pitreich: «Lemberg. 1914». Вѣна, 1929, стр. 85.

правленію на Львовъ. Пути отъ Жолкева на Рава Русскую оказались закрытыми лишь завѣсой 10-й кав. дивизіи, поддержанной командами мѣстной жандармеріи и ландштурма. Однако, какъ мы уже знаемъ, нашъ XXI корпусъ, разбившій у Дзибулки Австро-Венгерскую 23-ю пѣх. дивизію и 97-ю ландштурмную бригаду, былъ оттянутъ генераломъ Рузскимъ на переходъ назадъ въ раіонъ Добротворъ — Каменка Струмилова, на Бугѣ. Это давало Австро-Венграмъ полезную для нихъ отсрочку... но судьба рѣшила иначе. Доблесть русскихъ войскъ выправила стратегическую ошибку высшаго командованія. Дѣло въ томъ, что ударъ, нанесенный 33-й дивизіей нашего XXI корпуса былъ настолько силенъ, что духъ дравшагося противъ нихъ врага былъ окончательно подорванъ. Въ ночь съ 1-го на 2-е сент. (19 на 20 авг.) въ частяхъ 23-й гонведной пѣхотной дивизіи и 97-й ландштурмной бригады разразилась страшная паника. Толпы людей перемѣшавшись съ табунами лошадей, бѣжали во Львовъ отъ страха передъ воображаемой ночной атакой русскихъ.

Оффиціальная Австрійская Исторія Войны 1914-1918 г.г.[15]) описываетъ эту панику такъ:

«Участь Львова была рѣшена ранѣе чѣмъ 4-я армія положила свой мечъ на вѣсы побѣды. Толчекъ къ этому рѣшенію дала случайность, происшедшая къ сѣверу отъ Львова въ ночь на 2-е сентября. Здѣсь, группа ген. Демпфъ до поздняго вечера успѣшно(?) боролась съ подавляющимъ въ силахъ врагомъ. Но, когда наступила темнота, въ 97-й венгерской ландштурмной бригадѣ разразилась паника быстро передавшаяся и въ 23-ю гонведную пѣх. дивизію. Испуганныя части открыли стрѣльбу другъ въ друга и въ безпорядкѣ хлынули ночью во Львовъ. Съ большимъ трудомъ удалось только утромъ, при помощи батальоновъ 4-й маршевой бригады, удержать ихъ за воротами города и собравъ ихъ привести въ порядокъ. Въ ту же ночь, 11-я кав. див., внезапно атакованная русскими къ югу отъ Жолкева, въ одинъ переходъ отскочила къ Януву. Вмѣстѣ съ тѣмъ, получены были извѣстія, что сильная русская колонна прорвалась въ лѣса къ сѣверо-западу отъ Львова, что совершенно нарушало всѣ расчеты штаба 3-й арміи».

Ночной атаки на 11-ю А.-В. кав. дивизію русскіе не производили; также точно «сильная русская колонна», прорвавшаяся въ Янувскую лѣсную полосу, существовала лишь въ воображеніи штаба 3-й арміи. Паника, происшедшая въ 97-й ландштурмной бригадѣ и 23-й Австро-Венгерской пѣх. дивизіи, не была простой случайностью. Она являлась лишь однимъ звеномъ изъ цѣпи явленій имѣвшихъ своей общей причиной испытанное пораженіе, потрясшее духъ Австро-Венгерскихъ войскъ и ихъ начальниковъ.

Не лишено интереса — что полковникъ генеральнаго штаба Питрейхъ[16]), хотя и перекладываетъ вину происшедшей паники на артиллрійскихъ лошадей, все таки, въ заключеніе соглашается, что большія послѣдствія, которыя возымѣлъ на войска этотъ испугъ лошадей, объясняется подорванной психикой войскъ.

«Боеспособными были въ 3-й арміи», пишетъ далѣе тотъ же полковникъ Питрейхъ, «лишь пять дивизій въ XI-мъ и III-мъ корпусахъ. Онѣ стояли на позиціи между Михаловщизна[17]) и Липники на фронтѣ шириной въ 25 клм. Къ сѣверу ничего; къ югу, до Миколаева тоже ничего. Вышеупомянутыя пять

15) т. I, стр. 253.

16) стр. 86—87.

17) Возвышенность 357, на австрійской картѣ на 1:200.000 въ километрахъ прямо къ сѣверу отъ Львова; вблизи селеній Мал. и Вел. Гржибовице. Прим. Н. Н. Г.

СХЕМА № 26.

Положенiе А.-В. армiй къ 3-му сентября (21-го августа) вечеромъ.

дивизій были охвачены, какъ большой дугой, по крайней мѣрѣ, 12-ю русскими пѣхотными дивизіями, готовившимися сжать ихъ съ обоихъ фланговъ. Разсчитывать на помощь со стороны Миколаева не приходилось. Для подхода же 4-й арміи ко Львову требовалось отъ пяти до шести дней». Въ такихъ условіяхъ командованіе 3-й арміей не считало возможнымъ удерживать Львовъ. Съ цѣлью добиться разрѣшенія генерала Конрадъ отвести 3-ю А.-В. армію на Верещицу, въ Ставку, находившуюся въ Перемышлѣ, утромъ 2-го сент. (20 авг.) пріѣхалъ ген. Боогъ, (новый начальникъ штаба 3-й А.-В. арміи, смѣнившій отчисленнаго отъ этой должности полковника Пфеффера). Онъ привезъ донесеніе ген. Брудерманна[18]), въ которомъ говорилось:

«Мысль объ удержаніи Львова основывалась на возможности собрать къ сѣверу отъ Львова группу войскъ въ 30 батальоновъ, которая не допустила бы обходъ съ сѣвера черезъ Янувскую лѣсную полосу. Паника, разразившаяся сегодня ночью въ 97-й ландштурмной и въ 23-й пѣхотной дивизіяхъ, дѣлаетъ эти ожиданія совершенно несостоятельными. Вышеназванныя войсковыя части, на боеспособность которыхъ мы твердо разсчитывали, при рѣшеніи защищать Львовъ, только что отхлынули ко Львову, хотя вчера и успѣшно дрались. Путь для наступленія врага на Янувъ-Яворовъ открытъ. Свѣжихъ войскъ въ распоряженіи арміи больше нѣтъ. Нужно принять въ расчетъ, что боеспособныя части, на которыя мы разсчитывали (30-я, 6-я, 28-я, и 44-я пѣх. дивизіи) также сильно потрепаны и полной боеспособностью не обладаютъ...»

Привезенное донесеніе командующаго 3-й А.-В. арміей ген. фонъ Боогъ дополнилъ личнымъ докладомъ. Онъ настаивалъ на томъ, что 3-я армія удержать Львовъ не можетъ, что она нуждается въ передышкѣ для возстановленія боеспособности, а потому, должна быть возможно скорѣе отведена за р. **Верещицу.** На скорый переломъ въ настроеніи солдатскихъ массъ, особенно славянскихъ частей, составлявшихъ 35% состава арміи, не приходится разсчитывать. Хотя А.-В. Верховное командованіе прислало на укомплектованіе Славянскихъ полковъ 3-й арміи венгерскіе и румынскіе маршевые батальоны, стремясь способствовать этимъ желательному перелому, однако благопріятные результаты могутъ быть достигнуты лишь въ томъ случаѣ, если въ распоряженіи арміи окажется, хотя бы нѣсколько дней безъ боевъ для влитія въ ряды войскъ этихъ новыхъ комплектованій.

«Очищеніе Львова», пишетъ полк. Питрейхъ[19]), «было крайне нежелательно для Верховнаго командованія, ибо оно должно было произвести большое впечатлѣніе какъ на друзей — такъ и на враговъ. Публика судитъ объ успѣхахъ и неуспѣхахъ главнымъ образомъ по занятію и оставленію географическихъ пунктовъ. Въ данномъ же случаѣ нельзя было объяснить публикѣ, что 3-я армія отходитъ на р. Верещицу для того, чтобы выждать подходъ съ сѣвера 4-й арміи, которая ударитъ врагу во флангъ. Къ тому же, было распространено мнѣніе, что Львовъ «крѣпость». То, что укрѣпленія Львова представляли собой въ дѣйствительности лишь стрѣлковые окопы полевой профили и небольшія земляныя укрѣпленія, предназначенныя для защиты этого города отъ кавалерійскихъ набѣговъ, въ большой публикѣ никто не зналъ. Даже Русскіе имѣли совершенно преувеличенное представленіе объ этихъ укрѣпленіяхъ. Нужно было также считаться съ тѣмъ, неблагопріятнымъ впечатлѣніемъ, которое произведетъ очищеніе Львова на сочувствующіе Австріи польскіе круги. Верховному командованію приходилось очень призадуматься надъ

18) Цицировано у ген. Конрадъ, т. IV, стр. 620.
19) 1914, стр. 87 и 88.

предложеніемъ 3-й арміи. Только послѣ самой тщательной оцѣнки, создавшейся обстановки рѣшилось оно отдать приказъ о дальнѣйшемъ отступленіи 3-й и 2-й армій. Чѣмъ труднѣе рѣшеніе — тѣмъ выше оно должно быть оцѣнено. Находившіяся у Львова войска легко могли быть окружены непріятелемъ и въ заслугу Верховному командованію должно быть поставлено, что эта опасность была избѣгнута».

Самъ ген. Конрадъ записываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ[20]), что послѣ доклада ген. Боогъ ничего не оставалось другого, какъ принять тяжелое рѣшеніе очистить Львовъ. Въ 10 часовъ 45 мин. утра, 2-го сент. (20 авг.) такой приказъ (оп. № 1474) и былъ отданъ.

Принявъ рѣшеніе объ отводѣ 3-й арміи за линію р. Верещицы, ген. Конрадъ остается при своемъ прежнемъ намѣреніи перейти въ наступленіе на своемъ восточномъ фасѣ, какъ только подойдетъ съ сѣвера армія ген. Ауффенберга. Идею этого маневра онъ оставляетъ прежнюю, а именно, поймать наступающія съ востока русскія арміи въ стратегическій мѣшокъ. Для сего, отошедшая на р. Верещицу 3-я А.-В. армія должна была удерживать и сковывать врага на фронтѣ; 4-я армія должна была атаковать врага съ сѣвера, въ то время, какъ 2-я армія перейдетъ въ наступленіе противъ него съ юга. Для обезпеченія этого маневра ген. Конрадъ приказалъ свой 1-й арміи (гн. Данкль) прочно удерживать свое положеніе къ сѣверу отъ Таневскихъ лѣсовъ.

Однако, задумывая этотъ маневръ, ген. Конрадъ допускаетъ, что 3-я А.-В. армія не въ состояніи будетъ удержаться и на р. Верещицѣ. Посему, онъ оттягиваетъ сосредоточеніе 2-й арміи нѣсколько назадъ, а именно, перемѣщаетъ его за р. Тисменицу, въ раіонъ Дрогобычъ-Самборъ. У Миколаева, для защиты находящагося тамъ тетъ-де-пона, должна быть оставлена всего одна дивизія (20-я). Въ Комарно, для непосредственной поддержки праваго фланга 3-й арміи должна быть направлена одна пѣхотная (34-я) дивизія. Относительно контръ-наступленія 2-й арміи во флангъ русскимъ силамъ, атакующимъ 3-ю армію на р. Верещицѣ, ген. Конрадъ предполагалъ два варіанта. По первому изъ нихъ, въ томъ случаѣ, если 3-ей арміи удастся прочно держаться за р. Верещицей, контръ-наступленіе намѣчалось восточнѣе Вельке Блото, по возможности отъ переправъ черезъ Днѣстръ у Колодрубы и Миколаева. Второй варіантъ — предусматривалъ неустойку 3-й арміи на Верещицѣ и потому контръ-наступленіе 2-й арміи должно было вестись отъ переправъ черезъ Днѣстръ лжащихъ къ западу отъ Вельке Блото.

Направленіе для контръ-наступленія 4-й арміи ген. Конрадъ оріентировалъ на фронтъ Немировъ-Магировъ[21]). При этомъ характерно, что ген. Конрадъ опасается не за восточный флангъ Ауффенберга (у Магирова), а за западный (у Немирова). Онъ боится русскаго удара въ разрѣзъ между 4-й и 3-й арміями на Яворовъ. Съ этой цѣлью, онъ указываетъ 4-й арміи имѣть сильный правый флангъ, а 3-й сильный лѣвый флангъ. Правда, онъ указываетъ одновременно 4-й арміи, для парированія возможной угрозы русскихъ имѣть на лѣвомъ флангѣ (восточномъ) уступъ.

Оцѣнивая задуманное ген. Конрадъ стратегическое построеніе, мы видимъ — что оно отвѣчаетъ тому случаю, если генералъ Рузскій и послѣ занятія Львова продолжалъ бы не слушать распоряженій, исходящихъ изъ Штаюза отъ ген. Алексѣева. Напротивъ того, въ томъ случаѣ, если ген. Рузскій

20) т. IV, стр. 622.
21) оп. приказа № 1524 отъ 3 сент. 1914 г. Конрадъ IV, стр. 629.

поступитъ согласно приказа Штаюза № 710, ударъ во флангъ угрожалъ бы не ему, а ген. Ауффенбергу.

Тотчасъ же по полученіи телеграфнаго приказа, ген. Конрада, объ отходѣ на р. Верещицу Австро-Венгры стали очищать Львовъ. Въ теченіи ночи на 3-е сент. (на 21 авг.) ушли изъ столицы Восточной Галиціи послѣднія войска. Вслѣдствіи поспѣшности, съ которой происходило очищеніе Львова, таковое проходило безпорядочно. Большіе запасы продовольствія и разнаго вида снабженія были облиты керосиномъ и подожжены: однако, много такихъ запасовъ было просто брошено. По мнѣнію нѣкоторыхъ А.-В. военачальниковъ[22]), штабъ 3-й арміи не только не думалъ о передачѣ оставляемыхъ запасовъ проходившимъ войскамъ или о вывозѣ ихъ, а просто панически торопился покинуть Львовъ, не дѣлая даже попытокъ прикрыть эвакуацію аріергардными частями. Къ вечеру 3-го сент. (21 авг.) части 3-й А.-В. арміи достигли слѣдующихъ раіоновъ:

XI-й корпусъ и группа ген. Демпфъ — раіона Яворова.

III корпусъ — раіона Гордка.

XII корпусъ — раіона западнѣе Лубень В.

34-я пѣх. дивизія, переданная въ подчиненіе 3-й арміи, совмѣстно съ 8-й кав. дивизіей — раіона Комарно.

Опасаясь обхода русскими сѣвернаго фланга 3-й арміи, командованіе приказало укрѣпить возвышенности отъ Яворова до Каменноброда, на которыхъ предполагало упорно обороняться до подхода частей 4-й арміи. Въ этотъ же день была установлена между 3-й и 2-й А.-В. арміями новая разграничительная линія по р. Днѣстру.

2-я А.-В. армія, очиствивъ переправы черезъ р. Днѣстръ къ востоку отъ Миколаева, отходила въ раіонъ Самборъ-Дрогобычъ. Сосредоточеніе въ этомъ раіонѣ предполагалось закончить къ 6-му-7-му сент. (24-25 авг.), когда ожидалось окончаніе высадки IV А.-В. корпуса (31-я и 32-я пѣх. див.) у Самбора.

---

22) Конрадъ, с IV, стр. 631 и 666. Начальникъ штаба Львовскаго укрѣпленнаго раіона и комкор. XII сообщили главнокомандованію объ излишней поспѣшности при эвакуаціи Львова, граничащей съ паникой (цитировано у Бѣлова: «Галиційская Битва», стр. 218).

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ ОФОРМЛЕНІЕ НОВАГО ПЛАНА ГАЛИЦІЙСКОЙ БИТВЫ

ЗАНЯТІЕ ЛЬВОВА.

Въ то время, когда 20-го августа (2 сент.), 3-я А.-В. армія торопливо очищала Львовъ, три корпуса (XI, IX и X) нашей 3-й арміи, оставались на фронтѣ Ярычувъ-Островъ-Шеломея. Четвертый же корпусъ (XXI), послѣ ночного форсированнаго марша, отдыхалъ въ раіонѣ Каменка-Струмилова.

Какъ мы уже говорили выше, командиръ IX корпуса, ген. Щербачовъ, упорно добивался разрѣшенія командарма 3 незамедлительно атаковать Львовъ. Въ 2½ часа дня, 20-го августа (2 сент.), онъ получилъ изъ штарма 3 разрѣшеніе, произвести усиленную развѣдку, но лишь небольшими частями пѣхоты, поддержанными артиллеріей. Генералъ Щербачевъ немедленно приказалъ бригадѣ 42-й пѣхотной дивизіи, съ 2 батареями занять линію Миклашевъ-Унтербергенъ; 5-й дивизіи, которая къ 11 часамъ утра перешла въ раіонъ 32-й дивизіи XI-го корпуса, онъ приказалъ, имѣя авангардъ къ западу, на линіи Борщовицы-Ярычувъ, выдвинуть другой авангардъ къ западу отъ лѣса Цавлида и взять высоту 263. Все было выполнено почти безъ сопротивленія», записываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ ген. Щербачевъ[1]), «а противъ 42-й дивизіи былъ лишь открытъ огонь съ горы 288 у жел. дороги; въ 5-й дивизіи противникъ былъ принужденъ отойти однимъ артиллерійскимъ огнемъ. Видимо, тамъ была только спѣшенная кавалерія съ конной артиллеріей»[2]).

Вечеромъ этого дня, командармъ 3, ген. Рузскій, послалъ Главкоюзу донесеніе № 380[3]), въ которомъ говорится, что «сегодня противникъ уже находится въ полномъ отступленіи, мѣстами бѣжитъ на западъ, бросая легкія и тяжелыя орудія, цѣлый артиллерійскій паркъ, 10 походныхъ кухонь. Сегодня 3-я армія окончательно овладѣла передовыми позиціями, вынесенными передъ Львовскими укрѣпленіями, съ которыхъ непріятель отступилъ въ безпорядкѣ.

---

1) «Львовъ — Рава Русская — Перемышль. IX корпусъ и 3-я армія въ Галиціи въ 1914 г.». Военный Сборникъ (изд. въ Бѣлградѣ). Книга 10-я, стр. 126

2) На самомъ дѣлѣ это были части 97-й ландштурмной бригады, составлявшей гарнизонъ Львова и очистившія его въ эту же ночь (на 21 авг. 3 сент.), прим. Н. Н. Г.

3) Цитировано у Борисова, ч. I, стр. 189 и 191.

Въ виду такого положенія и показаній плѣнныхъ о разстройствѣ непріятельскихъ войскъ, предполагается, съ приходомъ VII корпуса начать атаку Львова 22-го[4])». Читая это донесеніе, мы можемъ убѣдиться, что даже вечеромъ 20 авг. (2 сент.) нашъ Штарм 3 пребывалъ еще въ увѣренности, что Львовъ крѣпость и собирался его штурмовать какъ таковую. Онъ продолжалъ также относиться несочувственно къ идеямъ Штаюза, изложеннымъ въ телеграммѣ № 710[5]). Подтвержденіемъ послѣдняго можетъ служить конецъ донесенія № 380, въ которомъ говорится: «распоряженія по Вашему приказу № 710 дѣлаются. IX и X корпуса находящіеся передъ Львовскими укрѣпленіями, безусловно снять нельзя. VII корпусъ свернуть съ даннаго ему направленія также невозможно. Прійдется притянуть XII или VIII корпусъ, который можетъ прибыть съ парками, госпиталями, обозами, не ранѣе 23 авг. (5 сент.). Указанный въ № 710 раіонъ придется расширить въ виду отсутствія путей для движенія такихъ силъ. Считаю должнымъ доложить, что снабженіе трехъ корпусовъ, въ особенности XII-го, а также устройство военныхъ дорогъ къ нимъ, вслѣдствіи недостатка подходящихъ путей, будетъ поставлено въ тяжкія условія».

Мнѣ уже приходилось выше, на основаніи анализа воспоминаній начальника штаба нашей 3-й арміи[6]), обнаружить, насколько велики были внутреннія тренія, которыя встрѣчали въ штармѣ 3 оперативныя распоряженія Штаюза. Указанныя въ только что цитированномъ концѣ донесенія № 380, затрудненія по устройству тылу проистекали въ значительной мѣрѣ отъ того — что штарм 3 не выполнялъ предшествовавшихъ указаній Штаюза.

Неосновательнымъ является также утвержденіе вышецитированнаго донесенія — что «безусловно» нельзя передвинуть на сѣверъ IX-й и X-й корпусъ, «какъ находящіеся передъ Львовскими укрѣпленіями». Какъ мы уже знаемъ, штарм 3 не постѣснялся только что прервать побѣдоносныя дѣйствія XXI корпуса у Дзибулки и Жолкева и форсированнымъ ночнымъ маршемъ увести его назадъ въ раіонъ Каменка Струмилова. Безусловно лучше было бы не дѣлать этого, а сдвинуть IX и X корпуса. Но этого мало.

«Не успѣли 33-я и 44-я пѣх. дивизіи», пишетъ командиръ XXI-го корпуса[7]), «прибыть къ утру 20 авг. (2 сент.) къ Каменкѣ Струмиловой, какъ по распоряженію штаба арміи 33-я пѣх. дивизія, рано утромъ, 21 авг. (3 сент.) должна была вновь возвращаться во Львовскій раіонъ для занятія гор. Жолкева... Такое необъяснимое дерганіе войскъ ввѣреннаго мнѣ корпуса заставляло только предполагать недостаточную оріентированность и большую нервность подлежащаго высшаго штаба».

Командиръ IX корпуса донося въ штабъ арміи о результатахъ произведенной имъ днемъ 20 августа (2 сентября) усиленной рекогносцировки, вновь настойчиво просилъ разрѣшенія о переходѣ всѣмъ IX-мъ корпусомъ въ на-

---

4) По новому стилю 4 сентября; прим. Н. Н. Г.

5) Отъ 1 сент. (19 авг.): собрать къ вечеру 21 авг. (3 сент.) въ раіонѣ Жултанце — Туринка (или Жолкевъ) — Мосты Вельке — Каменка Струмилова, не менѣе трехъ корпусовъ. См. схему № 23. Прим. Н. Н. Г.

6) Ген. В. М. Драгоміровъ: «Краткій очеркъ военныхъ дѣйствій Русской арміи въ Галиціи и Привислянскомъ краѣ въ августѣ 1914 г.». Военный Сборникъ (изд. въ Бѣлградѣ). Книга 2-я, стр. 135-183.

7) Воспоминанія ген. Шкинскаго. Рукопись хранится въ архивѣ ген. Н. Н. Головина, стр. 77-78.

СХЕМА № 27.

КЪ ДѢЙСТВІЯМЪ IX-го КОРПУСА 20 И 21 АВГУСТА (2 И 3 СЕНТТЯБРЯ).

ступленіе и о содѣйствіи въ этомъ случаѣ наступленіемъ сосѣднихъ съ нимъ корпусовъ.

Продолжаю дальнѣйшее описаніе словами самого ген. Щербачева[8]):

«Затѣмъ, собравъ начальниковъ дивизій и выслушавъ ихъ доклады о результатахъ дневныхъ развѣдокъ, подтверждавшихъ развалъ австрійцевъ и отсутствіе какого либо активнаго сопротивленія съ ихъ стороны, я одновременно, приказалъ — за ночь продвинуться къ фортамъ и атаковать ихъ утромъ, указавъ, что буду на высотѣ за фронтомъ 42-й дивизіи».

«Въ 2½ часа ночи (21 авг. — 3 сент.) былъ полученъ приказъ по арміи о наступленіи, съ оговоркой быть очень осторожными, и, ночью постараться захватить важнѣйшіе передовые пункты. Сосѣдніе XI и X корпуса должны были наступать уступами за флангами IX-го корпуса».

«21 авг. (3 сент.), рано утромъ, я выѣхалъ съ чинами штаба къ 42-й дивизіи, направленной на главные форты, и слѣдилъ за наступленіемъ. Трудно описать, что переживалось всѣми въ это время. Прошло 2-3 часа какъ всѣ начали наступленіе, войска скрылись за складками мѣстности и не было слышно ни одного выстрѣла».

---

[8]) «Львовъ — Рава Русская — Перемышль. IX-й корпусъ и 3-я армія въ Галиціи въ 1914 г.». Военный Сборникъ (изд. въ Бѣлградѣ), книга 10-я, стр. 126-127.

«Наконецъ, послышалась небольшая перестрѣлка и раздались орудійные выстрѣлы на флангахъ, видимо, батарей сосѣднихъ корпусовъ. Не прошло и ½ часа, какъ было получено донесеніе генерала Роде[9]) о взятіи форта почти безъ сопротивленія, и нѣсколькихъ батарей, причемъ крупныя орудія стояли въ окопахъ, но прислуги не было. По всей линіи выкинуты бѣлые флаги и видна группа идущихъ навстрѣчу, съ бѣлымъ флагомъ. Я приказалъ потребовать немедленно безусловной сдачи, гарантируя порядокъ и спокойствіе; всѣмъ властямъ и полиціи оставаться на мѣстахъ и продолжать охранять порядокъ. Никакихъ вооруженныхъ австрійскихъ частей и командъ въ городѣ не оставлять, всѣхъ плѣнныхъ собрать внѣ города безъ оружія; выставить караулъ на площадяхъ и у важнѣйшихъ пунктовъ города».

«Затѣмъ послѣдовало второе донесеніе, что президентъ (мэръ) города, изъявилъ полную покорность и части вступили въ городъ».

«Вслѣдъ за этимъ, генералъ Парчевскій[10]) донесъ, что 5-я дивизія также заняла форты и части ея вошли въ городъ, но нѣсколько позднѣе 42-й дивизіи, такъ какъ, она къ началу наступленія находилась немного далѣе».

Приведу теперь выдержку изъ записки ген. Роде[11]), въ которой описывается какъ было произведено занятіе Львова 42-й пѣх. дивизіей. Дивизія эта повела наступленіе «рано утромъ, 21 авг. (3 сент.), имѣя впереди 2-ю бригаду (полки уступами слѣва), въ направленіи на фронтъ Вейнбергъ-Чертова Скала, а 165-й пѣхотный Луцкій полкъ въ направленіи на высоту Подборце съ приказаніемъ сбить австрійцевъ съ этой горы. Высота эта была очищена противникомъ безъ боя. Наступленіе происходило безостановочно и стремительно и, уже около 8-9 часовъ утра, подойдя съ 167-мъ полкомъ къ восточнымъ воротамъ Львова, я послалъ въ городъ парламентера, послѣ чего, я былъ встрѣченъ депутаціей городского управленія съ городскимъ головой во главѣ. Диктуя ему условія и отдавая первыя распоряженія по водворенію порядка (уже начались грабежи, взломы погребовъ, пожары и пр.), я отъ мэра города впервые точно узналъ, когда именно Львовъ былъ очищенъ противникомъ: оказалось, что австрійцы покинули городъ ночью на 21-ое авг. (3 сент.), причемъ послѣдняя колонна ушла около 5 часовъ утра 21-го авг. (3 сент.), т. е. за 3-4 часа до нашего наступленія. Австрійцы вступили на западъ по направленію къ Городокскимъ позиціямъ. Я отправилъ командиру IX корпуса, ген.-лейтенанту Щербачеву донесеніе, начинавшееся словами: «Счастливъ поздравить Ваше Превосходительство съ первымъ крупнымъ успѣхомъ. Львовъ только что занятъ ввѣренной мнѣ дивизіей». Донесеніе это отвезъ на автомобилѣ старшій адъютантъ штаба дивизіи ген. штаба капитанъ Петровъ...»

«Занятіе Львова», записываетъ далѣе ген. Роде, «явилось полной неожиданностью для высшихъ командныхъ инстанцій, которыя до утра самаго 21-го авг. были убѣждены въ томъ, что Львовъ прочно занятъ противникомъ, который безъ боя его не сдастъ. Въ штабѣ 3-й арміи извѣстіе о занятіи Львова было получено, какъ разъ въ то время, когда тамъ происходило совѣщаніе о постепенной атакѣ его, считавшагося сильно укрѣпленнымъ...»

Командиръ IX корпуса сообщилъ въ штарм 3 о занятіи Львова двумя телеграммами. Первая изъ нихъ гласила: 42-я пѣх. дивизія въ 12 час. 30 мин. дня была въ двухъ верстахъ западнѣе Вейнбергена. Львовъ взятъ, но войска

9) Начальникъ 42-й пѣхотной дивизіи.

10) Начальникъ 5-й дивизіи.

11) Хранится въ архивѣ ген. Н. Н. Головина

въ городъ не ввожу». Вторая телеграмма, посланная черезъ нѣкоторое время представляла собой болѣе подробное донесеніе.

«Какъ характеристику того», вспоминаетъ ген. Щербачевъ[12]), «какъ понималась обстановка у насъ въ штабѣ арміи, служитъ разсказъ офицеровъ штаба арміи, переданный мнѣ ими черезъ день по прибытіи штаба во Львовъ. Въ минуту полученія моей телеграммы дежурный офицеръ, разобравъ ее, закричалъ «ура» и кинулся къ генералу Драгомірову. По дорогѣ онъ былъ встрѣченъ шедшимъ генераломъ Рузскимъ, который, прочтя телеграмму, сказалъ: «не можетъ быть, — генералъ Щербачевъ увлекся; вѣрно взято какое-либо укрѣпленіе», и запретилъ сообщать телеграмму кому бы то ни было и передавать ее въ Ставку. Но, когда получена была вторая телеграмма, она была восторженно принята всѣмъ штабомъ и генералъ Рузскій телеграфировалъ Государю Императору, что Львовъ взятъ войсками 3-й арміи, ничего не упоминая, однако, о IX-мъ корпусѣ, которому принадлежала честь занятія Львова».

«Въ виду того, что части 42-й и 5-й пѣх. дивизій», продолжаетъ записывать ген. Щербачевъ, «еще 20 августа были выдвинуты впередъ для усиленной развѣдки, и 21 августа IX корпусъ перешелъ въ рѣшительное наступленіе съ ранняго утра, онъ оказался на полъ перехода впереди сосѣднихъ корпусовъ. Когда ими была выдвинута на позицію артиллерія, полки 42-й дивизіи уже заняли Львовъ, что видно изъ копіи телеграммы одного изъ сосѣднихъ корпусовъ въ штабѣ арміи... Быть можетъ, это донесеніе и было отчасти причиной недовѣрія генерала Рузскаго къ моей первой телеграммѣ о взятіи Львова. Во всякомъ случаѣ, по всему можно судить, что онъ придавалъ преувеличенное значеніе силѣ фортовъ крѣпости и недостаточно оцѣнивалъ рѣшительную побѣду (одержанную на Гнилой Липѣ). Имъ даже былъ приглашенъ генералъ Величко[13]) для руководства инженерными работами по атакѣ крѣпостей».

«Характерно и то, что по возвращеніи въ штабъ корпуса, который оставался въ деревнѣ Ляски-Королевскія, я увидѣлъ двѣ подъѣхавшія повозки съ книгами. Оказалось, что это сотни экземпляровъ книги сочиненія полковника Бончъ-Бруевича[14]) съ описаніемъ укрѣпленій Львова и указаніями по атакѣ крѣпости. Взявъ нѣсколько книгъ, я приказалъ вернуть остальныя въ штабъ арміи, какъ излишнія теперь и за неимѣніемъ лишнихъ повозокъ для этихъ книгъ».

Въ спеціальномъ примѣчаніи къ этой страницѣ своихъ воспоминаній ген. Щербачевъ счелъ нужнымъ добавить[15]):

«Совершенно случайно, изъ разговора съ Великимъ Княземъ Андреемъ Владиміровичемъ, теперь, я узналъ, что генералъ Рузскій, встрѣтившійся съ Великимъ Княземъ на Кавказѣ, разсказывалъ ему про Львовъ, и подчеркнулъ, что его положеніе было труднымъ при наступленіи на Львовъ, т. к. генералъ Щербачевъ все время настаивалъ на атакѣ Львова, а штабъ Главнокомандующаго требовалъ оказанія помощи 5-й арміи тѣснимой австрійцами. Мнѣ кажется, что это служитъ только лишнимъ доказательствомъ, недостаточной оцѣнки нашего успѣха и приданія преувеличеннаго значенія Львовской крѣ-

12) Военный Сборникъ (изд. въ Бѣлградѣ), книга 10-я, стр. 127-128.

13) Извѣстный инженерный генералъ, профессоръ Инженерной Военной Академіи; прим. Н. Н. Г.

14) Исп. должность генералъ-квартирмейстера штаба 3-й арміи; прим. Н. Н. Г.

15) Тамъ же стр. 129.

пости, отчасти обязанное, вѣроятно, и вліянію полковника Бончъ Бруевича, этого неспособнаго офицера генеральнаго штаба»[16]).

Въ офиціальномъ описаніи дѣйствій 3-й арміи въ Галиційской Битвѣ, составленномъ Бончъ-Бруевичемъ[17]) и озаглавленномъ «краткій обзоръ нашихъ военныхъ дѣйствій противъ Австро-Германскихъ армій», на страницахъ 5 и 6 излагается вопросъ о взятіи Львова. По поводу этихъ страницъ ген. Борисовъ замѣчаетъ [18]) слѣдующее:

«Здѣсь умѣстно пояснить коренное заблужденіе штаба 3-й арміи при объясненіи событій 21-го авг. Штабъ считалъ Львовъ **«взятымъ»**, тогда какъ онъ былъ **брошенъ»** австрійцами съ цѣлью маневренною».

Не лишено интереса отмѣтить здѣсь, что самъ ген. Рузскій разобравшись въ происшедшихъ событіяхъ, повидимому, вполнѣ уяснилъ себѣ, что Львовъ не былъ в з я т ъ, а лишь з а н я т ъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ слѣдующія строки изъ воспоминаній ген. Щербачева[19]):

«Черезъ два дня (послѣ занятія Львова, прим. Н. Н. Г.), въ началѣ новой, Рава-Русской, операціи, я встрѣтился съ ген. Рузскимъ и доложилъ ему о дѣйствіяхъ подъ Львовымъ, ходатайствуя объ утвержденіи всѣхъ наградъ лицамъ, представленнымъ мною. Въ отвѣтъ, ген. Рузскій заявилъ: «за что награждать. Вѣдь это былъ не бой, а просто военная прогулка». На это я напомнилъ, что онъ самъ награжденъ Государемъ Императоромъ за Львовъ двумя Георгіевскими крестами и добавилъ, что онъ меня, однако, удерживалъ все время отъ этой прогулки, несмотря на громадное значеніе взятія Львова именно теперь; что все время штабъ арміи рекомендовалъ осторожность и развѣдки небольшими частями; и наконецъ, что эту прогулку исполнилъ одинъ IX корпусъ, имѣя на полъ перехода позади остальные корпуса, а если мы не рѣшились бы двинуться, австрійцы могли опомниться и занять укрѣпленія. Я вполнѣ сознаю, что взятіе Львова есть результатъ боевой доблести и кровавыхъ боевъ всѣхъ корпусовъ 3-й арміи и Вы достойно награждены[20]) нашимъ Державнымъ Вождемъ, но предоставьте IX-му корпусу честь использованія предыдущихъ боевъ, безъ чего могла быть потеряна благопріятная минута, и атака фортовъ (занятыхъ) опомнившимися австрійцами потребовала бы и много времени и большихъ жертвъ».

«Генералъ Рузскій видимо понялъ это, обѣщалъ выполнить мое ходатайство, и до конца командованія 3-й арміей относился ко мнѣ съ большимъ вниманіемъ и высоко цѣнилъ работу IX-го корпуса».

Несомнѣнно, что ген. Борисовъ совершенно правъ указывая, что Львовъ не былъ взятъ, а только занятъ и подобное невѣрное употребленіе термина въ отчетѣ штарма, составленномъ послѣ событій не свидѣтельствуетъ, что составители этого отчета внимательно изслѣдовали происшедшія событія.

---

[16]) Въ бытность ген. Щербачева начальникомъ Академіи, полковникъ Бончъ-Бруевичъ былъ навязанъ ему ген. Сухомлиновымъ, какъ лекторъ по тактикѣ; онъ подавалъ диссертаціи на должность профессора, но не былъ пропущенъ конференціей Академіи.

[17]) Оно издано было штабомъ сѣверо-западнаго фронта во время главнаго командованія ген. Рузскимъ этимъ фронтомъ.

[18]) «Краткій стратегическій очеркъ войны 1914-18 г г. Русскій фронтъ». Выпускъ 1-я, стр. 241.

[19]) Военный Сборникъ (изд. въ Бѣлградѣ), книга 10-я, стр. 128-129.

[20]) Въ рукописномъ подлинникѣ, хранящемся въ архивѣ ген. Н. Н. Головина, написано ген. Щербачевымъ не «всѣ достойно награждены», а «Вы достойно награждены». Примѣчаніе Н. Н. Г.

Но, съ другой стороны, психологически совершенно понятна и допустима такая ошибка со стороны начальниковъ участвовавшихъ въ самихъ дѣйствіяхъ и въ минуту самаго дѣйствія. Разобраться сразу, на мѣстѣ въ томъ, что Львовъ добровольно очищенъ, а не просто бросается морально разстроеннымъ въ предыдущихъ сраженіяхъ врагомъ — было трудно. Въ своихъ воспоминаніяхъ ген. Щербачевъ не преувеличивалъ степени сопротивленія встрѣченнаго со стороны непріятеля. Онъ самъ, какъ мы могли прочесть, выше, пишетъ: «прошли 2-3 часа какъ всѣ начали наступленіе; войска скрылись за складками мѣстности и не было слышно ни одного выстрѣла... Наконецъ, послышалась перестрѣлка и раздались орудійные выстрѣлы на флангѣ, видимо, батарей сосѣднихъ корпусовъ...» »...было получено донесеніе ген. Роде о взятіи форта, почти безъ сопротивленія...»

То, что кое гдѣ, главнымъ образомъ къ югу отъ Львова, наши войска вели бои съ Австро-Венграми, свидѣтельствуетъ слѣдующая запись, взятая изъ полкового дневника 12-го гусарскаго Ахтырскаго полка[21]) (12-я кав. див. ген. Каледина):

«21 авг. (3 сент.) мы двинулись въ головѣ главныхъ силъ дивизіи черезъ Лопушно-Милатыче-Кротошинъ[22]). 21 авг. разъѣздъ Ахтырскаго гусарскаго полка корнета Ильяшенко, донесъ — что австрійцы нѣсколько часовъ тому назадъ оставили городъ Львовъ. Второй эскадронъ къ югу отъ Львова у д. Зубржа атаковалъ пѣхоту противника, которая сдалась въ плѣнъ (½ роты). Получивъ донесеніе объ оставленіи австрійцами г. Львова, начальникъ дивизіи круто мѣняетъ движеніе дивизіи на западъ на д. Наварія, съ цѣлью преслѣдованія отступающихъ австрійцевъ отъ Львова на Городокъ съ юга (параллельное преслѣдованіе; прим. Н. Н. Г.). Въ направленіи на д. Наварія головнымъ разъѣздомъ былъ высланъ разъѣздъ Ахтырскаго полка поручика Скачкова. Спускаясь съ разъѣздомъ по дорогѣ къ д. Наварія и не доходя до нея приблизительно около полуторы версты, дозоры были подпущены очень близко къ окопу, въ которомъ сидѣли австрійцы вправо и влѣво отъ шоссе. Разъѣздъ наткнулся на залпы австрійцевъ и все произошло такъ неожиданно что онъ бросился карьеромъ назадъ. Былъ раненъ только одинъ гусаръ въ разъѣздѣ. Генералъ Калединъ, который находился въ авангардѣ, быстро вызвалъ артиллерію на позицію и открылъ огонь по окопамъ, а къ югу въ обходъ были двинуты два эскадрона Ахтырскаго полка съ пулеметами. Очень скоро австрійцы стали убѣгать изъ окопа и когда мы продвинулись нѣсколько впередъ за окопъ, то глазамъ нашимъ представилась невѣроятная картина. Внизу, въ лощинѣ, у д. Наварія, находился огромный бивакъ австрійцевъ. Вся наша артиллерія открыла бѣглый огонь и навела на нихъ такую панику, что австрійцы стали разбѣгаться во всѣ стороны какъ муравьи. Но скоро австрійцы открыли сильный огонь многихъ орудій и уходя поспѣшно все же прикрывались сильнымъ арьергардомъ и не давали частямъ дивизіи, высланнымъ для преслѣдованія, перейти переправу у д. Наварія. Пришлось бы здѣсь задержаться и вести пѣшіе бои съ пѣхотой, что не входило въ задачу кавалерійской дивизіи, а потому, оставивъ здѣсь небольшой заслонъ, ген. Калединъ съ дивизіей двинулся на югъ...»

Только что приведенная выдержка изъ полкового дневника показываетъ,

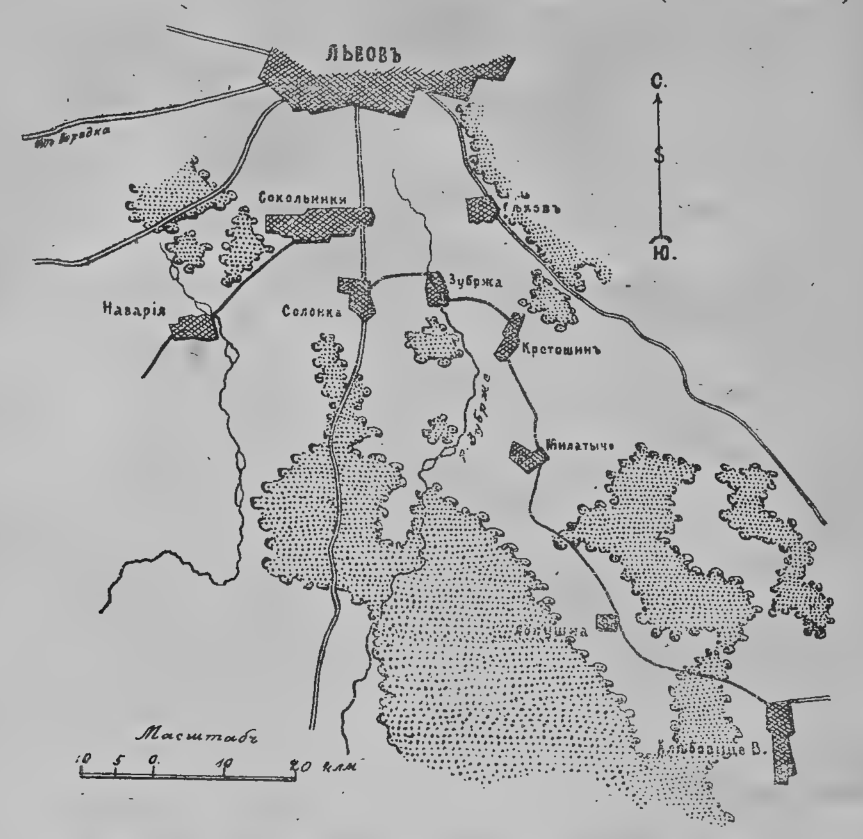
---

21) Составленъ ротмистромъ В. Скачковымъ, копія хранится въ архивѣ ген. Н. Н. Головина.

22) 12-ая кав. див. ночевала съ 20 на 21 авг. (съ 2-3 сент.) въ с. Хлѣбовице Велькe Прим. Н. Н. Г.

СХЕМА № 28.

КЪ ДВИЖЕНІЮ 12-ой КАВАЛ. ДИВИЗІИ 21-го АВГУСТА (3-го СЕНТЯБРЯ).

что наши войска, продвигающіяся на западъ, встрѣчали сопротивленіе со стороны арьергардовъ А.-В. частей, уходившихъ къ р. Верещицѣ. Изъ этой выдержки мы видимъ также, что генералъ Калединъ, не соблазнился дешевыми лаврами занятія очищеннаго непріятелемъ Львова. Онъ правильно учелъ, что это будетъ сдѣлано пѣхотой, отъ кавалеріи же требуется безпрерывное преслѣдованіе отступающаго врага.

Не лишено интереса упомянуть здѣсь и о нашей 33-й пѣх. дивизіи, шедшей 21 авг. (3 сент.) въ Львовскій раіонъ для занятія г. Жолкева. «Подойдя къ желѣзнодорожной станціи», пишетъ ген. Шкинскій[23]), «ея авангардъ выбилъ оказавшихся тамъ австрійцевъ[24]). Вслѣдъ затѣмъ, дивизія вступила въ городъ, только что, при ея приближеніи оставленный противникомъ. Она бы-

[23]) Его воспоминанія, рукопись, стр. 77-78.

[24]) Части 10-й А.-В. кав дивизіи, поддержанныя частями ландштурма и мѣстной жандармеріей; прим. Н. Н. Г.

ла встрѣчена многочисленными депутаціями. Здѣсь были получены дивизіей первыя свѣдѣнія объ очищеніи австрійцами Львова».

Справедливость требуетъ указать здѣсь, что лавры занятія Львова должны были бы принадлежать доблестной 33-й пѣх. дивизіи и ея начальнику ген. Зегелову. Упорный бой у Дзибулки явился той послѣдней каплей, которая переполнила чашу испытаній 3-й А.-В. арміи и вынудила ген. Конрадъ очистить столицу Восточной Галиціи.

ПРИКАЗЫ ОТДАННЫЕ 3-й И 8-й РУССКИМЪ АРМІЯМЪ ПОСЛѢ ЗАНЯТІЯ ЛЬВОВА И УСТРОЙСТВО ТЫЛА ЭТИХЪ АРМІЙ.

Наканунѣ того дня, когда наши войска заняли Львовъ, они вступили и въ Галичъ. Въ описываемое нами время этотъ городъ утратилъ какое либо политическое и экономическое значеніе. Послѣднее, всецѣло, перешло къ лежащему въ 20 километрахъ къ югу, городу Станиславову. Въ исторіи Россіи Галичъ сыгралъ роль центра старой Галицкой Руси, вслѣдствіе чего, занятію этого города русское общественное мнѣніе придавало преувеличенное значеніе. Въ стратегическомъ отношеніи Галичъ имѣлъ значеніе, какъ одна изъ переправъ черезъ Днѣстръ, защищенная тетъ де пономъ.

Какъ мы уже знаемъ, ген. Конрадъ, 19 авг. (1 сент.) приказалъ своимъ войскамъ очистить переправы черезъ Днѣстръ, лежащія восточнѣе устья р. Стрый, взорвавъ всѣ мосты. Во исполненіе этого — занимавшая Галичскій тетъ де понъ 103-я ландштурмная бригада, въ ночь на 20 авг. (2 сент.) очистила переправу. Утромъ же, 20 авг. (2 сент.) наша 49-я пѣх. дивизія (XXIV а. корпуса, шедшаго вдоль Днѣстра уступомъ за лѣвымъ флангомъ 8-й арміи), подошедшая къ Галичу наканунѣ изъ Дрыщува, повела наступленіе на Галичъ и послѣ небольшой перестрѣлки, заняла его, захвативъ тамъ до 50 орудій и много инженернаго и артиллерійскаго имущества. Долговременныя укрѣпленія были брошены цѣлыми, но мостъ черезъ р. Днѣстръ былъ взорванъ.

Занятіе русскими войсками Львова и Галича вызвало большой подъемъ духа въ русскихъ войскахъ и во всѣхъ ея командныхъ инстанціяхъ. Въ особенности это благотворно отразилось на настроеніи самыхъ верховъ, подавленныхъ только что полученными свѣдѣніями о катастрофѣ произошедшей въ Самсоновской арміи.

«Въ 6 час. 25 мин. вечера, 21-го авг. (3 сент.), ген. Алексѣевъ», пишетъ въ своей книгѣ ближайшій сотрудникъ послѣдняго, ген. Борисовъ[25]), «передалъ по прямому проводу въ Ставку, что получено донесеніе отъ ген. Рузскаго, что въ 12 часовъ 21-го, Львовъ взятъ; Брусиловъ занялъ Галичъ».

«Получивъ извѣстіе о занятіи Львова, ген. Даниловъ (ген. квартирмейстеръ Ставки) сейчасъ же обратился къ ген. Алексѣеву объ опредѣленіи времени *переброски части войскъ съ юго-западнаго фронта въ Варшаву*[26]), чтобы «исправить то тяжелое положеніе, которое явилось результатомъ неосторожнаго боя 15 августа[27]). Алексѣевъ отвѣтилъ, что это будетъ сдѣлано послѣ того, какъ будетъ нанесено пораженіе непріятеля передъ фронтомъ 4-й и 5-й армій».

---

25) Стр. 240.

26) Курсивъ ген. Борисова.

27) Неудачная формулировка катастрофы, происшедшей въ арміи ген. Самсонова; прим. Н. Н. Г.

Передавая этотъ же разговоръ и сопоставляя его съ оперативной запиской Ставки, обсуждавшейся на совѣщаніи въ Бѣлостокѣ 20 авг. 2 сент.[28]), ген. Циховичъ заключаетъ[29]): «такимъ образомъ, отъ отхода на зап. Бугъ мысль генкваверха, въ теченіи сутокъ возвращается къ прежнему вопросу о сосредоточеніи силъ у Варшавы» (для наступленія на Познань).

Изъ только что сказаннаго видно, что Ставка продолжала не уяснять себѣ то главенствующее и рѣшающее стратегическое значеніе, которое для всего русскаго фронта имѣла побѣда на правомъ крылѣ юго-западнаго фронта. Это можетъ служить лишнимъ подтвержденіемъ сказаннаго въ первой главѣ этой книги, а именно, что переломъ въ верховномъ руководствѣ Галиційской Битвы, приведшій къ побѣдѣ, долженъ быть всецѣло поставленъ въ заслугу самому Главковерху — Великому Князю Николаю Николаевичу, а не его штабу.

Въ ночь на 22-е авг. (4 сент.), Верховный Главнокомандующій послалъ Главкоюзу слѣдующую телеграмму:

«Сердечно поздравляю Васъ съ побѣдой 3-й арміи и славнымъ дѣломъ у Лащева 15(23) августа[30]). Твердо увѣренъ, что это вполнѣ возможно и для прочихъ армій Вашего фронта. Создавшаяся обстановка на сѣверо-западномъ и французскомъ фронтахъ такова, что требуетъ самыхъ героическихъ усилій войскъ Юго-Западнаго фронта, чтобы въ ближайшіе дни вырвать окончательную побѣду надъ австрійцами и дать возможность возстановить нарушенное равновѣсіе на германскомъ фронтѣ. Теперь, исключительно отъ твердости Вашей и подчиненныхъ Вамъ командующихъ арміями зависитъ успѣшное завершеніе перваго періода кампаніи. Я твердо увѣренъ, что могу положиться на Васъ и Вашихъ сотрудниковъ и что Вы сдѣлаете все что требуетъ отъ Васъ долгъ въ отношеніи Вашего Державнаго Вождя и дорогой всѣмъ Родины. Помните, что съ нами Богъ и за Вами горячія молитвы всей Великой Россіи. Генералъ-адъютантъ Николай».

Эта телеграмма была написана лично Вел. Кн. Николаемъ Николаевичемъ. Это придаетъ особое значеніе для историка словамъ «создавшаяся обстановка на Сѣверо-Западѣ и французскомъ фронтѣ такова, что требуетъ самыхъ героическихъ усилій войскъ Юго-Западнаго фронта, чтобы въ ближайшіе дни вырвать окончательную побѣду надъ австрійцами и дать возможность возстановить равновѣсіе на германскомъ фронтѣ». Эти слова показываютъ, что самъ Верховный Главнокомандующій смотрѣлъ на Юго-Западный фронтъ не такъ какъ его генералъ-квартирмейстеръ. Онъ считалъ, что Юго-Западный фронтъ въ начальный періодъ кампаніи является главнымъ. Великій Князь требуетъ одержанія побѣды въ кратчайшій срокъ, т. к. этого требуетъ положеніе дѣла на французскомъ фронтѣ; но, это совершенно не та торопливость, съ которой Ставка ограничивала побѣду въ Галиціи рамками успѣха въ Люблинскомъ сраженіи, лишь бы достигнуть его къ 23 авг. (5 сент.)[31]). Теперь это «жестокое» ограниченіе во времени отпадаетъ и воля Вел. Князя Николая Николаевича, ведшая Галиційскую Битву къ рѣшительной побѣдѣ, пробилась черезъ послѣднее препятствіе, воздвигнутое его упрямыми и не понимающими помощниками.

---

28) См. главу 1-ю этой книги.

29) Стр. 60.

30) Окруженіе и почти полное уничтоженіе 15-й А.-В. пѣх. дивизіи.

31) Вышеупомянутая оперативная записка, составленная въ генералквартирмейстерствѣ Ставки.

Передавая вышеприведенную телеграмму Главковерха, ген. Ивановъ добавилъ отъ себя (телеграмма № 787, отъ 22 августа — 4 сентября):

«Увѣренъ, что войска ввѣренныхъ мнѣ 3, 4, 5, 8 и 9-й армій не разъ уже доказавшія въ теченіи послѣднихъ двухъ недѣль свою стойкость и мужество и занявшія сегодня, послѣ упорныхъ боевъ и энергичнаго преслѣдованія частями 3-й и 8-й армій укрѣпленные старинные искони Русскіе города — Львовъ и Галичъ, съ успѣхомъ оправдаютъ надежды Верховнаго Главнокомандующаго и разобьютъ австрійскія войска, находящіяся въ предѣлахъ Люблина и Холмской губерніи».[32]).

Слѣдуетъ обратить вниманіе — что эта телеграмма, хотя и составленная «высокимъ штилемъ», все таки для «краснаго слова» нигдѣ не уклоняется отъ истины. Она говоритъ о з а н я т і и, а не в з я т і и Львова и Галича; не называетъ ихъ «крѣпостями», а лишь «укрѣпленными городами»; конечно это не должно было помѣшать воздать должное героическимъ усиліямъ доблестныхъ войскъ лѣваго крыла Ю.-З. фронта. Вмѣстѣ съ этимъ, въ телеграммѣ № 787 ясно подчеркивается — что окончательная побѣда можетъ быть одержана только на правомъ крылѣ Ю.-З. фронта.

Телеграмма эта, составленная ген. Алексѣевымъ и подписанная ген. Ивановымъ, показываетъ, что въ главномъ командованіи Ю.-З. фронта къ 22 авг. (4 сент.) наконецъ установилось полное единство точки зрѣнія.

Косвенное подтвержденіе этому можно найти въ интересномъ сообщеніи ген. Борисова, ближайшаго свидѣтеля взаимоотношеній сложившихся между ген. Ивановымъ и ген. Алексѣевымъ[33]).

Согласно этому сообщенію можно заключить, что 20 авг. (2 сент.), на тотъ случай, еслибъ послѣ телеграммы № 710[34]), неповиновеніе командующаго 3-й арміей продолжалось, была заготовлена новая телеграмма, въ которой приказывалось командующему этой арміей сдать командованіе немедленно одному изъ старшихъ генераловъ, находящихся въ этотъ моментъ въ раіонѣ штаба 3-й арміи, а самому тотчасъ же выѣхать въ штабъ фронта. Послѣ долгаго упорства главнокомандующій фронтомъ ген. Ивановъ подписалъ эту новую телеграмму, но она не была отправлена...»

Существованіе въ Штаюзѣ такой, хотя и не посланной телеграммы, свидѣтельствуетъ, что, въ день занятія 3-й арміей Львова, еще до полученія объ этомъ донесенія, идеи ген. М. В. Алексѣева восторжествовали надъ колебаніями ген. Н. І. Иванова и руководство Галиційской Битвой вновь обрѣло нужное стратегическое единство. Это, сразу же, отразилось въ общемъ оперативномъ приказѣ по Ю.-З. фронту (№761), отданномъ 21 авг. (3 сент.), который былъ мною подробно разобранъ въ главѣ IV[35]). Я сказалъ тамъ, что, несмотря на то, что приказъ № 761 написанъ въ невѣдѣніи того, что русскія войска уже вступили во Львовъ, онъ все таки долженъ почитаться за окончательное оформленіе нашего плана розыгрыша второго періода Галиційской Битвы. Этотъ фактъ является въ стратегическомъ отношеніи весьма показательнымъ; изъ него видно насколько занятіе Львова, произведшее

---

[32]) Циховичъ, стр. 183.

[33]) В. Борисовъ: «Къ статьѣ ген. Головина» «Галиційская Битва 1914 г.». Русскій Инвалидъ № 147.

[34]) Отъ 19 авг. (1 сент.): собрать къ вечеру 21 авг. (3 сент.) въ раіонѣ Жултанце — Туринка (или Жолкевъ) — Мосты Вельке — Каменка Струмилова, не менѣе 3-хъ корпусовъ. Прим. Н. Н. Г.

[35]) Штаюзъ въ дни боевъ у Суходоловъ.

громадное впечатлѣніе на общественное мнѣніе, не имѣло, въ дѣйствительности, рѣшающаго стратегическаго значенія.

Новый оперативный приказъ № 765, разосланный тотчасъ же вслѣдъ за полученіемъ свѣдѣнія о занятіи Львова, гласилъ слѣдующее:

СХЕМА № 29.

КЪ ДИРЕКТИВАМЪ ГЛАВКОЮЗА № 761 И № 765.

Примѣчаніе: *Дополненія, внесенныя телеграммой № 765, обозначены зубчатыми линіями.*

Львовъ и Галичъ взяты нашими войсками.

Первое — въ распоряженіе ген. Брусилова назначить три корпуса для занятія Днѣстра съ авангардами въ Коломыя-Делатынь-Долина-Стрый-Дрогобычъ и для занятія раіона Львова.

Второе — армію ген. Рузскаго усилить однимъ корпусомъ, сверхъ четырехъ состоящихъ. Арміи этой наступать на фронтъ Бѣлгорай-Ярославъ, обезпечивая себя частью силъ со стороны Перемышля.

Третье — арміямъ генераловъ — Лечицкаго, Эверта, Плеве и Рузскаго, неотступно слѣдовать за непріятелемъ, находящимся между Вислой и Бугомъ; не дать ему уйти, принудить его къ бою, нанести пораженіе, отбрасывая дружными усиліями къ Вислѣ.

Сравнивая приказъ № 765 съ основнымъ приказомъ № 761, отданнымъ нѣсколько часовъ передъ нимъ, мы видимъ, что вносимыя измѣненія не касаются существа уже намѣченной операціи. Видоизмѣнено направленіе дѣйствій 3-й арміи; въ приказѣ № 761 ей приказано наступать въ направленіи на Томашовъ-Бѣлгорай, теперь ея дѣйствія отклоняются къ югу и оріентируются на фронтъ Бѣлгорай-Ярославъ. Отъ такого видоизмѣненія маневръ получаетъ большій размахъ. Сообразно съ этимъ увеличены и силы 3-й арміи, присоединеніемъ къ ней одного корпуса изъ 8-й арміи. Наконецъ, задача ген. Брусилова — обезпечивать лѣвый флангъ всего маневра поставлена въ болѣе конкретной формѣ.

Съ занятіемъ Львова, причина неповиновенія командованія 3-й арміей Главному Командованію Ю.-З. фронта, отпадала. Посему, выполненіе приказаннаго выдвиженія этой арміи на сѣверъ отъ Львова, производится штармомъ 3 немедленно. Вѣроятно также, что та непосланная телеграмма, о которой разсказываетъ ген. Борисовъ, «окультными» путями стала извѣстна въ штармѣ 3 и это тоже имѣло благотворное дѣйствіе для возстановленія должной оперативной дисциплины.

Сейчасъ же по полученіи извѣстія о занятіи Львова, командармъ 3 отдалъ слѣдующія приказанія:

а) XXI и XI корпусамъ выдвинуться 22-го авг. (4 сент.) въ Сѣверо-Западномъ направленіи на Пархачъ и Мосты Вельке;

б) IX корпусу передвинуться въ раіонъ Куликувъ-Бржуховице;

в) X корпусу перейти въ раіонъ Ясниска-Рженска Польска.

г) XII корпусу, передаваемому изъ 8-й арміи, перейти въ раіонъ Лелеховка-Янувъ-Страдчъ для прикрытія лѣваго фланга 3-й арміи и для дѣйствія въ обходъ Городокской позиціи.

д) Для достиженія указанныхъ выше раіоновъ, X и XII корпуса должны были пройти черезъ самый городъ Львовъ: X-й до полудня 22 авг. (4 сент.), XII-й послѣ полудня.

Предполагалось достигнуть 3-й арміей:

а) 23 авг. (5 сент.) линіи Варенжъ-Белзъ-Добросинъ-Янувъ-Страдчъ.

б) 24 авг. (6 сент.) линіи Жерники-Унувъ-Рава Русска-Щержецъ;

в) 25 авг. (7 сент.) линіи Томашовъ-Немировъ.

Къ командарму 8, ген. Рузскій обратился съ просьбой объ ускореніи движенія частей этой арміи къ Городокской позиціи для обезпеченія обходнаго движенія 3-й арміи между Немировымъ и Томашовымъ.

Армейской конницѣ было приказано развѣдывать:

а) 9-й кав. дивизіи передъ фронтомъ XXI корпуса.

б) 11-й кав. дивизіи по занятіи Равы Русской и выясненія обстановки у Томашова, перейти въ раіонъ Любачува для развѣдки на Ярославъ и Сеняву[36]).

в) 3-й кавказской каз. дивизіи перейти въ раіонъ Немирова, потомъ Краковецъ, для развѣдки на Радымно-Перемышль[36]).

---

36) На р. Санъ.

СХЕМА № 30.

КЪ ПЕРЕМѢЩЕНІЮ 3-ей И 8-ой АРМІЙ ПОСЛѢ ЗАНЯТІЯ ЛЬВОВА (4-го СЕНТЯБРЯ — 22-го АВГУСТА).

Въ свою очередь, ген. Брусиловъ отдалъ приказаніе о группировкѣ 8-й арміи въ раіонѣ Львовъ-Галичъ.

а) VIII корпусу было указано овладѣть 22авг. (4 сент.) Миколаевымъ, если по результатамъ развѣдки это будетъ признано соотвѣтственнымъ.

б) VII корпусу и 10-я кав. дивизія должны были, занявъ линію Нагоржаны-Зыравка, обезпечить тылъ и фланги VIII корпуса;

в) XXIV корпусъ получилъ приказаніе подтянуться отъ Галича къ Миколаеву.

г) 12-я кав. дивизія была направлена къ Щержецу для развѣдки противника на линіи р. Верещицы. Конный отрядъ ген. Павлова (2-я сводная казачья и 2-я кубанская каз. дивизіи) долженъ перейти на южный берегъ р. Днѣстра и содѣйствовать VIII корпусу въ овладѣніи Миколаевымъ.

ж) Заднѣпровскій отрядъ (71-я пѣх. дивизія, одна бригада 12-й пѣх. дивизіи, 1-я кубанская каз. и Терская каз. дивизіи) занимавшій Черновицкій раіонъ долженъ былъ выслать на Станиславовъ Кубанскую, а на Нижніевъ Терскую казачьи дивизіи съ задачей вести развѣдку къ р. Стрый. Вмѣстѣ съ этимъ, оставивъ въ Черновицахъ бригаду 71-й пѣхотной дивизіи, перейти съ остальными частями пѣхоты вслѣдъ за Кубанцами въ Станиславовъ.

Въ числѣ возраженій, которыя дѣлалъ штарм 3 противъ требуемаго штаюзомъ перемѣщенія 3-й арміи къ сѣверу отъ Львова, были также ссылки на то, что этому препятствуетъ устройство тыла». «3-я и 8-я арміи», пишетъ ген. В. М. Драгоміровъ[37]), «были сильно истощены непрерывными 8-9 дневными боями и переходами, во время которыхъ доставка продовольствія происходила неудовлетворительно. Хлѣба почти не было. Войска питались сухарями, а главное картофелемъ. Тылъ не поспѣвалъ за фронтомъ, и всѣ требованія къ начальнику снабженія фронтомъ оставались безъ удовлетворенія. Эвакуація раненыхъ шла плохо. Оружіе на поляхъ сраженія оставалось въ огромномъ количествѣ, и первые признаки на его недостатокъ уже появлялись». Приводящій эту цитату Бѣлой, сопровождаетъ слѣдующимъ своимъ заключеніемъ: «Однимъ словомъ, штабъ 3-й арміи опасался возникновенія голода и окончательнаго истощенія войскъ, не справляясь съ подачей войскамъ необходимаго снабженія...»[38]).

Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что функціонированіе тыла 3-й арміи шло неудовлетворительно. Основной причиной этому являлась несостоятельность нашего плана войны, не сумѣвшаго разсчитать потребныя для задуманной операціи транспортныя средства. Однако, положеніе нашей 3-й арміи могло быть благопріятнѣе нежели положеніе другихъ армій Ю.-З. фронта, въ особенности же — 4-й и 5-й, ибо въ полосѣ наступленія арміи ген. Рузскаго пролегала жел.-дорожная магистраль отъ Броды на Львовъ. Правда, полное использованіе ея требовало перешивки съ заграничной колеи на русскую. Однако, при надлежащей организаціи временное использованіе не перешитой жел. дороги, а также быстрота ея перешивки, являлись вполнѣ разрѣшимой задачей. Вмѣсто того, чтобы сразу же приложить всѣ свои усилія въ этомъ направленіи, штарм 3 пользовался неустройствомъ своего тыла, какъ удобной отпиской, въ своей борьбѣ противъ требованій штаюза уклоненія операціонной линіи 3-й арміи въ сѣверномъ направленіи. Между тѣмъ, такое перемѣщеніе мало удлиняло коммуникаціонные пути этой арміи, а вызывало главнымъ образомъ ихъ перемѣщеніе. Естественно, что чѣмъ ближе

37) Военный Сборникъ (изд. въ Бѣлградѣ), книга 7-я, стр. 136; прим. Бѣлого.

38) Бѣлой: «Галиційская Битва», стр. 226.

СХЕМА № 31.

УСТРОЙСТВА ТЫЛА 3-ей и 8-ой АРМІЙ КЪ 22-му АВГУСТА (4 СЕНТЯБРЯ).

производилась бы эта перегруппировка отъ головныхъ жел. дор. станцій, тѣмъ легче оно было, а посему, всякое дальнѣйшее продвиженіе на западъ затрудняло организацію тыла. Для упорядоченія функціонированія тыла было важно лишь то, чтобы фронтъ арміи уменьшилъ бы скорость своего продвиженія на западъ; достигалось ли это тѣмъ, что армія въ это время производила рокировку на сѣверъ, или тѣмъ, что она топталась на мѣстѣ — было безразлично. Тылу нуженъ былъ лишь нѣкоторый выигрышъ времени.

Пять дней со времени окончанія сраженія на Гнилой Липѣ, въ теченіи которыхъ 3-я и 8-я арміи продвинули свой фронтъ всего на 40-60 клм. дали возможность подтянуть тыловыя учрежденія къ войскамъ и наладить работу тыла къ 22 авг. (4 сент.) на слѣдующихъ основаніяхъ:

Въ 3-й арміи военныя дороги были продолжены, но нѣсколько не доходили до штабовъ корпусовъ. Военная дорога XXI корпуса функціонировавшая ранѣе отъ Ровно на Топоровъ-Холоювъ, была перенесена на Броды-Бускъ-Каменка Струмилова. Несомнѣнно, что прежнее направленіе военной дороги XXI корпуса болѣе отвѣчало задуманному ген. Алексѣевымъ маневру 3-й арміи въ сѣверо-западномъ направленіи. Происшедшее же прижиманіе этой военной дороги ко Львовскому направленію являлось прямымъ слѣдствіемъ «самостійной» стратегіи штарма 3, не желавшаго сойти съ этого оперативнаго направленія. Такое прижиманіе вредно отразится на послѣдующемъ маневрѣ, уменьшивъ размахъ удара по восточному флангу 4-й А.-В. арміи генерала Ауффенберга.

Военная дорога XI корпуса, шедшая отъ Броды на Заболотцы, Красне, была далѣе повернута на сѣверъ и проведена на Клодно и Желдецъ.

Для IX корпуса военная дорога оборудовалась отъ Красне — на Бускъ-Жолкевъ; для X корпуса тоже отъ Красне на Куликовъ-Креховъ. Пока же, до открытія этихъ дорогъ, IX и X корпуса базировались прямо на жел.-дорожную станцію Львовъ; на станцію Львовъ перенесено было базированіе и XII корпуса, переданнаго изъ 8-й арміи въ 3-ю.

Работа жел.-дорожной магистрали Броды-Львовъ была возстановлена 22 авг. (4 сент.), но перешито къ этому дню на нашу колею было только до Заболотцы, гдѣ и была организована перегрузочная станція съ русской колеи на заграничную.

Во Львовѣ было приступлено къ образованію расходнаго продовольственнаго магазина съ запасами для всей арміи, причемъ, имѣющіеся продовольственные магазины въ Бродахъ, Красне и Золочевѣ были оставлены.

Такъ какъ, желѣзнодорожное движеніе не могло обезпечить необходимый подвозъ всего снабженія и огнеприпасовъ, а также эвакуацію раненыхъ, то таковые шли преимущественно по военнымъ дорогамъ.

Захваченные во Львовѣ интендантскіе запасы были использованы для снабженія войскъ, что сильно улучшило ихъ довольствіе. Склады огнестрѣльныхъ припасовъ къ 22 авг. (4 сент.) были открыты въ Бускѣ, въ Красне и во Львовѣ.

Санитарныя учрежденія къ 22 авг. (4 сент.) были подтянуты въ раіонъ Каменки Струмиловой, Жолкева и Львова, для чего госпитали, не сильно загруженные ранеными, сдали таковыхъ для эвакуаціи на этапы въ Перемышляны, Поморжаны, Зборовъ и Заболотце и были направлены походнымъ порядкомъ въ раіонъ Львова, куда также подтягивались всѣ санитарные транспорты.

Полевыя эвакуаціонныя комиссіи были переведены въ Броды и въ Кркмкнецъ.

Армейскіе транспорты къ 22 авг. (4 сент.) были сосредоточены къ головнымъ участкамъ военныхъ дорогъ въ районѣ Бускъ-Золочевъ.

Въ 8-й арміи перегруппировка тыла происходила въ несравненно болѣе трудныхъ условіяхъ нежели въ 3-й арміи въ виду того, что, въ теченіи 19 по 22 авг. (1-4 сент.) приходилось удлинять военныя дороги отъ Гнилой Липы до линіи Львовъ-Миколаевъ, т. е. на 55-150 клм. (послѣднее для XXIV корпуса). Однако, умѣлый наштарм, ген. Ломновскій, приложилъ всѣ свои силы и знаніе для того, чтобы затрудненія въ снабженіи войскъ не задерживали бы темпа операціи. Для продовольствія войскъ широко были использованы мѣстныя средства и запасы обозовъ брошенныхъ Австро-Венграми при отступленіи.

Подвозъ огнеприпасовъ и продовольствія производился изъ Бржезанъ, гдѣ находился мощный сборный этапъ, складъ продовольствія и огнестрѣльныхъ припасовъ; когда же открылось жел.-дорожное сообщеніе на Львовъ, продовольствіе и огнеприпасы должны были подаваться и оттуда.

Въ отношеніи обезпеченности огнеприпасами 8-я армія находилась въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ 3-я армія, т. к. весь расходъ огнеприпасовъ до 20 авг. (2 сент.) выражался въ 13½ милліоновъ ружейныхъ патроновъ (по 74 патрона на 1 винтовку), въ 27 съ половиной тысячъ патроновъ полевой пушки (по 55 патроновъ на 1 орудіе), въ 3.000 гаубичныхъ (по 100 на гаубицу) и въ 11½ тысячъ горныхъ патроновъ (по 480 на горное орудіе). Такимъ образомъ, 8-я армія израсходовала запасы одного только легкаго, половину мортирнаго и половину горнаго, мѣстныхъ парковъ, находившихся въ Волочискѣ и Трембовлѣ, откуда подвозъ производился транспортами.

Эвакуація раненыхъ 8-й арміи производилась на Бржезаны, гдѣ имѣлись 7 госпиталей, а также на Трембовлю и Волочискъ.

ОБЩАЯ ГРУППИРОВКА ОБѢИХЪ СТОРОНЪ КЪ 22 АВГУСТА.

Подведемъ теперь итоги происшедшему съ 19 по 21 авг. (1 по 3 сент.).

На обѣихъ сторонахъ въ высшихъ командныхъ инстанціяхъ переживался критическій періодъ оформленія новыхъ рѣшеній. Къ вечеру 21 авг. (3 сент.) всѣ колебанія были закончены. Въ Русскомъ командованіи, съ занятіемъ Львова, исчезла причина неповиновенія командованія 3-й арміи, главному командованію фронтомъ. Въ Австро-Венгерскомъ же командованіи болѣзненный вопросъ оставленія Львова былъ изжитъ. На обѣихъ сторонахъ планы продолженія Галиційской Битвы окончательно выкристаллизировались.

На Русской сторонѣ, согласно этому плану, весь центръ тяжести дѣйствій перемѣщался къ правому крылу. Теперь, противъ Австро-Венгровъ, вторгнувшихся въ Россію, между Вислой и Бугомъ, направлялись 4 арміи, задачей которыхъ было: «не дать противнику уйти, принудивъ его къ бою, нанести пораженіе, отбрасывая дружными усиліями къ Вислѣ»[39]). Для этого 9-я и 4-я арміи должны были наступать на нижній Санъ, развивая успѣхъ лѣвымъ крыломъ; 5-я и 3-я арміи должны были вывести свои войска также на Санъ: 5-я армія ниже Лежайска, а 3-я между Лежайскомъ и Радымно.

На лѣвофланговую армію Ю.-З. фронта (№ 8) возлагалась задача обез-

39) Телеграмма № 765.

печенія всего этого маневра отъ непріятеля, отошедшаго за Верещицу и на Городокскія позиціи, а также, со стороны Днѣстра.

На Австро-Венгерской сторонѣ мы видѣли отказъ отъ продолженія рѣшительныхъ дѣйствій между Вислй и Бугомъ и переносъ центра тяжести операціи на восточный фасъ Галиційской Битвы. Для дѣйствій здѣсь сосредоточивались 3 арміи. Одна изъ нихъ — 3-я А.-В. армія должна была принять на себя ударъ продолжающихъ наступать съ востока, послѣ занятія Львова, русскихъ армій. Съ сѣвера, для удара въ правый флангъ этихъ русскихъ силъ, направлялась отъ Томашева 4-я А.-В. армія. Съ юга, въ лѣвый флангъ тѣхъ же русскихъ силъ должна была наступать 2-я А.-В. армія. Весь этотъ маневръ обезпечивался съ сѣвера 1-й А.-В. арміей и группой Эрцгерцога Іосифа Фердинанда.

Я не буду повторять здѣсь — что въ основѣ этого плана была положена невѣрная предпосылка — а именно, что русскія арміи, развернувшіяся между Вислой и Бугомъ понесли рѣшительное пораженіе.

Въ дѣйствительности, обстановка была иной. Русскія 4-я и 5-я арміи съ присоединившейся къ нимъ 9-й арміей, находились въ полной боеспособности.

Съ вновь прибывшими дивизіями общая сила этихъ трехъ русскихъ армій измѣрялась — 28 пѣхотными и 10½ кавалерійскими дивизіями. Противъ нихъ оставались 17 пѣх. и 4 кав. А.-В. дивизіи и 2 германскія пѣх. дивизіи. Къ количественному превосходству русскихъ силъ нужно прибавить и моральное, вслѣдствіи прибытія многихъ свѣжихъ дивизій. Къ этому еще нужно добавить, что и преимущество группировки силъ было тоже на сторонѣ русскихъ. Побѣды у Суходоловъ и Владиславова открыли имъ путь во флангъ 1-й А.-В. арміи.

Съ подходомъ 4-й А.-В. арміи для совмѣстныхъ операцій съ 3-й и 2-й А.-В. арміями у ген. Конрада собиралось 30 пѣх. и 7 кав. див., противъ русскихъ 23 пѣх.[40]) и 9 кав. див. Превосходство въ количествѣ силъ было на сторонѣ Австро-Венгровъ, но на сторонѣ русскихъ было безспорное моральное превосходство. Прибывающія съ Сербскаго фронта двѣ свѣжія пѣхотныя дивизіи IV-го А.-В. корпуса не могли выправить послѣдствій отъ пораженія въ сраженіи у Золочева (Золотая Липа) и на Гнилой Липѣ, понесенныхъ 3-й и 2-й А.-В. арміями. Преимущество въ группировкѣ силъ также не были на сторонѣ Австро-Венгровъ. Стратегическая мудрость М. В. Алексѣева въ значительной степени низводила на нѣтъ оперативныя намѣренія ген. Конрада. Въ самомъ дѣлѣ, 3-я армія, ген. Рузскаго, не только не подставляла свой флангъ спускающейся съ сѣвера 4-й А.-В. арміи ген. Ауффенберга, но поднимаясь на сѣверъ, она сама выходила во флангъ Ауффенбергу. Можно только сожалѣть, что запозданіе штарма 3 въ исполненіи оперативныхъ указаній штаюза, уменьшили этотъ выигрышъ фланга и приблизили ко Львову раіонъ предстоящаго столкновенія армій генерала Ауффенберга. Это, конечно, уменьшило выгоды общей стратегической группировки, ибо вышеуказанное столкновеніе удалялось отъ 5-й арміи ген. Плеве. Но, все таки, вступленіе послѣдней было возможно вслѣдствіи чего и вся операція ген. Ауффенберга оказывалась висящей на волоскѣ.

Какъ общее заключеніе, мнѣ остается лишь повторить уже сказанное въ концѣ первой главы этого труда.

---

[40]) Считая въ томъ числѣ только что прибывшую въ Заднѣстровскій отрядъ 70-ю пѣхотную дивизію (второочередную).

На верхахъ руководства обѣихъ сторонъ, дравшихся въ Галиційской Битвѣ, по той или иной причинѣ, произошла перемѣна въ оцѣнкѣ стратегическаго значенія сраженія, разыгрывающагося къ сѣверу отъ полосы Таневскихъ лѣсовъ. Русское Главное Командованіе переноситъ сюда свою главную ставку. Австро-Венгерское же главное командованіе сняло отсюда свою главную ставку и переноситъ ее на Львовскій «фасъ».

Кто окажется правымъ — Великій Князь Николай Николаевичъ и ген. М. В. Алексѣевъ или генералъ Конрадъ фонъ Генцендорфъ?

Исходъ Галиційской Битвы совершенно опредѣленно отвѣтилъ на этотъ вопросъ. Изученіе этого отвѣта исторіи придаетъ жгучій интересъ дальнѣйшему изслѣдованію Галиційской Битвы.

Н. Головинъ.

1 мая 1940 г.
Парижъ.

АПШЕРОНЦЫ ПОДЪ СУХОДОЛАМИ

Побѣда у Суходоловъ, также какъ и у Владиславова, является побѣдой Русской пѣхоты. Колонна ген. Волошинова дѣйствія которой привели къ катастрофѣ 24-ую А.-В. пѣх. дивизію была по существу говоря «пѣхотной колонной» добраго стараго времени, т. к. на свои 12-13 баталіоновъ она имѣла всего 4 конныхъ орудія. Я уже говорилъ выше, что въ такихъ исключительно трудныхъ, для веденія современнаго боя, условіяхъ„ побѣда могла быть одержана лишь при исключительной доблести и отличной подготовкѣ мирнаго времени нашей перволинейной пѣхоты. Дабы не быть голословнымъ я и считаю полезнымъ дополнить сдѣланное мною общее описаніе боевъ подъ Суходолами изображеніемъ во всѣхъ подробностяхъ боевыхъ дѣйствій одной изъ ротъ 81-го Апшеронскаго полка. Возстановленіе передъ читателемъ одного изъ «молекулярныхъ процессовъ» боя у Суходоловъ позволитъ составить себѣ представленіе о томъ, какъ происходилъ этотъ бой на самыхъ «низахъ», а не только какъ онъ представлялся руководившимъ имъ штабамъ. Только опустившись въ самую гущу кровавой борьбы, можно составить себѣ истинное представленіе объ изучаемомъ боѣ. На наше счастье въ моихъ рукахъ оказался документъ, позволяющій вскрыть до мельчайшихъ подробностей теченіе боя въ одномъ изъ его небольшихъ уголковъ. Такимъ документомъ является присланная въ 1933 г. запись объ участіи въ бою 20-го августа (2 сент.) 2-й роты Апшеронскаго полка, сдѣланная командиромъ этой роты[1]).

Эта рота представляла собою головной отрядъ полка, наступавшаго изъ Пясковъ на Файславице, имѣя осью своего наступленія Красноставское шоссе. Выйдя изъ полосы лѣсовъ, протягивающейся въ меридіональномъ направленіи къ востоку отъ Пясковъ, рота пріостановилась.

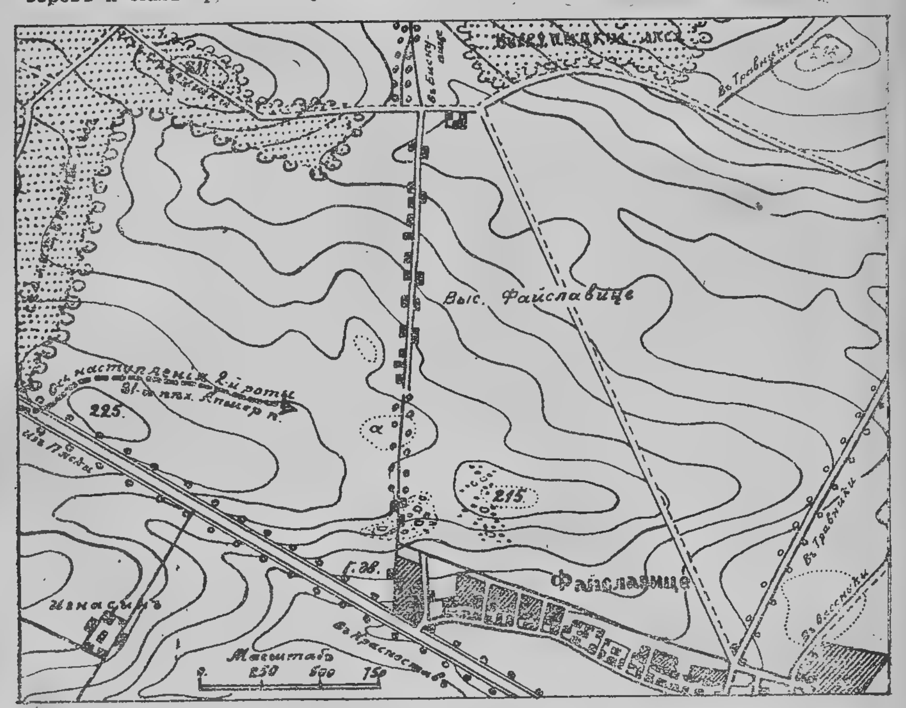
«Солнце взошло и красное пробивается изъ тумана», вспоминаетъ капитанъ В. Ивановъ, «слышу спереди и слѣва выстрѣлъ одинъ, — молчаніе съ полъ минуты, затѣмъ опять выстрѣлъ одинъ, сразу два, — стрѣляютъ изъ 3-линейной винтовки. Потомъ нѣсколько выстрѣловъ болѣе густыхъ, не нашихъ. „Начинается"... мелькнула мысль. Взглянулъ на часы — 7 часовъ 5 минутъ. Защелкали выстрѣлы и слѣва, отъ другого дозора. Предчувствіе не обмануло: противникъ гдѣ то впереди слѣва. Изъ лѣваго дозора флажкомъ показываютъ: «Противникъ, пѣхота, влѣво». Головной дозоръ остановился, повернулся и показываетъ флажкомъ тоже влѣво... Перестрѣлка дозорной цѣпи учащается, учащается стрѣльба и противника. Это уже не только дозоры противника».

---

[1]) Рукопись генералъ-маіора Викентія Иванова, бывшаго командиромъ 2-й роты Апшеронскаго полка, впослѣдствіи командира І-го баталіона и командира полка, хранится въ Архивѣ ген. Н. Н. Головина.

«Пріостанавливаю роту. „Ложись". Подбѣгаетъ запыхавшійся дозорный и докладываетъ, что „влѣво у деревьевъ[2]) цѣпи противника ,отъ шоссейной дороги съ полъ версты будетъ, что наши дозоры разсыпались рѣдкой цѣпью и ведутъ перестрѣлку».

«Оставилъ за себя командира I-й полуроты подпоручика Яцкевича и вмѣстѣ со связью прошелъ впередъ (на высоту 225; примѣчаніе Н. Н. Г.) въ сторону дозоровъ и сталъ пристально разсматривать въ Цейссъ, что дѣлается влѣво».

«Разыскалъ биноклемъ 3-4 нашихъ дозорныхъ, шагахъ въ 300-500-700. Виднѣлась ровная линія деревьевъ, повидимому — дорога, обсаженная деревьями. На возвышеніи взвились одинъ-два дымка пыли, повидимому, туда стрѣляли наши дозорные, а оттуда уже слышны выстрѣлы не нашихъ винтовокъ. Все поле совершенно пустынное, не видно никого и ничего... Мѣстность открытая и лишь слегка волнистая.

«За второй линіей деревьевъ, за глубокой балкой (такъ зовутъ глубокія, съ крутыми скатами, лощины у насъ на Кавказѣ) поднимается довольно высокая возвышенность, по которой въ направленіи С. С. В. видна желтая полоса широкой дороги, обсаженной рѣдкими деревьями. Эта дорога, повидимому, идетъ на ст. Травники, первой станціи за полустанкомъ Минковицы въ направленіи на Холмъ. Впереди красноставское шоссе начинаетъ спускаться, видна небольшая рощица влѣво, но оттуда выстрѣловъ нѣтъ, хотя, можетъ быть, и тамъ противникъ имѣется.

«Оглянулся въ направленіи на полкъ. Людей не видно, — очевидно, полкъ оста-

---

[2]) На схемѣ обозначено литерой «а»; примѣч. Н. Н. Г.

новился и залегъ по широкой обочинѣ. Двигаться впередъ и дальше, не зная, что въ дѣйствительности влѣво, — нельзя, поэтому, я рѣшилъ разворачиваться влѣво, гдѣ противникъ уже опредѣлился, но нужно нащупать его фланги, выяснить, хотя приблизительно ,его расположеніе, а поэтому нужно разворачиваться возможно шире, не обнаруживая себя. Сдѣлавъ этотъ выводъ, я быстро набросалъ схематически мѣстность въ полевой книжкѣ и написалъ свое донесеніе № 1 командующему полкомъ генералъ-маіору Веселовскому, о томъ, что противникъ обнаруженъ влѣво отъ шоссе у деревьевъ и правѣе ихъ по бугру[3]) (указалъ на схемѣ[4]), и что, съ цѣлью выяснить расположеніе противника, и его силы, широко разворачиваюсь съ ротой въ направленіи на бугры влѣво. Головному дозору я послалъ приказаніе, со связью отъ 1-го взвода оставаться на своемъ мѣстѣ и, когда рота расчленитъ цѣпи, двигаться правѣе роты на небольшую рощицу, что лѣвѣе шоссе, прикрывая правый флангъ роты. Пославъ донесеніе генералу Веселовскому, вернулся къ ротѣ и громко объяснилъ ей обстановку, пояснивъ, что наша задача выяснить, расположеніе противника, для чего, намъ нужно, насколько возможно, шире развернуться, чтобы противника ввести въ заблужденіе о нашей величинѣ и привлечь на себя огонь и, что намъ выгодно возможно скрытнѣе ближе къ нему подойти, и что тогда только нашъ огонь по немъ будетъ дѣйствителенъ, и поэтому мы двинемся въ сторону противника въ началѣ въ строю по взводно, уступами справа, съ дистанціей между взводами и съ интерваломъ не ближе 150-200 шаговъ. Направляющій взводъ I-й, которому двигаться въ полъ оборота влѣво, въ направленіи на виднѣвшіеся влѣво къ С. В. стоги сѣна. Я буду при 4-мъ взводѣ. За нами, по шоссе полкъ. Вправо гренадеры и наша Гвардія. Раненыхъ направлять по шоссе въ м. Пяски. Замѣстители мои, подпоручикъ Яцкевичъ, прапорщикъ Голенищевъ-Кутузовъ и подпрапорщикъ Мишинъ (сверхсрочно-служащій фельдфебель роты). Съ раненыхъ забирать патроны. О всемъ замѣченномъ взводамъ немедленно сообщать мнѣ флажками (очень простая сигнализація цвѣтными флажками, съ которой основательно былъ ознакомленъ весь полкъ. Указавъ 1-му взводу направленіе, я перекрестился и приказалъ ему двигаться змѣйкой. «Съ Богомъ — впередъ...». Взводъ двинулся.

«Я взглянулъ снова на часы. Было 7 час. 15 мин. утра. Черезъ минуты двѣ я выпустилъ и 2-й взводъ, указавъ ему направленіе, выпустилъ 3-й и самъ двинулся съ 4-мъ. Мѣстность отъ шоссе влѣво была слегка волнистая, понижавшаяся къ С. и лишь у самой линіи деревьевъ начинала вновь повышаться, образовывала возвышавшееся плато, которое къ В. крупно снижалось и за нимъ былъ къ В. довольно глубокій оврагъ, противоположный склонъ котораго довольно круто подымался.

«Неимѣніе плана или карты значительно затрудняло оріентировку на мѣстности, но большая практика моя въ командованіи охотничьими командами на Кавказѣ и въ Туркестанѣ давала мнѣ увѣренность, что Богъ дастъ здѣсь, гдѣ нѣтъ горъ и дикихъ ущелій, я сумѣю разобраться...

«До линіи первыхъ деревьевъ, откуда была слышна трескотня австрійскихъ винтовокъ, было версты полторы, и поэтому, я рѣшилъ возможно дольше не разворачивать цѣпи, т. к. мѣстность давала возможность, двигаясь неглубокими лощинками, сблизиться съ противникомъ, не обнаруживая себя заранѣе.

---

[3]) Отмѣтка 215' прим. Н. Н. Г.

[4]) «Непріятно, что нѣтъ карты; хотя бы десятиверстка, и то было бы хорошо, а такъ не знаешь совершенно мѣстности и, если понадобится доносить, не знаешь даже какъ помѣтить мѣсто отправленія»; примѣчаніе изъ воспоминаній капит. В. Иванова.

«Взглянулъ я на взводы и увидѣлъ, что они двигаются спокойно, отлично приспособляясь къ мѣстности. Взглянулъ назадъ на шоссе, гдѣ остался полкъ, шоссе виднѣлось по прежнему совершенно безлюднымъ, какъ будто бы тамъ никого не было. У противника тоже никого и ничего не было видно: поле казалось совершенно пустымъ, и, если бы не довольно частая стрѣльба австрійцевъ, можно было бы думать, что тамъ никого и нѣтъ.

«Меня нѣсколько удивила даже густота ихъ ружейнаго огня... Вѣдь противъ нихъ до данной минуты были только наши дозоры, чего же они такъ усердствуютъ и, повидимому, нервничаютъ. Повидимому, тамъ у нихъ при обученіи не приводилось такъ настоятельно, какъ это было у насъ, требованіе „беречь патроны".

«Такъ прошли мы минутъ 15 безостановочно. Вдругъ, бухнула австрійская пушка гдѣ то совсѣмъ близко, и вмѣстѣ со звукомъ выстрѣла почти слился разрывъ шрапнели высоко въ небѣ. Разрывъ былъ розоватаго цвѣта, и розовое облачко медленно таяло въ воздухѣ. Стрѣляли въ направленіи моего 1-го взвода, и былъ недолетъ. Сейчасъ возьмутъ въ вилку, подумалъ я. Бухнуло второе орудіе и опять такой же высокій, розовый разрывъ все въ томъ же направленіи, и все такъ же, слава Богу, въ пустую. Потомъ цѣлая очередь дружно разорвалась все въ томъ же направленіи, и все также въ пустую... Снова очередь, и теперь лѣвѣе, значительно ближе ко мнѣ. Взводы по прежнему идутъ змѣйками, примѣняясь къ мѣстности и держась указаннаго направленія. Лѣвѣе по лощинкѣ я увидѣлъ довольно глубокую канаву, къ которой и направился взводъ. Снова очередь шрапнели, и теперь значительно позади насъ и еще лѣвѣе. Судя по тому, что звукъ выстрѣла орудія былъ одновременно съ разрывами шрапнели, орудія противника должны были быть гдѣ то совсѣмъ близко. Приказалъ я остановиться 4-му взводу у канавы, люди спустились въ нее, и я сталъ искать биноклемъ въ направленіи, откуда доносились выстрѣлы батареи, ведущей попрежнему огонь очередями. Вдругъ мнѣ показалось, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ деревья понижались и образовывалась какъ бы прогалина, въ моментъ залпа австрійской батареи, видна небольшая пыль. Подождалъ слѣдующей очереди и увидѣлъ то же явленіе, — не было сомнѣнія, что сейчасъ же за деревьями стоитъ непріятельская батарея[5]), и пыль поднимается отъ того, что впереди, очевидно, небольшой бугоръ, и съ него сдуваетъ пыль дыханіе орудій. Батарея въ досягаемости нашей винтовки, и возможно ее обстрѣлять залпами.

«Въ это время я увидѣлъ, что шагахъ въ ста, по канавѣ же, залегъ правѣе меня и 3-й мой взводъ. Поднявъ руку вверхъ, крикнулъ: «3-й и 4-й взводы, — вниманіе». Мой сигналистъ сейчасъ же поднялъ флажекъ 3 и 4 взводовъ, изъ 3-го показали позывной. «Смотри, братцы, впередъ. Видишь, линія деревьевъ вправо отъ бугра и впереди большого кряжа. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ деревья смежаются ,и видна выемка, плѣшатина, — за плѣшатиной стоитъ австрійская батарея, ее намъ нужно обстрѣлять. Прицѣлъ 18-19, 3-й взводъ прицѣлъ 18, 4-й взводъ — 19. Огонь залпами, по взводно».

«Снова очередь, и на этотъ разъ разрывы ниже и надъ нами, но, повидимому, никого не задѣло.

«„Взводы, осмотри прицѣлы и открывай огонь". Опускаю бинокль и оглядываюсь. Взводный 4-го взвода, призванный изъ запаса подпрапорщикъ Какунинъ, участникъ Японской войны, высокій и стройный, стоитъ за взводомъ во весь ростъ, блѣдный, съ открытымъ ртомъ, какъ будто для подачи команды, но... ни звука. Вижу, что человѣкъ обомлѣлъ и окаменѣлъ... а потому, чтобы не терять времени, кричу: „4-й взводъ, слушай мою команду, 18, по австрійской батареѣ, что стоитъ

5) Повидимому на обратномъ скатѣ возвышенности, обозначенной на схемѣ литерой «а», примѣч. Н. Н. Г.

за дорогой, обсаженной деревьями въ томъ мѣстѣ, гдѣ межъ деревьевъ прогалина. Пальба взводомъ. (Слышу, что взводный 3-го взвода начинаетъ подавать команду). Взводъ пли".

«Треснулъ очень дружный залпъ (какъ орѣхъ раскусили). Такой же дружный залпъ 4-го взвода... Схватилъ бинокль и напряженно гляжу въ выемку, гдѣ предполагаю непріятельскую батарею... Тамъ поднимаются клубы пыли... Прицѣлъ хорошъ, и наводка не дурна (не даромъ прошли сокращенный курсъ стрѣльбы во время мобилизаціи). Еще и еще залпъ съ тѣмъ же прицѣломъ и по тому же мѣсту... Непріятельская батарея умолкла. Значитъ, угадалъ, и батарея была дѣйствительно тамъ. Перемѣнилъ прицѣлъ на 20 и 22, далъ еще нѣсколько залповъ, прекратилъ огонь и подалъ сигналъ флажками развернуть взводамъ цѣпи влѣво, направляющій 2-й взводъ на бугоръ, что вправо къ югу отъ деревни[6])... Получилась цѣпь по фронту около 1000-1200 шаговъ. Шли размашистымъ шагомъ, равняясь, какъ на парадѣ. Открыла по насъ огонь какая то другая батарея, стоявшая гдѣ то далеко за кряжемъ, на которомъ была видна дорога, идущая, повидимому, къ станціи Травники. Застучали пулеметы австрійцевъ, съ бугровъ, на которые я направилъ 2-й взводъ, и затрещали винтовки австрійцевъ вправо и, главнымъ образомъ, влѣво отъ этихъ бугровъ. Огонь австрійцевъ былъ бѣшенный, но пока мало дѣйствительный. Я шелъ впереди цѣпи шаговъ на 40-50 между 3 и 4 взводами и, когда оглянулся на свою цѣпь и увидѣлъ ее ярко освѣщенную, выглянувшимъ изъ облаковъ и мглы на востокѣ солнцемъ, увидѣлъ ея стройное движеніе, размашистый шагъ людей и ярко поблескивающіе новые красные отвороты на сапогахъ (боевое отличіе полка за бой подъ Кунерсдорфомъ) появилось восторженное настроеніе стараго ротнаго командира на смотру, который самъ видитъ, какъ у него хороша рота, какъ всѣ до одного въ ней полны желанія показать себя возможно лучше передъ начальствомъ и сами чувствуютъ, что у нихъ все выходитъ и красиво, и хорошо; явилось привычное желаніе крикнуть имъ: „молодцами идете, ребята", но сейчасъ же мелькнула мысль — это будетъ позерство, и это лишь остановило меня отъ выполненія этого нелѣпаго желанія...

«Мелькнула мысль: „вотъ бы увидѣлъ дѣдушка Лешъ[7]), какъ идутъ, что онъ сейчасъ сказалъ бы. И вспомнилась мнѣ любимая фраза, которою онъ неизмѣнно заканчивалъ свои бесѣды съ нами, офицерами, относительно необходимости учить людей показомъ, а не разсказомъ, исключительно тому, что имъ придется дѣлать въ бою: «привыкла собачка бѣгать за возомъ лѣтомъ, зимою и за санями побѣжитъ".

«До перехода въ Апшеронскій полкъ я долго служилъ въ Закаспійскихъ стрѣлкахъ, и командиръ корпуса былъ у насъ генералъ Лешъ, выдающійся инструкторъ-учитель и замѣчательный психологъ солдатской души.

«Такъ какъ можно было прійти къ заключенію, что австрійская позиція уже достаточно выяснена, я привлекъ на себя огонь съ широкаго фронта, и огонь сталъ дѣйствительнымъ, то время пришло и мнѣ начать кусать австрійцевъ, и, чтобы огонь нашъ сразу бы сталъ дѣйствительнымъ я подалъ флажкомъ сигналъ двинуться всей цѣпью впередъ бѣгомъ. Цѣпь быстро рванулась впередъ, и, когда мы

---

[6]) На схемѣ обозначены литерой «а»; примѣч. Н. Н. Г.

[7]) Ген. Лешъ, герой Русско-Японской войны; послѣ этой войны составилъ замѣчательную книгу, посвященную обученію пѣхотнаго звена. Эту книгу знала вся русская пѣхота. Особенно высоко цѣнилъ ее Главнокомандующій войскъ Гвардіи и Петерб. воен. округа Велик. Князь Николай Николаевичъ. Въ окруженіи же ген. Сухомлинова надъ ней насмѣхались, называя эту книгу: «Лѣшимъ звеномъ». Примѣч. Н. Н. Г.

добѣжали до небольшой лощинки (мертвое пространство), я остановилъ цѣпь, — цѣпь залегла и, я быстро набросалъ кроки позиціи противника, свое положеніе и написалъ свое донесеніе № 2 ген. Веселовскому, указавъ, что начинаю наступленіе на бугры[8]) и южную окраину деревни, что къ С. отъ этихъ бугровъ, но что вправо отъ меня и впереди по Красноставскому шоссе тоже есть противникъ, о чемъ я получилъ донесеніе отъ ком. 1 взвода подпоручика Яцкевича. Было ровно 8 часовъ.

«Послалъ я донесеніе и приказалъ 3-му взводу выползти на грядку изъ мертваго пространства, дать нѣсколько залповъ по бугру, съ котораго стучали два австрійскихъ пулемета, съ цѣлью опредѣлить точно прицѣлъ. Залпы поднимали пыль на самомъ бугрѣ, и прицѣлъ былъ опредѣленъ точно — 13. Приказалъ всей цѣпи выползти на грядку, съ которой и открыть огонь, сначала лучшими стрѣлками во взводахъ по бугру, гдѣ были пулеметы, а потомъ всей цѣпью — рѣдкій огонь, подѣливъ обстрѣливаемый участокъ между взводами; приказалъ 4-му взводу вести огонь по опушкѣ самой деревни, заросшей кустами и небольшими деревьями, между которыми были видны ясно въ бинокль мелькавшія голубыя фигуры австрійцевъ.

«Въ это время подбѣжалъ ко мнѣ запыхавшійся унтеръ-офицеръ изъ головного дозора, наблюдавшаго за моимъ правымъ флангомъ, и доложилъ мнѣ, что старшій послалъ его доложить мнѣ, что правѣе насъ разворачивается 1-й батальонъ, причемъ, 4-ая рота развернулась лѣвѣе Красноставскаго шоссе, а 3-я правѣе шоссе. «А гдѣ батальонный командиръ, подполковникъ Григорчукъ», спросилъ я его. «Онъ при 4-й ротѣ. Я его видѣлъ, не доходя стоговъ». «Доложи ему, что я буду атаковать бугры, гдѣ австрійскіе пулеметы, и южный край деревни, что лѣвѣе бугровъ. Старшему своему дозорному скажи, что, когда 4-ая рота выйдетъ на нашу линію, пусть съ дозоромъ присоединяется къ своему взводу».

«Въ это время я увидѣлъ ясно въ бинокль батарею австрійцевъ, отходящую и медленно поднимающуюся на кряжъ за оврагомъ, до нея было болѣе 3000 ш., и мы ей ничего сдѣлать не могли... То, очевидно, была батарея вначалѣ ведшая огонь по насъ очередями, и которую мы заставили умолкнуть залпами 3 и 4 взводовъ.

«Ваше Выс-іе. Батарея уходитъ, вотъ бы ее садануть нашей батареей!», — послышались голоса солдатъ. У насъ была при полку донская батарея (3-й донской дивизіи), но гдѣ она была и почему не открывала до сего времени огня, мнѣ было непонятно, и цѣли, вѣдь были, да еще какія. (Пулеметы на буграхъ, отходящая, медленно поднимающаяся по крутому и открытому скату непріятельская батарея...).

«Послышалась частая стрѣльба впереди по шоссе; застучали тамъ австрійскіе пулеметы; затрещали наши винтовки, а спустя нѣкоторое время застрочили наши пулеметы гдѣ то правѣе шоссе, — очевидно, тамъ были роты нашего 1-го батальона, и развернулась и наша пулеметная команда.

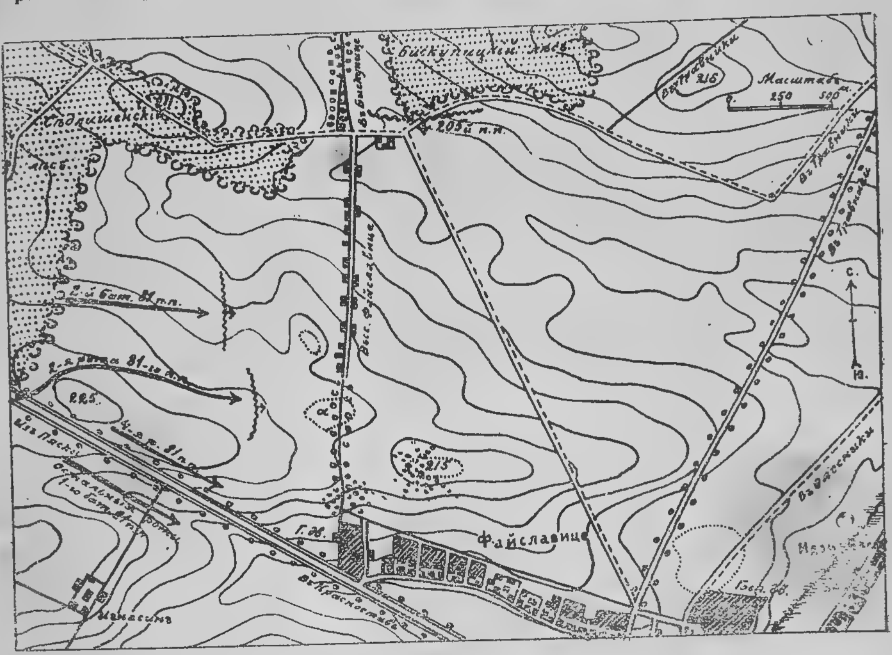
«Между 2 и 4 ротами образовался незначительный разрывъ, который при дальнѣйшемъ моемъ движеніи впередъ долженъ былъ еще увеличиться, но мѣнять направленіе было уже невозможно, такъ какъ, если бы я началъ принимать вправо, то подставлялъ бы свой лѣвый флангъ подъ фланговый огонь австрійцевъ, а привлекая на себя огонь австрійскихъ пулеметовъ съ бугровъ и угрожая имъ, я лишалъ ихъ возможности взять подъ фланговый огонь весь 1-й батальонъ. Австрійская батарея, ведшая до этого времени огонь по мнѣ, вдругъ перенесла огонь куда то влѣво и далеко въ тылъ. Взглянулъ я въ бинокль въ томъ направленіи, гдѣ рвались розовые дымки австрійской шрапнели, и увидѣлъ, что тамъ цѣпь за цѣпью (я насчиталъ 16

---

[8]) На схемѣ обозначенъ буквой «а».

цѣпей) показались наши Апшеронцы, быстро двигающіеся отъ шоссе въ направленіи на деревню, на которую и я нацѣлился (оказалось, что это развернулся нашъ 2-й батальонъ, направленный командиромъ полка ген. маіоромъ Веселовскимъ для атаки этой деревни лѣвѣе меня).

«Тамъ на пути наступленія 2-го батальона, мѣстность тоже была изрѣзана небольшими лощинами, параллельно позиціи австрійцевъ, поэтому наши цѣпи то были ясно видны, то скрывались, то снова появлялись, безостановочно двигаясь размашистымъ шагомъ. Хорошій моментъ для начала перебѣжекъ, т. к. вниманіе австрійской батареи теперь занято другой цѣлью, — мелькнула у меня мысль, и я, подавъ свистокъ, крикнулъ: «Перебѣжка по взводно, на небольшую грядку, находящуюся въ шагахъ 300 впереди. Начинаетъ 4-й взводъ, — остальнымъ взводамъ участить огонь, 3-му взводу перенести огонь на участокъ лѣвѣе бугровъ». Самъ рѣшилъ я перебѣжать съ 4-мъ же взводомъ. Поэтому, поднялся и бросился вмѣстѣ

со своей связью впередъ и съ промежуточной передышкой въ 1-2 минуты, добѣжалъ до гряды, легъ за грядой и видѣлъ, какъ подпрапорщикъ Какунинъ съ 4-мъ взводомъ лихимъ броскомъ перебѣжалъ со взводомъ и легъ рядомъ со мной. Взглянулъ я на него и увидѣлъ, что онъ былъ вполнѣ спокоенъ. Пришелъ въ себя, и какъ хорошо я сдѣлалъ, что передъ залпами по батареѣ ни слова не сказалъ и не подорвалъ авторитета передъ взводомъ.

«Лежа за грядой я приказалъ сигналисту показать флажкомъ 3 взвода, отвѣтили позывнымъ, показалъ перебѣжку по звеньямъ, а подпрапорщику Какунину приказалъ открыть двумя отдѣленіями — 3 и 4-мъ частый огонь по позиціи лѣвѣе бугровъ, а двумъ отдѣленіямъ — 1 и 2-му по буграмъ, и, когда онъ подалъ команду и правильно назначилъ прицѣлъ, я вполнѣ за него успокоился: убѣдился,

что человѣкъ вполнѣ владѣетъ собой, голова правильно работаетъ, а, значитъ, взводъ въ надежныхъ рукахъ.

«Цѣпи перебѣгали такъ стремительно, такъ умѣло примѣнялись къ мѣстности, что, несмотря на очень сильный огонь ружейный, пулеметный и орудійный (насъ опять обстрѣливала какая то батарея австрійцевъ изъ за дальняго кряжа очередями), потери были не такъ ужъ велики, отдѣльные люди падали, но цѣпи продолжали быстро продвигаться впередъ. Цѣпи второго батальона (развернувшіяся значительно лѣвѣе меня) были еще очень далеко позади, когда я началъ новую перебѣжку по звеньямъ и далѣе по одному, такъ какъ, не опасался теперь за свой, до этого открытый, лѣвый флангъ. Бой теперь кипѣлъ по всей линіи. Гдѣ то вправо отъ насъ слышенъ былъ гулъ орудій, — тамъ, очевидно, вели бой наши гренадеры и гвардія.

«Ваше Выс-іе. А что же наша батарея молчитъ?» — стали задавать мнѣ вопросы мои солдаты. — «Подожди, братцы. Вѣдь, мы не такъ болтливы и пугливы, какъ австрійцы, вишь какъ надсаживаются съ перепуга. Когда нужно будетъ заговорить нашей, и наша заговоритъ». (Говорилъ, а самъ въ душѣ думалъ: «и какого черта наша донская молчитъ, и что она дѣлаетъ. — Неужели не понимаетъ, что ихъ огонь, хоть и въ пустую, даже, намъ нуженъ, какъ моральная поддержка). Наконецъ то заговорила и наша донская батарея гдѣ то позади и вправо (правѣе шоссе), стрѣляя куда то вправо; какъ я ни старался найти, куда она бьетъ, сдѣлать этого не могъ, — разрывовъ не было видно.

«Вотъ слышите, братцы, когда нужно, и наша заговорила», — крикнулъ я своимъ солдатамъ.

«Я все время перебѣгалъ со связью первымъ, т. к. совершенно ясно отдавалъ себѣ отчетъ, что, перебѣгая первымъ, я остановлюсь тамъ, гдѣ есть какая либо складка мѣстности, и гдѣ дѣйствительно будетъ какая нибудь болѣе или менѣе приличная позиція; да и перебѣгая первымъ, я меньше притягивалъ на себя вниманіе австрійцевъ, обыкновенно продолжавшихъ вести огонь по старой нашей позиціи и тогда, когда болѣе половины людей нашихъ уже перебѣжала на новую. Было трудно подняться, но когда поднялся и перебѣжалъ шага 3-4, бѣжать было уже легко, такъ какъ и свистящихъ роемъ пуль не было слышно, и мысль была занята: гдѣ остановиться, чтобы передохнуть и гдѣ прочно остановиться, какъ на новой позиціи. Добѣжавъ до новой намѣченной позиціи, упадешь на землю, прижавшись всѣмъ корпусомъ къ ней, отдышешься и тогда поднимешь голову, осматриваешься и подаешь знакъ, чтобы перебѣгала цѣпь, а когда цѣпь начинаетъ перебѣгать и накапливаться, чтобы занять свое вниманіе, на время превращался въ рядового бойца и стрѣлялъ изъ винтовки по противнику, стараясь найти замѣтную цѣль.

«Впереди себя я увидѣлъ картофельное поле и сейчасъ же въ головѣ прикинулъ, что на немъ будетъ моя послѣдняя стрѣлковая позиція. (Картофельныя грядки ладутъ все таки нѣкоторое укрытіе, да и сами кусты картофеля, довольно высокіе, скроютъ)...

«Въ это время у меня создалось вполнѣ опредѣленное представленіе, что, съ уходомъ обстрѣлянной мною залпами артиллерійской батареи, въ позиціи австрійцевъ получился разрывъ, и что правѣе бугровъ, съ которыхъ по насъ вели огонь австрійскіе пулеметы, никого не осталось, т. к. оттуда по насъ огня больше не велось, — очевидно, съ уходомъ оттуда австрійской батареи, черезъ нѣкоторое время исчезла оттуда и пѣхота, да и въ началѣ моихъ перебѣжекъ, я видѣлъ одиночныхъ австрійскихъ стрѣлковъ, отходившихъ оттуда назадъ и влѣво...

«Ружейная частая стрѣльба австрійцевъ на правомъ участкѣ была слышна значительно правѣе, и потому я рѣшилъ дальнѣйшее продвиженіе впередъ вести такъ,

чтобы правымъ моимъ флангомъ охватить бугры съ австрійскими пулеметами справа, предполагая, что австрійцы правѣе меня настолько заняты ротами нашего 1 батальона, что загибъ моего праваго въ охвтъ бугровъ съ австрійскими пулеметами можетъ быть произведенъ мною безъ особаго риска подставить свой правый флангъ подъ ударъ австрійцевъ. Въ виду всего этого, я показалъ флажками перебѣжку 1 взводу съ перемѣной направленія на бугры; сейчасъ же получилъ позывной флажокъ отъ 1 взвода, что приказаніе принято и понятно, и, дѣйствительно, 1-й взводъ началъ перебѣжку по одному въ новомъ направленіи, но мнѣ бросилось въ глаза, что въ 1-мъ взводѣ, какъ будто прибавилось много людей. Спустя нѣсколько минутъ ко мнѣ сзади подбѣжалъ солдатъ 1 взвода и доложилъ мнѣ, что посланъ взводнымъ 1 взвода, старшимъ унтеръ-офицеромъ Мирошниченко, доложить мнѣ, что командиръ 1-й полуроты подпоручикъ Яцкевичъ убитъ, и что Мирошниченко принялъ командованіе 1-й полуротой (подпоручикъ Николай Іуліановичъ Яцкевичъ, прекрасный кадровый офицеръ, какъ потомъ оказалось, не былъ убитъ, а былъ очень тяжело раненъ двумя ружейными пулями и стаканомъ шрапнели), и что между нашей ротой и другими ротами 1-го батальона очень большой разрывъ.

« — «Потери у васъ большія», спросилъ я его. «Такъ точно, сильно побито народа"... отвѣчалъ солдатъ, лежа позади меня и тяжело дыша. „Ну какія же у васъ потери, когда, смотри, сколько у васъ народа перебѣгаетъ!", говорю ему, улыбаясь. „Это ты, братецъ, врешь, какъ утромъ врали Бѣлгорайцы и Царевцы, которые намъ говорили, что усѣхъ до чиста нѣмецъ побилъ, а сами варили картошку". — „Никакъ нѣтъ, Ваше Выс-іе, потери у насъ дѣйствительно есть, а только что много народу, такъ это, у насъ сейчасъ много народу прибавилось 4-й роты". — „Какъ 4-й роты, вѣдь 4-ая рота была много правѣе насъ, почему же къ намъ прибились, ты говоришь отъ 4-й роты». — «Такъ что говорятъ, что у нихъ офицеровъ нѣтъ, и они прибились къ намъ..» — «А гдѣ командиръ батальона, подполковникъ Ггирорчукъ?» — «Это не могу знать». — «А что васъ справа во флангъ обстрѣливаютъ?" — спросилъ я «Никакъ нѣтъ", — говоритъ солдатъ, повеселѣвъ. — „Ну, такъ вотъ то то и дѣло! Скажи Мирошниченко, что пусть онъ командуетъ 1 полуротой. Что между нами и другими ротами разрывъ, это ничего. Пусть вышлетъ въ разрывъ дозоръ, человѣкъ 5-6. Мы будемъ атаковать вотъ эти бугры, откуда стучатъ нѣмецкіе пулеметы, и лѣвѣе бугровъ участокъ, а Мирошниченко пусть своимъ 1-мъ взводомъ бугры охватываетъ справа во флангъ. Я перейду сейчасъ на правый флангъ 3-го взвода". Предупредивши подпрапорщика Какунина, что я перейду на правый флангъ 3-го взвода и указавъ ему, что новая позиція будетъ на картофельномъ полѣ, и чтобы онъ клалъ взводъ на самомъ полѣ, а не на его границѣ, такъ какъ къ границѣ легко пристрѣляться, я, выждавъ, когда онъ начнетъ перебѣжку, перебѣжалъ самъ къ 3-му взводу и легъ рядомъ съ командиромъ 2-й полуроты, прапорщикомъ Голенищевымъ Кутузовымъ.

«Огонь противника былъ очень силенъ, но картофельное полё давало намъ достаточно хорошее укрытіе, и неудобно было только то, что при стрѣльбѣ приходилось высоко подыматься на локтяхъ, т. к. мѣшалъ картофель. Особенно досаждали съ бугра[9]) пулеметы; когда они стучали, приходилось прекращать огонь и прижиматься къ землѣ вплотную; когда же они на нѣкоторое время замолкали (вѣроятно, мѣняли ленту или исправляли задержку какую-нибудь), я подавалъ команду участить огонь, и бугры, гдѣ стояли пулеметы австрійцевъ, начинали буквально дымить отъ нашихъ пуль, когда же пулеметъ начиналъ работать, я кричалъ „ложись", и все опять прилипало къ землѣ. Подавалъ я команду „ложись" потому,

[9]) На схемѣ обозначено литерой «а».

что, для удобства стрѣльбы, въ то время, когда пулеметъ замолкалъ, и я самъ, да и многіе солдаты, садились и стрѣляли сидя („не уставно", но при такой мѣстности „удобно").

«Лежащій шагахъ въ 4-5 вольноопредѣляющійся моей роты Затрапезный (сынъ Владикавказскаго отставного генерала, кадетъ 6-го класса Владикавказскаго кадетскаго корпуса, принятый въ полкъ наканунѣ выступленія полка въ походъ, вмѣстѣ со своимъ одноклассникомъ Вороновымъ добровольцемъ, распоряженіемъ командира корпуса генерала Ирмана), вдругъ вскрикнулъ, раненый въ плечо, поднялся, бросилъ винтовку, торопливо сбросилъ верхнюю рубаху и бросился назадъ... „Затрапезный, куда, ложитесь"... крикнулъ я, но было уже поздно, онъ взмахнулъ руками и упалъ навзничь, сраженный нѣсколькими шрапнельными пулями. До бугровъ оставалось еще шаговъ 300-400; картофельное поле передъ нами еще было шаговъ на 200, но перебѣжать это пространство нечего было и думать, а потому я и крикнулъ, чтобы не перебѣгали впередъ, а проползли бы, что было возможно сдѣлать, благодаря высокой картошкѣ.

«Поползъ я впередъ и, когда выбивался изъ силъ, опускался за грядой картофеля, прикрываясь ею, отдыхалъ и снова ползъ. Такъ цѣпь продвинулась послѣдніе шаговъ 200, ползя, на подобіе гусеницы. Огонь противника замѣтно ослабѣвалъ, и пулеметъ одинъ совсѣмъ замолчалъ, а у другого все чаще и чаще стали задержки.

«Въ это время я увидѣлъ ротнаго барабанщика (единственнаго еврея въ ротѣ, Кунсберга или Куниберга, точно его фамилію не помню, у котораго въ началѣ боя на моихъ глазахъ былъ прострѣленъ барабанъ, и поэтому я приказалъ ему его бросить и быть при ротѣ санитаромъ), на четвереринькахъ на подобіе лягушки, продвигающагося по цѣпи. «Ложись, что ты обалдѣлъ что ли», крикнулъ я на него; взглянувъ на его лицо я чуть не разсмѣялся, до такой степени на его лицѣ былъ написанъ паническій страхъ... „А патроны, Ваше Выс-іе, солдатамъ же нужны. Я собираю съ убитыхъ и раненыхъ и разбрасываю живымъ...", отвѣтилъ мнѣ дрожащимъ голосомъ барабанщикъ и показалъ мнѣ его фуражку, дѣйствительно, полную патроновъ. — „Молодчага Кунибергъ", — крикнулъ я ему. „Получишь медаль за храбрость!". — И поползъ, или вѣрнѣе, запрыгалъ дальше по цѣпи мой храбрецъ со страху. (Послѣ онъ получилъ медаль за храбрость за этотъ бой по моему представленію).

«Послѣдняя стрѣлковая позиція наша была шагахъ въ 150 отъ бугровъ и не доходя шаговъ 10 до края картофельнаго поля. Все время, я, прижавшись къ землѣ, курилъ папиросу за папиросой и, когда пулеметъ замолкалъ, бросалъ папиросу, хваталъ винтовку и стрѣлялъ по противнику, пока не начиналъ опять работать австрійскій пулеметъ; — начиналъ работать пулеметъ, я прилипалъ къ землѣ и снова брался за папиросу.

«Лежали мы очень удачно, т. к. пулеметъ никакъ не могъ захватить насъ: то онъ бралъ черезъ чуръ низко, и пули ложились въ первую грядку картошки, и намъ въ лицо бросались комья земли и даже стебли картошки; то онъ бралъ нѣсколько выше, и тогда низко надъ головами несся снопъ пуль, давая свистъ на подобіе того, что слышенъ, когда близко летитъ стрепетъ. Взглянулъ я на лежащаго рядомъ со мной командира 2-й полуроты прапорщика запаса Бориса Николаевича Голенищева-Кутузова и увидѣлъ блѣдное и серьезное его лицо, повернутое ко мнѣ. — „А что, князенька, гдѣ пріятнѣе, при Дворѣ ножкой шаркать (до мобилизаціи онъ былъ при Дворѣ по гофмаршальской части) или вотъ такъ подъ огнемъ австрійскаго пулемета Шварцлозе на грядкѣ картошки лежать", — спрашиваю его, улыбаясь. — „Нѣтъ, капитанъ, при Дворѣ ножкой шаркать куда легче и пріятнѣе"... отвѣча-

етъ мнѣ, улыбаясь, Кутузовъ. Спокойный, воспитанный, симпатичный и храбрый офицеръ и надежный помощникъ и замѣститель... мелькнула у меня мысль».

«На послѣдней позиціи мы лежали довольно таки долго, и я началъ чувствовать, что если мы еще дальше будемъ лежать такъ, то выдохнемся. Стала слышна трескотня винтовокъ (нашихъ русскихъ) и слѣва, со стороны станціи Травники. — „Эге, такъ и тамъ наши есть, эдакъ мы беремъ австрійцевъ, значитъ, съ двухъ сторонъ, — беремъ въ клещи... по крайней мѣрѣ, тотъ, ихъ участокъ, что противъ меня", и я тогда рѣшилъ броситься въ штыки, не ожидая того времени, пока (2-й батальонъ) наши, что влѣво и позади меня, выйдутъ на мою линію.

«Въ это время, я увидѣлъ, что съ бугровъ, гдѣ пулеметы, начали выскакивать отдѣльные австрійцы и отбѣгать назадъ и влѣво. Взглянулъ я влѣво и увидѣлъ, что между кустами и деревьями по опушкѣ деревни видна масса сѣро-голубыхъ австрійцевъ, сбившихся въ кучу не то для разворачиванія въ новомъ направленіи, не то просто отхлынувшихъ ранѣе съ бугровъ, почему и закричалъ, сколько силъ было, чтобы 4-й взводъ открылъ самый частый огонь по ближней опушкѣ деревни, по кустамъ, и крикнулъ, что какъ только австрійскій пулеметъ перестанетъ стрѣлять, бросимся на ура, на бугры и на ближнюю окраину деревни — „Смотри, братцы, австрійцы уходятъ!". По цѣпи подхватили вправо и влѣво: „австріяки уходятъ!". Я досталъ и закурилъ послѣднюю папиросу. „Умирать, такъ съ музыкой...", мелькнула мысль, и я съ нетерпѣніемъ ждалъ того момента, когда замолчитъ пулеметъ. Вотъ онъ смолкъ,я быстро вскочилъ, зажавъ въ рукахъ папиросу и винтовку, отдѣлился отъ цѣпи шага 4-5 и, закричавъ „Ура", бросился впередъ на бугры.

«Видѣлъ, что правѣе и лѣвѣе поднялись солдаты и съ крикомъ „Ура-а-а!!", бросились вмѣстѣ со мной. Огонь сразу стихъ, и я съ солдатами взбѣжалъ на довольно крутой бугоръ и сразу пріостановился: по гребню бугра шелъ глубокій, въ ростъ человѣка окопъ. Прямо передо мной, въ окопѣ стоялъ австрійскій солдатъ, держа въ рукахъ винтовку съ примкнутымъ ножемъ-тесакомъ. Австрійцу было лѣтъ 30; это былъ блондинъ съ голубыми глазами и съ пушистыми, свѣтлыми усами. Глаза были широко открыты и глядѣли на меня, а тесакъ былъ такъ близко отъ моего паха, что стоило австрійцу только двинуть винтовку вверхъ, и тесакъ былъ бы у меня въ животѣ. Мысль эта блеснула молніей у меня, и одновременно я перехвативъ свою винтовку, ударилъ сверху внизъ австрійца, и при ударѣ самъ свалился на австрійца въ окопъ. Отъ того мѣста, гдѣ я срушился въ окопъ, въ 3-4 шагахъ отъ меня вправо окопъ имѣлъ траверсъ, и въ углу траверса стоялъ австрійскій офицеръ, брюнетъ не славянскаго и не нѣмецкаго типа (вѣроятно мадьяръ); въ рукахъ онъ держалъ новый, вороненой стали, большого калибра револьверъ, направленный на меня. Между мною и офицеромъ откуда то выкатились два солдата, русскій и австріецъ, безъ ружей, крѣпко держащіе другъ друга за уши или за волосы и нагнувшіеся, какъ вцѣпившіеся рогами быки или козлы. Сцѣпившіеся бойцы мѣшали мнѣ броситься на австрійскаго офицера; я долженъ былъ бы ударить австрійскаго солдата штыкомъ, и тогда я съ моимъ апшеронскимъ солдатомъ, вдвоемъ бы, накинулись на австрійскаго офицера; съ другой стороны, если бы австрійскій офицеръ слегка бы опустилъ револьверъ, онъ бы застрѣлилъ солдата апшеронца, и тогда бы два австрійца накинулись бы на меня; однако ни я, ни австрійскій офицеръ этого не дѣлали; я въ полувыпадѣ, или вѣрнѣе въ позѣ „бою готовсь", стоялъ передъ австрійскимъ офицеромъ, ожидая, когда освободится мѣсто для выпада, и все мое вниманіе было направлено на черную дыру ствола револьвера, прыгающаго передъ моими глазами; австріецъ же цѣлилъ въ меня, и револьверъ прыгалъ у него въ рукахъ.

«Вдругъ австріецъ выстрѣлилъ, въ меня пахнуло горячимъ воздухомъ и ды-

момъ, но удара, толчка я не почувствовалъ, — „промахъ!“ — мелькнуло въ головѣ, какъ то безъ особой радости. Было чувство не то какой то обреченности, не то какой то страшной апатіи, безразличія. Снова пахнулъ на меня пламенемъ и дымомъ выстрѣлъ, и снова нѣтъ толчка. — «Промахъ!» — опять мелькнула мысль, и я увидѣлъ, что голова офицера откинулась, и онъ началъ медленно сползать ногами ко мнѣ и вдругъ упалъ во весь ростъ. Глаза у него закатились, изъ угла крѣпко сжатаго рта показалась кровь, и все лицо его посѣрѣло и сдѣлалось мертвенно блѣднымъ. „Умеръ! Отчего? Я его не кололъ!..“, нѣсколько мгновеній я растерянно стоялъ надъ нимъ, потомъ пришелъ въ себя. Куда дѣлись дравшіеся два солдата, не видѣлъ, не знаю... Бросился по окопу вправо, увидѣлъ убитыхъ и раненыхъ австрійцевъ, два, три, нашихъ апшеронцевъ, лежавшихъ въ окопѣ и суетившихся нашихъ солдатъ, но драки, повидимому, уже не было.

«Крикнулъ я имъ, чтобы вылѣзали изъ окопа — „нужно, братцы, бѣжать къ деревнѣ влѣво, тамъ было много австрійцевъ! Нужно бить, пока они не опамятовались! «Ура! Ура! Ура!..“, и мы съ криками „ура“ и съ винтовками на перевѣсъ стали выпрыгивать изъ окопа и бѣжать по бугру къ деревнѣ, которая начиналась шагахъ въ 100-150, и гдѣ была видна масса австрійцевъ, сбившихся въ безпорядочную толпу. Вокругъ лежали убитые и раненые австрійцы. Австрійская батарея стала очередями обстрѣливать только что нами взятый австрійскій окопъ.

«Со мной бѣжало человѣкъ 15, не больше, моихъ солдатъ. Гдѣ же остальные? Остальные (я оглянулся) все еще были на послѣдней стрѣлковой нашей позиціи, но цѣпь уже поднималась, а нѣкоторые солдаты уже бѣжали къ намъ. Вдругъ земля какъ бы выдернулась изъ подъ моихъ ногъ, я увидѣлъ передъ глазами у себя ясное, голубое небо. Я лежалъ на спинѣ и видѣлъ, что мимо меня, къ оставленному только что окопу пробѣжало назадъ нѣсколько солдатъ, — моихъ апшеронцевъ. „Убитъ? Раненъ? Солдаты бѣгутъ назадъ, но тогда я останусь у австрійцевъ“, и не хотѣлось мнѣ ни за что попасть въ плѣнъ. Страшно стало, что все побѣжитъ назадъ. Я оперся руками о землю и сѣлъ, и тогда почувствовалъ, что ноги мои ниже колѣнъ, какъ чужія; взглянувъ на нихъ я увидѣлъ, что голенище на правой ногѣ спереди совсѣмъ оторвано, штаны и кальсоны разорваны и въ крови, но крови мало... „ноги перебиты“, — мелькнула мысль. Я схватилъ рукою правую ногу и двинулъ ее въ сторону. Хруста перебитыхъ костей не слышно; тронулъ лѣвую, на которой голенище спереди тоже надорвано, но и лѣвая цѣликомъ двигается подъ руками; значитъ, ноги цѣлы. Схватилъ я лежащую около меня винтовку, оперся на нее и съ усиліемъ приподнялся на ноги. Ноги отъ колѣнъ, какъ чужія, но я стою на нихъ крѣпко. Сдѣлалъ два, три шага, опираясь на винтовку, какъ на палку, и ноги сталъ ощущать.

— «Впередъ. Ура! Ура! — закричалъ я, обернувшись къ своимъ, и увидѣлъ, что, только что, побѣжавшіе солдаты, снова бѣгутъ ко мнѣ, и быстро бѣжитъ къ намъ вся цѣпь моя...

«Бросились мы съ бѣшеннымъ „ура“ къ сбитымъ въ кучу австрійцамъ, оттуда раздалось нѣсколько безпорядочныхъ выстрѣловъ, но, когда мы подбѣжали къ нимъ, они побросали винтовки; нѣкоторые встали на колѣни; почти всѣ подняли руки вверхъ, а многіе стали хватать и цѣловать наши руки, креститься и кричать: „православный есть! Католикъ есть!“ Офицеры бросали револьверы и шашки, и какой то высокій и грузный „оберстъ“, козыряя, подалъ мнѣ свою, въ жестяныхъ ножнахъ шашку съ длиннымъ и тонкимъ серебряннымъ темлякомъ, которую я и передалъ кому то изъ солдатъ своей связи...

«Изъ моей связи въ этотъ моментъ при мнѣ былъ Голубевъ и Вартановъ, которые были со мной въ штыковой схваткѣ въ окопѣ, и которые и пояснили, что въ ударѣ на окопъ со мной участвовало всего человѣкъ 20 солдатъ, а я то думалъ,

что бѣжитъ со мной вся цѣпь... остальные же замялись (а, можетъ быть, въ угарѣ боя и не видѣли, что я бросился въ атаку).

«Я сейчасъ же переписалъ тѣхъ, что со мной первые бросились; ихъ оказалось 11 человѣкъ; остальныхъ же установить не удалось (и нужно было отнести за счетъ потерь); всѣ 11 получили за этой бой Георгіевскіе Кресты.

«Потери у австрійцевъ были очень большія, вокругъ лежало много убитыхъ и раненыхъ. Особенно много было убитыхъ и раненыхъ на южной окраинѣ деревни между кустами...

«Австрійская батарея продолжала посылать теперь очереди по южной окраинѣ Выселокъ Файславице; на сѣверной же окраинѣ этой деревни (куда мѣстность повышалась) слышенъ былъ ружейный огонь австрійскій и нашъ, при чемъ было видно простымъ глазомъ, что изъ лѣса[10]), что былъ сѣвернѣе этой окраины, появляются русскія цѣпи, снова тамъ скрываются и снова переходятъ въ атаку. Солдаты стали кричать, что это наши Шемахинцы (такъ оно и было: то были Шемахинцы 52-й дивизіи нашего же III-го Кавказскаго корпуса), атаковавшіе Выселки Файславице съ сѣвера; какъ мои солдаты это могли разобрать, когда до Шемахинцевъ было около 2 верстъ, положительно не понимаю.

«Я взялся за свой бинокль, чтобы посмотрѣть лучше, что тамъ у Шемахинцевъ дѣлается, но въ бинокль трудно было что либо разсмотрѣть, такъ какъ оказалось, что правый его окуляръ отбитъ (не знаю, когда это произошло: тогда ли, когда стрѣлялъ по мнѣ изъ револьвера австрійскій офицеръ; тогда ли, когда меня опрокинула шрапнель, или раньше).

«Нужно было скорѣе отправлять плѣнныхъ, донести о взятіи деревни и окоповъ и рѣшать, что дѣлать дальше, такъ какъ никакихъ приказаній я ни откуда не получалъ. Взглянулъ на часы, было 10 час. 12 мин. Я отдалъ приказаніе сбивать плѣнныхъ въ толпу; въ этомъ мнѣ помогъ плѣнный австрійскій офицеръ (хорватъ или сербъ); онъ что то доложилъ грузному оберсту, тотъ подалъ зычнымъ голосомъ, по нѣмецки, какую то команду, солдаты австрійцы быстро построились, офицеры стали на свои мѣста, наскоро я подсчиталъ ихъ, приблизительно было около 600 солдатъ при 12 офицерахъ, приказалъ я подпрапорщику Какунину взять съ собой 14 солдатъ (по 1 отъ каждаго отдѣленія своего взвода и 10 солдатъ изъ прибывшихъ людей 4-й роты, своихъ больше отдѣлять — было жалко) и приказалъ вести плѣнныхъ къ тому мѣсту, гдѣ разворачивался полкъ, и дальше въ д. Пяски; я далъ ему полевущ записку: донесеніе командующему полкомъ генералу Веселовскому о взятіи деревни и о томъ, что приказанія ни откуда не имѣю, и что предполагаю двинуться вправо на присоединеніе къ своему 1 батальону, отъ котораго оторвался далеко влѣво...

«Такъ какъ, послѣ атаки и занятія окраины Выселокъ Файславице мои солдаты сбились въ кучи, и мы могли бы понести большія потери отъ продолжавшагося артиллерійскаго огня противника, я крикнулъ, чтобы рота разобралась по взводамъ, а прибившіеся къ ротѣ люди другихъ ротъ строились отдѣльнымъ взводомъ; я указалъ, гдѣ какому взводу строиться; самъ же, узнавъ, что ротнаго фельдшера нѣтъ (убитъ или раненъ, неизвѣстно), сѣлъ на землю и началъ съ помощью людей моей связи перевязывать себѣ раненыя ноги, воспользовавшись двумя индивидуальными перевязочными пакетами, привязанными къ ножнамъ моей кавказской шашки; тогда только замѣтилъ, что самую шашку я потерялъ, а ножны были пусты.

«Раненыя ноги начали очень болѣть, а поэтому я, сломавъ стеклянныя трубочки въ индивидуальныхъ пакетахъ, залилъ одну и другую раненую ноги іодомъ,

10) Бискупицкій лѣсъ; примѣч. Н. Н. Г.

сверху ранѣ наложилъ розовую, пропитанную сулемой, марлю и туго забинтовалъ бинтами. Отъ іода, залитаго въ живое разорванное мясо у меня, какъ говорится, глаза на лобъ полѣзли, и выступили на глаза слезы; но острая боль скоро утихла, и я со связью и Прапорщикомъ Голенищевымъ - Кутузовымъ пошелъ къ южной окраинѣ выселокъ Файславице, чтобы оріентироваться. Проходя мимо небольшого стога сѣна, я увидѣлъ у стога лежавшаго раненаго австрійскаго офицера, съ интеллигентнымъ и красивымъ лицомъ, который обратился ко мнѣ на французскомъ языкѣ съ вопросомъ, не я ли здѣсь старшій русскій начальникъ; когда я подтвердилъ это, онъ обратился ко мнѣ съ просьбой приказать отнести его, такъ какъ онъ опасается, что сѣно загорится, и онъ сгоритъ, такъ какъ двигаться не можетъ.

«У офицера было раздроблено бедро, и онъ лежалъ, истекая кровью. Я ему тогда сказалъ, что, конечно, его сейчасъ отнесутъ отсюда; къ сожалѣнію, доктора или фельдшера вблизи нѣтъ, но что ему все таки перевяжутъ индивидуальнымъ пакетомъ сейчасъ рану, такъ какъ нужно остановить кровь. Онъ меня поблагодарилъ и, вынувъ бумажникъ, передалъ мнѣ свою визитную карточку, на которой я прочиталъ, что это маіоръ графъ Годенъ (на карточкѣ былъ указанъ его адресъ: Вѣна, какая то улица и № дома). Я тогда козырнулъ ему, назвалъ свой чинъ и фамилію и пожалъ ему руку. Связи я приказалъ перевязать ему рану; когда рана была перевязана, приказалъ взять 4 австрійскихъ винтовки, смастерить изъ нихъ носилки, покрыть ихъ плащемъ и отнести маіора. Когда рана маіора была перевязана и его осторожно подняли, чтобы положить на импровизированныя носилки, раздалось нѣсколько револьверныхъ выстрѣловъ; стоявшій рядомъ со мною Прапорщикъ Голенищевъ-Кутузовъ вдругъ опустился и вскрикнулъ: „Господинъ Капитанъ. Я раненъ". „Куда?", спросилъ я „Въ ногу", — отвѣтилъ Прапорщикъ. — „Съ чѣмъ, Васъ, Борисъ Николаевичъ, и поздравляю", — сказалъ я и приказалъ скорѣе перевязать рану Прапорщику. — „Это стрѣляютъ изъ револьвера съ потолка сарая мадьяры офицеры пулеметчики", сказалъ Маіоръ Годенъ, указывая рукою на сарай, находившійся отъ насъ шагахъ въ 10-15. Сарай былъ покрытъ соломой, и внутренность его была забита соломой и снопами пшеницы.

«Итакъ, я потерялъ своего послѣдняго офицера, можно было ожидать новыхъ выстрѣловъ мадьяръ, засѣвшихъ на потолкѣ, поэтому я крикнулъ: „Скорѣй, поджигай сарай!". Какой то солдатъ, какъ кошка, забрался на дерево, росшее около сарая, и зажегъ крышу, а другой солдатъ поджегъ солому внутри сарая, и сарай моментально запылалъ.

«Я приказалъ солдатамъ относить маіора Годена и прапорщика Голенищева-Кутузова и скорѣе отходить отъ сарая, такъ какъ внутри горѣвшаго сарая стали сейчасъ же рваться ружейные патроны, спрятанные тамъ въ соломѣ; но какъ оказалось, были спрятаны не только патроны и пулеметныя ленты, но и пулеметы, ясно теперь видимые въ пылающей соломѣ.

«Отходя отъ пылающаго сарая, въ которомъ трещали рвавшіеся патроны, и который пылалъ, какъ свѣчка, я видѣлъ, какъ съ потолка въ пламя упало нѣсколько людей, хватавшихся руками за голову... Картина тяжелая, но укора совѣсти я не чувствовалъ... я не виноватъ, что такъ скверно вышло...

«Крикнулъ ротѣ, чтобы взводы выходили на южную околицу выселокъ Файславице; самъ потащился туда же, но, оглянувшись, видѣлъ, что цѣпь какой то роты 2 батальона (то была 5-я рота) бѣжитъ къ зап. окраинѣ Выселокъ Файславице, значительно лѣвѣе того мѣста, въ которое ударилъ я, а сѣвернѣе межи ружейный огонь стихаетъ, и видны роты Шемахинцевъ, дебуширующихъ изъ лѣса на сѣв. околицу Файславице...».

Imprimerie de Navarre — 11, rue des Cordelières. Paris — XIII.

1200 12 голосовъ

21. СУВОРОВЪ И ЕГО НАУКА ПОБѢЖДАТЬ. — Парижъ, 1931 г. — Изд. «Возрожденіе» (6) — 132 стр. съ иллюстраціями.
22. СОВРЕМЕННАЯ СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА НА ДАЛЬНЕМЪ ВОСТОКѢ. 60 стр. и 2 схемы. — Изд. «Русскаго Голоса» (7) — Бѣлградъ, 1934 годъ.
23. КЪ ЧЕМУ ИДЕТЪ ВЕЛИКОБРИТАНІЯ. — Стратегическое изслѣдованіе. — Изд. «Міръ» (8) — Рига, 1935 г. — 260 стр. и 20 чертежей.
24. НАУКА О ВОЙНѢ. — Изд. газеты «Сигналъ». — Парижъ, 1938 г., 240 стр.
25. РОССІЙСКАЯ КОНТРЪ-РЕВОЛЮЦІЯ ВЪ 1917—1918 Г. Г. — Изд. «Иллюстрированной Россіи». — Парижъ, 1937 годъ. 12 книгъ. 1453 страницы и 15 чертежей.
26. ВОЕННЫЯ УСИЛІЯ РОССІИ ВЪ МІРОВОЙ ВОЙНѢ. — 2 тома. Изд. «Соединенныхъ Издателей» (9). — Парижъ, 1939 г. 452 стр. и 14 чертежей.
27. БОРЬБА ЗА РЕФОРМУ НАШЕГО ВЫСШАГО ВОЕННАГО ОБРАЗОВАНІЯ. Напечатано въ видѣ статей въ «Русскомъ Инвалидѣ» №№ 106—114, 116—124, 126, 128, 130—132. (4).
28. СВЕРХЪ-МАНЕВРЕННАЯ ВОЙНА. ОЧЕРКИ КАМПАНІИ ВЪ ПОЛЬШѢ ВЪ СЕНТЯБРѢ 1939 ГОДА. Напечатано въ видѣ статей въ «Русскомъ Инвалидѣ» №№ 147—154.

На англійскомъ языкѣ:

ARTICLES ON MODERN CAVALRY. — The Cavalry Journal: October 1920; April, July, October 1921; January, April 1922; January, April, July 1923; October 1926; April, October 1927.

THE PROBLEM OF THE PACIFIC IN THE TWENTIETH CENTURY. — London, 1922, Editor: Gyldendal. New-York, 1922. Editor: Charles Scribner. — 256 p. p. with 6 maps.

THE GREAT BATTLE OF GALICIA (1914). A STUDY IN STRATEGY. — Published in «The Slavonic Review». Vol. V, No 13, June 1926. 23 p. p. with 3 sch.

LECTURES Delivered at the Army War College, Washington, D. C. — U. S. A. — 1930-31.

1) The Russian War Plan of 1914.
2) The Galician Battle, 1914.
3) The Galician Battle, 1916; Brussilov's Offensive. Published by the Army War College, Washington, D. C. — U. S. A. 98 p. p. and 33 maps and diagrams

THE RUSSIAN ARMY IN THE WORLD WAR. — A Sociological Study. — 287 p. p. Published by the Carnegie Endowment for Intenational Psace. Yale University Press. New-Haven, Conn. U. S. A. — 1931.

THE BATTLES OF THE MASURIAN LAKES. — The Journal of the United Service Institution of India. — Vol. LXII — No 269 (October, 1932) and No 270 (January, 1933).

THE RUSSIAN CAMPAIGN OF 1914. — THE BEGINNING OF THE WAR AND OPERATIONS IN EAST PRUSSIA. — Translated by Capt. A. G. S. Muntz, M. C., edited by the Command and General Staff School Press, Fort Leavenworth, Kansas, U. S. A. — 1933. — 410 p. p. and 15 maps and diagrams on separate sheets.

THE BATTLES OF GEN. SAMSONOV'S ARMY ON THE 26-th, 27-th and 28-th AUGUST 1914. — The Journal of the U. S. Institution of India. — Vol. LXIV — No 275 (April, 1934) and No 276 (July 1934).

THE GALICIAN BATTLE OF 1916; BRUSSILOV'S OFFENSIVE. — «Slavonic Review», April, 1935.

THE RUSSIAN WAR PLAN OF 1914. — «The Slavonic Review» — April and July, 1936 (Vol. XIV and XV).

AIR STRATEGY (In collaboration with an Aeronautical Engineering Expert). — Ed. Gale and Polden Ltd. London, 1936. — 15 p. p. with 12 tables and 8 figures.

VIEWS ON AIR DEFENCE (In collaboration with a Technical Expert). — Ed. Gale and Polden, Ltd. London, 1938.

---

6) Editions «La Renaissance» — 73, avenue des Champs-Elysées, Paris VIII — France.
7) Brankova 20, Belgrad, Yougoslavie.
8) Izdevniciha «Mir». — Antonijas iela 12, sz 5. — Riga, Latvija.
9) Les Editeurs Réunis — 29, rue Saint Didier; Paris (XVI).

In Print:

A Monography on the Russian Counter-Revolution and Civil War. — Sociological Study. — Hoover War Library Publications. — Stanford University Press. — Stanford University, Cal., U. S. A.

На французскомъ языкѣ:

LA MOBILISATION GENERALE RUSSE A-T-ELLE ETE LA CAUSE DE LA GUERRE? — Le Monde Slave, No 1, Janvier 1929. — 25 pages.

LA PUISSANCE MILITAIRE DE LA RUSSIE EN E1914. — Le Monde Slave, No 2. — Février 1929. — 25 pages.

LE PLAN DE GUERRE RUSSE EN 1914. — Le Monde Slave, No 3. — Mars 1929.

LA BATAILLE DE GALICIE EN 1916. — Revue Militaire Française, Paris 1933. — No 145 (Juillet) et No 146 (Août). — 6 croquis.

LA BATAILLE DE GALICIE EN 1914. — Revue Militaire Française, Paris 1934. — No 158 (Août) et No 159 (Septembre). — 8 croquis.

На испанскомъ языкѣ:

LA HISTORIA DE LA CAMPANA DE 1914 EN EL FRENTE RUSO. — El Principio de la Guerra y las Operaciones en Prusia Oriental. — Buenos Aires, 1928. — Deux Volumes: Vol. I — 238 p. p. Vol. II — 290 p. p. Traduit et édité par la «Biblioteca del Official».

LA BATALLA DE GALIZIA. — Primer periodo (hasta el 1 de Septiombre de 1914). Buenos Aires, 1930. — Deux volumes avec cartes et schemas sur feuilles séparées. — Vol. I — 345 p. p. Vol. II — 340 p. p. — Traduit et édité par la «Biblioteca del Official».

На нѣмецкомъ языкѣ:

DIE WELTMACHT GROSSBRITANNIEN. — Wehrgeopolitische Betrachtungen zur Gegenwart. — Aus dem Russischen Uebertragen von R. Freiherrn v. Campenhausen. — 152 S. S. mit 14 Kortenskizzen. — Verlag Karl Siegismund. — Berlin, 1936.

На болгарскомъ языкѣ:

ТАНКОВЕ. — Перевелъ отъ оригинала поручикъ Л. Паспалеевъ. — София. — 66 стр. 7 чертежей и 15 рисунковъ.

СЪВРЕМЕННАТА КОННИЦА. — Сборникъ отъ стати. — Съ разрешения автора переводъ подъ редакцията на Ив. Стойчевъ. — София, 1926 годъ. 256 стр. и 36 чертежей.

ОЩЕ ДОКУМЕНТИ НА КОННИЯ БОЙ ПРИ С. ВОЛЧКОВЦЕ НА 8 (21) АВГУСТЪ 1914 Г. — Письма на Новгородскитѣ драгуни. — 36 стр. и 3 схемы.

На сербскомъ языкѣ:

АВИАЦИЯ У ПРОШЛОМЪ И БУДУЩЕМЪ РАТУ. — Помѣщено въ журналѣ «Ратникъ», Свеска III, година XXXIX, Мартъ 1923 г. — Бѣлградъ, 20 стр.

О УСТРОЙСТВУ БУДУЩЕ РУССКО ПЕЩАДИЕ. щ Помѣщено въ «Пещадиски Гласникъ». — Свеска I, година V, Сараево, 1926 г. — 15 стр.

БРУСИЛОВЉЕВА ОФАНЗИВА 1916 ГОДЪ. — Переводъ М. Г. Л. — Помѣщено въ журналѣ «Ратникъ» — Свеска XI, година 49, Декабрь, 1933 г. — Бѣлградъ. — 29 стр.

ПУТЕВИ СОВРЕМЕНЕ СТРАТЕГИЈЕ. — Од генерала цар. руске войске Н. Н. Головина. Превео съ руског рез. пещад. поручник д-р Гойко М. Стояновичъ. — 9 стр. — Журналъ «Ратникъ», Іюнь, 1934 г. Бѣлградъ.

БИТКА ПОД ЛОДЗА. — За Ратник написано генерал цар. войске Н. Н. Головин. — С руског превео генерал Н. Аранжеллович. — 24 стр. — Журналъ «Ратникъ», Іюнь, 1935 г. — Бѣлградъ.

ЧЕМУ ТЕЖИ ВЕЛИКА БРИТАНИЈА. — Пер. В. Белич. — Война Библіотека. — Бѣлградъ, 1938 годъ. — 200 стр.

ВАЗДУХОПЛОВНА СТРАТЕГИЈА. — Пер. Д. Радовановичъ. — Изд. Годишњака югословенскаго ваздухопловства. — Бѣлградъ, 1938 годъ. — 122 стр.

УЛТРА-ПОКРЕТНИ РАТ (о рату у Пољској, Сентембра, 1939). Пешадиско-Артилериски Гласник. №№ 40, 41, 42. — 1940.

ЦНБ